

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

1

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2010

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR HISTORY OF MATERIAL CULTURE

BULLETIN

№ 1

RESCUE ARCHAEOLOGY

ST. PETERSBURG

2010

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 1

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2010

УДК 902/904
ББК 63.4
Б98

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. А. Завьялов, В. А. Лапшин, Е. Н. Носов,
Н. Ф. Соловьёва (ответственный редактор, составитель)

Технический редактор, оформитель С. Л. Соловьёв
Корректор Н. В. Головачёва

Бюллетень Института истории материальной культуры РАН. [№] 1
(охранная археология) / науч. ред. Н. Ф. Соловьёва ;
ИИМК РАН. – СПб.: Изд-во ИПК «КОСТА», 2010. – 196 с. : ил.

Bulletin of the Institute for the History of Material Culture RAS. [№] 1
(rescue archaeology) / ed. by N. F. Solovyova ;
IIMK RAS. – SPb.: Publishing house «KOSTA», 2010. – 196 pp. : ill.

ISBN ?

Периодическое издание посвящено охранно-археологической деятельности ИИМК РАН по изучению культурного наследия России. Первый номер бюллетеня представляет результаты археологических исследований объектов культурного наследия Санкт-Петербурга и его окрестностей, осуществленных Группой охранной археологии ИИМК РАН в сотрудничестве с другими научными, образовательными и государственными организациями в 2009–2010 гг.

Издание предназначено для историков, археологов, государственных служащих, частных предпринимателей и широкого круга читателей, заинтересованных в научной и достоверной информации об истории России и состоянии памятников ее культуры.

This periodical is dedicated to the rescuing and archaeological activities of the Institute for the History of Material Culture (IIMK) RAS in studies of the cultural heritage of Russia. The first number of the Bulletin presents the results of archaeological investigations of the cultural heritage of St.-Petersburg and its surroundings carried out in 2009–2010 by the Group for Rescue Archaeology of IIMK RAS in collaboration with other scientific, educational and public organizations.

This publication is intended for historians, archaeologists, government employees, private entrepreneurs and a wide circle of readers interested in reliable scientific information on history of Russia and the state of the monuments of its culture.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Учреждение Российской академии наук Институт истории материальной культуры РАН является прямым наследником Императорской археологической комиссии. В составе института ныне работают более 80 докторов и кандидатов исторических наук, ведущих специалистов по основным областям археологии и древней истории Евразии. Изучение и сохранение объектов археологического наследия – одна из основных актуальных составляющих деятельности ИИМК РАН. Одним из её важнейших разделов на протяжении десятилетий являлись охранно-спасательные археологические исследования в зонах хозяйственного освоения территорий СССР и Российской Федерации. Начало археологическим исследованиям на новостройках было положено ещё Императорской археологической комиссией. В пункте 8 положения об ИАК зафиксировано, что «Комиссия следит за земляными работами, предпринимаемыми в больших размерах, как например, при проведении линий железных дорог, шоссе, прочее, дабы насколько окажется возможным, воспользоваться этими случаями для археологических открытий». В фонде Императорской археологической комиссии хранятся материалы о находках древних предметов и раскопках памятников при железнодорожном строительстве. В 1859 г. ИАК посылает А. С. Линевича для «обзора земляных работ по линии Волжско-Донской железной дороги».

В бытность ГАИМК археологические работы, проводимые на крупнейших новостройках: Средне-волгострое, Москва-Волгострое, Маньчестрое, Метрострое, Беломорско-Балтийском канале, канале Москва-Волга, Гипроводе на Урале, Енисейстрое, Черкизстрое, Прибалхашстрое и др. позволили получить и описать многие тысячи археологических памятников, собрать и передать музеям вещественные находки. Большое количество археологических экспедиций привело к созданию в 1933 г. Комитета ГАИМК по новостройкам. Археологические исследования велись так же на новостройках Ферганы, Кавказа, в Казахстане и в других районах. В послевоенное время археологические работы на новостройках были возобновлены.

В 1974 г. в ЛОИА АН СССР была утверждена Комиссия по новостройкам под председательством М. Н. Пшеницыной. В 1976 г. она была переименована в Группу новостроечных и хоздоговорных экспедиций. С 1980 по 1983 гг. её возглавлял А. М. Мандельштам.

Сотрудники ИИМК РАН одними из первых обратили внимание на археологические памятники на территории Санкт-Петербурга. Это заключение

основывается на проведении серии археологических исследований, начало которым положил в 1950-х гг. сотрудник института А. Д. Грач. В настоящее время ИИМК РАН является крупнейшей специализированной государственной организацией археологического профиля на Северо-Западе России и имеет договоры о творческом сотрудничестве с наиболее авторитетными археологическими коллективами России, стран СНГ и Европы. Специалисты Института доказали, что способны в сжатые сроки на высоком научном уровне осуществить все необходимые мероприятия по выявлению памятников археологии и древней истории в зонах строительства и провести раскопки тех из них, которым угрожает уничтожение.

В последние годы, в связи с повышением строительной активности на территории Санкт-Петербурга, увеличилась потребность в организации, способной осуществлять весь цикл работ, связанных с выявлением и изучением объектов археологического наследия. Для успешного выполнения охранно-спасательных археологических мероприятий в зонах хозяйственного освоения территорий в 2009 г. в институте была создана Группа охранной археологии (ГОА ИИМК РАН).

Научно-исследовательская работа Группы охранной археологии ИИМК РАН обусловлена договорами, заключаемыми между ИИМК РАН и Заказчиками в рамках 73 федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации», обязывающего субъектов хозяйственной деятельности проводить работы по выявлению и спасению памятников археологии до начала реализации проектов хозяйственного освоения территории.

Бюллетень №1 ИИМК РАН – первый сборник статей, касающийся археологических проектов, выполненных в рамках договорной деятельности института на территории города.

Открывает сборник статья К. М. Плоткина, посвящённая законодательной базе изучения культурного слоя Санкт-Петербурга, проведению разъяснительной работы среди проектировщиков, строителей, управленцев о необходимости заниматься археологическими исследованиями Санкт-Петербурга.

Остальные статьи содержат информацию о результатах археологических исследований на территории Санкт-Петербурга. Рост объёмов археологических исследований на территории города стремителен. С каждым годом растёт и количество исследований, проводимых ИИМК РАН на террито-

рии города в рамках заключенных хозяйственных договоров.

Объёмы и характер этих работ различны – от археологического надзора за земляными работами до широкомасштабных раскопок.

1. Археологические надзорные работы на территории реконструируемого объекта «Благовещенский сад», расположенного в Василеостровском районе г. Санкт-Петербурга в границах 7–8 линий и Малого проспекта Васильевского острова, территории Благовещенской церкви, выявили неизвестные ранее фрагменты истории Васильевского острова.

2. Историко-культурное научное археологическое обследование территории планируемого строительства яхт-клуба в границах земельного участка, включающего комплекс церкви «Покрова Пресвятой Богородицы» в Рыбацком, позволило ещё раз перелистать печальные страницы истории страны первой трети XX в., когда разрушались храмы и уничтожались кладбища.

3. Проведение археологического надзора при строительной реконструкции объекта «Старый гостиный двор», расположенного по адресу: Санкт-Петербург, ул. Биржевая – Минная, 1/1, лит 0, позволило сотрудникам Группы охранной археологии ИИМК РАН выявить и зафиксировать остатки фундамента одного из самых ранних зданий в Санкт-Петербурге, построенного по проекту Доминико Трезини.

4. Археологические надзорные работы на территории реконструируемого объекта «Некрасовский сад» подтвердили данные письменных источников об исследуемой территории.

5. Археологические надзорные работы на объекте реконструкции газопроводов среднего и низкого давления, расположенном по адресу: Санкт-Петербург, пр. Бакунина от 2-ой Советской ул. до Синопской набережной, позволили изучить фундамент одной из самых необычных церквей Санкт-Петербурга.

6. Историко-археологические исследования на предмет выявления необходимости проведения археологического обследования земельного участка, расположенного по адресу: Санкт-Петербург, пр. Добролюбова, д.14, ограниченного пр. Добролюбова, набережной реки Малая Нева, пер. Талалихина и западной границей пл. Академика Лихачёва, при реализации инвестиционного проекта «Набережная Европы» объединили данные историков, археологов, геологов и экологов о состоянии исследуемого участка.

7. Научно-исследовательские археологические работы в границах парадного въезда и фланкирую-

щих въезд корпусов Смольного монастыря по адресу: Санкт-Петербург, площадь Растрелли, дом 1, Смольнинский проезд. Ансамбль Смольного монастыря в Санкт-Петербурге – одного из шедевров русской архитектуры XVIII в. – имел сложную судьбу. Строительство заканчивалось после смерти автора проекта. Доминанта ансамбля – пятирусная колокольня – так и не была достроена. О замысле Ф.-Б. Растрелли можно судить только по хранящемуся в музее Академии художеств макету. Чертежи фундаментов колокольни не сохранились. Остаётся неясным характер и план архитектурного объекта. После того, как в XIX в. недостроенная колокольня была разобрана, информация об её архитектурных характеристиках может быть получена только в результате полномасштабных археологических исследований.

8. Архитектурно-археологическое вскрытие сохранившихся фрагментов выявленного объекта культурного наследия «Северная оранжерея Дворцово-паркового ансамбля Михайловской дачи (Михайловки)» по адресу: г. Петродворец, Санкт-Петербургское шоссе, дом.109 выявили неизвестные детали садово-парковой архитектуры.

9. Охранно-спасательные археологические исследования на Охтинском мысу. Охтинская археологическая экспедиция Группы охранной археологии ИИМК РАН продолжает охранные археологические мероприятия по исследованию многослойного археологического памятника «Ниеншанц (Охта 1), Шведская крепость 1611–1703 гг, участки культурного слоя, грунтовый могильник», расположенного в границах проектируемого общественно-делового центра «Охта». Раскопки проводятся по периметру Охтинского мыса. В процессе работ была усовершенствована методика фиксации археологических объектов, чему посвящена статья Ст. А. Васильева. При исследовании слоёв эпохи неолита–палеометалла были обнаружены известные лишь по этнографическим данным фрагменты конструкций, связанные с промысловой рыболовной деятельностью. Информацию об этом открытии содержит коллективная статья (А. В. Суворов и др.). Геологическая картина формирования Охтинского мыса представлена в статьях М. Ю. Никитина и М. В. Шитова.

Мы надеемся, что Бюллетень ИИМК РАН в своих последующих выпусках будет освещать не только археологические работы института в Санкт-Петербурге, но и в других регионах России.

Е. Н. Носов, Н. Ф. Соловьёва

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Правовые основы охраны археологического наследия Санкт-Петербурга	11
<i>К. М. Плоткин</i>	
Историко-геологические исследования земельного участка «Набережная Европы» на предмет необходимости проведения его археологического обследования	43
<i>А. А. Липатов, Н. Ф. Соловьёва</i>	
Археологический надзор за ходом реконструкции Благовещенского сада на Малом проспекте Васильевского острова в 2009 г.	53
<i>А. И. Мурашкин, А. Ю. Городилов, Е. А. Грицик, Э. А. Казашев, Н. Ф. Соловьёва</i>	
Цветные иллюстрации	73
Археологический надзор за ходом строительства на участке Старого Гостиного двора	81
<i>В. А. Завьялов, А. И. Мурашкин, А. Ю. Городилов, Т. Р. Садыков, Н. Ф. Соловьёва</i>	
Храм Св. Николая Чудотворца и Св. благ. вел. кн. Александра Невского	93
<i>И. А. Гарбуз, А. Ю. Городилов, К. М. Плоткин, Н. Ф. Соловьёва</i>	
Архитектурно-археологические исследования на территории дворцово-паркового ансамбля Михайловская дача в г. Петродворец	99
<i>В. А. Лапшин, Л. А. Акмен, Э. А. Казашев, Н. Ф. Соловьёва</i>	
Археологический надзор за реконструкцией сквера «Некрасовский сад»	107
<i>А. Ю. Городилов, А. О. Поликарпова, Е. А. Грицик, Н. Ф. Соловьёва</i>	
Археологическое обследование территории, отведенной под строительство яхт-клуба в границах земельного участка церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Рыбацком	123
<i>К. М. Плоткин, А. Ю. Городилов, А. И. Мурашкин, Е. А. Грицик, А. О. Поликарпова, Т. Р. Садыков, Н. Ф. Соловьёва</i>	
Колокольня Смольного монастыря	147
<i>В. А. Лапшин, И. А. Гарбуз, А. Ю. Городилов, А. И. Мурашкин, Т. Р. Садыков, Н. Ф. Соловьёва</i>	
Геологическое строение и палеогеографическая интерпретация разреза Охтинской стрелки	151
<i>М. Ю. Никитин</i>	
Цветные иллюстрации	153

Новые исследования рыболовных заграждений на памятнике Охта-1: предварительные результаты	165
<i>В. И. Базарова, А. А. Бобкова, Ст. А. Васильев, Л. С. Воротинская, А. Ю. Городилов, А. А. Екимова, О. М. Илюхина, А. А. Ластовский, А. И. Мурашкин, М. Ю. Никитин, Н. Ф. Соловьёва, А. В. Суворов, К. С. Хребтикова, Т. А. Шаровская</i>	
Электронная фиксация полевых данных на охранных археологических раскопках	175
<i>Ст. А. Васильев, А. Ю. Городилов, М. А. Бочкарёва</i>	
Голоценовая толща Охтинского мыса: стратиграфия и условия формирования	181
<i>М. В. Шитов, Х. А. Арсланов, Ю. С. Бискэ, Э. С. Плешивцева, И. В. Сумарева</i>	
Список сокращений	196

CONTENTS

Preface	5
The legal bases of the protection of archaeological heritage of St.-Petersburg	11
<i>K. M. Plotkin</i>	
Historical-geological investigations of the land plot «Wharf of Europe» in order to define the necessity of its archaeological excavation	43
<i>A. A. Lipatov, N. F. Solovyova</i>	
Archaeological supervision over the course of reconstruction of the Blagoveshchensky Garden in Maly Avenue on Vasilevsky Island in 2009	53
<i>A. I. Murashkin, A. Yu. Gorodilov, E. A. Gritsik, E. A. Kazashev, N. F. Solovyova</i>	
Colour illustrations	73
Archaeological supervision over construction in the area of the Old Gostiny Dvor	81
<i>V. A. Zavyalov, A. I. Murashkin, A. Yu. Gorodilov, T. R. Sadykov, N. F. Solovyova</i>	
The Church of St. Nickolas the Wonderworker and St.-Alexander Nevski	93
<i>I. A. Garbuz, A. Yu. Gorodilov, K. M. Plotkin, N. F. Solovyova</i>	
Architectural and archaeological investigations in the territory of the palace-and-park ensemble of Mikhaylovskaya Dacha in the town of Petrodvorets.....	99
<i>V. A. Lapshin, L. A. Akmen, E. A. Kazashev, N. F. Solov'yeva</i>	
Archaeological supervision over the reconstruction of the public garden «Nekrasovsky Sad»	107
<i>A. Yu. Gorodilov, A. O. Polikarpova, E. A. Gritsik, N. F. Solovyova</i>	
Archaeological surveys of the territory allotted for construction of a yacht-club within the land plot of the Church of the Intercession of Mother of our God in the district of Rybatskoye.....	123
<i>K. M. Plotkin, A. Yu. Gorodilov, A. I. Murashkin, E. A. Gritsik, A. O. Polikarpova, T. R. Sadykov, N. F. Solovyova</i>	
The Belfry of the Smolny Convent	147
<i>V. A. Lapshin, I. A. Garbuz, A. Yu. Gorodilov, A. I. Murashkin, T. R. Sadykov, N. F. Solovyova</i>	
The geological structure and palaeogeographic interpretation of the section of Okhta Strelka (Tip)	151
<i>M. Yu. Nikitin</i>	
Colour illustrations	153

New investigations of the fishing barrages at the site of Okhta-1: preliminary results	165
<i>V. I. Bazarova, A. A. Bobkova, St. A. Vasilev, L. S. Vorotinskaya, A. Yu. Gorodilov, A. A. Ekimova, O. M. Ilyukhina, A. A. Lastovskiy, A. I. Murashkin, M. Yu. Nikitin, N. F. Solovyova, A. V. Suvorov, K. S. Khrebtikova, T. A. Sharovskaya</i>	
Computer recording of field data at rescue archaeological excavations	175
<i>St. A. Vasilev, A. Yu. Gorodilov, M. A. Bochkareva</i>	
Holocene rock strata of the Okhta Promontory: stratigraphy and the conditions of their formation	181
<i>M. V. Shitov, Kh. A. Arslanov, Yu. S. Biskè, E. S. Pleshivtseva, I. V. Sumareva</i>	
Abbreviations	196

Правовые основы охраны археологического наследия Санкт-Петербурга

К. М. Плоткин

Вечный вопрос

Просматривая региональные издания последних лет, я с удивлением обнаружил, что в центре общественного внимания петербуржцев оказались проблемы градостроительной политики и сохранения наследия, в том числе археологического. Вокруг них кипят нешуточные страсти, идёт настоящая борьба с выдвижением неформальных лидеров, столкновением мнений различных групп общественности, инвесторов, управленцев. На наших глазах отрабатывается модель взаимодействия структур гражданского общества и государства. Нормальные люди с горячей кровью и живой душой могут только порадоваться этим обстоятельствам. Неизбежно встаёт вопрос: почему именно наследие стало катализатором протестных чувств части петербуржцев? Невольно хочется обратиться к урокам истории и поискать поучительные примеры из прошлого.

Понимание необходимости правовой охраны культурного наследия появилось в европейских странах и России сравнительно недавно, в XVII–XIX вв. До этого древности, превращённые в святыни, оберегались от разрушения лишь религиозным сознанием традиционных общин (Формозов, 1986. С. 115). Однако проблемы охраны памятников относятся к «вечным вопросам» общественной жизни и способны вызывать бурные проявления страстей. Факты, подтверждающие это обстоятельство, известны с античных времен.

В 457 г. римский император Майориан издал эдикт, ограждавший общественные здания Рима от разрушения (Theodosiani Libri, 1905. P. 161; Лихачев, 1963. С. 196). К тому времени римляне утратили интерес к своей великой истории и волю к сопротивлению внешним врагам. В 410 г. вестготы Алариха вошли в Рим и грабили город три дня. В 455 г. предводитель вандалов Гензерих беспрепятственно вступил в Рим и дал своим воинам четырнадцать дней на его разграбление. Вандалы увезли на кораблях богатую добычу и множество пленных. Часть жителей бежала. Рим заметно опустел.

После разграбления Рима слова «вандалы» и «вандализм» приобрели нарицательный смысл. Однако варвары не уничтожали здания. Они даже не ставили такой цели. Разрушением занялись сами жители умирающего города ради бесплатных строительных материалов.

Император Майориан (457–461 гг.) попытался воспрепятствовать этому безобразию: «Мы, правители города, решили положить конец бесчинству, благодаря которому обезображивается вид почтенного города и которое давно уже вызывает у нас отвращение. Нам известно, что общественные здания, которые составляют всю красоту города, подвергаются разрушению из-за преступной снисходительности властей. Под тем предлогом, что камень нужен для возведения общественных зданий, древние величественные сооружения подвергаются разрушению, и таким образом уничтожается великое лишь для того, чтобы построить где-то что-то ничтожное. А затем доходит уже до такого злоупотребления, что для постройки частного дома берут необходимый строительный материал, разрушая общественные здания. А между тем то, что составляет блеск города, должно было бы оберегаться гражданами с любовью. Поэтому мы устанавливаем как обязательный для всех закон, что все те здания, которые были воздвигнуты в древности для общего блага и для украшения города, будь то храмы или иные памятники, не должны быть никем разрушаемы, и никто не должен к ним прикасаться. Судья, потворствующий нарушению этого закона, подлежит штрафу в пятьдесят фунтов (20 кг) золота. Если должностные лица согласятся исполнить противозаконный приказ судьи о разрушении здания и не окажут ему сопротивления, то за это они будут подвергнуты наказанию плетью и им будут отрублены руки, так как они вместо того, чтобы оберегать памятники, оскверняют их. Все архитектурные детали, которые незаконно были похищены, ни в коем случае не могут быть отчуждены от государства, и мы приказываем, чтобы все было возвращено. Если потребуется сломать какое-либо древнее здание в виду невозможности его отремонтировать или по

причине сооружения какой-нибудь новой постройки, то об этом должен вынести решение просвещенный и досточтимый сенат, который, признав после серьёзного обсуждения необходимость сломать здание, должен представить своё заключение нашему заботливому рассмотрению. А то, что не может быть реставрировано, должно быть использовано на украшение какого-нибудь другого общественного здания» (Грегоровиус, 1903. С. 202–203).

Активность Майориана затронула интересы широких слоёв горожан и священников, привыкших использовать бесплатные материалы из разрушаемых построек для сооружения жилищ и новых храмов, и вызвала подозрения у римлян. Германец Рицимер, командовавший военными силами в Италии, повелел арестовать Майориана, возведя на него клеветническое обвинение в сговоре с пиратами. В августе 461 года несчастный защитник древностей был обезглавлен (Федорова, 1998. С. 318).

Майориан был последним римским императором, который серьёзно относился к своим обязанностям государственного деятеля. Он пытался честно исполнять свой долг, но не учёл самого важного: охрана наследия – это политика. Нарушение баланса интересов различных общественных сил ведёт к политическому поражению, за которым следуют так называемые «оргвыводы». Его судьба предостерегает нас от излишней пылкости в решении вопросов охраны наследия.

Таким образом, дело охраны наследия с античных времен относится к «вредным производствам»: по требованию общественности можно лишиться рук, по интригам сильных мира сего – головы. В наше время рук и голов не рубят, но от этого не легче.

Наследие и археология

Санкт-Петербург – сравнительно молодой город, сформировавшийся на основе европейских градостроительных принципов и архитектурных стилей. Основу его наследия составляет уникальная историческая застройка XVIII – начала XX вв., сохранившаяся в подлинности и целостности. Ныне в Санкт-Петербурге под государственной охраной состоит почти 7800 объектов культурного наследия, т.е. около 10% всех охраняемых памятников России (Историческая застройка Санкт-Петербурга. Перечень вновь выявленных объектов, 2001; Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной, 2005; Петербургская стра-

тегия сохранения наследия. Проект КГИОП, 2005. С. 11). Это здания и инженерные сооружения, сады и парки, пруды и каналы, монументальная и садово-парковая скульптура, исторические захоронения и археологические объекты.

Археологическая составляющая нашего наследия невелика. По историко-архивным изысканиям на территории Санкт-Петербурга установлено наличие более 450 утраченных объектов, представляющих интерес с точки зрения археологии (Плоткин, 2005. С. 30). Среди них есть поселения, храмы, некрополи, здания и сооружения, производственные комплексы, фортификационные сооружения. Часть из них уже выявлена и обследована археологами. По результатам археологических исследований 62 объекта получили правовой статус объектов культурного наследия (*ОКН*), включая 61 *ОКН* федерального значения (*Ф*) и один *ОКН* регионального значения (*Р*). Восемнадцать археологических объектов учтены в списках выявленных *ОКН* (*ВОКН*). Археологи обнаружили ещё 53 объекта, обладающих признаками *ОКН* (Плоткин, 2005. С. 32). Список объектов приведён в Приложении 1 к настоящей статье (табл. 1).

Среди археологических объектов есть стоянки периода неолита и раннего металла, средневековые поселения и грунтовые могильники, крепость Ниеншанц с городом Ниеном (1611–1703 гг.) и земляные фортификации XVII–XVIII вв. Они характеризуют эволюцию системы хозяйства и движение населения, первые попытки создания городского центра в устье Невы.

Большинство объектов относятся к периоду существования Петербурга. Археологические данные конкретизируют топографию и динамику градостроительной эволюции, установленные по письменным, картографическим и иконографическим источникам.

Объекты археологического наследия вместе с участками исторического культурного слоя представляют собой бесценную летопись «скрытого» города и предшествовавших поселений.

В последние годы наблюдается заметный рост объёмов археологических исследований на территории Санкт-Петербурга. Об этом свидетельствует увеличение количества научных отчётов, поступавших на согласование в КГИОП (табл. 2).

Архитектурно-археологические исследования послевоенных десятилетий тесно связаны

Категория охраны ОКН	Ф	Р	ВОКН	Объекты, обладающие признаками ОКН	Всего
Стоянки				3	3
Поселения			2	3	5
Могильники				1	1
Храмы, часовни	9		12	9	30
Дворцы, усадьбы	9	1	2	26	38
Административные учреждения				2	2
Павильоны, беседки, оранжереи	11		1		12
Гидротехнические сооружения	23			4	27
Производственные комплексы			1	1	2
Фортификация	2	1		3	6
Исторические захоронения	6				6
Достопримечательные места	1			1	2
Всего	61	2	18	53	134

Табл. 1. Археологические объекты Санкт-Петербурга

годы	1945-1950	1951-1955	1956-1960	1961-1965	1966-1970	1971-1975	1976-1980	1981-1985	1986-1990	1991-1995	1996-2000	2001-2005	2006-2009
количество	3	3	6	0	1	7	12	11	18	30	26	46	67

Табл. 2. Отчёты об археологических исследованиях, поступившие на согласование в КГИОП в 1945–2010 гг.

с работами петербургских реставраторов. Они проводились в ходе предпроектного изучения памятников (Плоткин, 2004. С. 10–33).

Важным событием стало открытие весной 1952 г. культурного слоя XVIII в., положившее начало охранным и надзорным археологическим работам. Это открытие совершил известный археолог А. Д. Грач на Стрелке Васильевского острова, в Таможенном переулке (Грач, 1957; Плоткин, 2002. С. 20–22).

Среди работ последнего пятилетия выделяются масштабами и значением раскопки фундамента собора Св. Екатерины в Пушкине (Соловьева, 2006; 2007). Проведены надзорные исследования культурного слоя и археологических объектов Петропавловской крепости в процессе замены инженерных коммуникаций и благоустройства территории (Николаенко, Глебова, 2007; Андреева, Сорокин, Иоаннисян, 2007; Носов, Субботин, Кильдошевский, 2008а; 2008б; Кильдошевский 2008). В 2004–2009 гг. выполнены комплексные ар-

хитектурно-археологические и надзорные работы в ГМЗ «Ораниенбаум» (Липатов, 2005а; 2005б; 2007а; 2007б; 2007в; 2008а; 2008б; 2008в; 2008г; Глыбин, 2006; Шуньгина, 2006; 2007а; 2007б; 2008).

В 2006–2010 гг. проведены охранные раскопки площадью свыше четырёх гектаров на территории шведской крепости Ниеншанц. Они дали ценную информацию о предыстории нашего города и привлекли внимание широких кругов общественности (Сорокин, 2008; 2009; Сорокин и др. 2008а; 2008б; 2008в; 2009). В ходе раскопок обсуждение способов сохранения остатков фортификаций Ниеншанца и Ландскроны усилиями отдельных археологов было превращено в политическую проблему, решаемую на федеральном уровне.

В связи с этими обстоятельствами сотрудникам государственных органов охраны наследия приходится юридически аргументировать ответ на вполне естественный вопрос инвесторов, проектировщиков, строителей, управленцев: «По-

чему мы должны заниматься археологическими исследованиями Петербурга, если раньше этого никто не требовал?».

Международные правовые документы

В настоящее время существует система международных конвенций, рекомендаций и хартий в области сохранения культурного и природного наследия, имеющих методическое и методологическое значение для отечественного законодательства в этой сфере.

Наиболее существенной для нас является Европейская конвенция об охране археологического наследия от 6 мая 1969 г. (Лондон), ратифицированная СССР в 1990 г. и действующая на его территории с 14.02.1991 г. Конвенция (ст. 1) впервые даёт определение археологического наследия: «Археологическими объектами считаются все остатки и предметы или любые другие следы существования человека, являющиеся свидетельством эпох и цивилизаций, основным или одним из основных источников информации о которых являются раскопки или открытия» (Европейская конвенция, 1981. Ст. 8). Из этого определения вытекает, что любой след человеческой деятельности прошлого является охраняемым археологическим объектом, независимо от регистрации органом государственной власти. Такой подход, восходящий к шведскому закону о наследии 1666 г., использован в действующем Законе «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» 2002 г.

Существенно, что Конвенция не определяет верхнюю хронологическую границу археологии. Критерием отнесения вещественных источников к археологическим стала не древность происхождения сама по себе, но принадлежность к прекратившим свое существование культурам или к их периодам, ушедшим в прошлое. Археологическими считаются любые вещественные следы прошедших эпох, обнаруженные в результате раскопок. В XX в. археологическое изучение памятников периода новой истории стало общепринятой практикой.

Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия 1972 г. включает в понятие культурного наследия «элементы или структуры археологического характера» (Конвенция об охране. С. 9). Международная хартия по охране исторических городов 1987 г. требует содействия «исследованиям городской археологии и соответствующей демонстрации ее открытий» (Международная хартия. С. 130).

В настоящее время широко используется Европейская конвенция об охране археологического наследия 1992 г., принятая государствами-членами Совета Европы в Ла-Валетте (Европейская конвенция, 2000). Новая конвенция в большей степени отражает реалии сегодняшнего дня и содержит развёрнутое определение археологического наследия. К нему отнесены «все останки и предметы и любые другие следы человеческой деятельности прошлых эпох, сохранение и изучение которых помогает проследить историю человечества и его связь с природной средой; основными источниками информации о которых являются раскопки или находки, а также другие методы изучения истории человечества и соответствующей природной среды...» (Европейская конвенция, 1999. С. 162). Конвенция относит к элементам археологического наследия «строения, сооружения, архитектурные ансамбли, освоенные участки, перемещаемые предметы, памятники иного рода, а также их окружение...» (Европейская конвенция, 1999. С. 163). Конвенция предусматривает комплексное сохранение археологического наследия, финансовую поддержку археологических исследований, сбор и распространение научной информации, расширение осведомлённости общественности, предотвращение незаконных раскопок и оборота находок. Конвенция была подписана Россией в Ла-Валетте 16.01.1992 г., рекомендована к ратификации Межпарламентской ассамблеей государств-участников СНГ 14.04.2005 г. и решением коллегии Минкультуры России от 13.03.2009 г. № 2. Однако на территории России она пока не действует, так как не ратифицирована Федеральным собранием РФ.

Археологическому наследию посвящены также Хартия об охране и управлении археологическим наследием, принятая ICOMOS в Лозанне в 1990 г. и Конвенция ЮНЕСКО об охране подводного культурного наследия, принятая в 2001 г.

Вопросы сохранности движимых археологических находок рассмотрены в рекомендациях Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 01.07.1981 г. № 921 «О металлоискателях и археологии» и от 23.03.1986 г. № 1072 (1988 г.) «О международной охране культурного достояния и обороте произведений искусства» (Сборник правовых актов, 2001).

Федеральное законодательство

Согласно ст. 44 Конституции РФ, «Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры».

Вопросы охраны и использования объектов археологического наследия (*ОАН*) регулируются Федеральным законом от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изменениями на 17.12.2009 г.) (Закон РФ, 2002). Закон даёт определение *ОАН* как частично или полностью скрытых в земле или под водой следов существования человека, включая движимые предметы, основным или одним из основных источников информации о которых являются археологические раскопки или находки (ст. 3). Существенно, что в законе отсутствует верхняя хронологическая граница *ОАН* (кроме общего для *ОКН* срока в 40 лет). Его действие распространяется и на объекты XVIII–XX вв. Закон рассматривает недвижимые *ОАН* как объекты культурного наследия (*ОКН*) и относит их к категории *ОКН* федерального значения (ст. 4). *ОАН* могут относиться к различным видам памятников: отдельные объекты (памятники), объекты в составе ансамблей и достопримечательных мест. Участки исторического культурного слоя отнесены к достопримечательным местам (ст. 3).

Археологические объекты считаются выявленными *ОКН* со дня обнаружения (ст. 18, п. 6). Можно сказать, что все археологические памятники и участки культурного слоя являются всенародным достоянием и находятся под охраной государства независимо от того, открыты они или ещё нет.

В законе содержится требование об отнесении земельных участков в границах территорий *ОКН* к землям историко-культурного назначения (ст. 3), режим использования которых регулируется также Земельным кодексом РФ (ст. 99). Согласно закону объекты археологического наследия локализуются на исторически сложившихся территориях (ст. 3), с которыми они неразрывно связаны (ст. 5), но в гражданском обороте находятся раздельно (ст. 49, п. 2), поскольку могут являться только государственной собственностью (ст. 49, п. 3).

Законом определены особенности проектирования и проведения землеустроительных, земляных, строительно-технических, мелиоративных, хозяйственных и иных работ для обеспечения сохранности *ОАН*. В случае обнаружения объектов, обладающих признаками *ОКН*, в проекты проведения работ должны быть внесены разделы об обеспечении сохранности этих объектов (ст. 36, п. 2). Финансирование охранных мероприятий осуществляется за счёт заказчика работ (ст. 36–37). Закон запрещает использование земельного участка с археологическими объектами, которое может

ухудшить их состояние или нанести вред окружающей историко-культурной среде (ст. 52). Государственные органы охраны памятников имеют право приостановить работы, угрожающие существованию *ОАН* или нарушающие предусмотренные законодательством меры по его сохранению (ст. 37). Работы могут быть возобновлены по письменному разрешению органа охраны памятников после устранения угрозы или нарушения правил охраны.

Согласно ст. 59 указанного закона под историческим поселением понимается «городское или сельское поселение, в границах территории которого расположены *ОКН*: памятники, ансамбли, достопримечательные места, а также иные культурные ценности, созданные в прошлом, представляющие собой археологическую, историческую, архитектурную, градостроительную, эстетическую, научную или социально-культурную ценность». В историческом поселении государственной охране подлежат все исторически ценные градоформирующие объекты, включая археологический слой.

Законом установлена уголовная, административная и иная юридическая ответственность за правонарушения в отношении *ОКН* (ст. 61). Лица, причинившие вред *ОКН*, обязаны возместить стоимость мероприятий по его сохранению (ст. 61, п. 2). Возмещение стоимости не освобождает от административной и уголовной ответственности.

Вопрос о наказаниях за ущерб наследию вызывает интерес специалистов и представителей общественности, поэтому остановимся на нем подробнее.

Согласно ст. 243 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с изменениями на 17.12.2009 г.) уничтожение или повреждение памятников истории и культуры «наказываются штрафом в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок от ста двадцати до ста восьмидесяти часов, либо лишением свободы на срок до двух лет. Те же деяния, совершенные в отношении особо ценных объектов или памятников общероссийского значения наказываются штрафом в размере от ста тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от одного года до трёх лет, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо лишением свободы на срок до пяти лет» (Уголовный кодекс РФ, 1996).

Кодекс РФ об административных правонарушениях (с изменениями на 30.04.2010 г.) от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ предусматривает административные штрафы, налагаемые на граждан, должностных или юридических лиц (Кодекс РФ, 2002). Согласно ст. 7.13 указанного кодекса нарушение требований сохранения, использования и охраны объектов культурного наследия федерального значения, их территорий, а равно несоблюдение ограничений, установленных в зонах их охраны влечёт наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей; на должностных лиц – от двух до трёх тысяч рублей; на юридических лиц – от двадцати до тридцати тысяч рублей. Те же действия в отношении особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации или объектов, внесённых в Список всемирного культурного и природного наследия, наказываются повышенными административными штрафами, соответственно, от двух до двух тысяч пятисот рублей, от четырёх до пяти тысяч рублей, от сорока до пятидесяти тысяч рублей; в отношении выявленных объектов культурного наследия – штрафами, соответственно, от пятисот до одной тысячи рублей, от одной тысячи до двух тысяч рублей, от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей.

Проведение земляных, строительных и иных работ без разрешения государственного органа охраны объектов культурного наследия (ст. 7.14) наказывается наложением административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей; на должностных лиц – от двух тысяч до трёх тысяч рублей; на юридических лиц – от двадцати тысяч до тридцати тысяч рублей.

Ведение археологических разведок или раскопок без разрешения (Открытого листа) (ст. 7.15) влечёт наложение административного штрафа на граждан в размере от одной тысячи пятисот до двух тысяч пятисот рублей; на должностных лиц от четырёх тысяч до пяти тысяч рублей; на юридических лиц – от сорока тысяч до пятидесяти тысяч рублей. Помимо штрафов предусмотрена конфискация находок, инструментов и оборудования. Если действия повлекли по неосторожности повреждение или уничтожение объекта археологического наследия штрафы возрастают, соответственно, от двух тысяч до двух тысяч пятисот рублей, от четырёх тысяч пятисот до пяти тысяч рублей, от пятидесяти тысяч до ста тысяч рублей.

Незаконное представление или изменение правового режима земельных участков из состава

земель историко-культурного назначения (ст. 7.16) влечёт наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от четырёх тысяч до пяти тысяч рублей.

Предусмотрено также наложение административного штрафа за уклонение от передачи обнаруженных в результате археологических полевых работ культурных ценностей на постоянное хранение в государственную часть Музейного фонда РФ: на граждан – от одной тысячи пятисот до двух тысяч пятисот рублей, на должностных лиц – от трёх тысяч до четырёх тысяч рублей, на юридических лиц – от тридцати тысяч до сорока тысяч рублей (ст. 7.33).

Вопросы охраны *ОАН* рассматриваются также в Законе РФ от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (с изменениями на 14.03.2009 г.) (ст. 4, 58, 59) и Земельном кодексе РФ от 25.10.2001 г. № 137-ФЗ (с изменениями на 27.12.2009 г.) (ст. 3, 27, 56, 99) (Закон РФ, 2002; Земельный кодекс РФ, 2001; Приходько, 2000. С. 192–198). Земли, занимаемые памятниками археологии, выделены в категорию земель историко-культурного назначения с особым режимом землепользования, вплоть до изъятия из хозяйственного оборота. В случае использования не по целевому назначению они могут быть изъяты у землепользователя (Земельный кодекс РФ, 2001. Ст. 79, 94, 99.3).

Большое внимание вопросам охраны *ОКН* уделяет Градостроительный Кодекс РФ от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ (с изменениями на 27.12.2009 г.): «В поселениях и на территориях, имеющих памятники истории и культуры, в том числе памятники археологии, ... устанавливаются границы зон охраны, в пределах которых запрещается или ограничивается градостроительная, хозяйственная или иная деятельность, причиняющая вред объектам историко-культурного наследия...» (ст. 12). В статьях, посвящённых разработке генпланов и перспективных планов развития городов, отмечается необходимость отражения на картах (схемах) территорий *ОКН* и зон охраны. Обязательным условием для утверждения градостроительной документации любого вида является ее согласование с органами охраны памятников культуры (ст. 28) (Градостроительный Кодекс РФ, 2005).

Необходимость охраны объектов культурного наследия, включая археологические объекты, определена также инструктивными документами Госстроя. Они содержат требования согласования проектов планировки и застройки городских и

сельских поселений, проектной документации на строительство предприятий, зданий и сооружений, автомобильных и железных дорог, на проведение инженерных и экологических изысканий с государственными органами охраны памятников (Рекомендации по охране окружающей среды, 1986; Кроленко, 1986. С. 38–52).

Закон РФ от 15.04.1993 г. № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» относит «предметы и их фрагменты, полученные в результате археологических раскопок...» к категории культурных ценностей (ст. 7) и регламентирует порядок их ввоза и вывоза (Закон РФ, 1993).

Подзаконные акты

Проводимые археологические работы обеспечиваются комплексом подзаконных актов. Наиболее важными подзаконными актами являются действующие положения и инструкции Министерства культуры, конкретизирующие статьи Федерального закона от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия...».

Впредь до вступления в силу новых нормативных актов, утверждённых Правительством Российской Федерации (не позднее 31 декабря 2010 г.) сохраняются правила охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры, установленные Положением об охране и использовании памятников истории и культуры, утверждённым постановлением Совета Министров СССР от 16.09.1982 г. № 865. Они применяются в части, не противоречащей Федеральному закону от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия...».

Положение относит участки исторического культурного слоя населённых пунктов и другие памятники археологии к недвижимым памятникам истории и культуры (ст. 2.б). Государственное управление и государственный контроль в области охраны и использования памятников археологии возложены на Министерство культуры и подведомственные ему органы (ст. 6). Ст. 7–9 определяют их права и обязанности. При разработке генпланов и проектов развития городов градостроительные органы по согласованию с государственными органами охраны памятников за счёт средств местного бюджета разрабатывают карты-схемы расположения памятников археологии, опорные историко-архитектурные планы (ст. 29), зоны охраны (ст. 30–32), выдают разрешения на проведение работ в зонах охраны, определяют необходимые охранные мероприятия (ст. 32).

Культурные слои городов могут быть объявлены историко-культурными заповедными территориями (ст. 38). Проекты планировки, застройки и реконструкции городов, имеющих памятники археологии, согласовываются с Министерством культуры (ст. 39). Строительные, мелиоративные, дорожные и другие работы, которые могут создавать угрозу для существования памятников истории и культуры, производятся только по согласованию с государственными органами охраны памятников и после осуществления мероприятий по обеспечению сохранности памятников. Указанные мероприятия включаются в проектно-сметную документацию на проведение строительных, мелиоративных, дорожных и других работ (ст. 40). Ст. 41–44 регламентируют порядок приостановки работ при обнаружении ценных объектов наследия, ст. 45–47 – порядок изменений, перемещений, сноса памятников. Ст. 49–51 описывают разрешительную документацию на изучение памятников археологии (Открытые листы), порядок её выдачи. Ст. 77–80 посвящены уголовной и административной ответственности за нарушения законодательства об охране и использовании памятников истории и культуры.

«Инструкция о порядке учёта, обеспечения сохранности, содержания, использования и реставрации недвижимых памятников истории и культуры. Приложение к приказу Министерства культуры СССР от 13.05.1986 г. № 203, п. 3.1» относит к памятникам археологии городища, курганы, остатки древних поселений, укреплений, производств, каналов, дорог, древние места захоронений, каменные изваяния, наскальные изображения, старинные предметы, участки исторического культурного слоя. Последние «подлежат охране и использованию как единое целое с территорией памятников и связанными с ними сооружениями и другими объектами» (ст. 2). Государственные органы охраны памятников проводят работу по выявлению таких объектов (ст. 11), организуют проведение экспертизы с привлечением специалистов научно-исследовательских и проектных организаций и регистрируют в Списках выявленных объектов (ст. 12).

В списке мероприятий по обеспечению сохранности памятников истории и культуры отмечены среди прочих: организация проведения исследований памятников; установление зон охраны памятников и контроль за их содержанием; согласование заданий и проектов проведения различных работ на памятниках; контроль за обеспечением сохранности памятника в период проведения исследовательских и ремонтно-реставрационных

работ; согласование мероприятий по обеспечению сохранности памятников при проведении строительных, мелиоративных, дорожных и других хозяйственных работ, которые могут создать угрозу для сохранности памятников, контроль за их выполнением (ст. 33). В ст. 52–57 подробно описан порядок и финансирование охранных мероприятий при проектировании и проведении строительных, мелиоративных, дорожных и других работ. Ст. 113–115 предусматривают за нанесение ущерба памятникам уголовную, административную и иную ответственность в соответствии с действующим законодательством.

«Инструкция по организации зон охраны недвижимых памятников истории и культуры СССР. Приложение к приказу Министерства культуры СССР от 24.01.1986 г. № 33» устанавливает основные требования к определению границ, режима содержания и использования зон охраны недвижимых памятников истории и культуры, состав проектов зон охраны, порядок их разработки, рассмотрения и утверждения (ст. 1.2). Памятники археологии отнесены к недвижимым памятникам, вокруг которых устанавливаются зоны охраны (ст. 1.4). В пределах зон вводятся ограничения хозяйственной деятельности (ст. 1.5).

Ст. 3.4.1–3 посвящены участкам исторического культурного слоя. На этих участках строительные и земляные работы, посадка деревьев и кустов производятся с разрешения государственных органов охраны памятников и при участии археологов (ст. 3.4.1). В случае необходимости до начала строительных работ на участках исторического культурного слоя проводятся археологические исследования в соответствии с перспективным планом планировки и застройки населённого пункта, при этом учитываются сложность и продолжительность исследований, которые зависят от мощности (глубины) культурного слоя и его археологической ценности (ст. 3.4.2). Ведение археологических исследований на территории памятников истории, градостроительства и архитектуры, монументального искусства и их зон охраны, включая участки культурного слоя, допускается при наличии у исследователей Открытого листа (специального разрешения соответствующего государственного органа охраны памятников) (ст. 3.4.2). По завершении археологических исследований участка культурного слоя оставленные на месте фрагменты сооружений подлежат охране как недвижимые памятники истории и культуры. При отсутствии таковых исследованный участок по решению государственного органа охраны памятников ис-

ключается из состава территорий охраняемого культурного слоя (ст. 3.4.3).

В состав исследовательских работ при разработке проектов зон охраны включено определение территорий распространения культурного слоя и его мощности на различных участках на основе имеющихся разведочных шурфов, буровых скважин и др. (ст. 5.2.1).

В Постановлении Правительства РФ № 112 от 25.02.1992 г. в разделе 1-11 «Порядок определения ставок земельного налога» определены 5, 10 и 20-кратные коэффициенты за нарушение режима охранной зоны.

Общероссийский мониторинг состояния и использования памятников истории и культуры предусмотрен Положением об общероссийском мониторинге состояния и использования памятников истории и культуры, предметов музейного фонда Российской Федерации, документов библиотечных фондов, архивного фонда Российской Федерации, а также кинофонда, утверждённого Постановлением Правительства РФ от 5.07.2001 г. № 504. Оно определяет предмет, методы и источники финансирования мониторинга *ОКН*. Объектами мониторинга являются памятники истории и культуры, находящиеся в федеральной собственности (ст. 2). Мониторинг проводится путём визуального и инструментального обследования указанных памятников (ст. 3). Для памятников археологии – это методы археологической разведки. Предметом обследования являются: целостность памятников истории и культуры, сохранность их конструкций, соблюдение пользователем установленного договором либо охранным обязательством порядка проведения ремонтно-реставрационных работ (ст. 4). Финансирование проведения мониторинга осуществляется за счёт средств, предусматриваемых в федеральном бюджете на соответствующий финансовый год федеральным органам исполнительной власти, в ведении которых находятся организации, имеющие в пользовании либо в управлении памятники истории и культуры (ст. 5). Данные мониторинга представляются в Министерство культуры РФ для отчёта в Правительство РФ (ст. 6, ст. 7).

В 2008–2009 гг. был принят комплекс новых подзаконных актов, определяющих порядок государственного учёта, историко-культурной экспертизы, охраны, контроля объектов культурного наследия, в том числе *ОАН*.

Положение о Едином государственном реестре (памятниках истории и культуры) народов

Российской Федерации, утверждённое приказом Росохранкультуры от 27.02.2009 г. № 37, устанавливает общие принципы формирования и ведения этой государственной информационной системы, включающей банк данных. Положение содержит форму и правила заполнения учётных карт, в которые вносятся данные об объектах, представляющих историко-культурную ценность, и определяет порядок ведения учётных дел об объектах культурного наследия. Отдельным приказом Росохранкультуры от 27.02.2009 г. № 38 утверждена форма паспорта объекта культурного наследия.

Положение о государственной историко-культурной экспертизе, утверждённое постановлением Правительства РФ от 15.07.2009 г. № 569, устанавливает порядок проведения экспертиз, требования к экспертам, перечень предоставляемых им документов, порядок рассмотрения документов и проведения иных исследований в рамках экспертизы, порядок определения размера оплаты экспертизы объектов культурного наследия федерального значения, а также порядок назначения повторной экспертизы. В перечне предоставляемых документов упоминаются материалы, содержащие информацию о ценности объекта с точки зрения археологии.

Положение о зонах охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, утверждённое постановлением Правительства РФ от 26.04.2008 г. № 315, устанавливает порядок разработки проектов зон охраны, требования к режимам использования земель и градостроительным регламентам в границах данных зон. При разработке проектов зон охраны, включающих охраняемые зоны, зоны регулирования застройки и хозяйственной деятельности, зоны охраняемого ландшафта, предусмотрено проведение археологических исследований.

Положение о государственном контроле в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, утверждённое постановлением Правительства РФ от 31.12.2009 г. № 1204, устанавливает порядок осуществления государственного контроля в этой сфере деятельности.

Приказом Росохранкультуры от 07.08.2009 г. № 142 утверждена Инструкция о порядке установки информационных надписей и обозначений на объектах культурного наследия федерального

значения, к которым относятся объекты археологического наследия.

В состав подзаконных актов входит Положение о порядке выдачи разрешений (Открытых листов) на право проведения работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия, утверждённое приказом Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в области охраны культурного наследия от 3.02.2009 г. № 15. Оно принято в целях реализации п. 8 ст. 45 Закона от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия...» и действует на территории РФ с 1.11.2009 г. Положение детально определяет порядок выдачи, приостановления и прекращения действия разрешительной документации (открытых листов) на право проведения археологических полевых работ (археологических разведок и археологических раскопок). Согласно положению регламентацию археологических полевых работ осуществляет Росохранкультура по согласованию с Российской академией наук. Положение вводит уведомительный порядок в отношении региональных органов охраны наследия и органов местного самоуправления муниципальных образований. Перед началом исследований держатель Открытого листа обязан направить или вручить им письменное уведомление об археологических полевых работах.

Региональное законодательство

В современном городе археологическому наследию угрожает разрушение. Реконструкция и уплотнительная застройка исторического центра не всегда в должной мере учитывают особенности сложных грунтов дельты Невы. Нарушения устоявшихся нагрузок на наносные и насыпные слои создают опасность историческим фундаментам. Особую проблему представляет разрушение культурного слоя в ходе земляных работ.

В 1995–1999 гг. по инициативе КГИОП археологами была проведена большая работа по разработке методических оснований, сбору историко-архивных данных, первичному обследованию и систематизации материалов о культурном слое и археологических объектах Петербурга (Лебедев, 1996. С. 10–19; Сорokin, 1998; 2001). На этой основе было принято Распоряжение КГИОП от 24.12.2001 г. № 2 (реестровый № 797 от 24.04.2002 г.) «Об установлении временных границ, режима содержания и использования зон участков исторического культурного слоя Санкт-Петербурга» (Распоряжение КГИОП, 2002). Распоряжением были впервые взяты под охрану два ранних и ценных участка культурного слоя в устье р. Охты и центре Петербурга петровского времени.

Законом Санкт-Петербурга от 22.12.2005 г. № 728-99 «О Генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга» предусмотрена градостроительная охрана территорий участков исторического культурного (археологического) слоя. В Приложении 2 обозначены их границы в пределах центральных, периферийных и пригородных районов Петербурга (Закон Санкт-Петербурга, 2005).

С 12.03.2009 г. вступил в действие Закон Санкт-Петербурга от 24.12.2008 г. № 820-7 «О границах зон охраны объектов культурного наследия и режимах использования земель в границах указанных зон и о внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О Генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга» (Закон Санкт-Петербурга, 2009).

Закон рассматривает территории исторического культурного (археологического) слоя как исторически ценные градоформирующие объекты. К ним отнесены планировка, застройка, композиция, природный ландшафт, археологический слой, соотношение между различными городскими пространствами (свободными, застроенными, озеленёнными), объёмно-пространственная структура, фрагментарное и руинированное градостроительное наследие, форма и облик зданий и сооружений, объединённых масштабом, объёмом, структурой, стилем, материалами, цветом и декоративными элементами, соотношение с природным и созданным человеком окружением, различные функции исторического поселения, приобретённые им в процессе развития, а также другие ценные объекты.

Описание границ территорий исторического культурного (археологического) слоя по районам Санкт-Петербурга, включённое в Приложение № 1 к закону, приведено в Приложении № 2 к настоящей статье и отражено на историко-археологическом опорном плане Санкт-Петербурга (цв. илл. 1).

Территории участков археологического слоя состоят из двух подзон: археологических раскопок (далее *ЗА 1*) и археологического надзора (далее *ЗА 2*).

ЗА 1 – наиболее ценные в научном отношении участки археологического слоя. *ЗА 2* – менее ценные или недостаточно изученные участки археологического слоя.

В состав зоны «Петербург XVIII века» (цв. илл. 2) входят территории Петербурга, освоенные к ру-

бежу XVIII–XIX вв., имевшие плотность усадебной застройки не менее 30–50%. Границы зоны охватывают центральные районы Санкт-Петербурга, с некоторыми территориальными расширениями и исключениями. К зоне отнесены дополнительные территории со своими границами: Галерная гавань, Каменный остров, Елагин остров, Екатерингоф. Общая площадь 38,651926 кв. км. Общий периметр 64,311185 км. В границах зоны установлен режим *ЗА 2*.

В границах указанной зоны выделены два участка раннего и ценного слоя с режимом *ЗА 1*.

Зона «Центр Петербурга петровского времени» (рис. 2) включает территории фортификационных сооружений, административной, производственной и парадной усадебной застройки, первых храмов Санкт-Петербурга на Заячьем острове, в юго-восточной части Петроградского острова, на стрелке Васильевского острова, на большей части 1-го и 2-го Адмиралтейских островов. Общая площадь 1 кв. км. Общий периметр 4 км.

Зона «Устье р. Охты» (цв. илл. 2) включает гнезда позднесредневековых поселений и могильник Невского городка, центральную часть города Ниена с двумя храмами и некрополями XVII в., крепости Ландскрона 1300–1301 гг., Ниеншанц XVII в. и поля битв при них, два храма и некрополь XVIII в. В ходе археологических исследований 2006–2009 гг. помимо средневековых фортификаций изучены грунтовый могильник XIV–XVII вв., переотложенные слои средневековых поселений, поселения периода неолита–палеометалла V–III тыс. до н.э. Общая площадь 0,16521655 кв. км. Общий периметр 1,8896901 км.

В Кронштадтском районе установлены две зоны с режимом археологического поиска *ЗА 2* (рис. 3). Территория острова Котлин в пределах исторической береговой линии (*ЗА 2-1*). Общая площадь 19,358426 кв. км. Общий периметр 97,061304 км. Акватория Финского залива и Невской губы (*ЗА 2-2*), включающая 100-метровые зоны вокруг подводных свайных и ряжевых преград, а также южную часть Невской губы, на расстоянии 300 м от фортов. Северо-западная граница проходит на расстоянии 1,5 км от западной оконечности острова Котлин, юго-западная и юго-восточная – по административным границам. Общая площадь 127,11980 кв. км. Общий периметр 110,79132 км.

В Курортном районе (цв. илл. 3) зона «Сестрорецкий Разлив» вокруг шести неолитических стоянок (пять затопленных стоянок конца III – начала

II тыс. до н.э., одна дюнная стоянка конца IV – III тыс. до н.э.) ограничена с запада Советским пр., 3-ей Тарховской улицей, западным и северным берегом мыса. С востока граница проведена по условной линии, проходящей на 500 м восточнее восточной оконечности мыса на юг. С юга граница проходит по условной линии в створе южной границы участка д. 46 по Советскому проспекту. Общая площадь 1,4149754 кв. км. Общий периметр 5,2132878 км. В границах зоны установлен режим археологических исследований (ЗА 1).

В Приморском районе (цв. илл. 3) установлены две зоны с режимом археологических исследований ЗА 1. Зона вокруг Петровского мемориального комплекса в Лахте размером 25 м. Общая площадь 0,016300768 кв. км. Общий периметр 0,7099108 км. Зона размером 25 м вокруг Лахтинской стоянки (Ольгино 1) эпохи раннего металла первой половины – середины II тыс. до н.э. в пос. Ольгино. Общая площадь 0,0035189300. Периметр 0,3178977 км.

В Петродворцовом районе (цв. илл. 4) установлены три зоны с режимом археологических исследований ЗА 1.

В состав зоны в историческом центре Стрельны (ЗА 1-1) входят территории предполагаемых позднесредневековых поселений, ансамблей федерального значения Стрельнинского (Константиновского) дворца и парка, включая Больничную горку с дворцом Петра I и церковью Преображения Господня (фундаменты), дача А. Ф. Орлова с парком, а также участок между ними до восточной границы дачи П. К. Александрова (Львовский дворец) и Нижней дороги, участок на восточном берегу Орловского пруда (с водопроводной станцией). Общая площадь 1,4651790 кв. км. Общий периметр 7,8969578 км.

В составе зоны вокруг имени А. Д. Меншикова «Фаворит» (ЗА 1-2) охраняется фрагмент исторической территории усадьбы с элементами рельефа, планировки, дамбой, пристанью, плотиной верхнего пруда, фундаментами дворца, флигелей и оранжерей, примыкающий к восточной границе памятника федерального значения «Дворцово-парковый ансамбль Михайловской дачи (Михайловка)». Общая площадь 0,068232989 кв. км. Общий периметр 1,2886733 км.

В состав зоны в историческом центре Петергофа (ЗА 1-3) входят территории предполагаемых позднесредневековых поселений, первоначальной Петергофской слободы, ансамблей федерального значения Верхнего сада с Большим дворцом,

Нижнего парка. Общая площадь 2,2690368 кв. км. Общий периметр 11,892441 км.

В Пушкинском районе (цв. илл. 5) установлены две зоны с режимом археологических исследований ЗА 1. В состав зоны в историческом центре г. Пушкина входят территории предполагаемых позднесредневековых поселений, первоначальной Царскосельской слободы, ансамблей федерального значения Екатерининского (Большого) дворца и парка, Александровского дворца с прилегающей частью парка. Общая площадь 2,1149766 кв. км. Общий периметр 6,4365249 км. В состав зоны в историческом центре г. Павловска входят территории позднесредневековых поселений и могильника, первоначальной Павловской слободы, центральной части Павловского дворцово-паркового ансамбля, парка и крепости Мариенталь. Общая площадь 1,1170727 кв. км. Общий периметр 5,5213641 км. Установлен режим археологических исследований ЗА 1-2.

Пос. Усть-Ижора в Колпинском районе (цв. илл. 5). Территория археологического слоя совпадает с границами объекта культурного наследия федерального значения «Место битвы войск Александра Невского со шведами в 1240 году». Общая площадь 0,51021568 кв. км. Общий периметр 3,0523716 км. На участках, прилегающих к берегам рек Нева и Ижора, установлен режим археологических исследований (ЗА 1), в остальных частях – режим археологического поиска (ЗА 2).

Режимами использования земель в границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга (далее режимы) устанавливаются ограничения по использованию земель и преобразованию историко-градостроительной и природной среды: в ЗА 1 и ЗА 2 рекомендуется минимизировать земляные работы, связанные с уничтожением или повреждением археологического слоя; в случае обнаружения в ходе археологических раскопок остатков построек или сооружений фортификационного, жилого, общественного или иного назначения, обладающих признаками объекта культурного наследия, сведения о них немедленно передаются в государственные органы охраны объектов культурного наследия для оперативного решения вопроса об их сохранении и постановке под охрану в качестве объектов культурного наследия; после завершения раскопок на исследованном участке прекращается действие особых требований режима.

Особые требования в ЗА 1

Работы, связанные с углублением в грунт [в том числе новое строительство, реставрация и ре-

конструкция зданий, улиц и площадей, прокладка и ремонт инженерных (дренажных) сооружений, благоустройство территории, мелиорация, посадка растений] производятся только при условии предварительных спасательных археологических раскопок, обеспечивающих полное изучение культурного слоя в границах участка работ.

Работы, влекущие за собой повреждение археологического слоя и утрату содержащейся в нем историко-культурной информации, уничтожение или повреждение содержащихся в нем археологических объектов, производятся только при условии предварительных археологических раскопок, обеспечивающих полное изучение культурного слоя в границах участков, на которых археологический слой и гидроархеологические объекты находятся под угрозой уничтожения или повреждения.

На участках с разрушенным археологическим слоем (включая замену инженерных коммуникаций по старым трассам без понижения глубинных отметок) допускается ведение земляных работ под археологическим надзором.

Особые требования в ЗА 2

Работы, связанные с углублением в грунт, допускаются только после проведения предварительных разведочных археологических исследований и принятия решения о характере спасательных археологических исследований, непосредственно связанных с земляными работами (надзор, частичные или полные спасательные раскопки).

Решение о характере спасательных археологических исследований принимается государственным органом охраны объектов культурного наследия на основе рассмотрения предпроектной и проектной документации, результатов предварительных разведочных археологических исследований, геофизической разведки, данных инженерно-геологических изысканий, анализа историко-архивных и библиографических данных.

Решение государственного органа охраны объектов культурного наследия о необходимости и форме проведения спасательных археологических исследований оформляется письменным заданием, которое выдается заказчику работ.

В случае обнаружения в ходе археологического надзора участков археологического слоя, остатков сооружений или отдельных объектов, ценных в научном отношении, следует приостановка работ и проведение спасательных раскопок.

Решение о приостановке работ для проведения раскопок и о возобновлении производства работ по их завершении принимается государственным органом охраны объектов культурного наследия по представлению археолога, ведущего исследования на данном участке.

Закон содержит список утраченных доминант, рекомендуемых к восстановлению: церковь Успения Пресвятой Богородицы «Спас на Сенной» (Сенная пл.); церковь во имя Вознесения Господня (Вознесенский пр., д. 34); церковь Рождества Христова на Песках (сквер на пересечении 6-й Советской ул. и Красноборского пер.); церковь апостола Матфея и Покрова Пресвятой Богородицы (сквер, Б.Пушкарская ул., д. 35 и ул. Ленина, д. 5); собор Преподобного Сергия (сквер между д. 6 по Литейному пр. и д. 1 по Захарьевской ул.); церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы (сквер на пересечении Введенской ул. и Б. Пушкарской ул.); церковь Покрова на Охте (южнее Большеохтинского пр., д. 3); собор Введения во храм Пресвятой Богородицы и Св. Иакова лейб-гвардии Семёновского полка (Загородный пр., между д. 45 и д. 47); церковь Св. мученика Мирония лейб-гвардии Егерского полка (наб. Обводного кан., д. 99, у пересечения с Рузовской ул.); церковь Воскресения Христова (сквер на пл. Кулибина); латышская лютеранская церковь Христа Спасителя (сквер на пересечении Верейской ул. и Загородного пр.); лютеранская церковь Святой Марии (сквер на пересечении Сытнинской ул. и Кронверкской ул.); церковь Христа Спасителя памяти моряков, погибших в русско-японскую войну (наб. Ново-Адмиралтейского кан.); церковь Покрова Пресвятой Богородицы (Покровский сквер на пл. Тургенева); церковь Святой Троицы в Галерной гавани (на пересечении Среднего пр. В.О. и Наличной ул.); церковь Покрова Пресвятой Богородицы (утрачено завершение) (Боровая ул., д. 52); колокольня, Трехсвятительский храм Воскресенского Новодевичьего монастыря.

Сохранение археологического наследия

Формирование правовых оснований археологии Санкт-Петербурга сделало возможной последовательную реализацию программы научных исследований, намеченной в середине 1970-х гг. и актуализированной в середине 1990-х гг. Г. С. Лебедевым (1992. С. 17; 1996. С. 10–19; 1999. С. 5–7).

Результаты археологического надзора за земляными работами и охранных раскопок участков культурного слоя в большинстве случаев

ограничиваются научной информацией. Недвижимые объекты представлены следами в земле, физико-химические свойства которых делают нецелесообразным их сохранение. К ним вполне применима ст. 40.2 Федерального закона от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия...»: «В исключительных случаях под сохранением объектов археологического наследия понимаются спасательные археологические полевые работы... с полным или частичным изъятием археологических находок из раскопок».

Дискуссия о целесообразности сохранения рвов Ландскроны и Ниеншанца, открытых в 2006–2010 гг., является тем самым исключением, которое подтверждает правило. Решить этот спор должна государственная историко-культурная экспертиза после завершения раскопок.

Раскопки археологов, наряду с архитектурно-археологическими шурфами и зондажами реставраторов, раскрыли 133 утраченных объекта: здания и сооружения, земляные фортификации, средневековые поселения и могильники, древние стоянки (Приложение 1). Эти объекты обладают историко-культурной ценностью и должны быть сохранены от бессмысленного уничтожения (Лапшин, 2005).

Учитывая характер вмещающей природной или городской среды, можно разделить археологические объекты на две группы, требующие разного подхода.

Первую группу составляют территориально периферийные объекты в исторических ландшафтах и в составе достопримечательных мест. В окраинных районах среди современной застройки и объектов инфраструктуры сохранились участки первоначальных ландшафтов с неискажённым рельефом, включающим стоянки, селища, погребальные, фортификационные, производственные насыпи. Эти объекты нуждаются в благоустройстве и архитектурно-ландшафтной реабилитации, установке памятных знаков и информационных стендов. Возможно их использование в рекреационных целях, в качестве мест отдыха, для создания музейных объектов и туристско-экскурсионного показа.

Вторая группа представлена «археологической составляющей» исторической застройки, дворцово-парковых ансамблей, произведений ландшафтной архитектуры и садово-паркового искусства. К ней относятся остатки утраченных сооружений, скрытые под слоями подсыпок и строительного мусора, преобразивших рельеф.

В рамках последней группы по культурно-исторической значимости и степени исследованности выделяются: наиболее ценные объекты в составе ансамблей и исторически сложившихся территорий (Петропавловская крепость, Кронверк, Летний сад, парк Екатерингоф и др.), археологическая составляющая которых подлежит охране и, в разумных пределах, музеефикации в качестве высшего режима охраны; исследованные и законсервированные археологические объекты (церковь Рождества Богородицы у Казанского собора, усадьба Апраксина в Большом дворе Зимнего дворца, галереи Константиновского дворца в Стрельне и др.), подлежащие охране, но не имеющие перспектив музеефикации; объекты, обнаруженные в ходе исследований и обладающие признаками объектов культурного наследия; объекты, предполагаемые к поиску на основе историко-архивных и иконографических данных.

Особую группу составляют храмы, уничтоженные в период антицерковных гонений после революции 1917 г. или утраченные в ходе развития города. Среди них есть выдающиеся произведения зодчества, мемориальное значение которых усилено наличием исторических захоронений и кладбищ. Некоторые участки застроены и пропали безвозвратно. Свыше ста мест остались незастроенными.

Территории семнадцати наиболее ценных объектов, включённых в список утраченных доминант Закона Санкт-Петербурга от 24.12.2008 г. № 820-7 «О границах зон охраны объектов культурного наследия...», подлежат охране с перспективой восстановления утраченных храмов. В настоящее время, к 300-летию Царского Села на Соборной площади г. Пушкин завершается восстановление храма св. Екатерины (1835–1840 гг., архитектор К. А. Тон), уничтоженного в 1939 г. Воссоздание осуществлено на основе результатов археологических раскопок и историко-архивных изысканий Н. Ф. Соловьевой в 2006 г.

Однако воссоздание утраченных объектов не должно становиться правилом. Воссоздание противоречит общепринятым принципам сохранения наследия и современной реставрационной практике. Оно не является самоцелью археологического исследования. Приращение научных знаний о прошлом в сочетании с сохранением и консервацией остатков, если реализуемый проект предоставляет такую возможность, является вполне достойным результатом.

В большинстве случаев после проведения исследований возможно строительство нового хра-

ма по современному проекту или установка памятного знака, часовни с регулированием новой застройки. Места кладбищенских церквей не должны использоваться для новых захоронений или в хозяйственных целях.

В ряде случаев архитектурно-археологические исследования изменили наши представления о сохранившихся памятниках. На Стрелке Васильевского острова и Университетской набережной уровень современной дневной поверхности на 1,7–1,8 м превышает отметки первой трети XVIII в. До 10–14 нижних рядов кирпичной кладки стен здания Двенадцати коллегий, дворца А. Д. Меншикова, Манежа и др. закрыты насypным слоем. Музеефикация участков исторического мощения перед фасадами этих зданий способствует правильному восприятию их подлинных пропорций и габаритов. Благодаря археологии обрели исторический облик Комендантское кладбище и интерьеры Невской куртны Петропавловской крепости. В настоящее время осуществляется проект реставрации Летнего сада, предполагающий восстановление некоторых фонтанов XVIII в. Зимний дворец Петра Великого, выявленный в кладках стен Эрмитажного театра, может служить образцом бережного отношения к «археологизированному» наследию.

Во многих исторических городах широко применяется полная или частичная консервация руин на месте находки, демонстрация скоплений архитектурных и скульптурных деталей (лапидарии). Археологические заповедники под открытым небом экспонируют как отдельные древние кварталы в структуре современного города, так и целые древние города.

К счастью, Петербург не может быть археологическим музеем-заповедником под открытым небом, поскольку сохранил свою подлинную историческую застройку. В то же время, различные варианты использования археологических объектов в составе внешних экспозиций музеев, в рекреационных, туристско-экскурсионных и учебно-образовательных целях могут придать свежие черты образу города.

Источники и литература

Андреева О. В., Сорокин П. Е., Иоаннисян О. М. 2007. Научный отчет об археологических надзорных исследованиях в ходе реконструкции инженерного оборудования на территории

Петропавловской крепости в 2006–2007 гг. Ч. 1 – 1 этап. Ч. 2 – 2–3 этапы. Ч. 3 – 3–4 этапы [КГИОП, рег. № 3-(5192–5195) от 3.06.2008 г.]. СПб.

Глыбин В. А. 2006. Архитектурно-ландшафтный комплекс «Ораниенбаум». Комплекс Нижних домов. Раздел I. Кн. 4. Ч. 1. Отчет по результатам архитектурно-археологических исследований 2005 г. (КГИОП, рег. № 3-8813 от 19.12.2006 г.). СПб.

Градостроительный Кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 1 (ч. 1). М., 2005. Ст. 16.

Грач А. Д. 1957. Археологические раскопки в Ленинграде. М.; Л.

Грегоровиус Ф. 1903. История города Рима в средние века. СПб. Т. I.

Историческая застройка Санкт-Петербурга. Перечень вновь выявленных объектов. 2001. Справочник. СПб.

Европейская конвенция об охране археологического наследия. Лондон. 06.05.1969 г. // Собрание Постановлений Правительства СССР. № 4. М., 1981.

Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренный вариант). Совет Европы. Ла-Валетта. 16.01.1992 г. // Всемирное культурное и природное наследие. М., 1999.

Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная). Государства-члены Совета Европы. 16.01.1992 г. № 143 // Конвенции Совета Европы и Российская Федерация. М., 2000.

Закон Российской Федерации от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» // Российская газета. № 92, 15.05.1993.

Закон Российской Федерации от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 2. М., 2002. Ст. 133.

Закон Российской Федерации от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. № 26. М., 2002. Ст. 2519.

- Закон Санкт-Петербурга от 22.12.2005 г. № 728-99 «О Генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга» // Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга от 23.12.2005 г. № 51.
- Закон Санкт-Петербурга от 24.12.2008 г. № 820-7 «О границах зон охраны объектов культурного наследия и режимах использования земель в границах указанных зон и о внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О Генеральном плане Санкт-Петербурга и границах зон охраны объектов культурного наследия на территории Санкт-Петербурга» // Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга от 4.03.2009 г. № 7/1 (608/1).
- Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 137-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 44. М., 2001. Ст. 4147–4148.
- Кильдюшевский В. И. 2008. Научный отчет о проведении археологических исследований на территории бастиона Головкина Петропавловской крепости (КГИОП, рег. № 3-6276 от 3.07.2008, № 3-8661 от 11.09.2008 г.). СПб.
- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. № 1 (ч. 1). М., 2002. Ст. 1.
- Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. ЮНЕСКО. Париж. 16.11.1972 г. // Всемирное культурное и природное наследие. М., 1999.
- Кроленко И. И. 1986. Вопросы градостроительной защиты памятников археологии // Градостроительная охрана памятников истории и культуры. М.
- Лапшин В. А. 2005. Проведение анализа и систематизации документов и выполнение историко-культурной экспертизы объектов культурного наследия, исследованных археологами на территории Санкт-Петербурга (КГИОП. Ф. 950, VI-22, п. VI-17, Н-7026). СПб.
- Лебедев Г. С. 1992. Мета-Петербург (основания программы) // Петербургские чтения. Тезисы докладов. СПб.
- Лебедев Г. С. 1996. Методические основания археологического изучения, охраны и использования культурного слоя Санкт-Петербурга // Археология Петербурга. Вып. I. СПб.
- Лебедев Г. С. 1999. Первоначальный Петербург // Археология Петербурга. Вып. III. СПб.
- Липатов А. А. 2005а. Архитектурно-ландшафтный комплекс «Ораниенбаум». Раздел 1. Т. 4. Кн. 2. Отчёт об археологическом надзоре в ходе инженерных обследований памятников – элементов комплекса ГМЗ «Ораниенбаум» в 2004 г. (КГИОП, рег. № 3-1320 от 02.03.2006 г.). СПб.
- Липатов А. А. 2005б. Архитектурно-ландшафтный комплекс «Ораниенбаум». Раздел 1. Т. 5. Кн. 1. Отчёт об археологических исследованиях территории Собственной дачи в 2004 г. (КГИОП, рег. № 3-8870 от 21.12.2006 г.). СПб.
- Липатов А. А. 2006. Архитектурно-ландшафтный комплекс «Ораниенбаум». Раздел 1. Кн.7. Ч. 3. Отчёт об археологических исследованиях террас Китайского дворца, южных цветников и коллектора А. Ринальди. Ч. 1. Текст и чертежи. Ч. 2. Фотофиксация (КГИОП, рег. № 3-8811 от 14.12.2006 г.). СПб.
- Липатов А. А. 2007а. Архитектурно-ландшафтный комплекс ГМЗ «Ораниенбаум». Отчёт об археологических исследованиях террас Большого Меншиковского дворца, Гранитной лестницы и гротов в 2006–2007 гг. Ч. 1.1. Тексты и чертежи. Ч. 2.1–2. Фотофиксация. СПб.
- Липатов А. А. 2007б. Архитектурно-ландшафтный комплекс ГМЗ «Ораниенбаум». Раздел II. Т. 13. Археологические исследования элементов ансамбля Каталальной горы (КГИОП, рег. № 3-1098 от 7.02.2008 г.). СПб.
- Липатов А. А. 2007в. Отчёт об архитектурно-археологических исследованиях ограды Нижнего сада (КГИОП, рег. № 3-11512 от 8.12.2008 г.). СПб.
- Липатов А. А. 2008а. Архитектурно-ландшафтный комплекс ГМЗ «Ораниенбаум». Померанцевая оранжерея в Нижнем саду Большого (Меншиковского) дворца. Т. 2. Кн. 22.1. Ч. 4. Археологические шурфы. План шурфов на 2008 г. (КГИОП, рег. № 3-7253 от 29.07.2008 г.). СПб.
- Липатов А. А. 2008б. Отчёт об археологических исследованиях элементов ансамбля Каталальной горы в 2007 г. (КГИОП, рег. № 3-7256 от 29.07.2008 г.). СПб.
- Липатов А. А. 2008в. Отчёт об археологических исследованиях на территории Южного двора

- Большого Меншиковского дворца в 2007 г. Текст и чертежи. СПб.
- Липатов А. А. 2008г. Отчёт об археологических исследованиях на территории Нижнего сада и периметра террас Большого Меншиковского дворца в 2007 г. Текст и чертежи (КГИОП, рег. № 3-15899 от 16.03.2010 г.). СПб.
- Лихачев Д. С. 1963. Беречь памятники культуры // Нева. № 3.
- Международная хартия по охране исторических городов. ИКОМОС, октябрь 1987 г. // Всемирное культурное и природное наследие. М., 1999.
- Николаенко Ю. И., Глебова Т. Д. 2007. Отчёт об археологических исследованиях на территории Петропавловской крепости (ботардо Зотова, Трубецкого, Меншикова и Государева бастионов; шпицы и аппарели Государева, Меншикова и Зотова бастионов; горжи Меншикова, Зотова и Государева бастионов) (КГИОП, рег. 3-1007 от 7.02.2008 г.). СПб.
- Носов Е. Н., Субботин А. В., Кильдюшевский В. И. 2008а. Предварительный отчёт по теме: «Охранные археологические исследования на территории Петропавловской крепости в процессе замены кабельных сетей и дорожного покрытия» (КГИОП, рег. № 3-5192 от 3.06.2008 г.). СПб.
- Носов Е. Н., Субботин А. В., Кильдюшевский В. И. 2008б. Отчёт по теме: «Охранные археологические исследования на территории Петропавловской крепости в процессе замены кабельных сетей и дорожного покрытия. Часть 2 (КГИОП, № 3-7903 от 19.08.2008). СПб.
- Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга, состоящие под государственной охраной. 2005. Справочник. СПб.
- Петербургская стратегия сохранения наследия. Проект КГИОП. 2005. СПб.
- Плоткин К. М. 2002. Археологии Петербурга – 50 лет // Дизайн и строительство Петербурга. СПб. № 1(15). С. 20–22.
- Плоткин К. М. 2004. История археологического изучения Петербурга // Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга: Исследования и материалы. СПб. Вып. 7.
- Плоткин К. М. 2005. Проблемы учёта и сохранения археологического наследия Санкт-Петербурга // Археологическое изучение Санкт-Петербурга в 1996–2004 гг. (Труды Санкт-Петербургской археологической экспедиции СПбГУ. Т. 1). СПб.
- Приходько В. Ф. 2000. Земельный кадастр и археологическое наследие // Мониторинг археологического наследия и Земельный кадастр. Сборник статей. М.
- Распоряжение КГИОП от 24.12.2001 г. № 2 (реестровый № 797 от 24.04.2002) «Об установлении временных границ, режима содержания и использования зон участков исторического культурного слоя Санкт-Петербурга» // Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга от 20–26.05.2002 г. № 18 (263).
- Рекомендации по охране окружающей среды в районной планировке // ЦНИИП градостроительства Госгражданстроя. М., 1986. С. 70–76 (раздел 11 «Охрана памятников истории и культуры»).
- Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия. Екатеринбург, 2001.
- Соловьева Н. Ф. 2006. Отчет о выполнении работ по теме: Оценка наличия памятников архитектуры и культурного наследия на земельном участке под строительство собора Св. Екатерины. Второй и третий циклы: археологические исследования, архитектурно-археологические обмеры и камеральная обработка материала (текст, чертежи, рисунки, фотографии) (КГИОП, рег. № 3-7997 от 16.11.2006 г.). СПб.
- Соловьева Н. Ф. 2007. Отчет о выполнении работ по теме: Исследование архитектурных остатков собора Св. Екатерины в Пушкинском районе Санкт-Петербурга по договору № 8 от 29 марта 2007 г. между ИИМК РАН и ООО «Стройсвет». Археологические исследования, архитектурно-археологические обмеры и камеральная обработка материала. Текст. Приложение 1 (чертежи и фотографии) (КГИОП, рег. № 3-6474 от 21.08.2007 г.). СПб.
- Сорокин П. Е. 1998. Проект зон охраны археологического культурного слоя на территории Санкт-Петербурга. Том I. Часть I. История освоения устья Невы. Археологические объекты и культурный слой. Часть II. Проект зон охраны археологических памятников и культурного слоя на территории центральных районов Санкт-Петербурга (КГИОП, 3.0, Н-4528, Н-4529). СПб.

- Сорокин П. Е. 2001. Проект зон охраны археологического культурного слоя на территории Санкт-Петербурга. Т. II. Петродворцовый и Пушкинский районы Санкт-Петербурга. Части I–II (КГИОП, б/н). СПб.
- Сорокин П. Е. 2008. Краткий научный отчет по теме «Охранные археологические исследования на территории предполагаемого строительства по адресу: Красногвардейская площадь, д. 2» в 2006–2008 гг. (КГИОП, рег. № 3-8692 от 11.09.2008 г.). СПб.
- Сорокин П. Е. 2009. Предварительный краткий технический отчет по теме «Охранные археологические исследования на территории предполагаемого строительства по адресу: Красногвардейская площадь, д. 2» в 2006–2009 гг. Раскопы 10, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 5.1, 6.1, 7.1, 7.2, 14.1 (КГИОП, вх. № 3-6308 от 29.07.2009 г.). СПб.
- Сорокин П. Е., Глыбин В. А., Короткевич Б. С., Кошельков А. Н. 2009. Научный отчет по теме «Охранные археологические исследования на территории крепости Ниеншанц». Санкт-Петербург, Красногвардейская площадь, д. 2, в 2009 г. Часть 8. Раскоп 9. Т. 1. Текст. Т. 2, 3, 4. Альбом иллюстраций (КГИОП, вх. № 6308 от 29.07.2009 г.). СПб.
- Сорокин П. Е., Иванова А. В., Петров А. К., Григорьева О. В., Карамышев А. В. 2008б. Научный отчет по теме «Охранные археологические исследования на территории предполагаемого строительства по адресу: Красногвардейская площадь, д. 2» в 2007 г. Часть 7. Раскоп 8. Т. 1. Текст. Тома 2, 3. Альбом иллюстраций. Т. 4. Неолитические слои (КГИОП, вх. № 6308 от 29.07.2009 г.). СПб.
- Сорокин П. Е., Михайлов К. А., Гукин В. Д., Ахмадеева М. М., Васильев С. А. 2008а. Научный отчет по теме «Охранные археологические исследования на территории предполагаемого строительства по адресу: Красногвардейская площадь, д. 2» в 2007 г. Часть 6. Раскоп 7. Том 1. Текст. Тома 2, 3. Альбом иллюстраций (КГИОП, вх. № 6308 от 29.07.2009 г.). СПб.
- Сорокин П. Е., Стоянов Р. В., Глухов О. В., Грицик Е. В., Григорьева О. В., Васильев С. А. 2008в. Научный отчет по теме «Охранные археологические исследования на территории предполагаемого строительства по адресу: Красногвардейская площадь, д. 2» в 2007 г. Часть 11. Раскоп 12 (КГИОП, вх. № 6308 от 29.07.2009 г.). СПб.
- Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации. № 25. М., 1996. Ст. 2954.
- Федорова Е. В. 1998. Императорский Рим в лицах. Ростов-на-Дону.
- Формозов А. А., 1986. Страницы истории русской археологии. М.
- Шуньгина С. Е. 2006. Архитектурно-ландшафтный комплекс «Ораниенбаум». Отчёт об археологическом надзоре за земляными работами на территории комплекса ДПА «Ораниенбаум» (Пергола с западным и восточным спусками к воде Китайского пруда, Почётные ворота крепости Петерштадт, Каменное зало, Китайская кухня и Ледник) (КГИОП, рег. № 3-1669 от 13.03.2007 г.). СПб.
- Шуньгина С. Е. 2007а. Архитектурно-ландшафтный комплекс «Ораниенбаум». Отчёт об археологических исследованиях на территории комплекса ГМЗ «Ораниенбаум» в 2007 г. (Пергола, Ледник, Китайская кухня). Раздел I. Т. 4. Кн. 2. Ч. 3. СПб.
- Шуньгина С. Е. 2007б. Архитектурно-ландшафтный комплекс ГМЗ «Ораниенбаум». Померанцевая оранжерея в Нижнем саду Большого (Меншиковского) дворца. Шурфы. Раздел III. Т. 4 (КГИОП, рег. № 3-10235 от 20.12.2007 г.). СПб.
- Шуньгина С. Е. 2008. Померанцевая оранжерея в Нижнем Саду Большого (Меншиковского) дворца. Проект воссоздания. Комплексные научные изыскания. Т. 2. Кн. 22.1. Часть 4. Альбом 2. Натурные исследования. Археологические шурфы. Отчёт (КГИОП, рег. № 3-384 от 23.01.2009 г.). СПб.
- Theodosiani Libri XVI cum constitutionibus sirmondianis et leges novellae ad Theodasianum pertinentes, 1905. Berlin, Vol. II.

Приложение 1

**ПЕРЕЧЕНЬ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ)
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ
КОЛПИНСКИЙ РАЙОН**

№ п/п	НАИМЕНОВАНИЕ	АДРЕС	ПРАВОВОЙ АКТ
1	Место битвы войск Александра Невского со шведами в 1240 г.	пос. Усть-Ижора, берег р. Невы (в границах: р. Нева, ул. Труда, правый берег р. Большой Ижорки, Мурманское шоссе, ул. Славянская дорога)	Ф 527

КРОНШТАДТСКИЙ РАЙОН

№ п/п	НАИМЕНОВАНИЕ	АДРЕС	ПРАВОВОЙ АКТ
2	Итальянский дворец (Морское инженерное училище императора Николая II) (корпуса и фундамент разрушенной части), 1720–1727 гг., арх. И. Ф. Браунштейн; 1728–1733 гг., перестроен, арх. И. Х. Ферстер; 1771–1773 гг., перестроен для Морского Шляхетского корпуса, арх. С. И. Чевакинский, инж. И. Герард; 1843–1848 гг., перестроен для Штурманского полуэкипажа, арх. А. Н. Акутин, В. П. Стасов, К. И. Реймерс, И. Иванов; 1890–1900 гг., расширен, новые корпуса (два)	г. Кронштадт, Макаровская ул., 3	Ф 527

ЛОМОНОСОВСКИЙ РАЙОН

№ п/п	НАИМЕНОВАНИЕ	АДРЕС	ПРАВОВОЙ АКТ
ЛОМОНОСОВ, ВЕРХНИЙ ПАРК			
3	Павильон «Эрмитаж» (фундамент), 1750-е гг.; засыпан в кон. XVIII в.	Верхний парк, на р. Карасте у подножия крепости Петерштадт	Ф 527
4	Зверовой двор с фонтаном, 1750-е гг., засыпан в кон. XVIII в.	Верхний парк, на р. Карасте у подножия крепости Петерштадт	Ф 527
ЛОМОНОСОВ, КРЕПОСТЬ ПЕТЕРШТАДТ, ВЕРХНИЙ ПАРК			
5	Укрепления земляные (фрагменты), 1759–1762 гг.	Верхний парк, крепость Петерштадт	Ф 527
6	Гауптвахта (фундамент), 1757 г.; засыпана в 1810-е гг.	Верхний парк, крепость Петерштадт	Ф 527
7	Дом генерала Левина (фундамент), 1757 г.; засыпан в 1810-е гг.	Верхний парк, крепость Петерштадт	Ф 527
8	Дом генерала Ферстера (фундамент), 1757 г.; засыпан в 1810-е гг.	Верхний парк, крепость Петерштадт	Ф 527
9	Дом комендантский (фундамент), 1757 г.; засыпан в 1810-е гг.	Верхний парк, крепость Петерштадт	Ф 527
10	Кирха гарнизонная (фундамент), 1757 г.; засыпана в 1810-е гг.	Верхний парк, крепость Петерштадт	Ф 527
11	Арсенал (фундамент), 1757 г.; засыпан в 1810-е гг.	Верхний парк, крепость Петерштадт	Ф 527

ЛОМОНОСОВ, ДВОРЦОВО-ПАРКОВЫЙ АНСАМБЛЬ ВЕРХНЕГО ПАРКА И НИЖНЕГО САДА		г. ЛОМОНОСОВ, ДВОРЦОВЫЙ ПР., МЕЖДУ ДОМАМИ 48 и 50, ВЕРХНИЙ ПАРК, 1	
12	Дома кавалерские (пять) (фундаменты), 1760-е гг., арх. А. Ринальди; засыпаны в нач. XIX в.	Верхний парк, к востоку от эспланады Катальной горки	Ф 527
13	Галерея (фундамент), 1760-е гг.; засыпана в нач. XIX в.	Верхний парк, к западу от эспланады Катальной горки	Ф 527
14	Павильон «Эрмитаж» (фундамент). 1760-е гг.; засыпан в нач. XIX в.	Верхний парк, к северо-западу от Китайского дворца	Ф 527
15	Фонтан (фундамент). 1719 г., арх. И. Ф. Браун- штейн; засыпан в нач. 1770-х гг.	Нижний сад, восточная аллея	Ф 527
16	Фонтан (фундамент), 1719 г., арх. И. Ф. Браун- штейн; засыпан в нач. 1770-х гг.	Нижний сад, главная аллея	Ф 527
17	Фонтан (фундамент), 1719 г., арх. И. Ф. Браун- штейн; засыпан в нач. 1770-х гг.	Нижний сад, западная аллея	Ф 527
18	Оранжерея Померанцевая (фрагмент), 1747– 1748 гг., арх. Ф. Б. Растрелли	Дворцовый пр., Нижний сад	Ф 527

ПЕТРОДВОРЦОВЫЙ РАЙОН

№ п/п	НАИМЕНОВАНИЕ	АДРЕС	ПРАВОВОЙ АКТ
ДВОРЦОВО-ПАРКОВЫЙ АНСАМБЛЬ ПЕТЕРГОФ			
19	Павильон «Темпль» (фундамент), 1720–1721 гг., арх. И. Ф. Браунштейн; разобран и засыпан в 1870-е гг.	Нижний парк, восточный конец Мар- линской аллеи	Ф 527
20	Фонтан «Террасный» (фундамент), 1799–1800, арх. А. Н. Воронихин, фонтанный мастер Ф. А. Стрельников; засыпан в 1840-е гг.	Нижний парк, западнее Большого кас- када	Ф 527
21	Фонтаны Нишельные (пять), (фундаменты), 1721–1725 гг., ск. Н. Пино; засыпан в 1735 г.	Нижний парк, Большой (Самсоновский) канал, западный берег	Ф 527
22	Колоннада «Кривые галереи» (фундаменты), 1723 г., арх. Н. Микетти; разобрана, засыпаны фундаменты в 1770-е гг.	Нижний парк, Большой (Самсоновский) канал, у шлюза	Ф 527
23	Пруд Лебяжий, 1720 г., засыпан в 1860-е гг.	Нижний парк, у восточного Вольера	Ф 527
24	Усадьба Д. Кваренги (фундамент), 1780-е гг.; нач. XIX в.	Английский парк, к северу от Англий- ского дворца	Ф 527
ДВОРЦОВО-ПАРКОВЫЙ АНСАМБЛЬ СТРЕЛЬНА			
25	Церковь Спаса Преображения Господня (фундаменты), 1708 г.; 2 пол. XVIII в., XIX в.; разрушена в 1930-е – 1940-е гг.	пос. Стрельна, Больничная горка, 2, к востоку от дворца Петра I	Ф 527
26	Купальня, нач. 1860-х гг., арх. Г. Э. Боссе; разрушена в 1941–1944 гг.	пос. Стрельна, Верхний сад, на Западном пруду	Ф 527
27	Оранжереи: западный флигель Большой оранжереи (Школа садоводства), нач. XIX в. (Большая Оранжерея), 1905 г. (реконструкция западного флигеля), разобрана в 1920-е – 1930-е гг., разрушена в 1941–1944 гг.; оранжереи (две), 2-я пол. XIX в., перестройка в нач. XX в., разрушены в 1940-е гг.	Пос. Стрельна, Парковая ул., 6	Ф 527

МОНАСТЫРЬ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ПУСТЫНЬ		ПОС. СТРЕЛЬНА, САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ШОССЕ, 15	
28	Часовня Руденской Божией Матери (фундамент), 1876 г.; разрушена в 1940-е гг.	пос. Стрельна, Троице-Сергиева пустынь, Санкт-Петербургское шоссе, 15, к востоку от церкви Святителя Григория Богослова	Ф 527
29	Церковь Покрова Пресвятой Богородицы (фундамент), 1844–1863 гг., арх. Р. И. Кузьмин, Г. Э. Боссе; разрушена в 1960-е гг.	пос. Стрельна, Троице-Сергиева пустынь, Санкт-Петербургское шоссе, 15, к северо-востоку от Братского корпуса	Ф 527
30	Часовня Николаевых (фундамент и цоколь), вторая пол. XIX в.; разрушена в 1940-е гг.	пос. Стрельна, Троице-Сергиева пустынь, Санкт-Петербургское шоссе, 15, к северо-востоку от Братского корпуса	Ф 527
31	Церковь Воскресения Христова (фундамент), 1873–1884 гг., арх. А. А. Парланд; разрушена в 1968 г.	пос. Стрельна, Троице-Сергиева пустынь, Санкт-Петербургское шоссе, 15, к северу от Братского корпуса	Ф 527
32	Ризница и усыпальница Мятлевых (фундаменты), 1859 г.; разрушены в 1930-е – 1940-е гг.	пос. Стрельна, Троице-Сергиева пустынь, Санкт-Петербургское шоссе, 15, к юго-востоку от церкви Преподобного Сергия Радонежского	Ф 527
33	Собор Троицкий (фундамент), сер. XVIII в., арх. П. А. Трезини; разрушен в 1962 г.	пос. Стрельна, Троице-Сергиева пустынь, Санкт-Петербургское шоссе, 15, центральная часть монастыря	Ф 527
34	Часовня Тихвинской Божией Матери (фундамент), 2 пол. XIX в.; разрушена в 1940-е гг.	пос. Стрельна, Троице-Сергиева пустынь, Санкт-Петербургское шоссе, 15, центральная часть монастыря	Ф 527
35–40	Могила А. М. Горностаева (1808–1862 гг.), 1879 г (надгробие); А. М. Горчакова (1798–1883 гг.), канцлера, дипломата, 1998 г. (надгробие); И. П. Мятлева (1796–1844 гг.), поэта; П. Г. Ольдебургского (1784–1881 гг.), общественного деятеля, 1999 г., надгробие; Е. А. Штакеншнейдер (1836–1897 гг.), писательницы; А. И. Штакеншнейдера (1802–1865 гг.), архитектора, 1996 г. (надгробие)	пос. Стрельна, Троице-Сергиева пустынь, Санкт-Петербургское шоссе, 15	Ф 527

ПУШКИНСКИЙ РАЙОН

№ п/п	НАИМЕНОВАНИЕ	АДРЕС	ПРАВОВОЙ АКТ
41	Юго-восточный бастион Зверинца со рвом (остатки), 1750–1752 гг., инж. П. Островский, арх. Ф. Б. Растрелли	г. Пушкин, пейзажная часть Александровского парка вокруг Белой башни	Ф 527

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЙОН

№ п/п	НАИМЕНОВАНИЕ	АДРЕС	ПРАВОВОЙ АКТ
ЛЕТНИЙ САД			
42	Фонтан «Коронный» (фундаменты), 1730-е гг., арх. Ф. Б. Растрелли, засыпан в 1786 г.	Летний сад, Большой партер у Лебяжьего канала	Ф 527
43	Каскад «Амфитеатр» (фундаменты), 1734–1736 гг., арх. Ф. Б. Растрелли; засыпан в 1786 г.	Летний сад, Большой партер у Лебяжьего канала, аллея Росси	Ф 527
44	Боскет «Крестовое гульбище» с фонтаном (фундаменты), 1720 г.; засыпан в 1786 г.	Летний сад, Боскет у Главной аллеи	Ф 527
45	Пруд Менажерийный (Птичий) (фундаменты), 1719 г., Петр I (замысел), мастер Т. Фонармус; засыпан в 1786 г.	Летний сад, Боскет у Главной аллеи	Ф 527

46	Птичий двор с павильоном «Голубятня» и фонтаном (фундаменты), 1719 г., арх. Г. И. Маттарнови; засыпаны в 1786 г.	Летний сад, Боскет у Главной аллеи	Ф 527
47	Каскад Дельфиновый (фундаменты), 1718–1720 гг., арх. Н. Пино; засыпан в 1786 г.	Летний сад, Боскет у Главной аллеи перед Чайным домиком	Ф 527
48	фонтан «Нарцисс» (фундаменты), нач. 1720-х гг.; засыпан в 1786 г.	Летний сад, Боскет у Летнего дворца	Ф 527
49	Фонтан «Фаворитка» (фундаменты), 1725–1727 гг., арх. М. Г. Земцов; засыпан в 1786 г.	Летний сад, Газон перед Кофейным домиком	Ф 527
50	Оранжерея Большая (фундаменты), 1715 г., арх. А. Шлютер; засыпан в 1786 г.	Летний сад, Газон у Главной аллеи, часть территории хозяйственного двора	Ф 527
51	Фонтан Гербовый (фундаменты), 1720 г., арх. Н. Микетти; засыпан в 1786 г.	Летний сад, Главная аллея, вторая площадка	Ф 527
52	Фонтан (фундаменты), 1706–1708 гг.; засыпан в 1786 г.	Летний сад, Главная аллея, первая площадка	Ф 527
53	Фонтан (фундаменты), 1706–1708 гг.; засыпан в 1786 г.	Летний сад, Главная аллея, третья площадка	Ф 527
54	Палаты Новые (Летний дворец Екатерины I) (фундаменты), 1721–1723 гг., арх. С. Ван Звитген; засыпан в 1778 г.	Летний сад, Лебяжий канал, Дворцовая аллея	Ф 527
55	Фонтан «Пирамида» (фундаменты), 1723 г., 1728 г. (перестройка), арх. М. Г. Земцов; засыпан в 1786 г.	Летний сад, Главная аллея, четвёртая площадка	Ф 527
56	Фонтан (фундаменты), нач. 1720-х гг.; засыпан в 1786 г.	Летний сад, У каменной террасы на Лебяжьем канале	Ф 527
57	Гаванец (фундаменты), 1705 г.; засыпан в 1780 г.	Летний сад, наб. р. Фонтанки, у южного фасада дворца	Ф 527
58	Фонтан «Ла-Коста» (фундаменты), нач. 1720-х гг., засыпан в 1786 г.	Летний сад, Газон перед Кофейным домиком	Ф 527
59	Фонтан Нишельный фигурный в садовом лабиринте, 1720-е гг., арх. М. Г. Земцов; засыпан в 1786 г.	Летний сад, Боскет у Лебяжьего канала	Ф 527
60	Фонтан Нишельный круглый в садовом лабиринте, 1720-е гг., арх. М. Г. Земцов; засыпан в 1786 г.	Летний сад, Боскет у Лебяжьего канала	Ф 527
61	Фонтан (фундамент) в саду дворца Шереметевых, 1750-е гг.; засыпан в кон. XVIII в.	Набережная р. Фонтанки, 34, сад, главная аллея	Ф 527

Ф 527 – Постановление Правительства РФ от 10.06.2001 г. № 527

**ПЕРЕЧЕНЬ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ)
РЕГИОНАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ
КРАСНОСЕЛЬСКИЙ РАЙОН**

62	Земляной редут (Красное Село 1), XVII в., шведское укрепление	Ленинский пр., ул. Свободы	Р 30-10
----	---	----------------------------	---------

Р 30-10 – Закон Санкт-Петербурга от 20.03.1996 г. № 30-10

**ПЕРЕЧЕНЬ ВЫЯВЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ)
АДМИРАЛТЕЙСКИЙ РАЙОН**

№ п/п	НАИМЕНОВАНИЕ	АДРЕС	П р и к а з КГИОП
1	Введенский сад с фонтаном и фундаментом собора Введения во храм Пресвятой Богородицы лейб-гвардии Семеновского полка; собор 1837–1842 гг., арх. К. А. Тон; снесен в 1932 г.	Загородный пр., между домами 45 и 47	от 20.02.2001 г. № 15
2	Церковь Св. мученика Мирония лейб-гвардии Егерского полка (фундамент), 1849–1855 гг., арх. К. А. Тон; снесена в 1934 г.	наб. Обводного кан., 99	от 20.02.2001 г. № 15
3	Церковь Успения Пресвятой Богородицы «Спас на Сенной» (фундамент), 1753–1761 гг., арх. А. В. Квасов(?); 1816–1817 гг., перестройка, арх. Л. Руска; 1833–1835 гг., перестройка, арх. А. И. Мельников; 1867 г., перестройка, арх. Г. И. Карпов; 1901–1904 гг., пристройка притворов; снесена в 1961 г.	Сенная пл.	от 20.02.2001 г. № 15
4	Покровский сквер (с фундаментом церкви Покрова Пресвятой Богородицы); церковь 1798–1803 гг., арх. И. Е. Старов; снесена в 1934 г.; раскопки В. А. Кореневита, 1999 г.	пл. Тургенева	от 20.02.2001 г. № 15

ВАСИЛЕОСТРОВСКИЙ РАЙОН

№ п/п	НАИМЕНОВАНИЕ	АДРЕС	П р и к а з КГИОП
5	Химическая лаборатория М. В. Ломоносова и «Бонов дом», в котором в 1741–1756 гг. жил М. В. Ломоносов (фундаменты)	В.О., 2-я линия, д. 43	от 30.01.2006 г. №8-5

КРАСНОГВАРДЕЙСКИЙ РАЙОН

№ п/п	НАИМЕНОВАНИЕ	АДРЕС	П р и к а з КГИОП
6	Ниеншанц (Охта 1), шведская крепость 1611–1703 гг.: участки культурного слоя XIV–XVIII вв., грунтовый могильник XVI–XVII вв.; раскопки П. Е. Сорокина, 1993 г.	Красногвардейская пл., 2 (территория между р. Невой и левым берегом устья р. Большая Охта)	от 10.05.2001 г. № 48
7	Центральная часть города Ниена (Охта 2): культурный слой XVI–XVII вв.; раскопки П. Е. Сорокина 1998–1998 гг.	В границах: Конторская ул.; Среднеохтинский пр.; Красногвардейская пл.	от 10.05.2001 г. № 48

НЕВСКИЙ РАЙОН

№ п/п	НАИМЕНОВАНИЕ	АДРЕС	П р и к а з КГИОП
8	Церковь Божией Матери Всех Скорбящих Радости (подвалы, фундамент), 1894–1898 гг., арх. А. И. фон Гоген, А. В. Иванов; снесена в 1933 г.; раскопки А. А. Никоновой, 1996 г.	пр. Обуховской Обороны, 22	от 10.05.2001 г. № 48

ПЕТРОГРАДСКИЙ РАЙОН

№ п/п	НАИМЕНОВАНИЕ	АДРЕС	П р и к а з КГИОП
9	Церковь Введения во Храм Пресвятой Богородицы (фундамент), 1793–1810 гг.; 1839–1840 гг., арх. И. М. Лейм; В. Е. Морган; снесена в 1932 г.	Введенская ул.; Б. Пушкарская ул., сквер	от 20.02.2001 г. № 15
10	Церковь Апостола Матфея и Покрова Пресвятой Богородицы (фундамент), конец 1790–1800-е гг., арх. Л. И. Миллер; снесена в 1932 г.; раскопки П. Е. Сорокина, 2001 г.	Б. Пушкарская ул., 35; Ленина ул., 5, сквер	от 20.02.2001 г. № 15
11	Собор Пресвятой Троицы (Троице-Петровский) (фундаменты), 1710–1711 гг.; 1754–1756 гг., восстановлена после пожара, арх. С. А. Волков; 1924–1926 гг., реставрация, арх. Е. И. Катонин; снесен в 1933 г.; раскопки П. Е. Сорокина, 1996 г., 1998 г., 2003 г.	Троицкая пл., у д. 3	от 10.05.2001 г. № 48

ПЕТРОДВОРЦОВЫЙ РАЙОН

№ п/п	НАИМЕНОВАНИЕ	АДРЕС	П р и к а з КГИОП
ПЕТЕРГОФ			
12	Павильон «Ренелла» в усадьбе «Знаменка» (фундамент и берегоукрепление), 1845 г., арх. А. И. Штакеншнейдер	Санкт-Петербургское шоссе, 115	от 20.02.2001 г. № 15
СТРЕЛЬНА			
13	Имение А. Д. Меншикова «Фаворит» (фрагмент исторической территории с элементами рельефа, планировки, дамбой, пристанью, плотиной верхнего пруда, фундаментами дворца, флигелей и оранжерей), конец 1710-х – 1720-е гг., арх. И. Ф. Браунштейн(?)	пос. Стрельна, Санкт-Петербургское шоссе, к северо-востоку от пересечения с ул. Крылова	от 20.02.2001 г. № 15

ПУШКИНСКИЙ РАЙОН

№ п/п	НАИМЕНОВАНИЕ	АДРЕС	П р и к а з КГИОП
14	Усадьба Дж. Кваренги (фундаменты построек, сад), 1782–1784 гг.; раскопки П. Е. Сорокина, С. А. Кашаева, О. В. Андреевой, 1995 г.	Пушкин, Дворцовая ул., 1	от 20.02.2001 г. № 15
15	Сквер на б. Соборной площади с фундаментом собора Св. Екатерины и захоронениями; собор и сквер 1835–1840 гг., арх. К. А. Тон; снесен в 1939 г.	Пушкин, Леонтьевская ул., Московская ул., Оранжерейная ул., Пушкинская ул.	от 20.02.2001 г. № 15
16	Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы (фундамент), 1785 г., арх. Д. Кваренги; разрушена в 1941–1944 гг.	Петербургское шоссе, левый берег р. Кузьминки (Кузьминское кладбище)	от 20.02.2001 г. № 15

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЙОН

№ п/п	НАИМЕНОВАНИЕ	АДРЕС	П р и к а з КГИОП
17	Церковь Рождества Христова на Песках (фундамент), 1781–1789 гг., арх. П. Е. Егоров; 1850–1851 гг., внутренние перестройки, арх. Я. В. Ветлужский, В. Ф. Небольсин, Л. И. Шевцов; 1886–1887 гг., арх. И. П. Ропет; снесена в 1934 г.; раскопки П. Е. Сорокина, 2001 г.	6-я Советская ул.; Красноборский пер., сквер	от 20.02.2001 г. № 15
18	Церковь Рождества Богородицы (фундамент), 1733–1737 гг., арх. М. Г. Земцов; разобрана в 1810–1811 гг.; раскопки В. А. Кореневита, 2000 г.	Невский пр., между домами 25 и 27	от 20.02.2001 г. № 15

**Перечень археологических объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия
АДМИРАЛТЕЙСКИЙ РАЙОН**

№ п/п	Наименование	Адрес
1	Стенки набережных и элементы конструкций Адмиралтейского канала, 1720-е гг.; засыпан в 1840-е гг.; раскопки В. А. Коренцвита, 1992 г.	пл. Декабристов, вдоль западного крыла Адмиралтейства и по оси Конногвардейского бульвара до Крюкова канала
2	Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы лейб-гвардии Конного полка (фундамент), 1844–1849 гг., арх. К. А. Тон; снесена в 1929 г.; раскопки В. А. Коренцвита, 1992 г.	пл. Труда, напротив д. 6
3	Внутренние каналы Адмиралтейства (стенки набережных), XVIII в.; засыпаны в 1874 г.; раскопки П. Е. Сорокина, 2003 г.	Адмиралтейская наб., 2, Адмиралтейский проезд, 1 (на территории <i>ОКН</i> федерального значения Главное Адмиралтейство)
4	Екатерингофский дворец (фундамент), 1711 г.; 1750 г., арх. Г. ван Болес; сгорел в 1926 г.; раскопки П. Е. Сорокина, 2003 г.	Лифляндская ул., 12 (на территории парка Екатерингоф, объекта культурного наследия регионального значения)
5	Екатерингофский канал, прорыт в 1711 г.; 1752–1755 гг., устройство берегоукрепления; 1820-е гг., ремонт; раскопки П. Е. Сорокина, 2003 г.	Лифляндская ул., 12 (на территории парка Екатерингоф, объекта культурного наследия регионального значения)
6	Екатерингофский коллектор, 1712 г., по рисунку Петра I; раскопки П. Е. Сорокина, 2003 г.	Лифляндская ул., 12 (на территории парка Екатерингоф, объекта культурного наследия регионального значения)
7	Павильон Русские избы (фундамент), 1825 г., арх. О. Монферан; разобран в 1880-е гг.; раскопки П. Е. Сорокина, 2004 г.	Лифляндская ул., 12 (на территории парка Екатерингоф, объекта культурного наследия регионального значения)
8	Трактир (фундамент), 1825 г., арх. О. Монферан; разобран в 1880-е гг.; раскопки П. Е. Сорокина, 2004 г.	Лифляндская ул., 12 (на территории парка Екатерингоф, объекта культурного наследия регионального значения)

ВАСИЛЕОСТРОВСКИЙ РАЙОН

№ п/п	Наименование	Адрес
9	Троицкая церковь в Гавани (фундамент), 1725 г.; 1792 г., арх. Я. Перрен; 1824 г., 1862 г., 1887 г., 1893 г. – ремонты; снесён в 1927 г.; раскопки П. Е. Сорокина, 2004 г.	Наличная ул., 6
10	Здание Двенадцати коллегий: крыльцо и бульжная мостовая, 1763–1771 гг.; разобраны в 1834–1837 гг.; фундамент предшествующего здания и дренажный коллектор, первая треть XVIII в.; раскопки П. Е. Сорокина, 2000–2002 гг.	Университетская наб., 7, Менделеевская линия 2, литер А (в составе <i>ОКН</i> федерального значения)

ВЫБОРГСКИЙ РАЙОН

№ п/п	Наименование	Адрес
11	Крепость земляная (Осиновая роща 1), конец XVIII в.; разведка П. Е. Сорокина, 1998 г.	Пос. Осиновая Роща, Приозерское шоссе, на территории в/ч № 20160
12	Церковь Св. Василия Великого в Осиновой Роще (фундамент), 1861–1862 гг., деревянная, арх. Ф. С. Харламов; раскопки К. М. Плотикина, 2003 г.	Пос. Осиновая Роща, на территории усадьбы Е. И. Лопухиной (Левашовых, Вяземских) «Осиновая Роща» (<i>ОКН</i> федерального значения)

КАЛИНИНСКИЙ РАЙОН

№ п/п	Наименование	Адрес
13	Церковь Спаса Происхождения честных древ (Спасо-Бочаринская) (фундамент и кладбище), 1714 г., 1744 г., деревянная; 1749–1767 гг., каменная; снесена в 1932 г.; раскопки П. Е. Сорокина, 2001 г.	ул. Комсомола, 28, ул. Михайлова, 9

КОЛПИНСКИЙ РАЙОН

№ п/п	Наименование	Адрес
14	Штерн-шанец в селе Корчмино (Саперный 1), XVII–XVIII вв.; разведка П. Е. Сорокина, 1994 г., 1998 г.	пос. Саперный, левый берег р. Невы
15	Крепость земляная (Усть-Ижора 2), 1707 г.; раскопки П. Е. Сорокина, 1989 г.	пос. Усть-Ижора, устье р. Ижора, правый берег (на территории ОКН федерального значения Место битвы войск Александра Невского со шведами в 1240 г.)
16	Позднесредневековые поселения (четыре) (Усть-Ижора 3), XIV–XVII вв.; раскопки П. Е. Сорокина, 1989 г.	пос. Усть-Ижора, устье р. Ижора, правый и левый берега (на территории ОКН федерального значения Место битвы войск Александра Невского со шведами в 1240 г.)

КУРОРТНЫЙ РАЙОН

№ п/п	Наименование	Адрес
17	Комплекс неолитических стоянок Сестрорецкий Разлив 1–6; исследования А. Штакельберга и др., 1915 г., С. А. Яковлева, Г. П. Сосновского, Б. Ф. Землякова и др., 1920 г., 1921 г., 1923 г.	озеро Сестрорецкий Разлив, западный берег (стоянки № 1–5 находятся под водой, стоянка № 6 – на дюнном всхолмлении берега)
18	Комплекс стоянок на Тарховской косе (Тарховка 1): стоянка Тарховская – неолит, стоянка Глиняный ручей – ранний металл; исследования М. Я. Рудинского, Г. П. Сосновского, Б. Ф. Землякова, 1916–1917 гг., 1921 г.	озеро Сестрорецкий Разлив, восточный берег, Тарховская коса, у Глиняного ручья
19	Группа углежогных насыпей в урочище Сосновая гора; сер. XVIII – нач. XIX вв.; раскопки С. С. Гамченко, 1908–1914 гг.; разведка П. Е. Сорокина, 1995–1997 гг.	озеро Сестрорецкий Разлив, северо-восточный берег, Сосновая гора
20	Дворец Петра I в Дальних Дубках (фундамент), 1722–1726 гг., арх. Ван Звитен; разобран в 1780-е гг.; раскопки П. Е. Сорокина, 2004 г.	г. Сестрорецк, парк Дубки (на территории ОКН федерального значения)
21	Гавань вблизи дворца Петра I в Дальних Дубках (конструкция берегоукрепления), 1722–1726 гг., арх. Ван Звитен; разобраны в 1780-е гг.; раскопки П. Е. Сорокина, 2004 г.	г. Сестрорецк, парк Дубки (на территории ОКН федерального значения)

НЕВСКИЙ РАЙОН

№ п/п	Наименование	Адрес
22	Церковь Покрова Богородицы в селе Рыбацком (фундаменты и кладбище), 1716 г., деревянная; 1742–1744 гг., каменная; 1784–1792 гг., верхний храм; разобрана в 1930-е гг.; раскопки П. Е. Сорокина, 2001 г.	Рыбацкий пр., 12

ПЕТРОГРАДСКИЙ РАЙОН

№ п/п	Наименование	Адрес
23	Спасо-Преображенская Колтовская церковь (фундаменты и кладбище), 1727 г., деревянная; 1761–1763 гг., деревянная; 1861–1874 гг., каменная, арх. А. Т. Жуковский; разобрана в 1932 г.; раскопки С. Л. Кузьмина, 1998 г., П. Е. Сорокина, 2001 г.	Новоладожская ул., 8

ПЕТРОДВОРЦОВЫЙ РАЙОН

№ п/п	Наименование	Адрес
24	Стрельнинский (Константиновский) дворец: утраченные галереи, коллектор, каскадные площадки, подпорные стенки на террасах, 1720–1730 гг., арх. Н. Микетти, Т. Усов, М. Земцов; разобраны в 1799–1804 гг.; раскопки О. М. Иоаннисяна, П. Л. Зыкова, 2002 г.	Пос. Стрельна, Березовая ул., 3 (на территории <i>ОКН</i> федерального значения)
25	Дворец А. Ф. Орлова (фундамент), 1834 г., арх. П. С. Садовников; сгорел в 1941–1944 гг.; раскопки П. Е. Сорокина, 2004 г.	СПб, Петродворцовый р-н, пос. Стрельна, Орловский парк (на территории <i>ОКН</i> федерального значения)

ПРИМОРСКИЙ РАЙОН

№ п/п	Наименование	Адрес
26	Лахтинская стоянка (Ольгино I), Ранний металл; раскопки Б. Ф. Землякова, А. А. Спицына, 1923 г., разведка П. Е. Сорокина, 1997 г.	пос. Ольгино, на пересечении Юнтоловской ул. и Полевой ул.
27	Петровский мемориальный комплекс в Лахте «Петр I спасает рыбаков»: фундамент часовни (1893–1894 гг., арх. В. В. Шауб), груда сколов с Гром-камня, пристань из гранитных валунов, производственная насыпь XVIII в., 1724 г.; 1770 г., погрузка Гром-камня для постамента мелного всадника	Лахтинский пр., 104, берег Финского залива

ПУШКИНСКИЙ РАЙОН

№ п/п	Наименование	Адрес
28	Церковь Смоленской Божией Матери в селе Б. Пулково (фундаменты, нижние части стен, своды 1 яруса), 1782–1784 гг., арх. Д. Кваренги; разрушена в 1941–1944 гг.	Петербургское шоссе, 2-й км, правый берег р. Пулковки
29	Коллектор, сер. XVIII в.; раскопки П. Е. Сорокина, 2004 г.	г. Пушкин, Екатерининский парк, Фрейлинский сад, на территории <i>ОКН</i> федерального значения

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ РАЙОН

№ п/п	Наименование	Адрес
30	Спасское село: культурный слой XV–XVIII вв. и остатки утраченных сооружений XVIII в.; раскопки П. Е. Сорокина, 1994 г.	Смольная наб., перед Смольным монастырём
31	Грунтовый могильник в курдонере Шереметевского дворца, XV–XVII вв.; раскопки П. Е. Сорокина, 2004 г.	Наб. р. Фонтанки, 34 (на территории <i>ОКН</i> федерального значения)
32	Усадьба М. Ф. Апраксина (фундаменты), 1716–1723 гг., Ж.-Б. Леблон; разобрана в 1732 г. и 1752 г.; раскопки О. М. Иоаннисяна и др., 1999 г., 2001 г., 2002 г.	Дворцовая наб., 38 (Большой двор Зимнего дворца, на территории <i>ОКН</i> федерального значения)
33	Усадьба С. Рагузинского-Владиславлева (фундаменты), 1715 г.; разобрана в 1752 г.; раскопки О. М. Иоаннисяна и др., 1999 г., 2002 г.	Дворцовая наб., 38 (Большой двор Зимнего дворца, на территории <i>ОКН</i> федерального значения)
34	Усадьба А. В. Кикина (Морская академия) (фундаменты), 1711 г.; разобрана в 1732 г.; раскопки О. М. Иоаннисяна и др., 1999 г., 2002 г.	Дворцовая наб., 38 (Большой двор Зимнего дворца, на территории <i>ОКН</i> федерального значения)
35	Дворовое крыльцо 5-го и 7-го Зимних дворцов (фундаменты), 1732–1736 гг., арх. Б. К. и Б. Ф. Растрелли; 1754–1762 гг., арх. Б. Ф. Растрелли; 1885 г., арх. Н. А. Горностаев; раскопки О. М. Иоаннисяна и др., 1999 г., 2002 г.	Дворцовая наб., 38 (Большой двор Зимнего дворца, на территории <i>ОКН</i> федерального значения)
36	Ограды западин между ризалитами южного фасада Зимнего дворца (фундаменты), вторая четверть XIX в.; раскопки О. М. Иоаннисяна и др., 2002 г.	Дворцовая наб., 36 – Дворцовая пл.
37	Флигель Зимнего дворца Анны Иоанновны (фундамент), 1746–1747 гг., арх. Б. Ф. Растрелли; разобран в 1750-е гг.; раскопки Я. В. Френкеля, 2002 г.	Дворцовая пл, у сада и юго-западного ризалита Зимнего дворца
38	Усадьба Н. Ф. Головина (фундаменты), 1734–1738 гг., арх. П. Е. Еропкин (?); снесена в 1763–1765 гг.; раскопки О. М. Иоаннисяна и др., 1999 г., 2002 г.	Дворцовая наб., 34–36; Миллионная ул., 35–37 (южная часть Шуваловского проезда, на территории <i>ОКН</i> федерального значения)
39	Усадьба Г. П. Чернышева (фундаменты), 1719–1721 гг., главный дом; 1740-е гг., служебные корпуса; снесены в 1759 г.; раскопки О. М. Иоаннисяна и др., 2001 г.	Дворцовая наб., 34 (Эрмитаж, Черный проезд, на территории <i>ОКН</i> федерального значения)
40	Усадьба П. И. Ягужинского (фундаменты), 1715–1723 гг., арх. Ф. Васильев, Г. И. Маттарнови, Н. Ф. Гербель; снесена в 1755 г.; раскопки О. М. Иоаннисяна и др., 2001 г.	Дворцовая наб., 34 (Эрмитаж, Черный проезд, на территории <i>ОКН</i> федерального значения)
41	Усадьба М. Д. Олсуфьева (фундаменты), 1719–1723 гг.; 1738 г., каменный флигель; 1740-е гг., каменные служебные корпуса; разобраны в 1777–1780-е гг.; раскопки О. М. Иоаннисяна и др., 2001 г.	Дворцовая наб., 34 (Большой двор Старого Эрмитажа, на территории <i>ОКН</i> федерального значения)
42	Усадьба К. И. Крюйса (фундаменты), 1719–1723 гг., служебный корпус; разобран в 1763 г.; раскопки О. М. Иоаннисяна и др., 2001 г.	Дворцовая наб., 34 (Большой двор Старого Эрмитажа, на территории <i>ОКН</i> федерального значения)
43	Конюшни (фундаменты), 1767 г., арх. Ю. М. Фельтен; снесены в 1841 г.; раскопки О. М. Иоаннисяна и др., 2001 г.	Дворцовая наб., 34, Миллионная ул., 35 (Эрмитаж, Шуваловский проезд, на территории <i>ОКН</i> федерального значения)

44	Прачечный двор (фундаменты), начало 1720-х гг., арх. Д. Трезини; 1744 г. и 1763 г., перепланировки; разобран в 1783 г.; раскопки О. М. Иоаннисяна и др., 2001 г.	Дворцовая наб., 34 (Большой двор Старого Эрмитажа, на территории <i>ОКН</i> федерального значения)
45	Дежурные Императорские конюшни (фундаменты), 1828 г., арх. С. Л. Шустов; разобраны в 1841 г.; раскопки О. М. Иоаннисяна и др., 2001 г.	Дворцовая наб., 34 (Большой двор Старого Эрмитажа, на территории <i>ОКН</i> федерального значения)
46	Зимний дворец Петра I (части стен в составе здания Эрмитажного театра), 1711 г., арх. Д. Трезини; исследования Е. М. Баженовой, Г. В. Михайлова, 1985–1989 гг.; О. М. Иоаннисяна и др., 2002 г.	Дворцовая наб., 32, Миллионная ул., 33 (в составе <i>ОКН</i> федерального значения)
47	Императорский Почтовый дом (фундамент), 1735 г.; перенесен в 1782 г.; раскопки О. М. Иоаннисяна и др., 2002 г.	Миллионная ул., 36–38
48	Манеж с жилым флигелем (фундамент), 1765–1766 гг., арх. Ю. Фельтен; раскопки О. М. Иоаннисяна и др., 1999 г., 2002 г.	Дворцовая наб., 34, Миллионная ул., 35 (южная часть Шуваловского проезда, на территории <i>ОКН</i> федерального значения)
49	Дом маклера П. Майера (фундамент), вторая пол. XVIII в.; раскопки Ю. М. Лесмана, 2002 г.	Миллионная ул., 36, наб. Зимней канавки
50	Квартал XVIII – начала XIX вв. на месте Певческого проезда, 1710-е – 1819 гг.; раскопки Ю. М. Лесмана, 2002 г.	Певческий проезд
51	Усадьба Ю. М. Фельтена (остатки стен), 1773–1777 гг., арх. Ю. Фельтен; 1886–1889 гг., включены в комплекс Певческой капеллы; раскопки Ю. М. Лесмана, 2000 г.	Наб. р. Мойки, 20 (на территории Певческой капеллы, <i>ОКН</i> федерального значения)
52	Третий Летний дворец (фундамент), 1741–1745 гг., арх. Б. Ф. Растрелли; разобран в 1796 г.; раскопки П. Е. Сорокина, 2002 г.	Садовая ул., 2, Михайловский замок (на территории <i>ОКН</i> федерального значения)
53	Летний дворец Екатерины I (фундамент), 1712 г., деревянный; разобран в сер. XVIII в.; раскопки П. Е. Сорокина, 2002 г.	Садовая ул., наб. р. Мойки, Михайловский сад (на территории <i>ОКН</i> федерального значения)

Приложение 2

Территории зон археологического слоя 1 и 2 (далее в настоящем разделе ЗА 1, ЗА 2)

Василеостровский район Санкт-Петербурга

От Тучкова моста, левый берег р. М. Невы до истока р. Смоленки, левый берег р. Смоленки, Камская ул., 17-я линия до д. 16, параллельно Большому пр., 19-я линия, параллельно Большому пр., 22-я линия, параллельно Большому пр., Кожевенная линия через Масляный кан. до наб. лейтенанта Шмидта, до 13-й линии, через русло р. Б. Невы до Ново-Адмиралтейского кан.

Адмиралтейский и Центральный районы Санкт-Петербурга

Ново-Адмиралтейский кан., р. Мойка, р. Пряжка, Лоцманская ул., Старо-Калинкин мост, наб. р. Фонтанки (левый берег), ул. Степана Разина, Рижский пр., в южном направлении, исключая д. 70 по Рижскому пр. и д. 41 по Курляндской ул., Курляндская ул., Старо-Петергофский пр., включая д. 52 по Рижскому пр., Рижский пр., ул. Циолковского, Курляндская ул., Дровяная ул., Рижский пр., исключая гостиницу «Советская», Лермонтовский пр., 12-я Красноармейская ул., Московский пр., Малодетскосельский пр., Батайский пер., Клинский пр., Бронницкая ул., Малодетскосельский пр., Можайская ул., наб. Обводного кан. (правый берег), ул.Черняховского, Павлоградский пер. до д. 2, Лиговский пр., включая периметральную застройку по восточной стороне, далее до ж.д. узла «Московский вокзал», исключая подъездные пути и платформы, Гончарная ул., Полтавская ул., Харьковская ул., Тележная ул. до д. 28, далее между Невским пр. и Тележной ул., включая ансамбль Александро-Невской лавры, наб. р. Монастырки, наб. Обводного кан., наб. р. Невы.

Херсонская ул., ул. Александра Невского, Невский пр., Исполкомская ул., Конная ул., Полтавская ул., Мытнинская ул., ул.Моисеенко, 9-я Советская ул., Фуражный пер., Госпитальная ул., Парадная ул., Кирочная ул., Мариинский проезд, Кавалергардская ул., Тверская ул., ул. Пролетарской Диктатуры, Смольный пр., ул. Бонч-Бруевича, Тульская ул., ул. Красного Текстильщика, ул. Моисеенко, берег р. Невы, пр. Бакунина, пересечение р. Невы по направлению Перевозного пер.

Из этой территории исключается участок левого берега р. Невы севернее Смольного монастыря в границах: ул. Смольного от берега р. Невы, ул. Пролетарской Диктатуры, Таврический пер., Кавалергардская ул. и далее по ее трассе до берега р. Невы.

Красногвардейский, Калининский, Выборгский и Приморский районы Санкт-Петербурга

Перевозной пер., ул. Стахановцев до дома № 10-3, включая д. 10-2, 3, 4, Новочеркасский пр., исключая д. 14,

параллельно Республиканской ул., ул. Помяловского, Республиканская ул., пересекая р. Оккервиль, включая д. 2 и 2а по Уткину пр., пересекая р. Охту, в направлении д. 17 по Магнитогорской ул., по его западной стороне на пересечение Якорной ул. и пр. Metallistov, пр. Metallistov, Шепетовская ул., Среднеохтинский пр., Б.Пороховская ул., Большеохтинский пр., шоссе Революции, дорожка парка им.50-летия Октября, Пискаревский пр., Полюстровский пр., Феодосийская ул., Свердловская наб., включая д. 12, исключая завод им.Свердлова, включая сквер на пересечении с Арсенальной ул., Арсенальная ул., ул. Комсомола, включая периметральную застройку до д. 17 по ул. Михайлова, ул. Михайлова, ул. Комсомола до пл. Ленина, исключая подъездные пути Финляндского вокзала, Боткинская ул., ул. Академика Лебедева, Лесной пр., ул. Комиссара Смирнова до д. 10, исключая д. 15, параллельно Б. Сампсониевскому пр., пересекая Выборгскую ул., далее между Выборгской ул. и Нейшлотским пер., включая д. 20 по Лесному пр., по трассе Выборгской ул., включая д. 16, 17, 19 по Лесному пр., Лесной пр., Гренадерская ул., на север до ул. Смолячкова, исключая станцию метро «Выборгская», ул. Смолячкова, по восточной стороне д. 14, корп. 3 до Тобольской ул., Тобольская ул., Б. Сампсониевский пр., 50 м по Гельсингфорской ул. в сторону р. Невы, далее параллельно Б.Сампсониевскому пр., исключая д. 62 по Б. Сампсониевскому пр., по южной стороне д. 64 на запад в сторону р. Невы, включая периметральную застройку Выборгской наб., между д. 49 по Выборгской наб. и д. 66 по Б. Сампсониевскому пр., ул. А. Матросова, включая д. 66 параллельно Выборгской наб., включая ее периметральную застройку, Кантемировская ул., Красногвардейский пер., исключая стадион, до Черной речки, по ее левому берегу до устья, берег р. Б. Невки, пересекая р. Б. Невку по Кантемировскому мосту.

Петроградский район Санкт-Петербурга

Аптекарская наб., Аптекарский пр., Инструментальная ул., ул. Профессора Попова, включая периметральную застройку, Аптекарский пр., наб. левого берега р. Карповки, включая д. 30, ул. Чапаева, включая д. 24, 28, Б. Монетная ул., ул. Котовского, ул. Мира, М. Монетная ул., Б. Монетная ул., включая д. 14, параллельно Каменноостровскому пр. по восточной стороне д. 16 по Б. Монетной ул. и д. 5 по ул. Рентгена, ул. Рентгена, Каменноостровский пр., ул. Льва Толстого, Петропавловская ул., включая д. 6, на запад через Большой пр., включая д. 77, 79, 98, 100 по Большому пр. и д. 37 по Каменноостровскому пр., исключая ДК Ленсовета, Малый пр., ул. Всеволода Вишневского, Чкаловский пр., Левашовский пр., Газовая ул., Чкаловский пр., Б. Разночинная ул., включая д. 24, в направлении д. 43 по Пионерской ул., Пионерская ул.,

по западной стороне д. 28 по Пионерской ул. и д. 21 по ул. Красного Курсанта, ул. Красного Курсанта, Корпусная ул., М. Зеленина ул., Глухая Зеленина ул., включая территорию Литейно-механического завода, Большая Зеленина ул., Барочная ул., левый берег р. Карповки до ее устья, параллельно Большому Крестовскому мосту на Крестовский о-в, правый берег р. М. Невки, на юг до Депутатской ул., включая д. 2, 4, Петроградская ул., Большой Крестовский мост, левый берег р. М. Невки, по границе стадиона фабрики «Красное Знамя», включая его, Ждановская ул., Петровский пер., ул. Красного Курсанта, Гимназический пер., Ждановская ул., пр. Добролюбова, исключая Биржевой мост, правый берег р. М. Невы через Тучков мост на Васильевский о-в.

Галерная гавань

От берега Финского залива в 50 м от западного берега Шкиперского кан., Шкиперский проток, включая периметральную застройку на удалении 90 м от Гребного порта (Гребной гавани), параллельно ее западному берегу, южная граница Прибалтийской пл., вдоль северного берега гавани на удалении 50 м от нее. Галерный проезд, включая периметральную застройку, Шкиперский проток, исключая застройку, Наличная ул., исключая д.25, Малый пр., Гаванская ул., проезд до ул. Шевченко и далее по этой улице, Шкиперский проток, исключая спортплощадку, через Средний пр., по линии д. 86, Средний пр., Канаречная ул., Большой пр., Гаванская ул., по линии д. 6 до ул. Опочинина, включая д.13, Среднегаванский пр., Наличная ул., включая участок периметральной застройки по западной стороне, в районе Среднего пр., протяженностью 125 м, глубиной 75 м, Шкиперский проток, вдоль восточного берега Шкиперского кан. участок шириной 50 м до Финского залива.

Каменный о-в

От берега р. Б. Невки по границе зелёной зоны, включая д. 4 по наб. р. Б. Невки, 2-я Берёзовая аллея, Западная аллея, Средняя аллея, Западная аллея, Средняя аллея, наб. р. М. Невки до д. 6 включительно, береговая линия острова.

Елагин о-в

От берега р. Б. Невки, по направлению перемычки между двумя частями Северного пруда, включая д. 5 по Главной аллее, далее в направлении между двумя аттракционами к берегу р. Средней Невки в 75 м ниже первого Елагина моста.

Парк «Екатерингоф»

Левый берег Обводного кан. от устья до Лифляндской ул., левый берег р. Таракановки, р. Екатерингофки.

Зоны охраны объектов культурного наследия, расположенных за пределами зон охраны объектов культурного наследия исторически сложившихся центральных районов Санкт-Петербурга

Колпинский район Санкт-Петербурга

пос. Усть-Ижора

Территории зон археологического слоя (далее в настоящем разделе 3А)

3А 1-1

Территория, ограниченная с севера границей памятника археологии «Поле Невской битвы», далее с запада по этой границе на юг, затем на восток по северным границам участков д. 201–209 по Шлиссельбургскому шоссе, далее на юг по ул. Верхней Ижорской, затем от д. 19 на восток до Нижней Ижорской ул., по ней на юг до Петрозаводского шоссе. Затем на юг и юго-восток по берегу р. Ижоры и р. Б. Ижорки до ул. Труда, по ней на северо-восток до Речной ул., далее по ней на северо-запад до Пушкинской ул., затем по ней на юго-восток до оврага, затем по нему на северо-восток до Шлиссельбургского шоссе, затем по нему на юго-восток до границы памятника археологии «Поле Невской битвы».

3А 2-1

Территория, ограниченная границей 3А 1-1, с северо-запада – Славянской дор., с юго-запада – Петрозаводским шоссе.

3А 2-2

Территория, ограниченная границей 3А 1-1, с юго-востока – ул. Труда.

Кронштадтский район Санкт-Петербурга

Территории зон археологического слоя (далее в настоящем разделе 3А)

3А 2-1

Территория о. Котлин в пределах исторической береговой линии.

3А 2-2

Территория акватории Финского залива и Невской Губы, включающая 100-метровые зоны вокруг подводных свайных и ряжевых преград, а также южную часть Невской Губы, на расстоянии 300 м от фортов. Северо-западная граница проходит на расстоянии 1,5 км от западной оконечности о. Котлин, юго-западная и юго-восточная – по административным границам.

Курортный район Санкт-Петербурга г. Сестрорецк

Территория зоны археологического слоя 3А 1-1

Территория, ограниченная с запада Советским пр., 3-й Тарховской ул., западным и северным берегом мыса. С востока граница проходит по условной линии, проходящей на 500 м восточнее восточной оконечности мыса на юг. С юга граница проходит по условной

линии в створе южной границы участка д. 46 по Советскому пр.

**Петродворцовый район Санкт-Петербурга
Территории зон археологического слоя (далее
в настоящем разделе 3А)**

3А 1-1

От берега Финского залива на юг по условной линии, проходящей в створе с восточным фасадом спортзала лыжной базы (пос. Стрельна, Портовая ул., д. 25, литера А). Далее на юг и на запад по границе территории объекта культурного наследия «Дворцово-парковый ансамбль Стрельны», далее на юг по западному берегу р. Стрелки. Далее на северо-запад по чётной стороне Нижней дороги. Далее на юго-запад по восточной границе территории объекта культурного наследия «Дача П. К. Александрова (Львовский дворец)». Далее на восток по чётной стороне Санкт-Петербургского шоссе. Далее по границе территории объекта культурного наследия «Дача А. Ф. Орлова». Далее на восток и на юг по берегу Орловского пруда. Далее на юго-восток по северному берегу канала, проходящему от р. Кикенки до Орловского пруда. Далее на север по нечётной стороне Ново-Нарвского шоссе. Далее на восток по чётной стороне Санкт-Петербургского шоссе. Далее на север по безымянному проезду, проходящему параллельно ул. Глинки. Далее на запад по проезду, проходящему параллельно земельному участку (пос. Стрельна, Берёзовая аллея, д. 3, литера А). Далее на северо-запад и на запад по нечётной стороне Выставочной ул. Далее на север по восточной стороне грунтовой дорожки, проходящей между Берёзовой аллеей и Восточным каналом дворцово-паркового ансамбля Стрельны до берега Финского залива.

3А 1-2

От чётной стороны Нижней дороги на юго-запад по восточной границе территории объекта культурного наследия «Дворцово-парковый ансамбль Михайловской дачи (Михайловка)». Далее на юго-восток по нечётной стороне Санкт-Петербургского шоссе. Далее на северо-восток по западной границе территории детского восстановительного центра «Огонек». Далее на юго-восток по северной границе этой территории. Далее на северо-восток по условной линии, проходящей в створе с западной границей земельного участка (пос. Стрельна, Нагорная ул., д. 31, литера А). Далее на северо-запад по южной границе огородничества. Далее на северо-восток по условной линии, проходящей в створе с западной границей территории детского восстановительного центра «Огонек». Далее на северо-запад по чётной стороне Нижней дороги.

3А 1-3

От берега Финского залива на юг по восточной границе территории выявленного объекта культурного наследия «Парк Свято-Троицкого кладбища». Далее в том же направлении по грунтовой дорожке, далее на запад и

на юго-запад по мелиоративной канаве, далее на юг по правому берегу Троицкого ручья. Далее на северо-запад по чётной стороне Нижней дороги. Далее на юго-запад по нечетным сторонам Ораниенбаумского шоссе и бульвара Красных Курсантов. Далее на восток и на юго-восток по границе территории объекта культурного наследия «Английский парк». Далее на северо-восток по Фабричной ул., на юго-восток по ул. Морского Десанта, на юго-запад по Разводной ул., на юго-восток по Санкт-Петербургскому пр. и на юго-запад по Правленской ул. (чётные стороны). Далее на юго-восток и на юг по берегу Ольгина пруда. Далее на юго-восток по Никольской ул., на северо-восток по Константиновской ул. и на юго-восток по Санкт-Петербургскому пр. (чётные стороны). Далее на северо-восток по пл. Жертв Революции, далее на юго-восток по чётной стороне Лихардовской ул. Далее на северо-восток по западной границе территории памятника «Парк Александрия» до берега Финского залива.

**Приморский район Санкт-Петербурга
Лахта, Ольгино**

**Территории зон археологического слоя (далее
в настоящем разделе 3А)**

3А 1-1

Территория вокруг охраняемого объекта культурного наследия «Петровского мемориального комплекса в Лахте» – 25 м.

3А 1-2

Территория вокруг охраняемого объекта культурного наследия «Лахтинская стоянка (Ольгино 1)» – 25 м.

Пушкинский район Санкт-Петербурга

**Территории зон археологического слоя (далее
в настоящем разделе 3А)**

3А 1-1

От перекрёстка Московского пер. и Софийского бульв. по чётным сторонам Софийского бульв., Парковой ул., от пересечения Парковой ул. с Баболовским шоссе на восток по безымянной аллее Екатерининского парка, по мосту через Витоловский кан., по безымянной аллее Александровского парка, ограничивающей с севера Верхние Оранжереи, Крестовый кан., по северному берегу Детского и Фасадного прудов, Дворцовая ул., чётная сторона Малой ул., нечётная сторона Конюшенной ул., нечётная сторона Московской ул., Госпитальной ул., Московского пер., далее по Софийскому бульв.

3А 1-2

От границы территории Павловского парка по чётным сторонам 1-й Краснофлотской ул., Партизанского пер., ул. Декабристов, по чётной стороне ул. Обороны, по чётной стороне ул. Работницы, по нечётной стороне ул. Софьи Перовской, по мосту через р. Тызью, по левому берегу р. Тызью до створа с западной границей стадиона, по западной границе стадиона и участка д. 24 по ул. Марата, по чётным сторонам ул. Красных Зорь, ул. Первого

Мая, ул. Васенко, ул. Коммунаров, включая чугунные ворота, далее по границе территории Павловского парка, по Михайловской аллее, по левому берегу р. Славянки, через чугунный мост, по безымянной аллее, включая павильон Воздушный театр и Молочный домик, Театральная аллея до Театральных ворот, ул. Революции до пересечения с 1-й Краснофлотской ул.

Историко-геологические исследования земельного участка «Набережная Европы» на предмет необходимости проведения его археологического обследования

А. А. Липатов, Н. Ф. Соловьёва

Исследованный участок (кадастровый № 78:3043:2) расположен в Петроградском районе Санкт-Петербурга по адресу пр. Добролюбова, д. 14, он занимал территорию, ограниченную пр. Добролюбова, пл. Академика Лихачёва, наб. р. Малая Нева, пер. Талалихина и западной границей пл. Академика Сахарова (рис. 1). Главной задачей исследования являлось выяснение необходимости археологического обследования территории в ходе предполагаемых строительных работ (заказчик – ООО «Инвест-Консалт»). В ходе исследования надо было выяснить историю и принципы формирования объёмно-пространственной структуры территории; основные этапы и количественные параметры формирования рельефа, его геологического строения и гидрологического режима территории (данные ЗАО «ЛентИСИЗ»); состояние насыпных и коренных грунтов по данным исследований ЗАО «ЛентИСИЗ»; классификацию насыпных грунтов по признаку заражённости различными химическими соединениями и их опасности (ФГУ геологическое предприятие «Урангеоразведка»).

I. Формирование объёмно-пространственной структуры и современная градостроительная ситуация

Историю формирования застройки участка можно подразделить на несколько этапов. Учитывая то обстоятельство, что застройке предшествовали значительные работы по освоению островов, в анализ были включены также основные этапы площадного развития территории. Несмотря на периодическое появление различных градостроительных проектов, застройка участка никогда не велась в соответствии с градостроительной документацией, что в значительной степени определило её неорганизованность и незавершённость.

I этап (1704–1738 гг.)

Формирование Татарской жилой слободы на Городском острове. Застройка ведётся вдоль улиц, проложенных параллельно Малой Неве. К 1737 г. в слободе на берегу р. Ждановки построена церковь Николая Чудотворца, её расположение определило место Владимирского собора. Прибрежные остро-

ва затоплялись и имели свободные очертания. Реальное формирование городской среды было сопряжено со сложными работами по освоению болотистого берега и мелких островов, поэтому преобразование ландшафтов прибрежных и островных территорий затянулось на столетие. До середины XVIII в. прибрежные территории района использовались под складские места, формировали причальные устройства, т.е. являлись служебными припортовыми зонами. В этот период принципы формирования пространств городского типа ещё не распространились на южные прибрежные и островные участки «Городового острова». На территориях изучаемого участка к 30-м гг. XVIII в. сформировались планировка и застройка, соответствовавшая функциям припортовой зоны (рис. 2; 3).

II этап (1738–1830 гг.)

Осваивается только о. Тучков буян, где в 1763–1772 гг. построено каменное здание пеньковых складов по проекту А. Ринальди, собственно Тучков буян. Построенная в 1820-е гг. часовня Божьей Матери Казанской утрачена. Проектные предложения генеральных планов по урегулированию застройки Петербургского острова никак не повлияли на планировочную структуру слободы. Появляется участок лишь одной из предлагавшихся пробивок – пер. Грязный (Талалихина). Береговая полоса и прибрежные острова сохраняют естественный характер (рис. 4; 5).

III этап (1830–1880 гг.)

Начинается освоение о. Ватного буяна, где размещаются складские постройки (утрачены); на о. Тучков буян сложилась регулярная планировка, здесь также находились склады. В 1843 г. началось формирование набережной, в 1860-е гг. закончено строительство «шоссированной аллеи» между Александровским и Петровским парками. Благоустройство набережной повысило её градостроительное значение и класс застройки. В связи с этим изменяется характер застройки вдоль проспекта – возводятся лицевые жилые корпуса. На прибрежных островах устроена свалка, в 1870-х гг.

Рис. 1. Общий вид земельного участка «Набережная Европы» с юго-востока

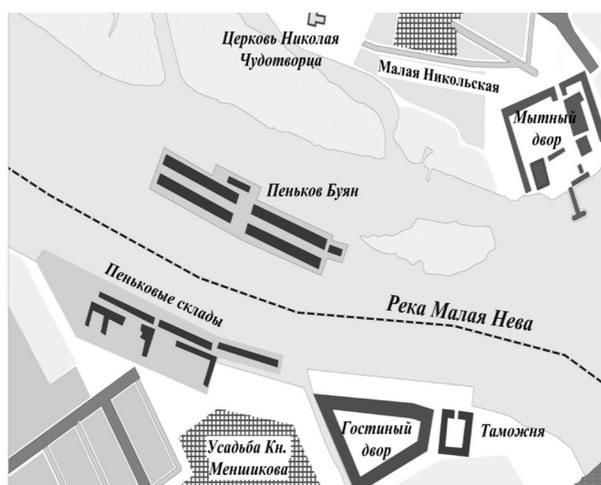

Рис. 2. Схема элементов, формирующих территорию на первом этапе (1704—1738 гг.)

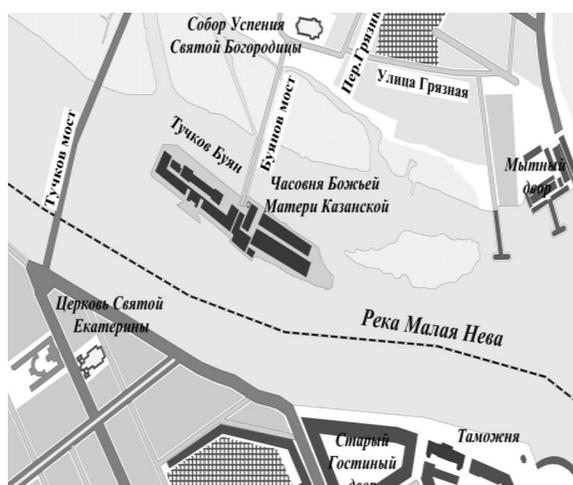

Рис. 4. Схема элементов, формирующих территорию на втором этапе (1738—1830 гг.)

Рис. 3. «План столичного города Санкт-Петербурга с изображением значнейших оного проспектов», И. Ф. Трускот, 1753 г.

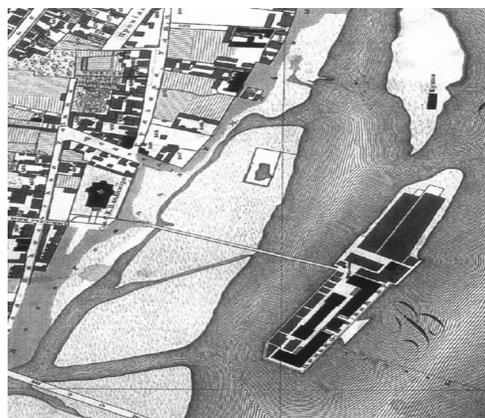

Рис. 5. «Подробный план столичного города Санкт-Петербурга», Ф. Ф. Шуберт, 1828 г.

на её месте организован городской древесный питомник. Территория островов Тучков буян и Ватный получает регулярную планировку и используется по портово-складскому назначению (рис. 6; 7).

IV этап (1880–1917 гг.)

В начале XX в. начинается присоединение островов к материковой части путём засыпки проток. Отрезанным от берега остаётся только Ватный остров. Часть территории, примыкающей к Тучкову буяну, занята питомником, на месте которого в настоящее время также размещаются

зелёные насаждения. Строительство Биржевого моста определило дальнейшее развитие территории, к 1911 г. предполагалось объединение всех островов с созданием новой планировочной структуры. Из всех предложений к 1913 г. осуществлено только присоединение о-ва Тучков буян. В 1896–1897 гг. на территории Ватного острова построен комплекс винных складов и здание казённого спиртоочистительного завода по проекту архитектора Р. Р. Марфельда. Планировочное решение застройки близко к планировке Тучкова буяна: регулярное, с выраженной продольной осью, главное здание обращено к Малой Неве (рис. 8; 9).

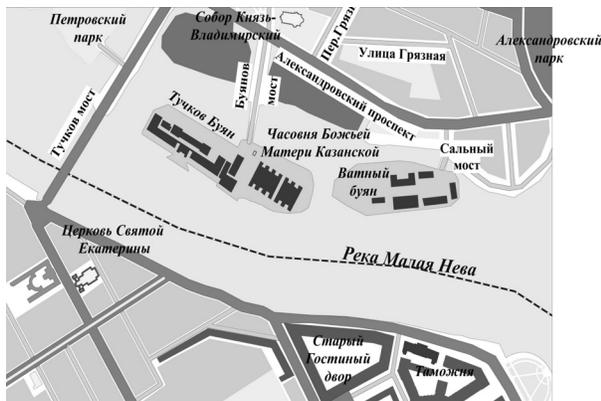

Рис. 6. Схема элементов, формирующих территорию на третьем этапе (1830–1880 гг.)

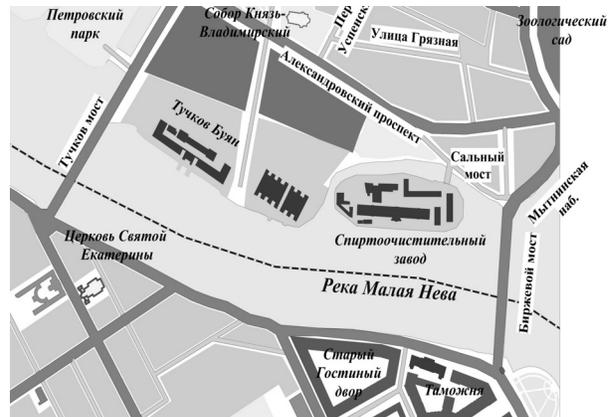

Рис. 8. Схема элементов, формирующих территорию на четвертом этапе (1880–1917 гг.)

Рис. 7. План Санкт-Петербурга 1865 г.

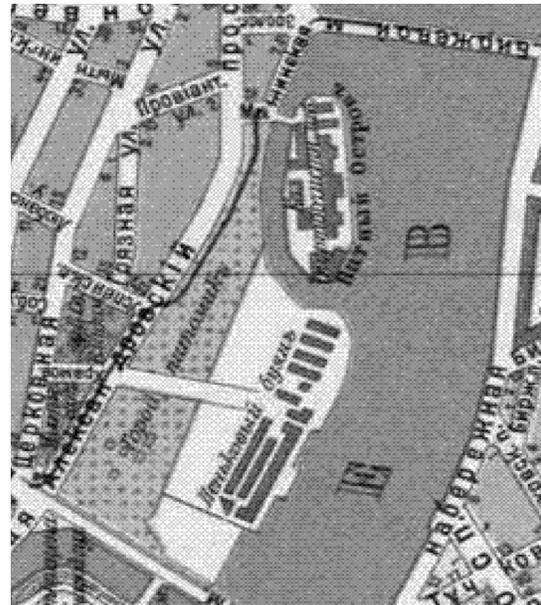

Рис. 9. План Санкт-Петербурга 1913 г.

Вэтан (1917–2004 гг.)

Самый продуктивный для застройки участка, так как большая часть существующих объектов относится именно к этому периоду. К 1930-м гг. завершается присоединение территории всех островов к материковой части. В 1919 г. в корпусах спиртоочистительного завода размещается Химический институт оборонной промышленности, в 1960–1970-х гг. построены новые корпуса института прикладной химии (ГИПХ). В 1967 г. появляется Дворец спорта «Юбилейный» (арх. Г. П. Морозов, И. П. Сусликов, инж. А. П. Морозов и др.), а в 2004 г. построен торговый центр на углу пр. Добролюбова и Большого пр. Строительство на новом месте моста Строителей (Биржевого), организация предмостной площади положили начало новой планировочной структуре, отражённой в генеральном плане 1985 г. В планировке и застройке выражены две тенденции градостроительной организации пространства: развитие спортивно-паркового пространства, реализованное в постройке СК «Юбилейный» и в благоустройстве территории вокруг него, в создании сквера Князь-Владимирского собора; развитие промышленной зоны (реконструкция спиртоочистительного завода, Тучкова буяна и строительство новых корпусов ГИПХа) (рис. 10; 11).

Рассматриваемая территория вошла в объединённую охранную зону, она окружена исторической застройкой, многие элементы которой получили статус памятников истории и культуры или вновь выявленных объектов. На территории участка расположен выявленный объект, представляющий культурную и историческую ценность: комплекс построек Казённого винного склада и спиртоочистительного завода (архитектор Р. Р. Марфельд, 1896–1897 гг.), зарегистрированных под № 1211.1-3 (Историческая застройка Санкт-Петербурга, 2001. С. 271), исключённый позднее из списка приказом КГИОП № 8-62 от 14.06.2006 г. Кроме того, на основании «Режимов использования земель и градостроительных регламентов в границах зон охраны объектов культурного наследия Санкт-Петербурга», рассматриваемая территория входит в границы зоны *ЗА 2*, согласно закону Санкт-Петербурга, предполагающему проведение обязательного археологического надзора в ходе производства земляных работ.

По мнению авторов историко-архивных исследований (Никитин и др., 2009), историко-культурная ценность комплекса построек спирто-

очистительного завода не соответствует статусу и градостроительной ценности территории, малозэтажная промышленная застройка является инородной по своим архитектурным качествам сложившемуся градостроительному ансамблю Невской акватории. Характер использования участка под промышленные и научные функции противоречит всем градостроительным и проектным предложениям для зоны, формирующей главное городское пространство.

II. Строение техногенных грунтов и гидрологическая ситуация на изучаемом участке (Смирнов и др., 2009)

В геоморфологическом отношении участок изысканий относится к низкой литориновой террасе и представляет собой искусственно спланированную отсыпкой территорию с мощностью насыпных грунтов в пределах 2,20–6,70 м. На большей части территории абсолютные отметки колеблются в пределах 3,00–3,30 м. Ранее данная территория представляла собой группу островов в пойме р. Малая Нева у ее правого берега: о. Ватный, о. Пеньковский буян и ряд безымянных мелких островов. Изменения береговой линии происходили постепенно в течение XIX–XX вв. путём слияния островов между собой и присоединения их к Петровскому острову в результате засыпки протоков между ними. Существующую конфигурацию берег принял в 50-е гг. XX в. До отсыпки абсолютные отметки территории составляли на территории островов 0,00–0,70 м, в протоках – -1,90 – -3,20 м.

В геологическом строении участка до глубины 45 м принимают участие четвертичные (Q) отложения, залегающие на коренных отложениях верхнего протерозоя (PR₂). Четвертичные отложения представлены современными техногенными (tIV) образованиями, озерно-морскими (ImIV) отложениями, верхнечетвертичными озёрно-ледниковыми (lgIII) и ледниковыми (gIII) отложениями, среднечетвертичными ледниковыми (gII) отложениями. Отложения верхнего протерозоя представлены вендскими отложениями котлинского горизонта (Vkt). Ниже описывается стратиграфия рукотворных и техногенных напластований грунта, зафиксированная на территории участка. Данные о верхнем геологическом слое озёрно-морских отложений дают представление о конфигурации материка.

Современный рукотворный рельеф и культурный слой (современные отложения QIV, техногенные образования tIV) представлены насыпными

Рис. 10. Схема элементов, формирующих территорию на пятом этапе (1917—1990 гг.)

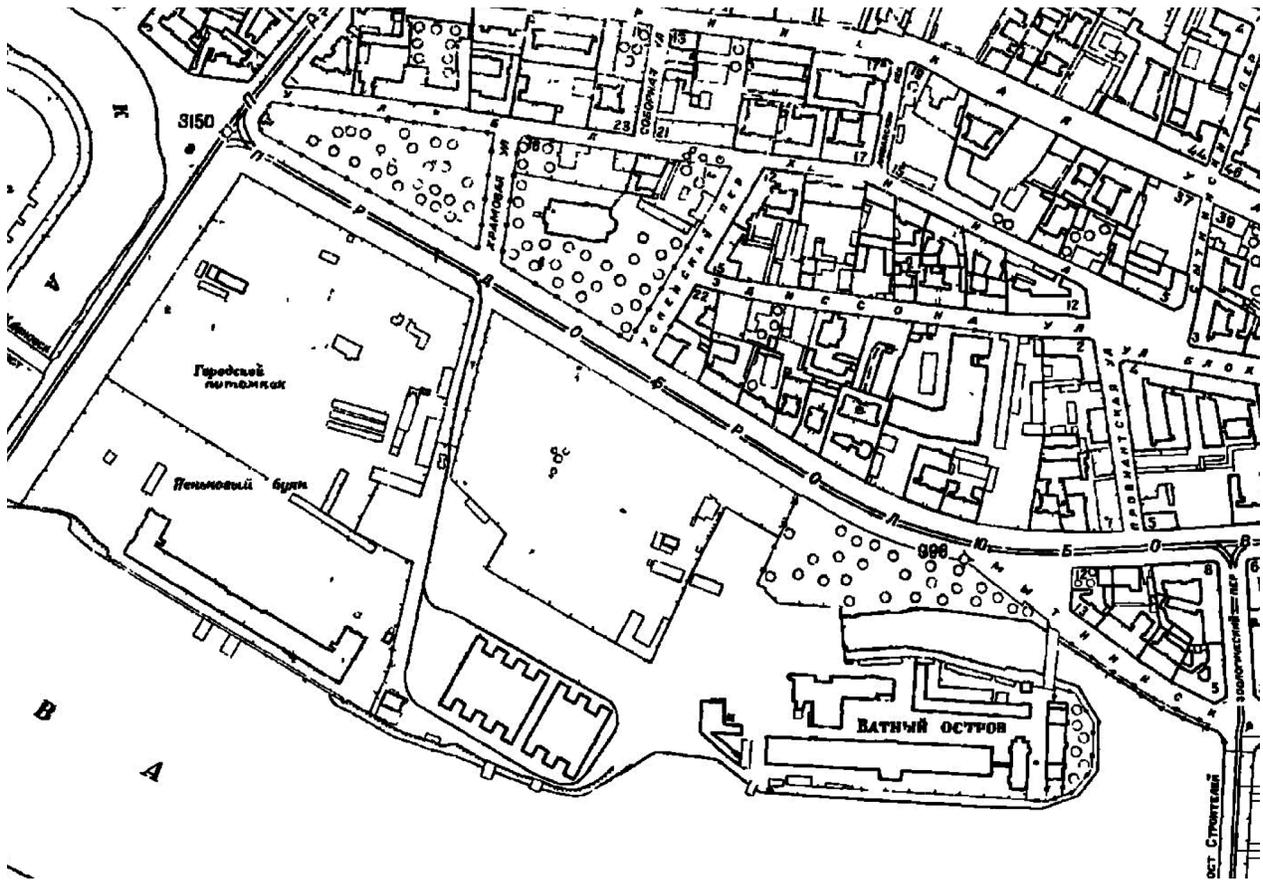

Рис. 11. План-схема г. Ленинграда, 1934 г.

грунтами, которые повсеместно распространены на участке работ. По гранулометрическому составу и физическим свойствам насыпные грунты разделены на два инженерно-геологических элемента (ИГЭ), представленные песчаными разностями и глинистыми грунтами.

ИГЭ-1

Образован насыпными слежавшимися грунтами, находящимися в интервале 0,00–0,10 м (асфальт), 0,10–0,30 м (булыжная мостовая), ниже супеси и суглинки пластичные, перемешанные с песками, со строительным мусором до 30–35%, тёмно-серые до чёрных, с примесью органических веществ до 8%, локально слабо заторфованные. Срок отсыпки более 50 лет. Эта разновидность насыпных грунтов локально распространена на рассматриваемой территории, залегает либо с поверхности, либо на глубине 0,00–1,30 м (абсолютные отметки 1,90–4,00 м) под слоем асфальта и булыжной мостовой. Мощность данных насыпных грунтов составляет 0,80–6,20 м.

ИГЭ-1а

Представлен насыпными слежавшимися грунтами в интервале 0,00–0,10 м (асфальт), 0,10–0,30 м (булыжная мостовая), ниже – пески разной крупности, с прослойками супесей, с обломками кирпичей и древесины до 10–15%, с гнездами органических веществ и ила, тёмно-серые до чёрных, влажные. Срок отсыпки более 50 лет. Эта разновидность насыпных грунтов повсеместно распространена на участке изысканий, залегает либо с поверхности, либо на глубине 0,00–0,40 м (абсолютные отметки 2,50–4,20 м) под слоем асфальта толщиной 0,10 м и под булыжной мостовой, толщиной 0,20 м. Мощность данных насыпных грунтов составляет 1,30–6,90 м.

Значительное варьирование мощности насыпных грунтов обусловлено разницей в абсолютных отметках изначальной территории (до отсыпки): на территории островов мощность меньше, достигает 1,50–2,00 м, на территории засыпанных протоков между островами мощность увеличивается до 7,0 м. Это подтверждается при наложении контуров ранее существовавших островов на карту залегания подошвы насыпных грунтов.

Озёрно-морские отложения (ImIV) повсеместно распространены на участке изысканий под насыпными грунтами. Представлены они супесями и суглинками текучими, а также песками разной крупности – мелкими, средней крупности, крупными и гравелистыми, с примесью органических веществ.

Гидрогеологические условия участка

Изученные на глубину бурения, характеризуются наличием двух водоносных горизонтов подземных вод, приуроченных к комплексу четвертичных отложений (рис. 12).

Подземные воды первого от поверхности водоносного горизонта приурочены к современным техногенным (tIV) насыпным грунтам, озерно-морским (ImIV) пескам, а также к прослоям песков в глинистых грунтах озерно-морского (ImIV) и озёрно-ледникового (lgIII) генезиса. Подземные воды первого водоносного горизонта являются безнапорными, со свободной поверхностью.

В период проведения изысканий ЗАО «ЛенТИСИЗ» (июнь–сентябрь 2009 г.) подземные воды первого водоносного горизонта вскрыты на глубинах 2,50–3,20 м (абсолютные отметки -0,15 – 1,30 м). Вскрытые уровни можно считать близкими к среднегодовым. По данным еще более ранних изысканий Треста ГРИИ и других организаций (апрель 1960 г., сентябрь–октябрь 1966 г., октябрь 1968 г., ноябрь–декабрь 1971г., январь и ноябрь 1972 г., июль–август, октябрь–ноябрь 1980 г., май 1989 г.) подземные воды первого водоносного горизонта были вскрыты на глубине 2,40–4,20 м (абсолютные отметки -0,90–1,00 м).

Подземные воды второго от поверхности водоносного горизонта приурочены к линзам и прослоям песков в верхнечетвертичных и среднечетвертичных ледниковых (gIII, gII) глинистых отложениях. Второй водоносный горизонт напорный, развит локально на площадке проектируемого строительства, его воды являются водами спорадического распространения, т.е. могут быть встречены на любой глубине в любое время года. В неблагоприятные периоды года (периоды дождей и снеготаяния) максимальные уровни грунтовых вод могут достигать отметок близких к дневной поверхности (абсолютные отметки 2,50–3,00 м).

В период изысканий ЗАО «ЛенТИСИЗ» (июль–сентябрь 2009 г.) подземные воды второго водоносного горизонта вскрыты на глубинах 19,50–24,0 м (абсолютные отметки -16,64 – -21,10 м). Уровень установился на глубине 3,30–3,80 м (абсолютные отметки -0,15 – -1,00 м). Величина напора составила 16,00–20,50 м.

Повышение уровня грунтовых вод происходит в основном в осенне-зимний период (ноябрь, декабрь, январь) и реже весной (март 2002 г.);

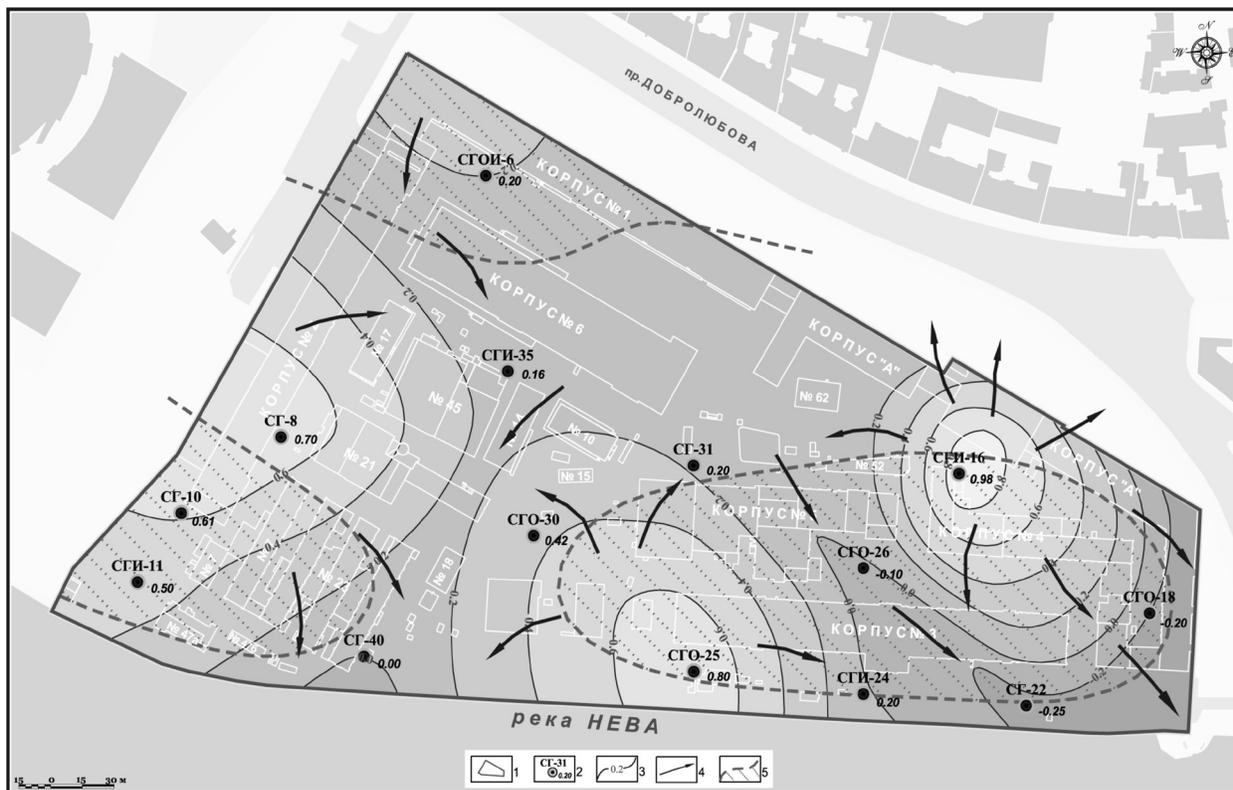

Рис. 12. Карта гидроизогипс по результатам гидрогеологических исследований подземных вод: 1 – контур участка; 2 – скважины, их номера, абсолютные отметки уровня воды; 3 – гидроизогипсы; 4 – направление стока грунтовых вод; 5 – контуры суши (по состоянию на 1903 г.)

минимальные уровни в основном приходятся на март (в 2002г на сентябрь и октябрь). По данным этих наблюдений амплитуда колебания уровня грунтовых вод составила 0,71–1,09 м. Абсолютные отметки максимальных уровней изменялись от 0,88 м до 1,31 м, среднегодовых – от 0,32 м до 0,62 м, минимальных – от -0,20 м до 0,40 м.

III. Химическое и радиоактивное загрязнение территории исследуемого участка (Результаты комплексного экологического обследования, 2008)

Центральная часть территории ФГУП «РНЦ «Прикладная химия» представляет собой палеодолину р. Нева, заполненную техногенными грунтами с присутствием строительного мусора. Грунтовые воды встречены на глубинах около 2,0 м, характеризуются высоким уровнем загрязнения.

Радиоактивные загрязнения носят локальный характер, рассеяны в грунте. Участок радиоактивного загрязнения расположен в 55 м от южного

угла корпуса № 2 на северо-восток вдоль корпуса, на газоне, в 3 м на северо-запад от асфальтовой дорожки. Площадь радиоактивного загрязнения составляет 0,25 кв. м, объем загрязнённого грунта – 0,05 куб. м.

По результатам комплексной экологической экспертизы, грунты на территории ФГУП «РНЦ «Прикладная химия» до глубины 5,0 м характеризуются опасной и чрезвычайно опасной категориями загрязнения неорганическими токсикантами. Превышения предельно допустимых концентраций тяжёлых металлов и органических токсикантов выявлены во всех пробах грунта. Участки чрезвычайно опасного загрязнения располагаются в основном вокруг корпусов бывшего Опытного завода (корпуса № 3, 5, 7 и 23) и засыпанных каналов и протоков между островами (рис. 13; цв. илл. 6).

Грунты являются интенсивно химически загрязнёнными, но значимого загрязнения специфически токсикантами (компонентами ракетного топлива

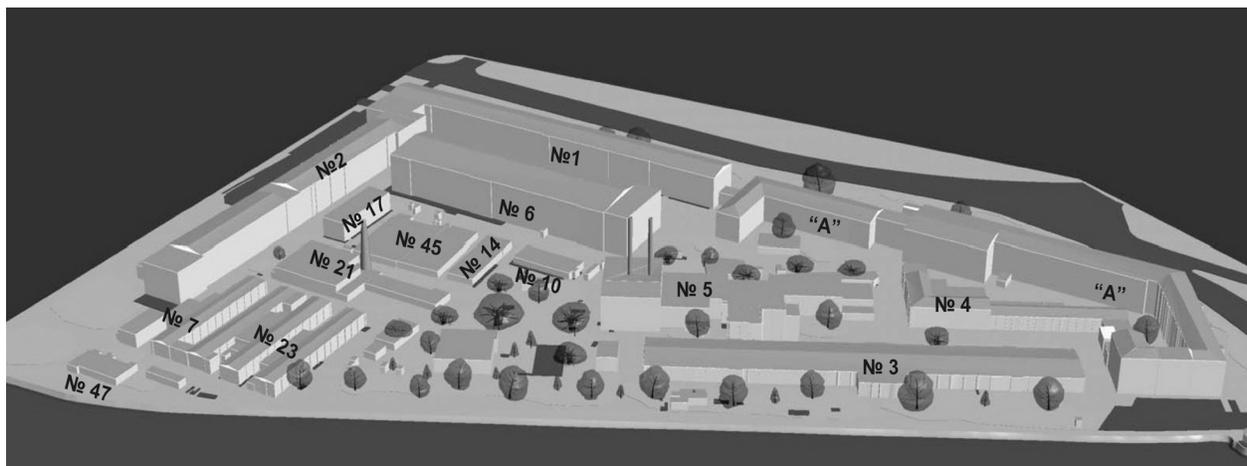

Рис. 13. Локализация элементов комплекса ФГУП «РНЦ «Прикладная химия»

Интервал глубин	Классы опасности отходов (грунтов)		
	3	4	5
0-0,1	0	1079	4618
0,1-1,0	33	16185	35053
1,0-2,0	728	39602	58987
2,0-3,0	181	24286	74850
3,0-4,0	0	24800	74517
4,0-5,0	750	4186	94380
Итого	1692	110138	342405

Таблица 1. Дислокация объёмов заражённого грунта по глубинам

и т.д.) не установлено. Согласно Приказу МПР РФ № 511 от 15.06.2001 г. «Об утверждении критериев отнесения опасных отходов к классу опасности для окружающей природной среды» по расчётному методу баланс земляных масс до глубины в 5 м грунтов 4-го и 5-го классов опасности составляет 452543 куб. м грунта (может быть размещён на полигонах ТБО, либо использоваться для рекультивации карьеров), 3-го класса опасности – 1692 куб. м можно рекомендовать к размещению на полигоне Красный Бор (табл. 1).

В связи со столь значительными загрязнениями грунта территории, проектом инженерной подготовки территории предусматривается выборочное изъятие грунта 3-го класса опасности с утилизацией согласно рекомендациям; токсикологический контроль отдельных партий извлекаемого грунта; откачка загрязнённых грунтовых вод из зоны работ. При проведении данных работ следует предусмотреть мероприятия, предупреждающие сток поверхностных вод в траншеи и котлованы. При проведении земляных работ вблизи подземного хранилища мазута предусмотреть средства для очистки подземных вод и грунта от нефтепродуктов.

Заключение

В процессе исследования были рассмотрены следующие параметры территории: геологическая и гидрологическая ситуация; экспертная оценка состояния грунтов и грунтовых вод; степень их загрязнённости и опасности для жизнедеятельности; дана схематичная хронология территориального, планировочного и функционального развития территории на различных этапах.

Культурный слой исследуемой территории состоит из двух основных элементов: нивелировочные подсыпки территории и насыпки природных проток р. Нева и слой, откладывавшийся в процессе функционирования территории. Последний на данный момент покрывает всю территорию участка, максимальная его мощность должна прослеживаться на пятнах существовавших ранее островов. Оценочная площадь таких участков составляет около половины площади территории (рис. 2; 4; 6; 8). Из этой же схемы очевидно, что большая часть исторических островов занята в настоящее время постройками комплекса ГИПХ (западное крыло корпуса № 1, корпус № 3 полностью покрывает территорию острова к востоку от о. Пеньков буян). Корпусами № 2 (южная часть), 7 и 23 перекрыты конструкции на о. Пеньков буян. Остальные постройки ГИПХ, расположенные в периметре упо-

мянутых корпусов, построены на месте проток, планомерно засыпавшихся с начала XX в. Таким образом, основная площадь древнейших участков (островов) оказывается накрытой пятнами построек. Культурные отложения на оставшейся части территории датируются не ранее начала XX в.

Мощность отложений по данным геологических исследований колеблется от 0,80 м (минимум) до 6,90 м (максимум). Столь различная мощность объясняется многочисленными насыпками новой территории между прибрежными островами Малой Невы. Грунты дифференцированы по своей основной составляющей. Первый тип грунта – с преобладанием супесей и суглинков – локализуется компактно, второй – пески разной крупности, с супесями, строительным мусором, древесиной, илами и органикой – распространён повсеместно. Материк, подстилающий слои первого и второго типов, образован супесями и текучими суглинками, а также песками различной крупности.

Данные комплексного экологического анализа показывают, что во всех пробах грунта, взятых на изучаемой территории, выявлено превышение предельно допустимых концентраций тяжёлых металлов и органических токсикантов, что характеризует грунты как «опасные и чрезвычайно опасные категории загрязнения». План и расчёт земляных масс показывает, что удалению с территории площадью 99443 га подлежит в общей сложности 454235 куб. м грунта, требующих утилизации или захоронения. Максимальная глубина заражения грунта определена как 5,0 м, т.е. ниже уровня первого (верхнего) водоносного слоя. Таким образом, рукотворные грунты на участках с мощностью более 5,0 м также оказываются подвержены химическому заражению. Следовательно, глубина поражения практически совпадает с максимальной мощностью культурного слоя на рассматриваемой территории.

Таким образом, искусственный слой грунта, появившийся здесь в результате различных по природе мероприятий, принятый по данным геологических исследований, оказывается подверженным разрушению в ходе строительства комплекса ГИПХа, либо поражённым продуктами его функционирования. Незаражённым остаётся слой мощностью около 1,0 м, расположенный на самых глубоких участках территории – засыпанных протоках. Данный слой представлен материалами подсыпок и не содержит археологической точки зрения.

Источники и литература

- Историческая застройка Санкт-Петербурга: Перечень вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность (учетных зданий) // Администрация Санкт-Петербурга. Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры. СПб., 2001.
- Никитин Н. Ф., Овсянникова А. А., Боброва Е. Г. 2009. Историко-архивные и библиографические исследования по территории, ограниченной р. Малой Невой, Мытнинской наб., пр. Добролюбова, Большим пр. Петроградской стороны // ООО «Архитектурная мастерская Н. Ф. Никитина». СПб.
- Смирнов Л. К., Кузьмин А. А., Плечкова И. Л. 2009. Технический отчет. Инженерно-геологические изыскания для подготовки проектной документации на строительство Многофункционального комплекса и Дворца танцев Б. Эйфмана проекта «Набережная Европы» на земельном участке, расположенном по адресу: г. Санкт-Петербург, Петроградский административный район, пр. Добролюбова, д. 14. // ЗАО «ЛЕНТИСИЗ». Т. I: Инженерно-геологические работы. СПб.
- Результаты комплексного экологического обследования территории площадью 9,9443 га и помещений ФГУП РНЦ «Прикладная химия» общей площадью 79000 кв. м по адресу: Санкт-Петербург, пр. Добролюбова, д. 14 // ФГУ геологическое предприятие «Урангеоразведка». Российский геоэкологический центр (РГЭЦ-филиал ФГУГ «Урангео»). М., 2008.

Археологический надзор за ходом реконструкции Благовещенского сада на Малом проспекте Васильевского острова в 2009 г.

А. И. Мурашкин, А. Ю. Городилов, Е. А. Грицик, Э. А. Казашев, Н. Ф. Соловьёва

В соответствии с договором № 18 между ИИМК РАН и ООО «Реликт» летом 2009 г. сотрудники ГОА ИИМК РАН проводили археологический надзор в ходе реконструкции Благовещенского сада, расположенного в Василеостровском районе г. Санкт-Петербурга в границах 7-й и 8-й линий, Малого проспекта и территории Благовещенской церкви (рис. 1; 2).

Проектом капитального ремонта Благовещенского сада (разработан ООО «Научно-исследовательский и проектно-изыскательский институт «Севзап-инжтехнология») предусматривалось устройство дождевой канализации на площади сада. Для этого должны были быть оборудованы несколько смотровых и контрольный колодец, между которыми предполагалась закладка труб для отвода воды. Проектируемая глубина колодцев составляла от 1,44 м до 2,15 м, при этом их основание должно было находиться на песчаной отсыпке мощностью не менее 0,20 м. Глубина закладки труб ливневой канализации достигала 2 м. Таким образом, для устройства колодцев и прокладки труб должны были быть выкопаны котлованы и траншеи, прорезающие культурный слой фактически на всю его мощность. Учитывая тот факт, что Благовещенский сад находится в непосредственной близости к историческому центру Санкт-Петербурга, исследование культурного слоя на его территории даже в режиме археологического надзора могло принести совершенно неожиданные открытия.

Начало освоения и застройки северо-восточной части Васильевского острова связывается с первой третью XVIII в (рис. 3). Именно в это время началась прокладка Малого проспекта и строительство первых, еще деревянных зданий вдоль него¹. К середине XVIII в. застройка Малого проспекта достигла 8-й линии, возле которой трассу

перегораживал широкий приток реки Смоленки (рис. 4) (Никитенко, Соболев, 2002. С. 350).

Территория, где в настоящее время располагается Благовещенский сад, в первой половине XVIII в. была отведена для строительства церкви Благовещения Пресвятой Богородицы. Но почти вся ее сторона по Малому проспекту представляла собой большой пруд, оставшийся от протока реки Смоленки. Из-за этого строительство первой деревянной церкви в 1740–1741 гг. было осуществлено в глубине квартала. Г. Ю. Никитенко и В. Д. Соболев указывают (Никитенко, Соболев, 2002. С. 361), что строительство велось «почти в 70 метрах от [Малого] проспекта». Деревянная церковь была разобрана в 1763 г., а место ее обозначили крестом и деревянной оградой на месте алтаря (Никитенко, Соболев, 2002. С. 362). В конце XIX в. на этом месте был установлен памятный четырехугольный камень (Дьяконов, Берташ).

Весной 1750 г. южнее деревянной церкви был заложен каменный храм. Осенью 1762 г. был освящен первый придел на правой стороне в нижней церкви, во имя Святых бессребреников Кира и Иоанна. Работы велись по 1765 г. В 1780-х гг. была воздвигнута многоярусная колокольня, а в 1790-х гг. были проведены работы по расширению храма: к алтарной части пристроена открытая обходная галерея, позже переделанная в закрытую.

Небогато украшенная, высокая пятикупольная церковь с отдельным куполом над алтарём и трёхъярусной колокольней несколько необычна для петербургской церковной архитектуры. Имя зодчего – создателя храма – неизвестно, но с большой долей вероятности можно предположить, что автором проекта был Джузеппе Трезини, племянник знаменитого Доменико Трезини.

Благовещенская церковь была приходским храмом Академии наук. Ее посещал профессор Императорской Академии Наук, известный поэт и первый русский филолог В. К. Третьяковский, а в 1753 г. прихожанином церкви был М. В. Ломоносов. Среди прихожан нового храма было много государственных служащих и военных.

¹ Следует отметить, что ещё до основания Санкт-Петербурга в этой части острова, на побережье р. Малая Нева, на участке между современными Биржевым и Тучковым мостами существовало поселение. Оно отмечено на шведских картах XVII в. и, возможно, именно это поселение упомянуто в Писцовой книге Вотской пятины 1500 г. (Сорокин 1996; Сорокин, Семенов 2003).

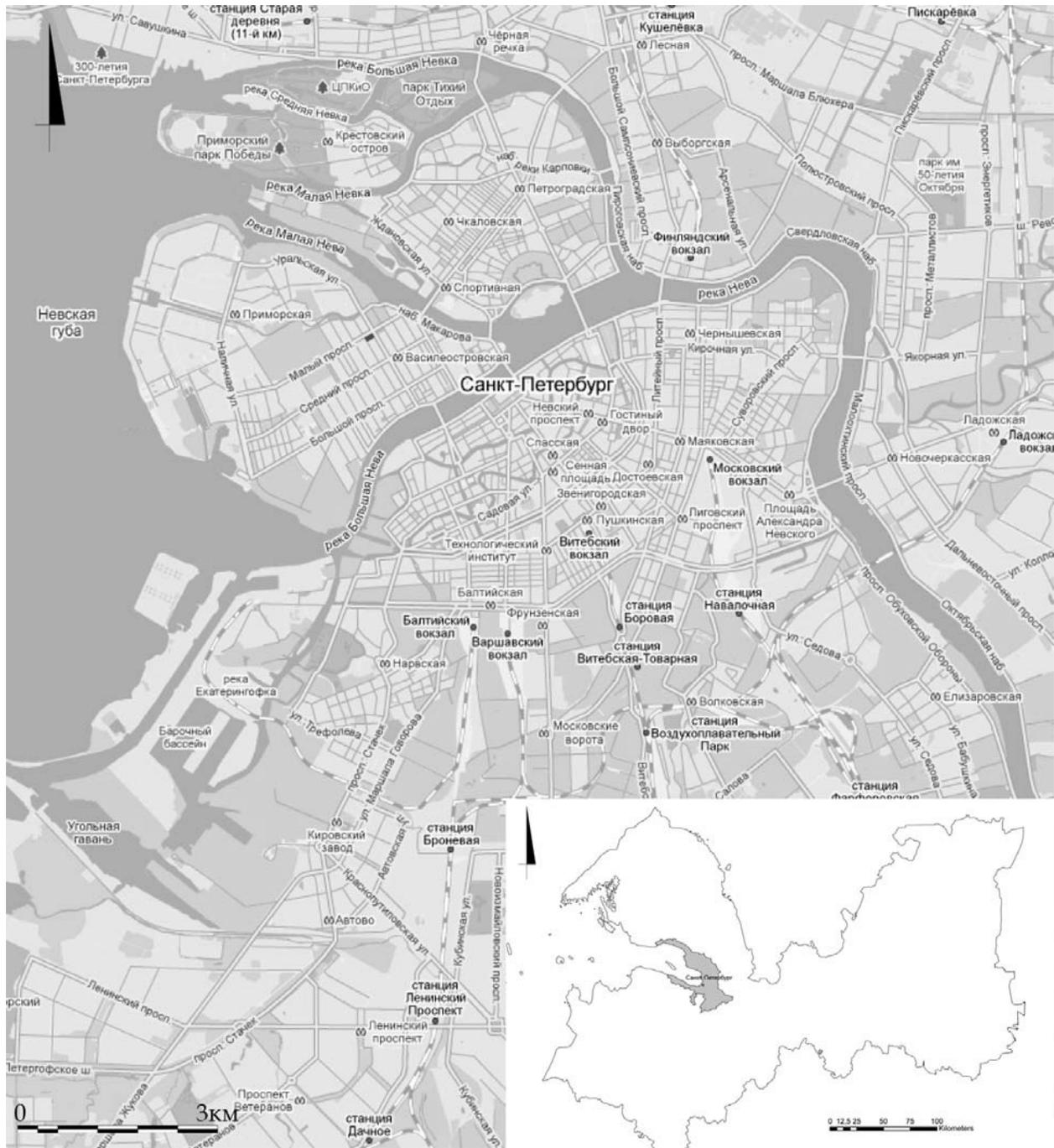

Рис. 1. Карта г. Санкт-Петербурга с указанием участка проведения работ

Рис. 2. Спутниковый снимок Васильевского острова г. Санкт-Петербурга с указанием участка проведения работ

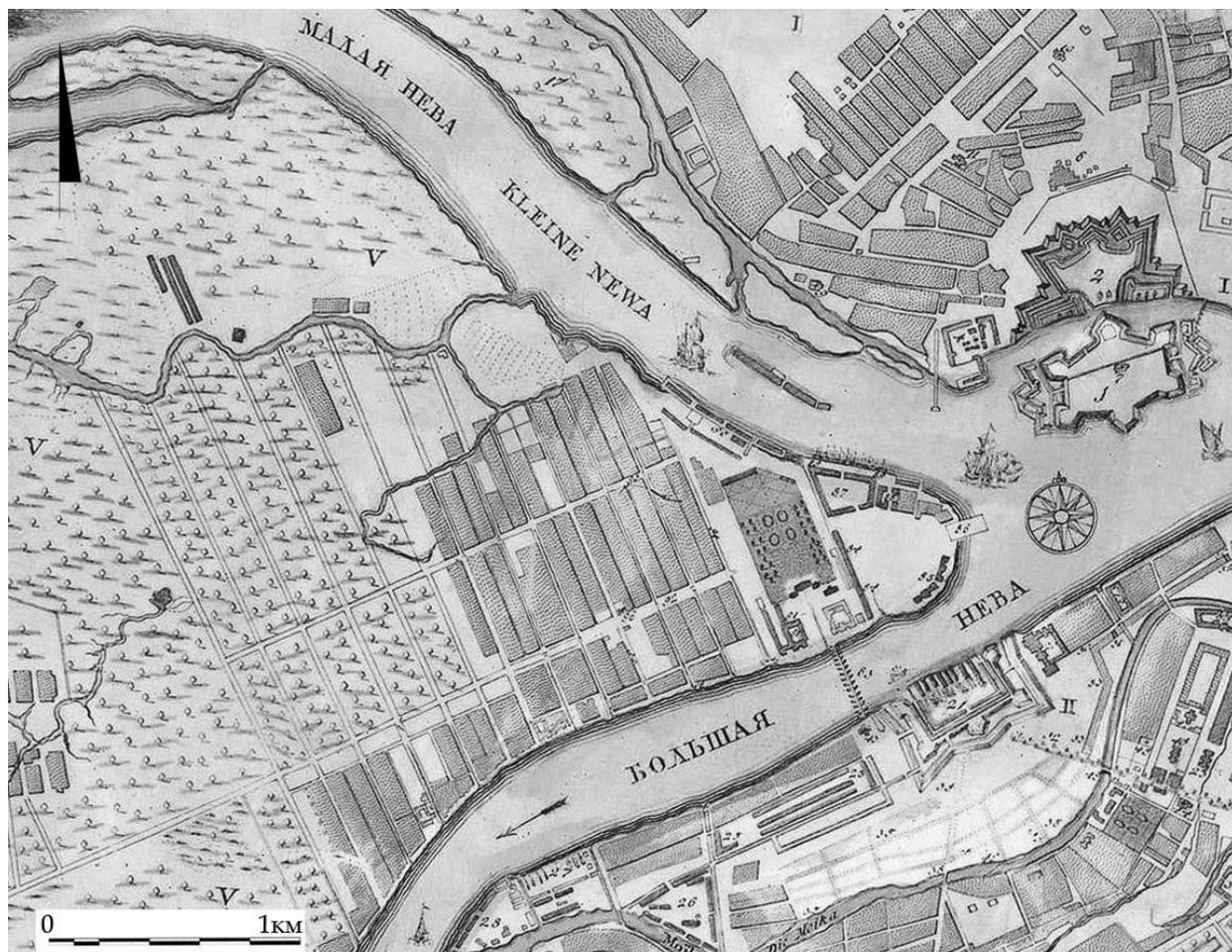

Рис. 3. Карта части Васильевского острова г. Санкт-Петербурга 1737 г. с указанием участка проведения работ

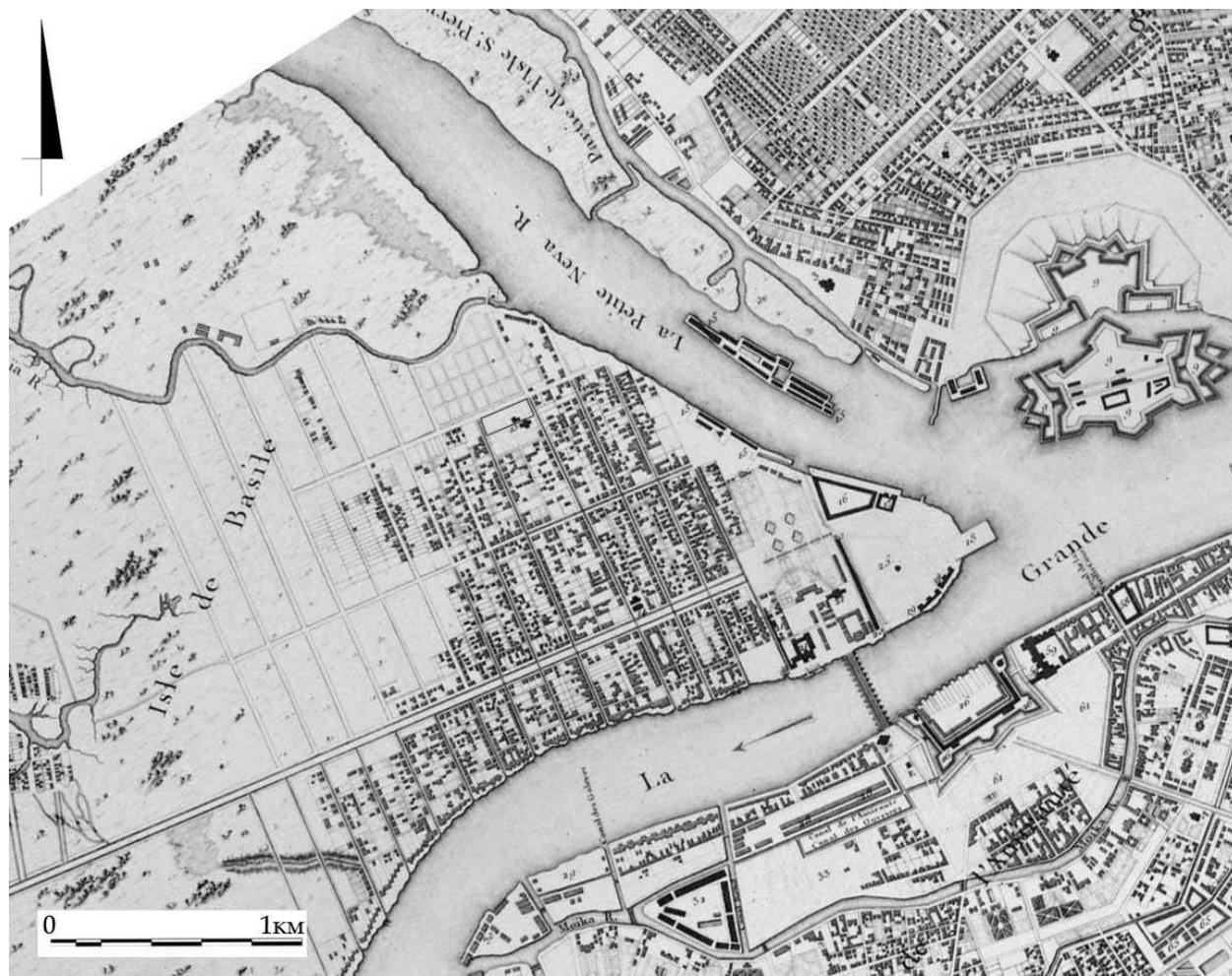

Рис. 4. Карта части Васильевского острова г. Санкт-Петербурга 1753 г. с указанием участка проведения работ

Большой интерес представляет история участка при Благовещенской церкви. Ещё до строительства храма с 1738 г. здесь образовалось кладбище. Оно было расположено «на месте сухом и высоком», по сообщению Комиссии о Санкт-Петербургских строениях. Кладбище было привилегированным: за предоставление места требовалось внести не менее десяти рублей «на церковное строение», а, кроме того, выложить кирпичный склеп (Дьяконов, Берташ). Здесь были похоронены выдающийся учёный-механик А. К. Нартов, профессор Императорской Академии Наук, автор «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинников, живописец А. П. Лосенко и другие исторические личности XVIII в. С 1845 г. территория кладбища становится внутренним мо-

настырским садом, а с 1854 г. входит в состав ансамбля церкви.

На территории, принадлежащей церкви, построено несколько зданий. Среди них был дом, в котором Благовещенское благотворительное общество поместило три учреждения: дешёвые квартиры, приют для престарелых и приют для детей, где была открыта школа. Помимо этого, в 1868–1870 гг. архитектором К. Н. Вербицким был построен трёхэтажный жилой дом для священнослужителей – дом № 18 по Малому проспекту. По его же проекту в 1884 г. деревянную решётку заменили на металлическую на каменных столбах. Она и по сей день ограждает церковную территорию. В

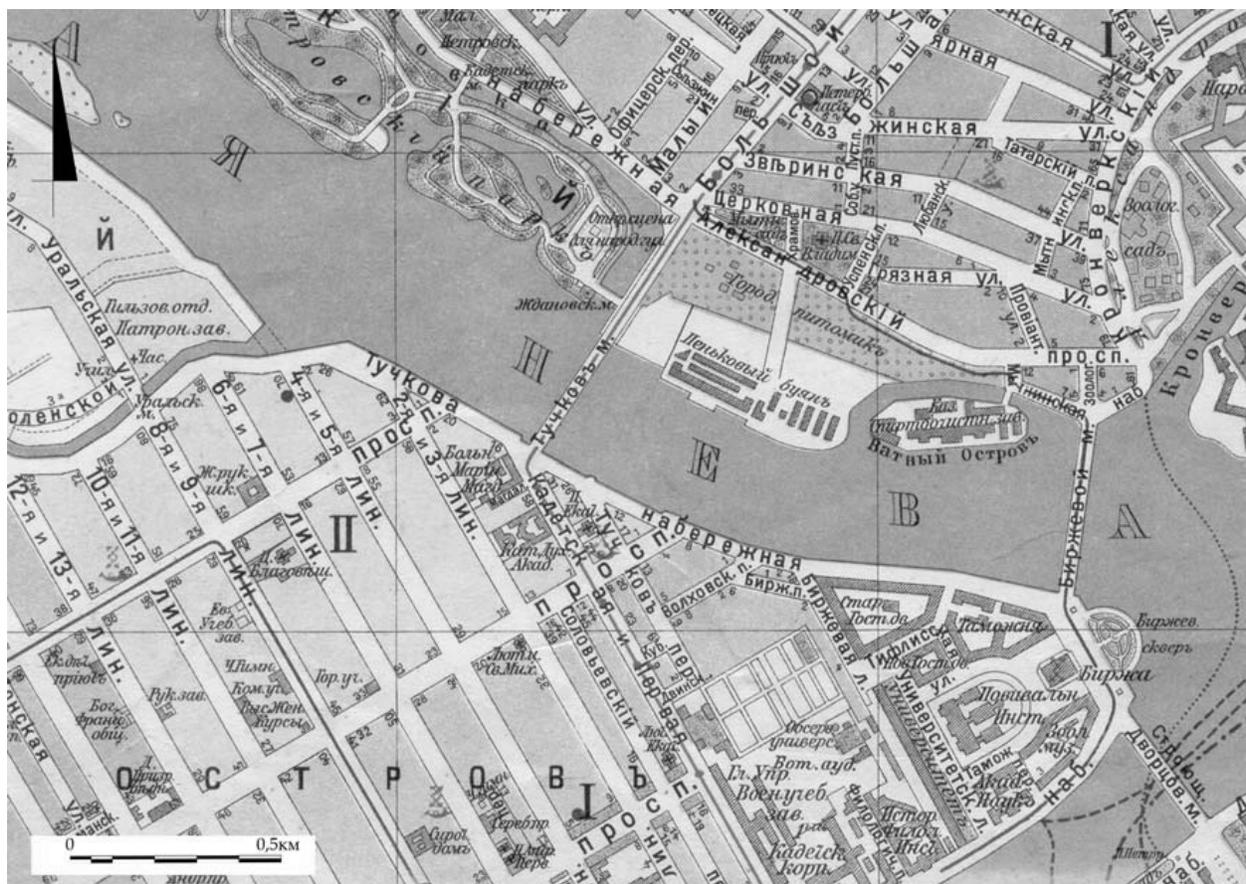

Рис. 5. Карта части Васильевского острова г. Санкт-Петербурга 1913 г. с указанием участка проведения работ

1897–1899 гг. архитектор М. Ф. Еремеев построил каменную часовню на углу проспекта и 8-й линии (рис. 5) (Дьяконов, Берташ).

На плане 1929 г. на месте кладбища появляется сад с регулярной планировкой. Дошедшая до наших дней планировка сада сложилась к 1932 г. Работы по благоустройству сада проводились также в 1960-е и 1970-е гг.

В октябре 1963 г. в ходе прокладки траншеи с северной стороны церкви Благовещения была обнаружена надгробная плита с именем С. П. Крашенинникова, место погребения которого на тот момент считалось утраченным. В ноябре 1963 г. на месте обнаружения плиты были проведены археологические раскопки под руководством А. Д. Грача (Грач, 1966. С. 110).

В результате работ было открыто погребение С. П. Крашенинникова², была описана стратиграфия данного участка, выявлен культурный слой XVIII в. (Грач, 1966. С. 110–114). Важно отметить, что это были одни из первых археологических работ на территории нашего города.

Решение об археологическом надзоре за проведением реконструкции Благовещенского сада было принято по настоянию КГИОП правительства Санкт-Петербурга в экстренном порядке, спустя несколько месяцев после начала работ, когда восемь котлованов для устройства канализации уже были выкопаны, а в семи из них даже установлены

² В 1988 г. состоялось перезахоронение С. П. Крашенинникова на Лазаревском кладбище Александро-Невской Лавры.

Рис. 6. Благовещенский сад. Общий вид на участок работ с юго-востока

канализационные колодцы (рис. 6), многие из которых были частично засыпаны, что существенно затруднило работу археологов.

Проведение исследований в режиме археологического надзора наложило свои особенности на методику работ. Поскольку земляные работы велись с использованием экскаваторов, разборка культурного слоя не проводилась. Работа свелась к сбору археологического материала и фиксации стратиграфии. Все котлованы и траншеи были нанесены на план, все доступные борта котлованов и стенки траншей были защищены, описаны, зарисованы в масштабе 1:20 и сфотографированы.

На территории Благовещенского сада было выкопано восемь котлованов под колодцы размерами от 3,0 x 2,7 до 13,6 x 4,6 м, глубиной от 1,6 до 3,2 м. Они расположены симметрично в южной, восточной, северной и западной частях сада. На втором этапе котлованы с установленными в них канализационным колодцами были соединены

между собой семью траншеями. Ширина траншей составила 1,2–2,0 м, длина – 2,8–45 м (рис. 7). Объем данной статьи не позволяет дать подробную характеристику каждого котлована и траншеи.

Наибольший интерес представляет траншея № 1, которая вместе с котлованами № 1, 2, 7 и траншеей № 7 имеет протяжённость более 66 метров и пересекает фактически весь сад в направлении север-северо-запад – юг-юго-восток от Малого проспекта до церкви Благовещения. Максимальная глубина траншеи составляет 2,15 м, что дало возможность проследить стратиграфию всех культурных напластований данного участка (табл. 1).

В южной части ромбической площадки, образованной пересекающимися центральными дорожками сада, траншеей были вскрыты остатки крупной деревянной постройки. Северо-западная стена строения находится в 36 м от красной линии Малого проспекта, юго-восточная стена – в 44,5 м. Остатки постройки залежали в слое тёмно-

Слой	Мощность (м)
Супесь тёмно-серая, гумусированная, с включениями угля, кирпичной крошки – современный почвенный горизонт; слой содержит линзы (иногда очень большие по распространению) песка жёлтого с мелкой известняковой щебёнкой (мощностью 0,03–0,07 м) и битого кирпича (мощностью 0,04–0,15 м); эти линзы маркируют уровень отсыпки садовых дорожек; нижний контакт слоя нечёткий	0,30–0,70
Песок (супесь) жёлто-серый, гумусированный, с включениями угля, кирпичной крошки, строительного мусора, прослоек щепы – слой отсыпок грунта; зафиксирован фактически на всем протяжении траншеи; в толще этого слоя отмечены линзы серого, жёлто-коричневого средне- и мелкозернистого песка (в некоторых случаях фактически стерильного), которые могут распространяться на 5–6 м, их мощность может достигать 0,30 м; контакт этого слоя с нижележащими чаще всего чёткий	0,30–1,0
Супесь (песок), тёмно-коричневая, почти чёрная, влажная, гумусированная, слоистая, насыщенная щепой; этот слой имеет распространение, в основном, в центральной части траншеи, но его протяжённость составляет 13 м и с ним связаны остатки деревянной постройки	0,16–0,55
Супесь тёмно-коричневая, почти чёрная, гумусированная, влажная; слой насыщен кирпичной крошкой, щепой, он сходен с вышележащим, но содержит щепу в меньшей степени; в нижней части слой плавно переходит в суглинок; в толще этого слоя также содержатся линзы серой супеси и мешаного серого и жёлто-коричневого песка мощностью до 0,15 м; этот слой является погребённой почвой, существовавшей ко времени освоения данного участка – к началу–середине XVIII в.; нижний контакт слоя нечёткий	0,26–0,65
Песок светло-серый, желтовато-серый, мелкозернистый, слоистый, переходящий в супесь или суглинок – слой подпочвы и аллювиальных отложений; в верхней части может содержать кирпичную крошку, угольки, артефакты	ок. 0,50

Таблица 1. Благовещенский сад. Характеристика культурных напластований в траншее № 1

коричневой супеси, насыщенной щепой (рис. 8). Она была сложена из крупных брёвен (диаметр наибольшего равен 0,32 м) и имела длину не менее 8,5 м (в восточной стенке траншеи расстояние между крайними брёвнами составляет 9,5 м, но это может объясняться разрушением постройки). От стен строения сохранились два венца на высоту 0,53 м. В западном борту траншеи прослежены доски, уложенные в один–три слоя выше нижнего венца постройки на всю её длину. Ширина досок достигала 0,28 м, толщина – 0,04 м. По всей вероятности, из них был сложен пол постройки. В восточном борту траншеи доски, лежащие в два слоя, обнаружены только в северной части сооружения на участке длиной 2,58 м.

В западном борту траншеи внутри постройки и ниже слоя досок замечено скопление рваных камней известняка и гранита размерами в поперечнике около 0,20 м. Камни уложены в один ряд длиной 1,30 м. Ниже слоя досок также были отмечены две тонкие (толщиной 0,04–0,05 м) линзы серой глины.

В борту траншеи зафиксировано несколько крупных ям, одна из которых, шириной 1,30 м и глубиной 1,60 м, оказавшаяся в границах постройки, заполнена серым мешаным песком.

Вышеописанные строительные остатки, по всей видимости, имели отношение к первоначальной деревянной церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, построенной в 1740–1742 гг.

В южной части траншеи, в смежных с ней котлованах № 1 и № 2, в траншее № 7, глубиной 2,04 м, характер культурных напластований оказался иным (табл. 2). В этой части Благовещенского сада, около церкви, мощность культурного слоя существенно уменьшается, а суглинистые и супесчаные подстилающие отложения сменяются слоистым, по всей видимости, аллювиальным песком. При этом материковый песок на этом участке залегает значительно выше, чем на остальной территории сада. Именно здесь «на месте сухом и высоком» и располагалось кладбище, часть

Благовеценский сад. Траншея 1. Стратиграфия западной стены в контурах постройки (20-32 м траншеи при отсчете от Малого др.)

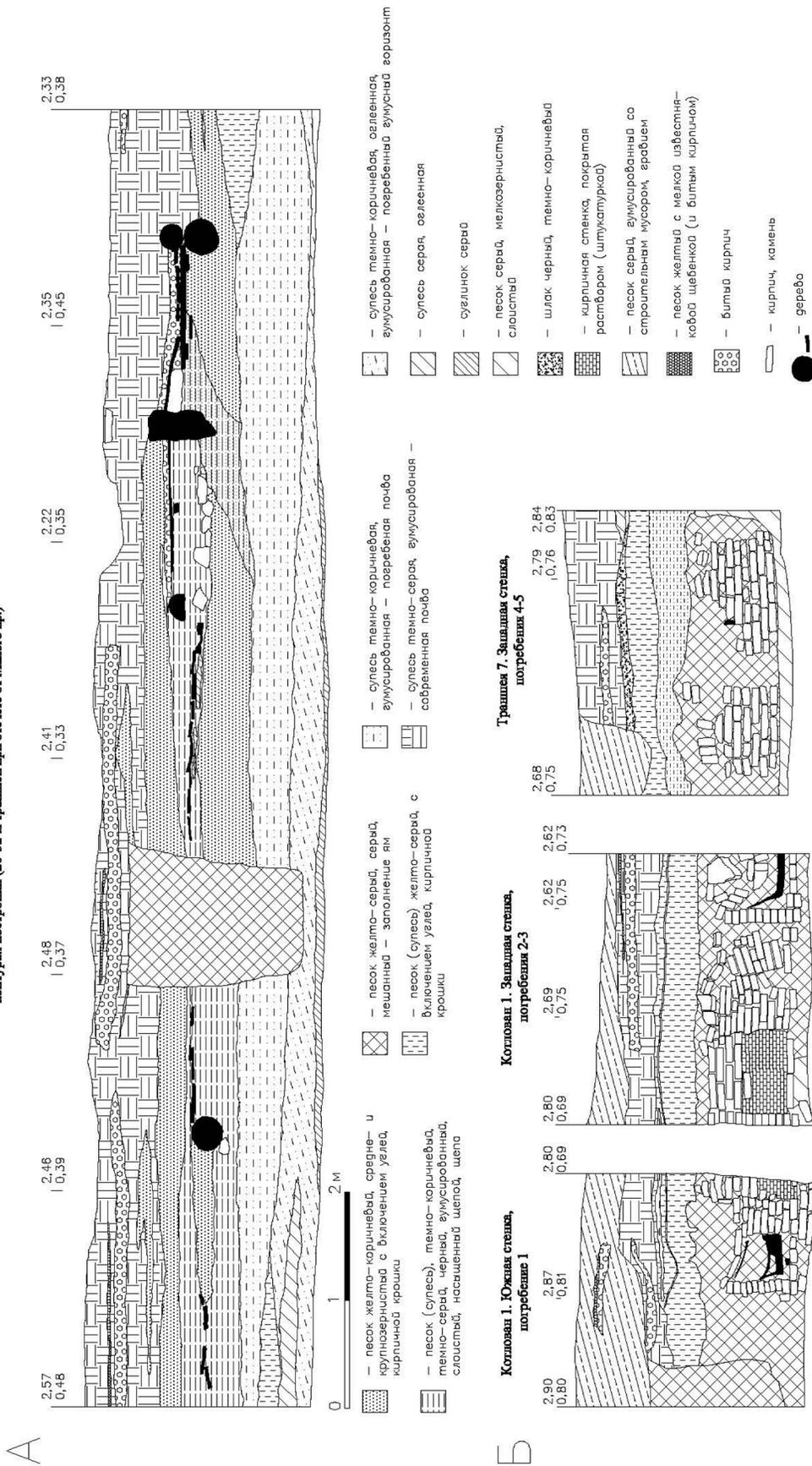

Рис. 8. Благовеценский сад. Стратиграфия культурных напластований

Слой	мощность (м)
Супесь тёмно-серая, гумусированная, с включениями угля, кирпичной крошки – современный почвенный горизонт; слой содержит линзу битого кирпича (мощностью 0,08 м) – отсыпку садовых дорожек; нижний контакт слоя нечёткий	0,80–1,15
Шлак чёрный	0,07
Песок жёлто-серый, гумусированный, с включениями угля, кирпичной крошки, строительного мусора – слой отсыпок грунта; нижний контакт нечёткий	0,20–0,30
Супесь тёмно-коричневая, гумусированная, насыщенная углями, кирпичной крошкой; нижний контакт чёткий	0,15–0,35
Песок светло-серый (желтоватый), мелкозернистый, слоистый; в него впущены погребения, могильные ямы которых заполнены серым мешаным мелкозернистым песком	0,80

Таблица 2. Благовещенский сад. Характеристика культурных напластований в траншее № 7

Рис. 9. Благовещенский сад, котлован №1. Южная стенка. Фрагмент кладки склепа

погребений которого была разрушена при рытье котлована № 1 и траншеи № 7.

В котловане № 1 были зафиксированы три могилы XVIII в. Судя по стратиграфии южного и западного бортов, склепы или, скорее, обложенные кирпичом могильные ямы были пристроены одна к другой. Склеп 1 прослежен в южном борту котлована, его северная стенка была частично разрушена (рис. 9). Она была сложена из неклеймлённого кирпича (размерами 0,24–0,27 x 0,10–0,11 x 0,05–0,06 м) в два слоя на известковом растворе. Высота склепа составляла, как минимум, 1,10 м. Дно его также сложено из кирпича в два ряда. На внешней поверхности северной стены и на выступающем контрфорсе(?) сохранились следы белой штукатурки (?) или раствора. Перекрытие склепа, сделанное, видимо, также из кирпича, провалилось. Под ним, но значительно выше гроба, были видны следы досок или плах. По всей видимости, это были остатки деревянной конструкции, поддерживавшей крышу склепа. Внутреннее пространство склепа, судя по разрезу, заполнено просыпавшимся туда серым слоистым, мелкозернистым песком. Основание гроба находилось в 0,05 м от дна склепа и стояло на деревянной плашке. Крышка гроба провалилась, внутреннее пространство гроба заполнено серым песком.

Погребение 2 прослежено в западном борту котлована, оно не было повреждено (рис. 10). В

Рис. 10. Благовещенский сад, котлован №1. Западная стенка. Фрагмент кладки склепа

разрезе была видна обложенная кирпичом восточная стена, пристроенная к контрфорсу склепа 1 и сложенная из неклеяемого кирпича (размерами 0,24–0,26 x 0,11–0,12 x 0,05–0,06 м) на глиняном(?) растворе, по-видимому, в один ряд, почти без перевязок. Стена сохранилась на высоту 0,70–0,75 м, в верхней части разрушена.

Погребение 3 примыкало к погребению 2 с севера; оно наполовину разрушено котлованом, к борту которого вплотную был установлен канализационный колодец. Стены могилы выложены неклеяемым кирпичом (размерами 0,24–0,26 x 0,11–0,12 x 0,05–0,06 м) в один ряд, на глиняном растворе, южная стена склепа сохранилась на высоту 0,80 м. Дно сложено из кирпича в один ряд. Перекрытие, по всей видимости, было сложено из кирпичей и, возможно, из известняковых плит. Оно провалилось внутрь могилы. Внутреннее пространство погребения заполнено серым песком и кирпичами стен и перекрытия. Основание гроба, как и в склепе 1, находится на 0,05 м выше дна склепа. Крышка гроба под тяжестью провалившегося перекрытия и песка была продавлена внутрь и лежала на костях погребённого.

В траншее № 7 были обнаружены пять погребений XVIII в. В западном борту траншеи

прослежены две торцовые стенки склепов или могильных ям, обложенных кирпичами.

Торцовая восточная стенка погребения 3 сохранилась на высоту 0,74 м, ширина её составляет 0,83 м. Кладка выполнена без раствора, из неклеяемых кирпичей размерами 0,32 x 0,13 x 0,07 м. Восточная стенка погребения 4 располагалась в 0,30 м к северу. Ее высота достигала 0,73 м, ширина – 1,06 м. Кладка выполнена без раствора, из неклеяемых кирпичей размерами 0,27 x 0,13 x 0,07 м. Южный конец кладки обвалился, в провале были видны истлевшие доски гроба.

В восточном борту траншеи обнаружены три захоронения, частично разрушенные при строительных работах. Погребение 6 располагалось в южной части траншеи. Оно было разрушено при прокладке газовой трубы в 1960-е – 1970-е гг. От погребения 6 сохранились северная боковина и небольшая часть дна гроба. Кости скелета не обнаружены. На высоту 0,60 м также сохранилась северная стенка могильной ямы, обложенная неклеяемым кирпичом без раствора в один ряд.

Погребение 7 примыкало к могиле 6. Стенки его могильной ямы также выложены кирпичом в один ряд (кладка сделана без раствора) и сохранились

на высоту 0,46 м (южная) и 0,35 м (северная). В погребении обнаружена часть гроба, сделанного из досок толщиной 0,03–0,04 м. На досках сохранились остатки тканевой обивки. Крышка гроба провалилась под тяжестью грунта и лежала на костях погребённого. Разборка погребения не проводилась, в ходе укладки пластиковых канализационных труб оно было засыпано песком.

Погребение 8 примыкало с севера к погребению 7. Стенки его могильной ямы также выложены кирпичом в один ряд (кладка сделана без раствора) и сохранились на высоту 0,30 м (южная) и 0,40 м (северная). Погребение было разрушено при рытье траншеи. От него сохранились части гроба, сделанного из досок толщиной 0,03–0,04 м. В погребении обнаружены правая и левая бедренные кости. При зачистке борта траншеи найдено несколько разрозненных костей скелета, возможно, относящихся к этому погребению. Остатки погребения также были засыпаны песком при прокладке труб.

Котлован № 7, связанный с траншеей № 1, достигал глубины 2,30 м (без учёта подсыпки гравием под уже установленные на момент начала археологических работ бетонные колодцы). Важно отметить, что верхние слои в северной части траншеи № 1 и в котловане № 7 были насыщены строительным мусором – известковым раствором и битым кирпичом.

Большой интерес представляет монетный клад, найденный в траншее № 7. В южной части западного борта траншеи прослежена яма шириной и глубиной 1,0 м. Яма впущена в слой тёмно-серой супеси со строительным мусором. В нижней части (в 0,50 м от дна) она имеет деревянную опалубку из досок шириной 0,20 м и толщиной 0,04 м. Нижняя часть заполнения ямы включала многочисленные фрагменты керамических сосудов с коричневой и жёлтой поливой и стеклянных изделий. Там же, в слое песка, насыщенного фрагментами керамики, был обнаружен монетный клад, состоявший из 24 компактно лежавших медных монет номиналом в 1 и 5 копеек. Наиболее ранняя монета датируется 1837 г., наиболее поздняя – 1858 г. По всей видимости, это был утерянный кошелек.

Также интересными представляются остатки каменного фундамента (?), обнаруженные в траншее № 3 глубиной 2,30 м, проложенной на длину 30 м в восточной части Благовещенского сада, ориентированной по линии восток-юго-восток – запад-северо-запад. Она соединила между собой котлованы № 6 и № 7.

Стратиграфия траншеи № 3 похожа на ту, что была отмечена в центральной и северной частях траншеи № 1 и котловане № 7. Единственное ее отличие состояло в наличии мощного (0,20–1,0 м) слоя серого гумусированного песка, насыщенного строительным мусором, прежде всего, известковым раствором. Этот слой залегал в северо-западной части траншеи № 3 и был связан с несколькими крупными ямами.

В западной части траншеи, в обоих её бортах отмечены несколько кладок из плит известняка, вероятно, служивших фундаментами стен. Все они залегали целиком или нижней частью в слое жёлто-серого песка, содержащем строительный мусор (рис. 11). Описание кладок, прослеженных в юго-западном борту траншеи, ведётся с запада на восток.

Первая кладка шириной 0,57 м и высотой 0,39 м сложена из кирпичей вперевязку на известковом растворе. Она состоит из шести рядов кирпичей, размерами 0,25–0,27 x 0,12–0,13 x 0,05–0,06 м.

Вторая кладка шириной 0,84 м и высотой 0,77 м, расположенная в 3,0 м к востоку от первой, сложена из плит известняка шириной 0,37–0,51 м и толщиной 0,08–0,14 м. Кладка состоит из восьми рядов плит на известковом растворе, опирающихся на два горизонтально положенных бревна – лежни, диаметром 0,15–0,17 м.

Третья кладка шириной 0,94 м и высотой 0,50 м, расположенная в 2,80 м к востоку от второй, сложена из плит известняка шириной 0,27–0,56 м и толщиной 0,08–0,14 м. Кладка состоит из четырёх рядов плит на известковом растворе. На верхней плите сохранился натёк раствора шириной 0,60 м и толщиной 0,13 м. Судя по отсутствию следов котлована и ровной границе натёка раствора, можно предположить, что его заливка производилась в опалубку. Под кладкой обнаружена вертикально вбитая свая – бревно диаметром 0,18 м – и лежащее на ней бревно диаметром 0,10 м.

Четвёртая кладка шириной 0,85 м и высотой 0,76 м, расположенная в 3,90 м к востоку от третьей, сложена из плит известняка шириной 0,32–0,63 м и толщиной 0,10–0,20 м. Кладка состоит из четырёх рядов плит на известковом растворе. На верхней плите сохранился натёк раствора шириной 0,58 и толщиной 0,16 м.

Пятая кладка шириной 0,42 м и высотой 0,47 м, расположенная в 3,10 м к востоку от четвёртой и примерно на 0,20 м выше верха всех остальных

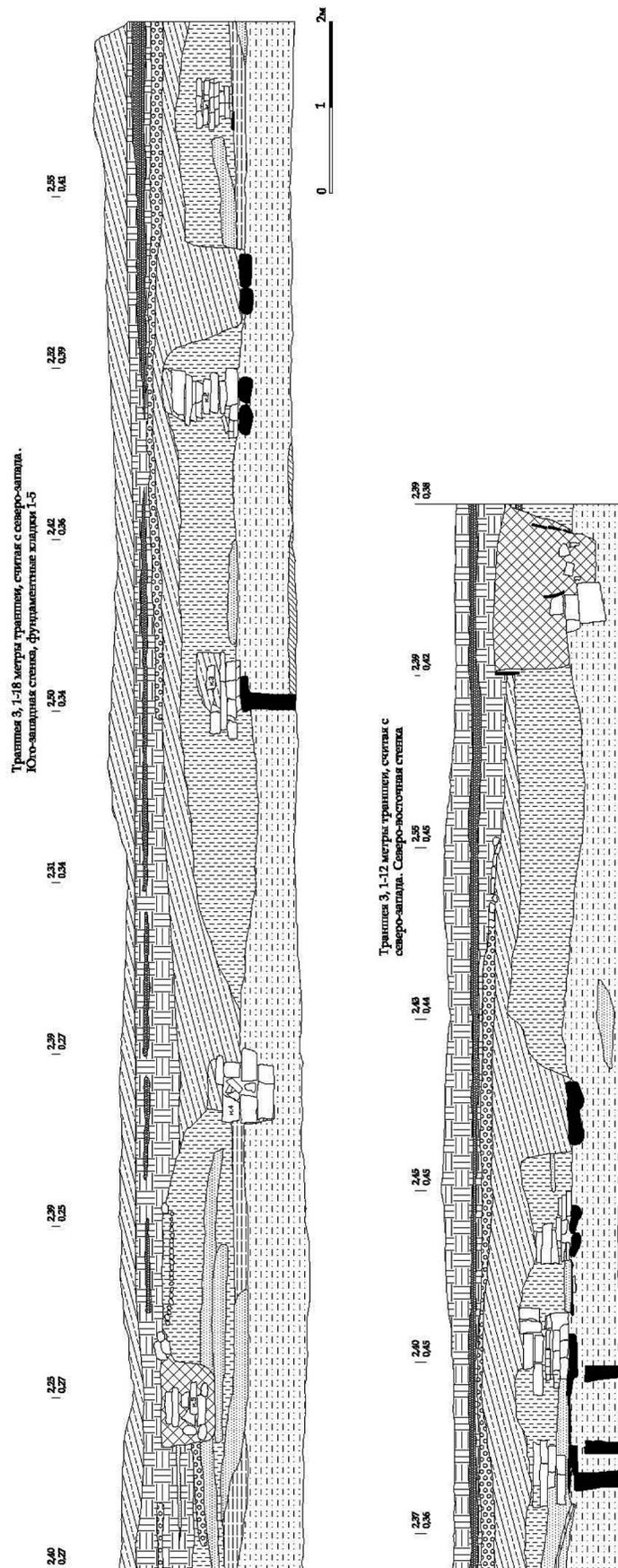

Рис. 11. Благовеценский сад. Стратиграфия культурных напластований траншеи № 3

кладок, сложена из плит известняка шириной 0,32–0,45 м и толщиной 0,07–0,09 м. Кладка состоит из четырёх рядов плит и нескольких валунов размерами 0,15–0,18 м. Она лежит в неглубоком котловане (шириной 1,0 м и глубиной 0,60 м), заполненном жёлто-серым мешаным песком. Отличаясь глубиной залегания, размерами и конструкцией от вышеописанных кладок, последняя, скорее всего, относилась уже к другому сооружению.

В северо-восточном борту траншеи № 3 также были зафиксированы четыре кладки, размерами, глубиной залегания и конструкцией похожие на кладки 1–4. Они, по-видимому, являлись остатками фундамента строения, планировку которого проследить не удалось из-за разрушений, вызванных выемкой грунта с помощью экскаватора.

Большая часть археологической коллекции, собранной на территории Благовещенского сада в ходе надзорных работ, происходит из перемешанных слоёв и отвалов грунта на месте той или иной траншеи. Поэтому наибольшую научную ценность имеют находки из достоверно определённых слоёв.

Так, из траншеи № 3 удалось получить археологические материалы, связанные со слоем тёмно-коричневой, гумусированной супеси, который относился ко времени начала освоения участка Благовещенского сада, приходившегося на первую треть XVIII в. Вещественные материалы этого времени представлены фрагментами голландских белоглиняных курительных трубок (цв. илл. 7: 3–6; 8: 4–6), столовой посудой из фарфора (фрагменты чашек и мисок с кобальтовой и полихромной росписью: рис. 12: 2, 4, 6; инв. № 35–37) и фаянса (фрагменты чашек и тарелок: рис. 12: 3, 7–9; инв. № 38, 39, 44, 45, 46), обломками крупного сосуда с ручками, покрытого перламутровой эмалью (рис. 12: 9; инв. № 40), фрагментами чёрнолощёных сероглиняных кувшинов (рис. 13: 3; цв. илл. 9: 1; инв. № 50, 51), кухонной красноглиняной и сероглиняной посудой (рис. 13: 1, 2, 4–6; цв. илл. 9: 2, 3; инв. № 49, 52, 53), устричной раковины (инв. № 54), парфюмерными фаянсовыми и красноглиняными банками, покрытыми голубой (рис. 12: 1; инв. № 41) и коричневой (рис. 12: 10; инв. № 47) поливой.

Похожие материалы XVIII в. также найдены в отвалах и мешаных слоях траншей. К ним относились голландские трубки из траншеи № 5 (инв. № 67–70), котлована № 3 (инв. № 112, 113), котлована № 5 (инв. № 130–133), котлована № 6 (инв. № 149, 150). Интересной находкой явля-

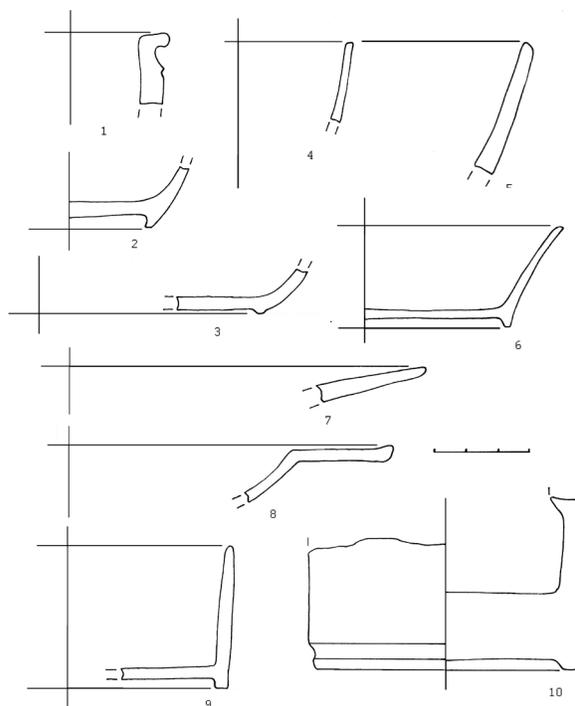

Рис. 12. Благовещенский сад, траншея № 3. Красноглиняные, фарфоровые и фаянсовые изделия: 1, 10 – помадные банки (с голубой и коричневой поливой); 2, 4 – чашечки с кобальтовой росписью, 3 – тарелка, 5 – миска (?), 6 – миска с кобальтовой росписью, 7, 8 – тарелки, 9 – сосуд (1–3, 5, 7–9 – фаянс, 4, 6 – фарфор, 10 – керамика)

ется орнаментированная красноглиняная трубка турецкого образца (рис. 14: 1; цв. илл. 10: 4; инв. № 105).

Фарфоровая столовая посуда представлена крайне слабо (цв. илл. 8: 2, 3; 9: 4, 5; 10: 1, 2, 7, 8). К ней относились небольшие обломки фарфорового чайника (инв. № 107), фрагменты фигурного сосуда с полихромной росписью (инв. № 178), обломки блюд с полихромной росписью (инв. № 108, 134), часть ножки (?) сосуда с полихромной росписью (инв. № 114), обломок ручки сосуда (инв. № 177). Интересна находка фарфоровой чашки (?) с полихромной пейзажной росписью в медальонах (инв. № 23).

Фаянсовая посуда более разнообразна по составу. Она включала фрагменты крупных сосудов (инв. № 85, 140), обломки сосуда с двусторонней перламутровой (инв. № 3, 182) и чёрной эмалью (инв. № 86), части сосуда с росписью зелёной краской (инв. № 25), фрагменты блюда (инв. № 26), обломки крышек сосудов с рельефными ручками от (инв.

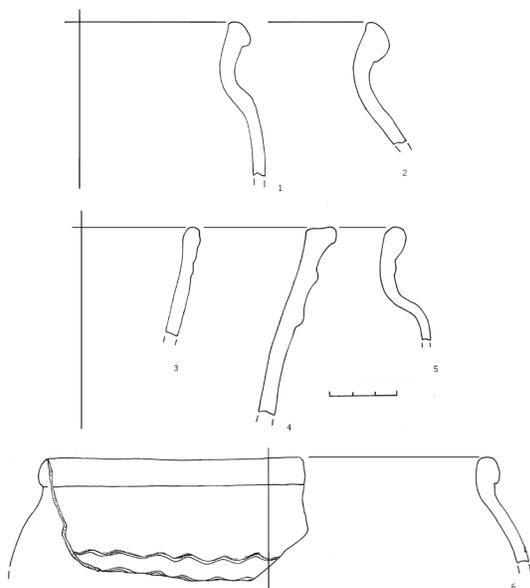

Рис. 13. Благовеценский сад, траншея № 3. Керамическая посуда. 1, 2, 6 – венчики сероглиняных сосудов; 3 – венчик чёрнолощёного кувшина; 4–5 – венчики красноглиняных сосудов

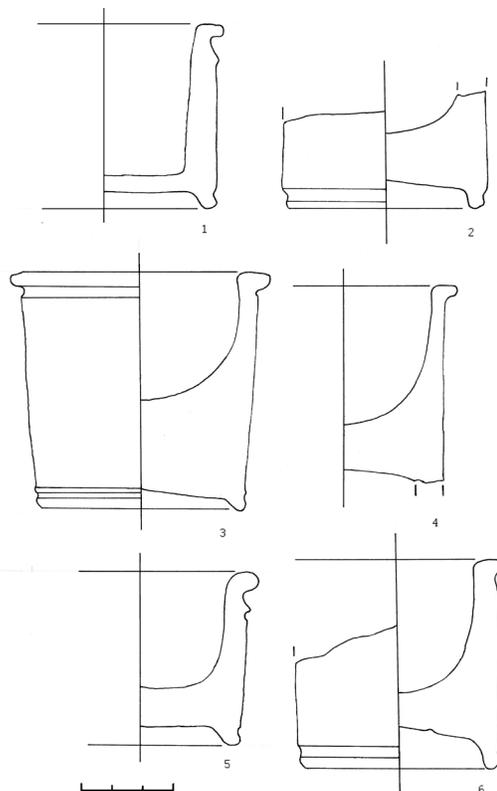

Рис. 15. Благовеценский сад. Фаянсовые помадные банки: 1, 4, 6 – с белой поливой снаружи, 2, 3 – с синей поливой снаружи, 5 – с зелёной поливой снаружи

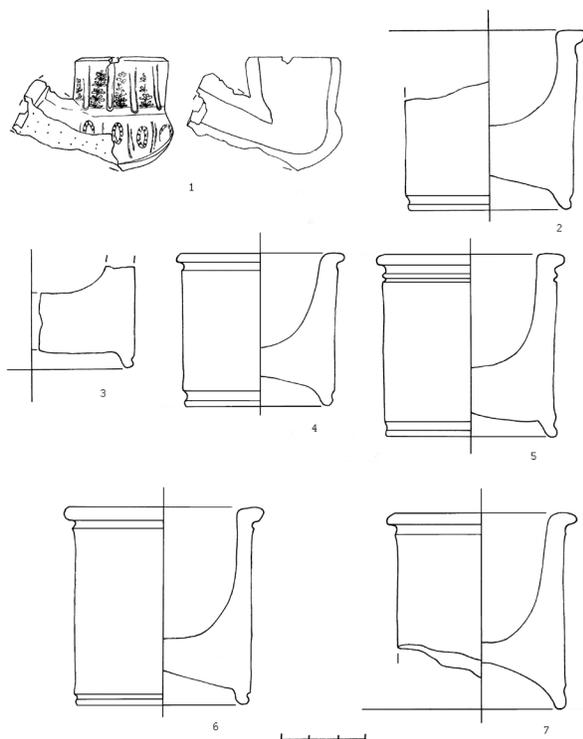

Рис. 14. Благовеценский сад. Керамические и фаянсовые изделия: 1 – красноглиняная курительная трубка; 2–7 помадные банки (2, 6 – с голубой поливой снаружи); 3–5, 7 – с синей поливой снаружи (1 – керамика, 2–7 – фаянс)

№ 27, 179), а также блюдца, миски и тарелки с кобальтовой (инв. № 80, 82–84, 126, 136–138) и полихромной росписью по краю (инв. № 2, 81, 109, 125). Наиболее интересными из фаянсовых столовых предметов являются мисочка с пейзажной кобальтовой росписью (инв. № 24), венчик фигурной миски (инв. № 115), венчик крупного фаянсового сосуда с рельефным листовидным украшением и перламутровой эмалью (цв. илл. 8: 3; инв. № 181).

Парфюмерные фаянсовые поливные банки представлены цилиндрическими сосудами высотой 0,055–0,08 м с синей (цв. илл. 7: 1; рис. 14: 3–5, 7; 15: 2, 3; инв. № 28, 29, 116, 123, 135, 194, 197), белой (рис. 15: 1, 4, 6; 16: 1; инв. № 58, 79, 124, 195), голубой (рис. 14: 2, 6; 16: 4; инв. № 4, 151) и зелёной (рис. 15: 5; инв. № 196) эмалью и сосудом с профилированным сужающимся венчиком высотой 0,125 м (рис. 18: 2; инв. № 180).

Обнаружено большое число фрагментов керамических бутылей сельтерской воды (керамика из каменной массы), а более всего в траншее № 5 (рис. 18: 3, 4; 18: 5; инв. № 87–90), с клеймом-

Рис. 16. Благовещенский сад, котлован № 4. Материал, полученный при зачистке стенок: 1, 4 – керамические помадницы, 2, 6 – фрагменты фарфоровой посуды, 3, 8 – фрагменты керамических изделий, 5, 7 – фрагменты сельтерских керамических бутылок

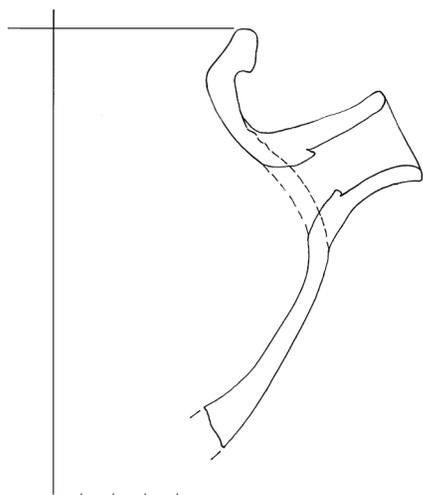

Рис. 17. Благовещенский сад. Красноглиняный сосуд с коричневой поливой снаружи, ручкой и сливным отверстием

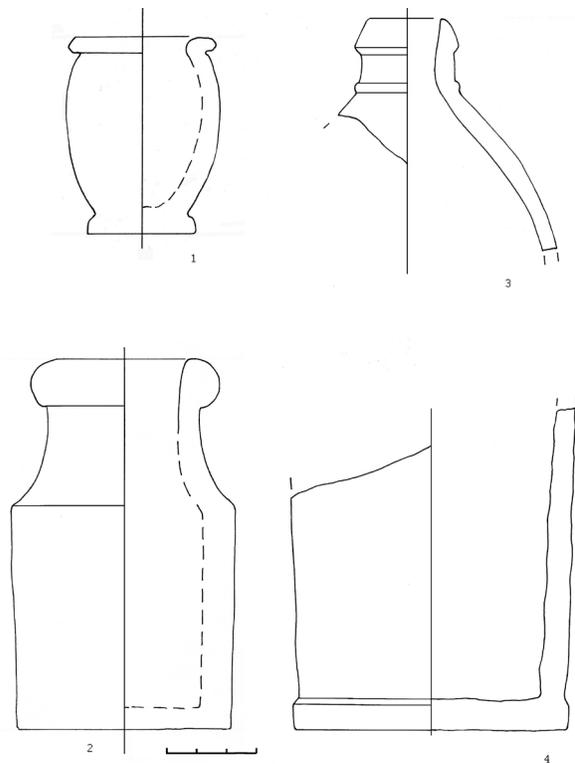

Рис. 18. Благовещенский сад. Керамические и фаянсовые изделия: 1 – красноглиняный сосудик с коричневой поливой, 2 – банка с голубой поливой снаружи, 3, 4 – фрагменты бутылей (1 – керамика, 2 – фаянс, 3, 4 – керамика из каменной массы)

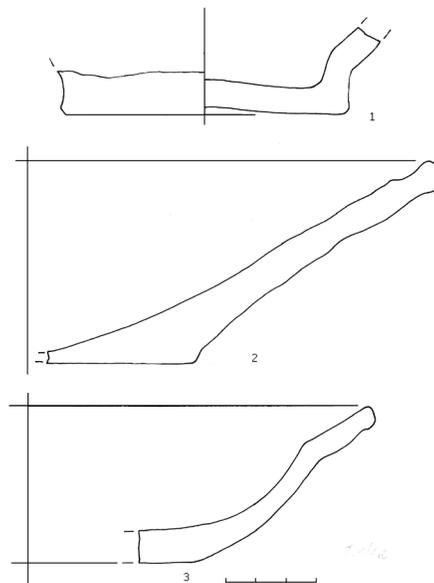

Рис. 19. Благовещенский сад. Красноглиняные сосуды: 1 – дно сосуда; 2 – миска; 3 – тарелка с полихромной росписью и поливой изнутри

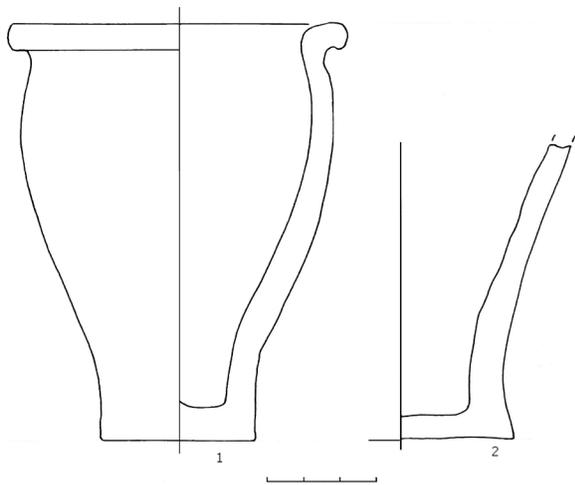

Рис. 20. Благовеценский сад. Красноглиняные сосуды: 1 – с жёлто-коричневой поливой изнутри; 2 – придонная часть кувшина с коричневой поливой изнутри

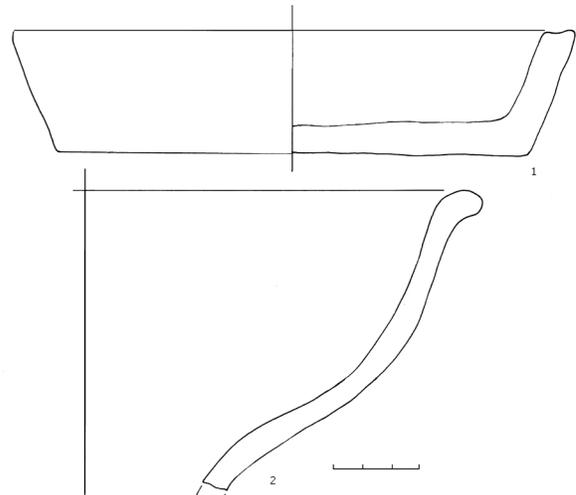

Рис. 22. Благовеценский сад. Красноглиняные миски: 1 – с тёмно-жёлтой поливой изнутри; 2 – с жёлто-зелёной поливой изнутри

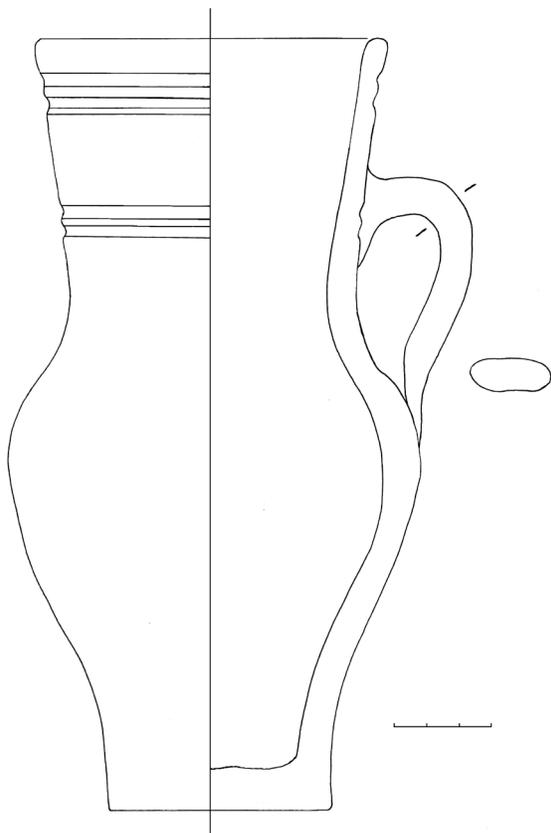

Рис. 21. Благовеценский сад. Красноглиняный кувшин с жёлто-зелёной поливой изнутри

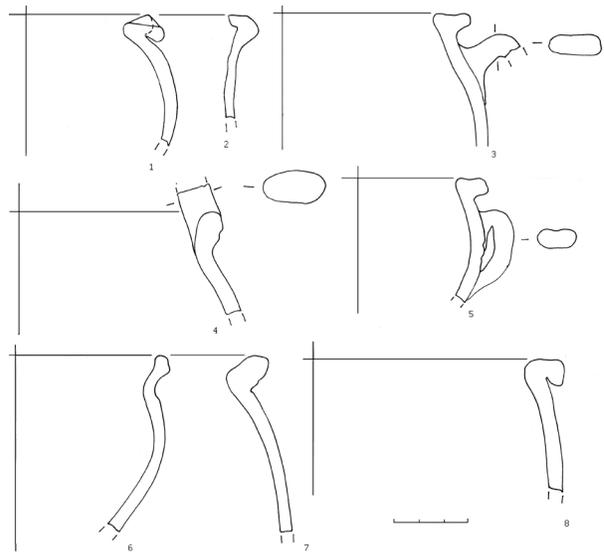

Рис. 23. Благовеценский сад. Венчики красноглиняных сосудов: 1, 4 – с коричневой поливой снаружи; 2, 6 – без поливы; 3, 5 – с жёлто-зелёной поливой изнутри; 7 – с коричневой поливой снаружи и жёлто-зелёной изнутри; 8 – с светло-коричневой поливой изнутри и тёмно-коричневой снаружи

штампом «SELTERS / HERZOGTHUM NASSAU» (рис. 16: 5; инв. № 71–78). Литеры SELTERS обрамляют схематический рисунок льва (рис. 16: 7; инв. № 121, 122) или крест (инв. №106).

Фрагменты чёрнолощённых сосудов XVIII в. найдены в небольшом количестве (инв. № 50, 51, 92).

Хорошо представлены поливные красноглиняные сосуды (рис. 16: 3; 17–23) (инв. № 5, 7, 30, 59, 91, 93, 94, 117, 118, 127, 142, 143, 145, 183, 198, 199), найдено несколько экземпляров красноглиняных горшочков с узким туловом высотой 0,12–0,13 м (инв. № 192, 193) и кувшинов высотой 0,23 м с коричневой поливой изнутри (инв. № 144, 191), попадались поливные миски (инв. № 8, 10, 12, 13). Интересна находка части красноглиняной тарелки с бело-голубой поливой и орнаментом по краю, подражающим росписи фаянсовых тарелок второй половины XVIII в. (инв. № 110).

Среди кухонных сероглиняных горшков (рис. 24–25; инв. № 14, 52, 55, 61, 96, 119, 128, 129, 146, 200) встречаются сосуды, орнаментированные на горле волнистой линией (рис. 25: 1; инв. № 60, 95).

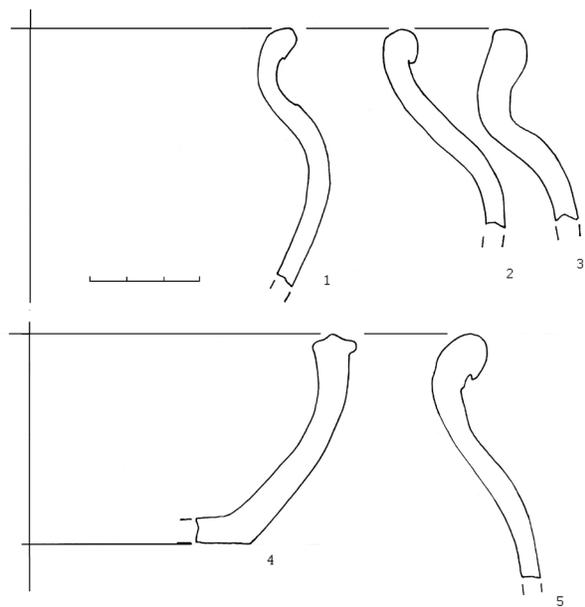

Рис. 24. Благовещенский сад. Сероглиняные сосуды: 1–3, 5 – венчики сосудов, 4 – профиль миски с жёлто-коричневой поливой изнутри

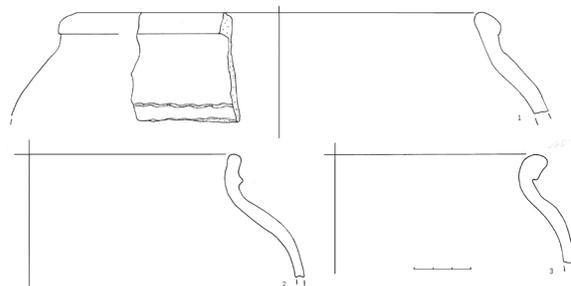

Рис. 25. Благовещенский сад. Сероглиняные сосуды:

1 – венчик сосуда с волнистым орнаментом,

2, 3 – венчики сосудов

Строительная керамика представлена кирпичами, черепицей, изразцами. Выглядят необычно тонкие фаянсовые облицовочные плитки с синей росписью по белой эмали в виде волнистой решётки в круге (инв. № 16, 98). В значительном количестве найдены фрагменты изразцов XVIII в. с синей росписью по белой эмали (цв. илл. 10: 3, 6; инв. № 17–19, 62, 64, 111), изразцы с белой эмалью XIX в. без росписи (инв. № 20, 63, 100, 101, 201, 203), в том числе и фигурные (инв. № 21, 202). Обнаружена изогнутая (инв. № 22, 66, 102, 204) и плоская (инв. № 65) черепица.

Среди вещественных материалов XIX в. клад из 24 медных монет достоинством от 1 до 5 копеек (инв. № 152–175) является наиболее интересной находкой. Старшей (самой ранней) в кладе была медная монета достоинством в 1 копейку серебром чеканки 1841 г. (инв. № 167), младшими (самыми поздними) – медные монеты достоинством в 2 и 5 копеек чеканки 1858 г. (инв. № 152, 157, 162). В комплексе с монетами была найдена бронзовая бляха с рельефным орнаментом (возможно, украшение кошелька) (инв. № 176).

Таким образом, в результате проведённых исследований на территории Благовещенского сада во всех котлованах и траншеях был зафиксирован культурный слой мощностью от 1,20 до 2,30 м. В верхней части разрезов были зафиксированы несколько отсыпок из битого кирпича и песка с известняковой щебёнкой, свидетельствующие о нескольких этапах благоустройства сада. В средней части почти всех разрезов отмечены несколько (чаще всего три) слоёв песчаных отсыпок, мощностью до 0,15–0,20 м, перемежающихся слоями тёмной гумусированной супеси с кирпичной крошкой и углями, содержащими многочисленные

находки: фрагменты керамических, стеклянных, железных и кожаных изделий.

В нескольких траншеях, расположенных в разных частях сада, в средней зоне стратиграфического профиля отмечены слои щепы, свидетельствующие о строительной деятельности на данном участке. В нижней части разрезов почти во всех частях сада отмечен мощный (до 0,50 м) слой гумусированной супеси, насыщенный, особенно внизу, щепой, досками, кусками обработанного дерева.

В этом контексте очень важным является обнаружение остатков крупной деревянной постройки в центральной части Благовещенского сада (траншея № 1). Согласно историческим источникам, первоначальная деревянная церковь Благовещения Пресвятой Богородицы, построенная в 1740–1742 гг., располагалась в глубине участка, на расстоянии 70 м к югу от Малого проспекта (Соболь, Никитенко, 2002. С. 361). Каменная церковь была построена южнее деревянной. Расстояние между ними осталось неизвестным. На карте И. Ф. Трускотта 1748–1749 гг. на площади Благовещенского сада изображены две церкви. Их изображение выполнено не в плане, а в проекции с севера, при этом рядом с каменной постройкой изображена многоярусная колокольня, построенная лишь в 1780-е гг. Деревянная церковь изображена несколько западнее, фактически на центральной оси участка, но очень близко к каменному храму. Между тем, определить расстояние между постройками на основании этого плана крайне затруднительно.

На карте 1753 г. также изображены две постройки. Каменная церковь в плане имеет форму креста, у неё нет колокольни, алтарная часть ещё не полукруглая, без обходных галерей, построенных в 1790-е гг. К северо-западу от каменного храма изображена ещё одна крупная постройка, имеющая в плане форму прямоугольника, с прямоугольной пристройкой с юго-восточной стороны. Здание по размерам сопоставимо с каменным храмом. Судя по карте, расстояние между каменным храмом и прямоугольной постройкой незначительное. Однако, использование этого плана для определения местоположения деревянной церкви 1740–1742 гг. постройки представляется едва ли возможным, поскольку карта 1753 г. фактически является безмасштабной. Большинство расстояний между показанными на ней зданиями и их размеры не совпадает с реальными величинами. Принимая во внимание все вышеизложенное, уверенно соотносить выявленные в траншее № 1 остатки деревянной постройки с первоначальной

церковью Благовещения не представляется возможным.

Во всех траншеях и котлованах прослежен слой тёмно-коричневой гумусированной супеси, залегающий почти поверх материковой серо-стальной мелкозернистой аллювиальной супеси или материкового суглинка. В этом же слое встречаются артефакты, датированные первой половиной XVIII в.: фрагменты мундштуков голландских курительных трубок, столовая фарфоровая и фаянсовая посуда, фрагменты чёрнолощёных сероглиняных кувшинов, кухонная красноглиняная и сероглиняная посуда, парфюмерные фаянсовые и красноглиняные банки, раковины устриц. Этот слой относится к началу освоения этого участка и представляет большой интерес для истории городской застройки Санкт-Петербурга.

В котлованах № 1 и 2, в траншее № 7, расположенных ближе всего к Благовещенской церкви, найдены остатки нескольких захоронений. Характерной чертой всех погребений является обкладка могильных ям кирпичом, в некоторых случаях кладки сложены на глиняном или известковом растворе. В погребениях обнаружены остатки деревянных гробов, кости. К сожалению, в ходе рытья траншеи и котлованов несколько погребений были уничтожены. Захоронения, по всей видимости, совершались в XVIII в., когда здесь находилось кладбище.

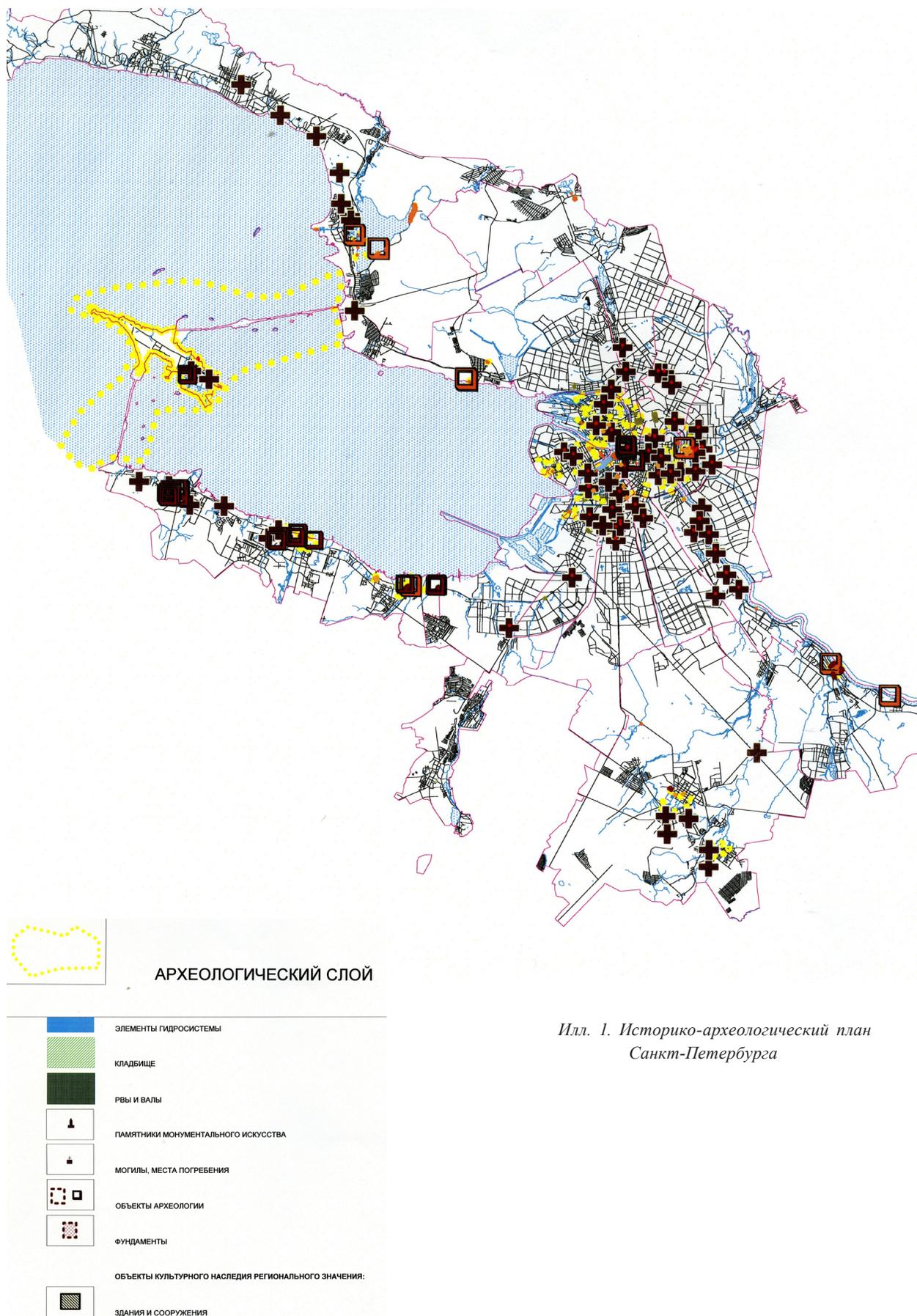
Таким образом, в ходе осуществления археологического надзора за строительными работами на территории Благовещенского сада были обнаружены археологические объекты (захоронения, остатки крупных, возможно, культовых деревянных построек и культурный слой начала XVIII в.), представляющие большое значение для изучения ранней истории г. Санкт-Петербурга. В будущем при необходимости проведения земляных работ на территории Благовещенского сада им должны предшествовать полноценные археологические раскопки.

Источники и литература

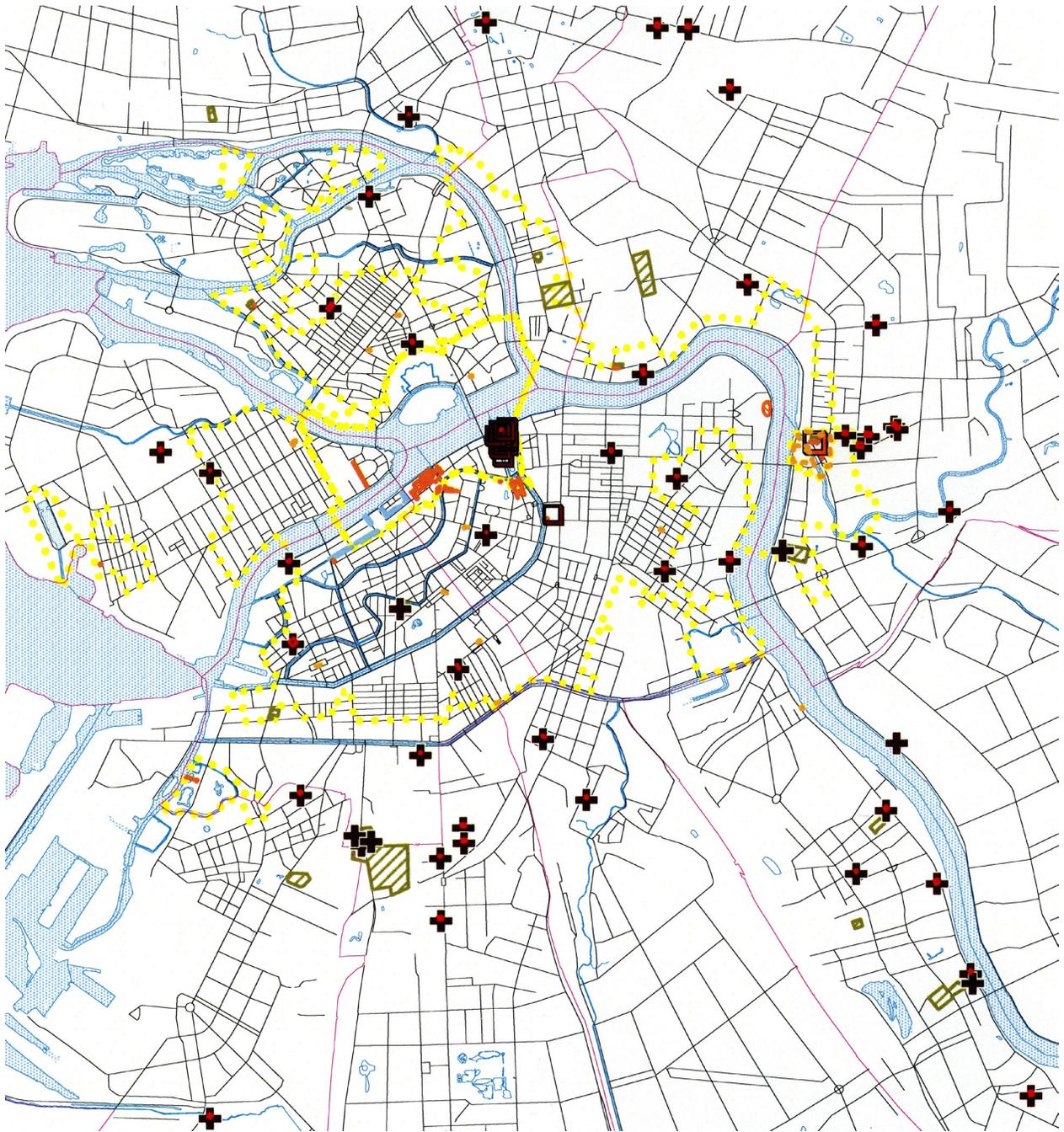
- Грач А. Д., 1966. Открытие погребения С. П. Крашенинникова в Ленинграде // СЭ. № 4.
- Дьяконов А., Берташ А. В. Церковь Благовещения Пресвятой Богородицы // <http://hramblag.narod.ru/history.htm>.
- Никитенко Г. Ю., Соболь В. Д., 2002. Василеостровский район. СПб.

Сорокин П. Е., 1996. Археологические исследования и проблемы сохранения культурного слоя на территории Санкт-Петербурга // Археология Петербурга / Отв. ред. Г. С. Лебедев. СПб.

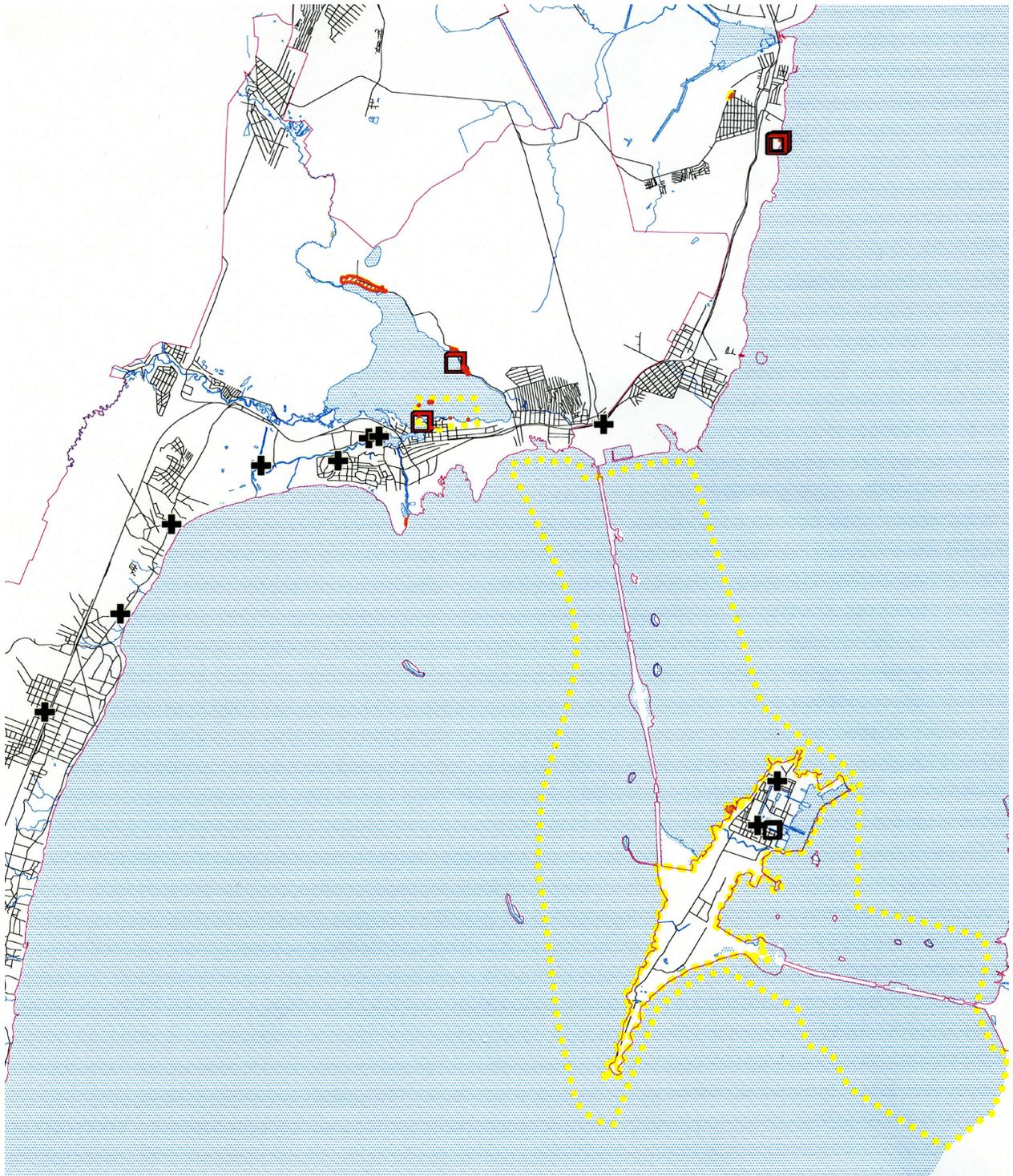
Сорокин П. Е., Семенов С. А., 2003. Археологические раскопки у здания Двенадцати коллегий в 2000–2002 гг. // Археологическое наследие Санкт-Петербурга / Отв. ред. П. Е. Сорокин. СПб. Вып. 1.

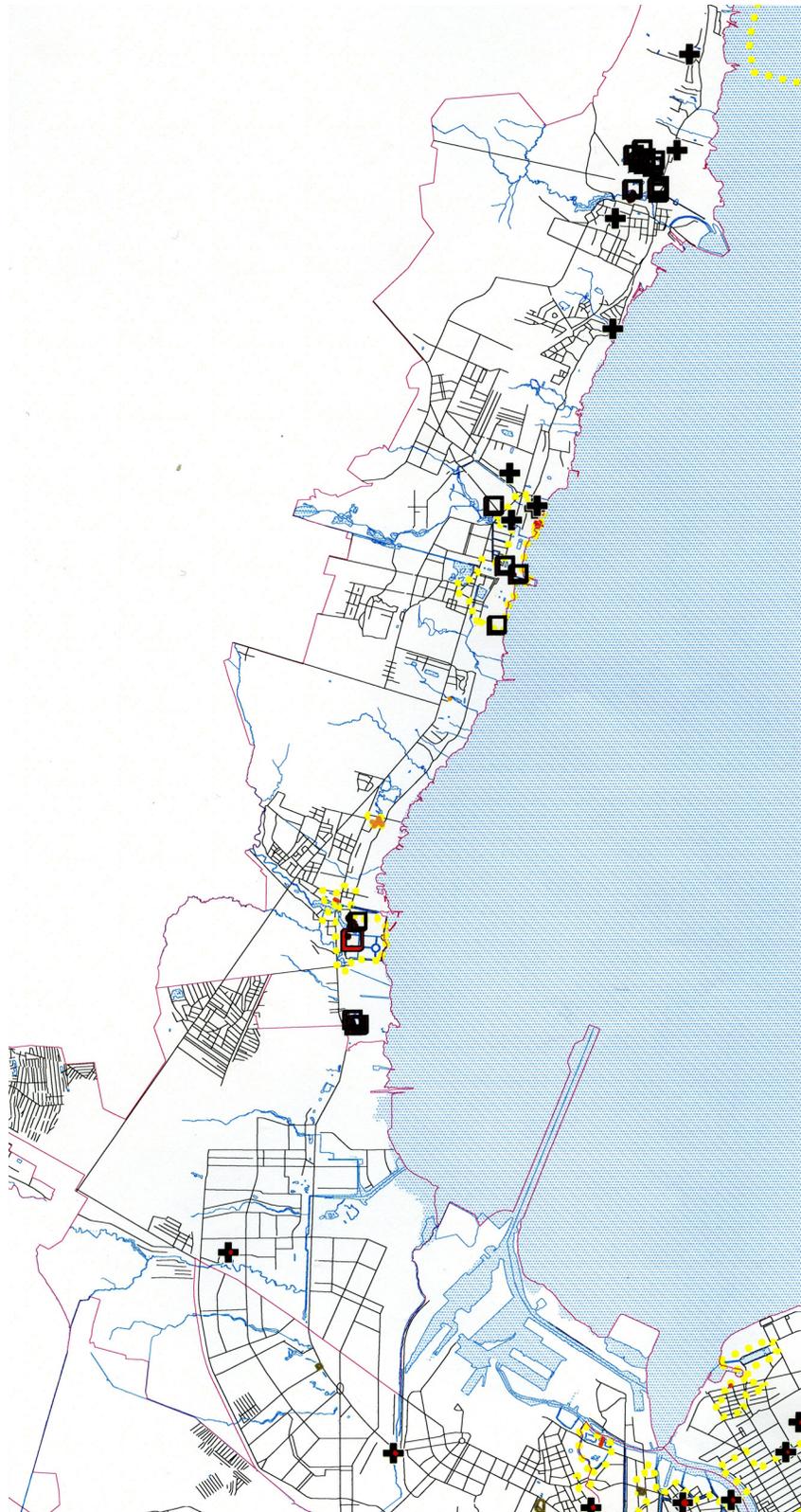
Илл. 1. Историко-археологический план Санкт-Петербурга

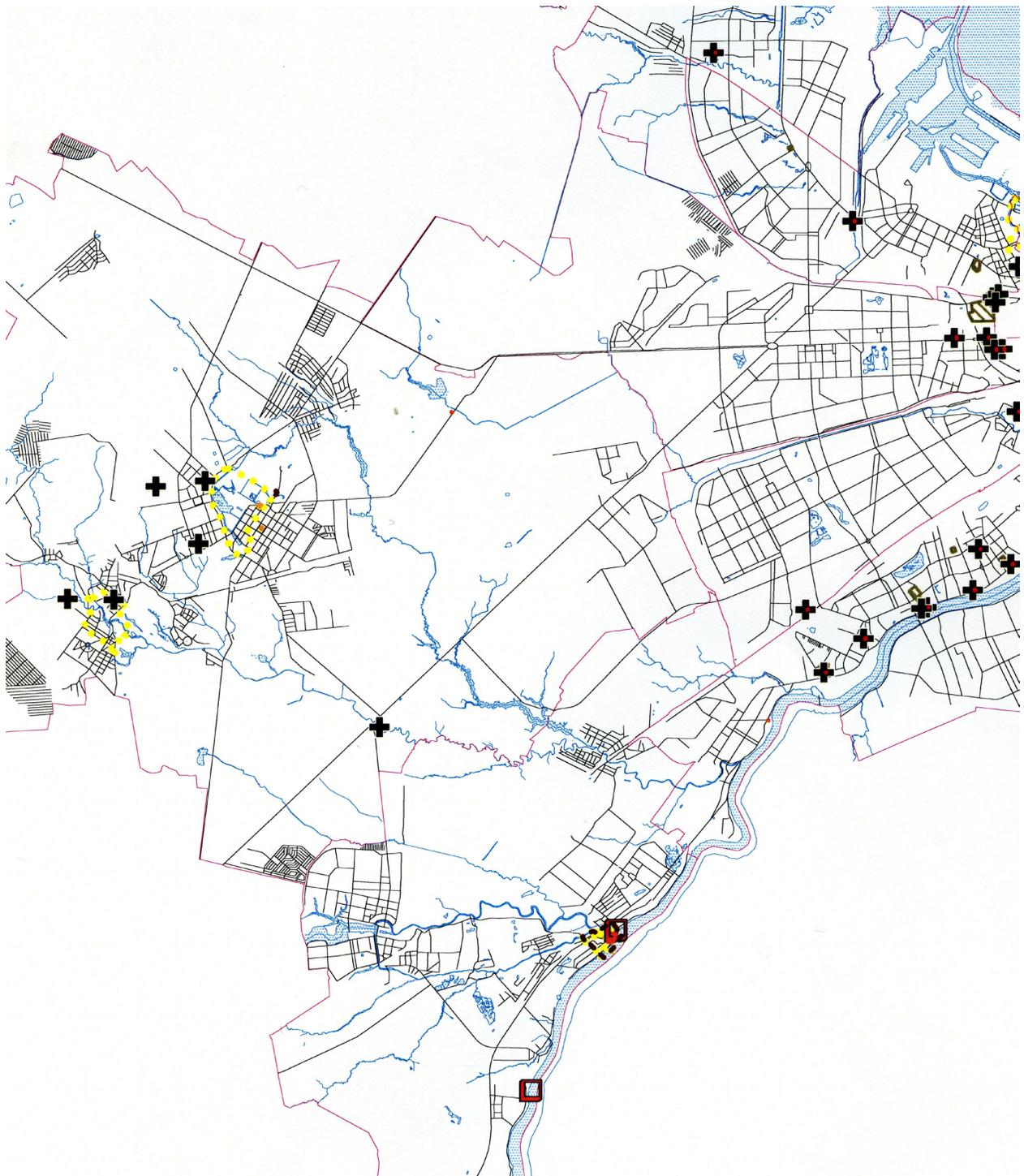
Илл. 2. Историко-археологический план Санкт-Петербурга.
Центральные районы

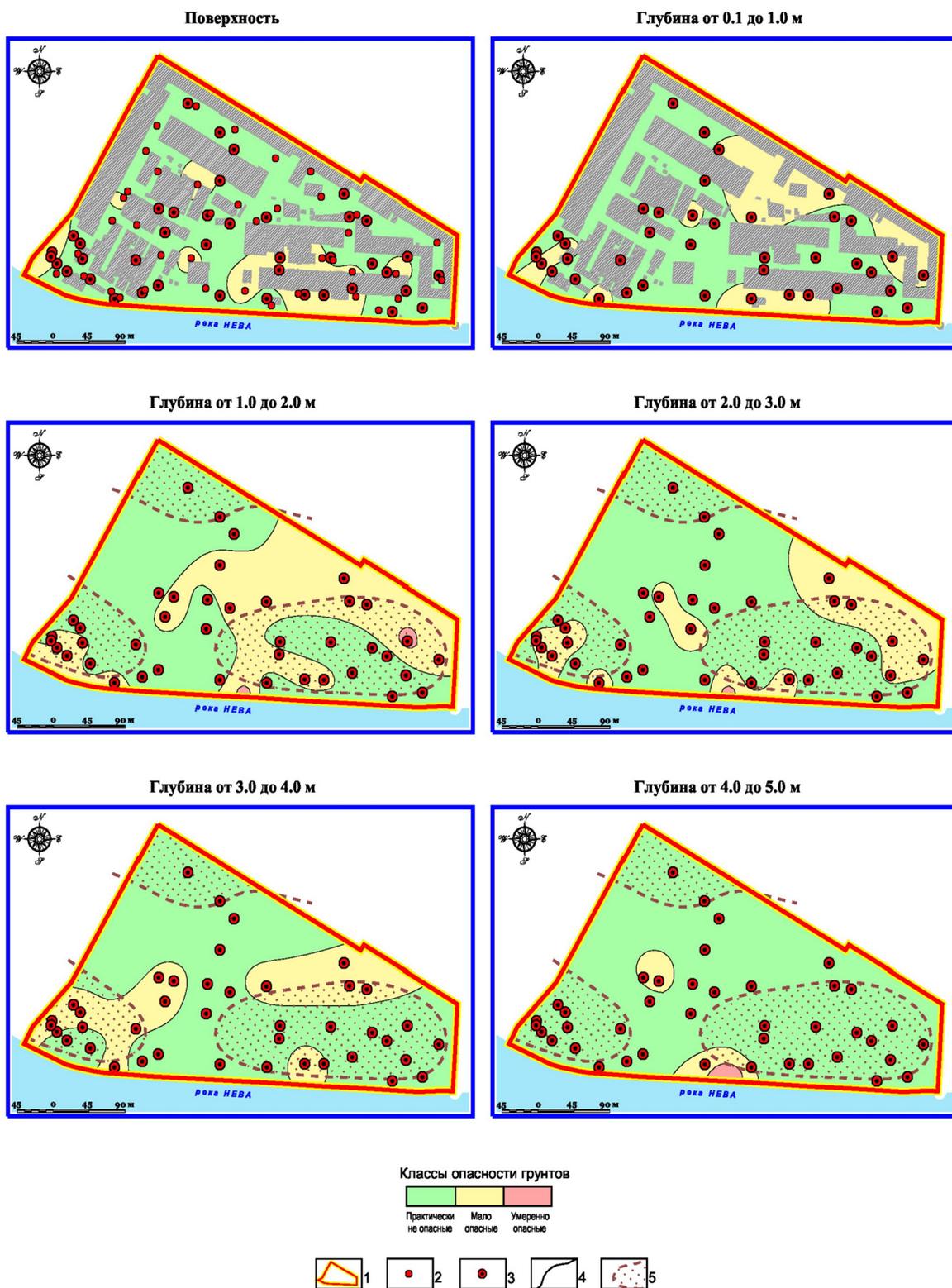
Илл. 3. Историко-археологический план Санкт-Петербурга.
Курортный район, Приморский район и Кронштадт

Илл. 4. Историко-археологический план Санкт-Петербурга.
Петродворцовый район

Илл. 5. Историко-археологический план Санкт-Петербурга.
Пушкинский и Колпинский районы

Илл. 6. Баланс земляных масс на территории ФГУП «РНИЦ «Прикладная химия», классифицированных по степени опасности: 1 – граница участка, 2 – пункты отбора поверхностных проб, 3 – местоположение скважин, 4 – граница зон, 5 – контуры суши (по состоянию на 1903 г.)

Илл. 7. Благовещенский сад, котлован № 5. Материал, полученный при зачистке стен: 1 – фрагмент керамической помадницы, 2 – сланцевая плитка, 3–6 – фрагменты глиняных курительных трубок, 7–9 – фрагменты керамической посуды

Илл. 8. Благовещенский сад, котлован № 7. Материал, полученный при зачистке стен: 1 – фрагмент керамической помадницы, 2, 3 – фрагменты фарфоровой посуды, 4–6 – фрагменты керамических курительных трубок, 7–9 – стеклянные изделия

Илл. 9. Благовещенский сад, котлован № 3. Материал, полученный при зачистке стен: 1, 2, 3 – фрагменты керамической посуды, 4, 5 – фарфоровые изделия, 6 – фрагмент помадницы

Илл. 10. Благовещенский сад, котлован № 2. Материал, полученный при зачистке стен: 1, 2, 7, 8 – фрагменты фарфоровой посуды, 3, 6 – фрагменты изразцов, 4 – курительная трубка, 5 – фрагмент сельтерской керамической бутылки

Илл. 11. Некрасовский сад. Археологические находки из слоя 1920–1930 гг.

Илл. 13. Некрасовский сад. Археологические находки из слоя 1920–1930 гг.

Илл. 12. Некрасовский сад. Археологические находки из слоя XIX – начала XX вв. и 1920–1930 гг.

Илл. 14. Некрасовский сад. Археологические находки из слоя 1920–1930 гг.

Археологический надзор за ходом строительства на участке Старого Гостиного двора

В. А. Завьялов, А. Ю. Городилов, А. И. Мурашкин,
Т. Р. Садыков, Н. Ф. Соловьёва

Осенью 2009 г. Группой охранной археологии ИИМК РАН был проведён надзор на участке Старого Гостиного двора по адресу г. Санкт-Петербург, ул. Тифлисская, 1. Работы производились по договору № 33 от 26.05.2009 г. между ИИМК РАН и ООО «Созвездие» на основании Открытого листа № 610 (форма 2) от 11.06.2009 г., выданного на имя Н. Ф. Соловьёвой, на производство археологических разведок в исторической части г. Санкт-Петербурга (археологический надзор на участках реконструируемых объектов).

История здания Старого Гостиного двора

Здание Старого (ранее Портового) Гостиного двора на берегу Малой Невы на Васильевском острове было построено по проекту Д. Трезини в 1722–1737 гг. Строительство особенно активизировалось после пожара 1727 г., который начался в магазинах на берегу Невы. Погибло более 500 человек и был нанесен большой ущерб товарам.

Первоначально здание Гостиного двора представляло собой огромный неправильный четырёхугольник, стены которого по периметру составляли 750 м. Планировочная структура здания была образована равными по размерам торговыми и складскими помещениями, разделёнными продольными и поперечными стенами (рис. 1). С севера и с юга во внутренний двор вели двое ворот. Строение было двухэтажным, с высокой кровлей (рис. 2). Двор окружала двухъярусная галерея. По внешнему фасаду галерея была устроена лишь в первом ярусе (Лисаевич, 1997. С. 56–57) (рис. 3; 4). Фасады были декорированы рустом, фигурными наличниками, карнизами, пилястрами в духе петровского барокко.

Построенный в традиционном для европейской архитектуры виде, Гостиный двор Д. Трезини на столетие стал образцом для подобных сооружений в Петербурге и в других городах России. В 1821–1824 гг. здание было реконструировано, как полагают, по проекту К. И. Росси и И. Ф. Лукини. Реконструкция свелась в основном к оформлению фасадов в соответствии с архитектурными тен-

денциями того времени, а точнее, к уничтожению барочного декора начала XVIII в. В 1868 г. здание подверглось капитальному ремонту.

В 1899 г. была разобрана восточная часть здания, на её месте было возведено здание Главного управления неокладных сборов и казённой продажи питей (архитектор К. К. Тарасов, 1899–1901 гг.). В 1911–1913 гг. большая часть Гостиного двора была снесена с целью освобождения территории под строительство зданий Министерства торговли и промышленности (архитектор М. М. Перетяткович, 1914–1915 гг.) и Библиотеки Академии наук (далее БАН) (архитектор Р. Р. Марфельд, 1913–1914 гг.) (Памятники архитектуры, 2008. С. 48–50) (рис. 5).

Небольшая перестроенная часть Гостиного двора была оставлена и используется в настоящее время в качестве дополнительного книгохранилища БАН, которое и предполагается расширить. Между обоими зданиями был устроен проезд, позволяющий въезжать во двор БАН и дворы прилегающих строений, расположенных во внутреннем пространстве бывшего Гостиного двора. При устройстве этого проезда верхние части здания Гостиного двора были разобраны, но нижние части стен и фундаменты постройки оставлены. Как выяснилось в процессе археологического надзора за нынешними строительными работами, эти стены были серьёзно повреждены в XX в. при прокладке разновремених коммуникаций (канализация и газопровод) (рис. 6). По проекту будущая постройка должна была частично занять место проезда между зданием БАН и сохранившейся частью Гостиного двора, примыкая к последнему зданию.

Археологический надзор проводился в два этапа в соответствии со строительными работами. Первой была заложена траншея для прокладки коммуникаций к западу от места предполагаемой постройки, ближе к зданию БАН. Обнаруженные в ней фундаменты Гостиного двора после их археологической фиксации, по согласованию с КГИОП, были прорезаны по трассе прокладываемых коммуникаций. На втором этапе был заложен обширный котлован для устройства фундаментов будущей постройки. На

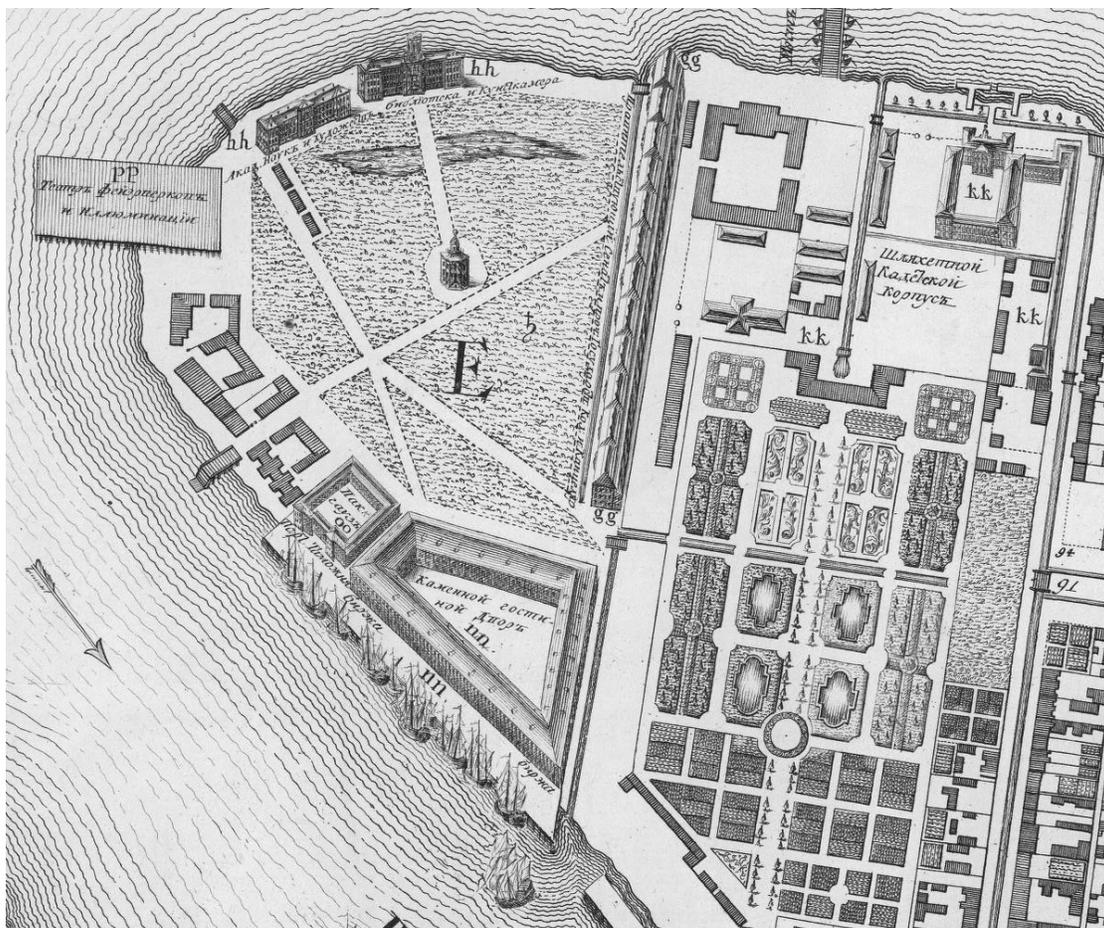

Рис. 1. Расположение Старого Гостиного двора на Стрелке Васильевского острова на плане 1753 г.

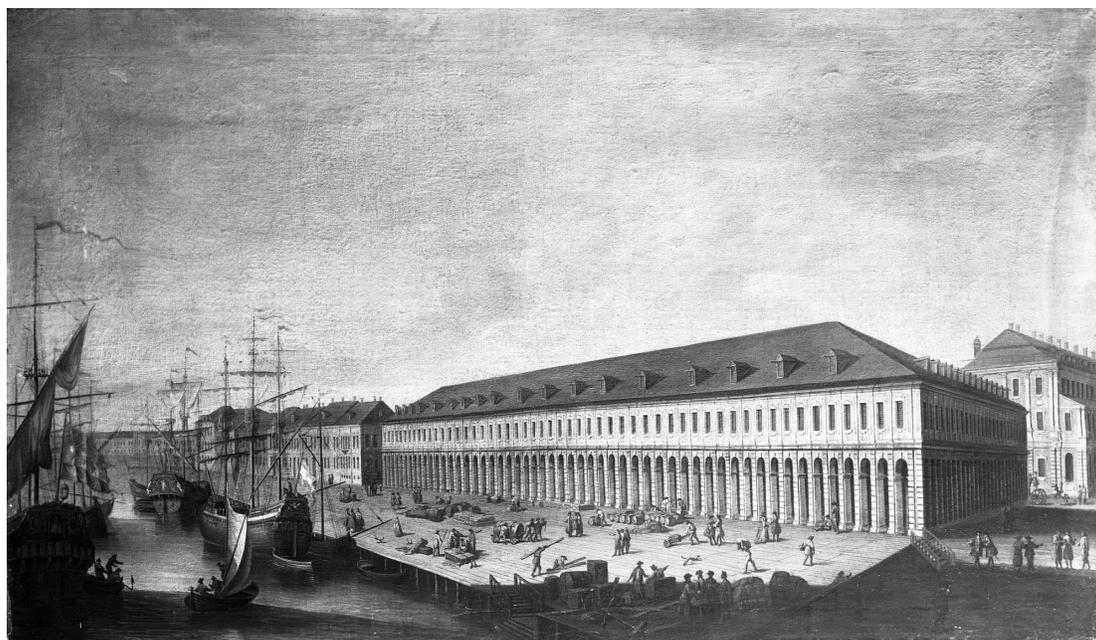

Рис. 2. Проспект Биржи и Гостиного двора вверх по Малой Неве реке.
М. Махаев, Дж. Валериани. Гравюра. Изд. 1753 г.

Рис. 3. Внутренний двор Старого Гостиного двора. И. Ф. Чистяков. 1912 г.
Научный архив ИИМК РАН. ФА. № III 12455

Рис. 4. Галерея Старого Гостиного двора. И. Ф. Чистяков. 1912 г.
Научный архив ИИМК РАН. ФА. № III 12434

Рис. 5. Разборка юго-западного угла Старого Гостиного двора на месте будущего здания БАН.
И. Ф. Чистяков. 1912 г. Научный архив ИИМК РАН. ФА. № III 12493

Рис. 6. Старый Гостиный двор: 1 – поперечная стена между продольными стенами 3 и 4 с коммуникациями XX в. на заднем плане, вид с юго-запада; 2 – поперечная стена между продольными стенами 2 и 3, вид с юго-востока

его площади после проведения археологической фиксации, по согласованию с КГИОП, остатки фундаментов Гостиного двора были выбраны экскаватором. Работа археологов заключалась в расчистке архитектурных остатков, зачистке разрезов культурного слоя, графической, фото- и текстовой фиксации конструкций и характера культурных напластований. Измерение высот происходило в Балтийской системе отсчёта (БС).

В ходе работ выяснилось, что ленты каменных фундаментов Гостиного двора (рис. 7): четыре продольных в направлении восток–запад (кроме крайней южной фундаментной ленты, не попавшей в зону

работ) и одна поперечная в направлении север–юг, в 6,10 м от линии западного фасада сохранившейся части Гостиного двора, на данном участке сохранились полностью. На высоту 1,00– 1,70 м от обреза фундамента также сохранились и нижние части кирпичных стен подвального этажа здания.

В ходе фиксации продольные стены получили нумерацию от первой до пятой, считая с юга. Стена 1, самая южная, не была исследована; стена 5 продолжает линию северного фасада сохранившейся части Гостиного двора. Их отрезки к востоку и западу от поперечной стены будут соответственно называться восточными и западными.

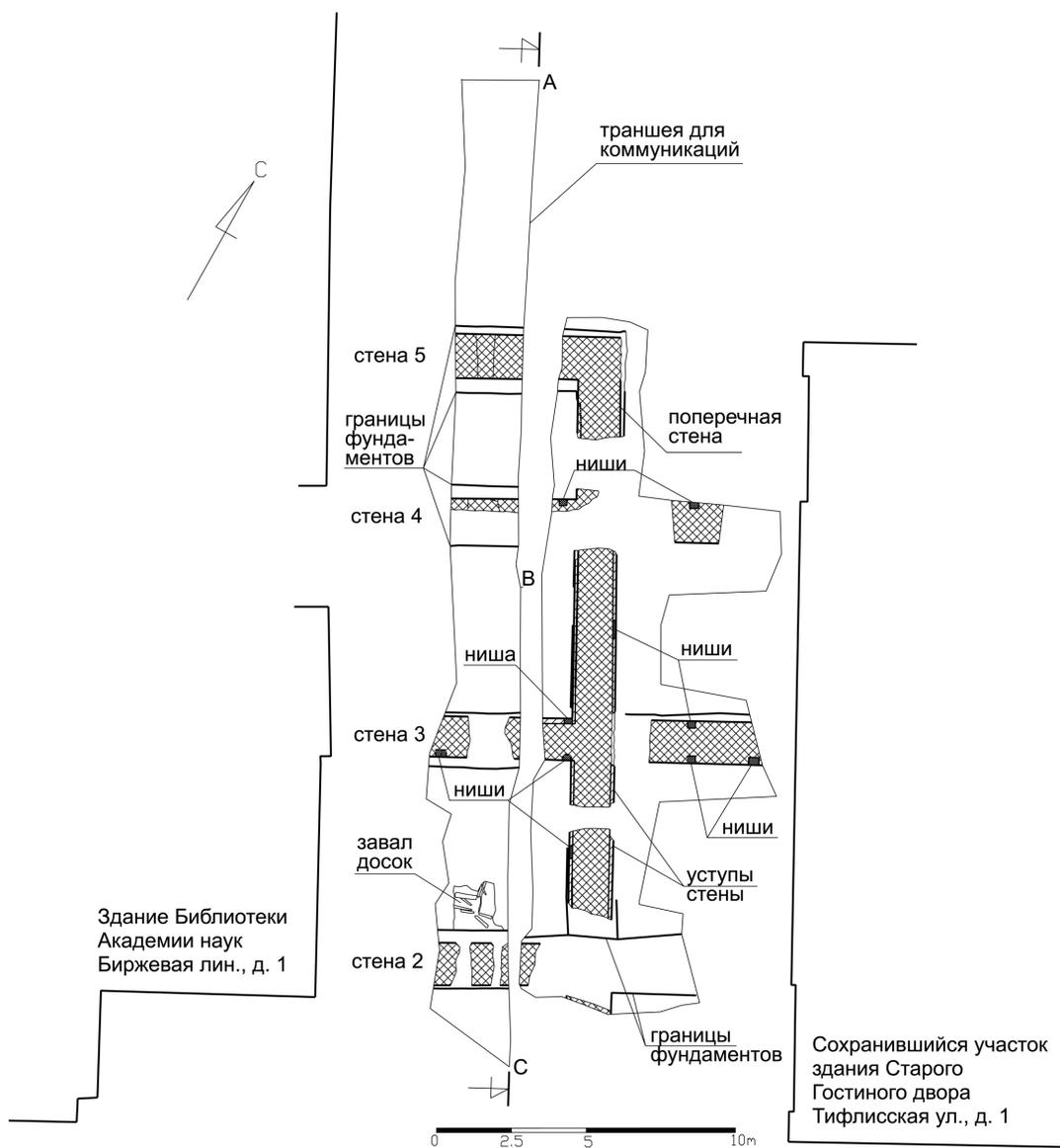

Рис. 7. Старый Гостиный двор. Схематический план исследованных архитектурных конструкций

Фундаменты

Фундаменты сложены из плит известняка – из так называемой путиловской плиты на известковом растворе. Плиты разных размеров и толщины (от 0,05 до 0,15 м) аккуратно выложены только в верхнем цокольном ряду, образуя ровный наружный край. Ширина цоколя продольных стен колеблется в пределах 1,85–2,00 м (кроме цоколя стены 5 шириной 2,10–2,25 м), ширина цоколя поперечной стены не превышает 1,60 м. Величина выступа фундамента от лицевой плоскости кирпичных стен сильно различается: у продольных стен она колеблется от 0,10 до 0,50 м, у поперечной стены – 0,05–0,15 м (на участке между стенами 4 и 5 лицевая поверхность кирпичной кладки выступает за обрез фундамента). Нижние ряды кладки фундамента уложены менее аккуратно, образуя небольшое расширение с неровными краями (рис. 8). Высотные отметки верха фундамента продольных стен лежат в пределах +2,19 – +2,25 БС. В свою очередь высотные отметки верха фундамента поперечной стены составляют +2,05 БС на участке между продольными стенами 3 и 4 и +2,20 БС между стенами 4 и 5. Несмотря на грунтовые воды, удалось зафиксировать общую толщину фундамента стены 2, сложенного из восьми рядов плит на высоту около 1,00 м.

Фундамент внешней северной стены 5, сложенный из пяти рядов путиловской плиты, опирался на слой битого кирпича на известковом растворе. Ширина траншей под фундаменты колеблется от 2,40 до 2,60 м, а её глубина достигает 0,60 м от уровня строительного горизонта (рис. 9). У северного фаса фундамента стены 2 обнаружен вертикально вбитый деревянный кол диаметром 0,09 м, возможно, предназначавшийся для разметки строительства.

Участок фундамента поперечной стены между стенами 2 и 3 примыкал к фундаменту продольной стены 2, о чем свидетельствует вертикальный шов между кладками (наличие стыка стеновых конструкций не удалось выявить из-за поспешной разборки кирпичных кладок строителями) (рис. 10). В других случаях общую мощность фундаментов зафиксировать не удалось. Из-за грунтовых вод также не удалось выявить характер деревянных субструкций под фундаментами, для которых очевидно применялись сваи диаметром около 0,15–0,20 м, что также подтверждается сведениями о строительстве книгохранилища БАН в 1958 г., когда при земляных работах полутораметровые сваи были зафиксированы под фундаментами Гостинного двора.

Рис. 8. Старый Гостинный двор. 2009 г. Фундамент и нижняя часть западного участка продольной стены 5 (фасадная стена внутреннего двора). Центральная часть стены носит следы разрушения коммуникациями XX в.

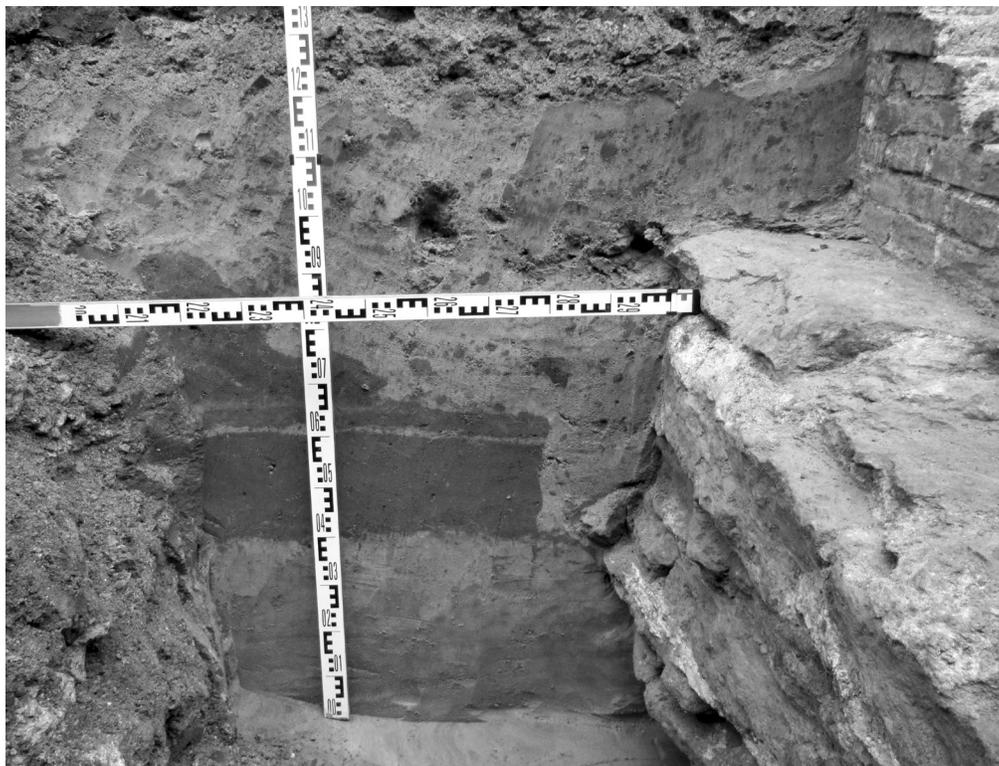

Рис. 9. Старый Гостиный двор. 2009 г. Стратиграфический разрез культурных напластований с северной стороны от продольной стены 4. Вид с запада

Рис. 10. Старый Гостиный двор. 2009 г. Стык поперечной стены и продольной стены 2. Вид с востока

Рис. 11. Старый Гостиный двор. 2009 г. Пересечение поперечной стены и продольной стены 3 со следами сильных разрушений от коммуникаций XX в. Вид с востока

Стеновые конструкции

Кирпичные стены шириной 1,40 м были возведены из кирпичей на известковом растворе (рис. 11), размерами 0,235–0,245 x 0,11–0,115 x 0,45–0,50 см. Широкая поверхность кирпичей слегка вздута и носит следы продольного заглаживания пальцами. Толщина горизонтальных швов раствора составила 0,01 м. Техника кирпичной кладки верстовая. Подрезки швов нет, затирка заподлицо.

Северный фасад продольной стены 5 выложен из плит известняка шириной 0,4–0,5 м, гладко отшлифованных с лицевой стороны. Высоту облицовки установить не удалось из-за плохой сохранности фасада (сохранилось всего лишь четыре ряда каменной кладки) (рис. 12).

Рис. 12. Старый Гостиный двор. 2009 г. Восточный отрезок продольной (фасадной) стены 5. Вид с северо-запада

Стены сильно повреждены траншеями коммуникаций XX в., во многих местах они прорублены до самого фундамента. Лучше всего к моменту исследований сохранились участок поперечной стены между продольными стенами 3 и 4 и западный участок продольной стены 3 с максимальной высотной отметкой +3,44 БС, на остальных сохранившихся участках высотные отметки колебались в пределах +2,80 – +3,00 БС.

На участке поперечной стены между продольными стенами 3 и 4 нижний ряд кирпичей выступает от лицевой плоскости стены на 0,05–0,06 м, совпадая с выступом цокольной части фундамента. На отметке +3,12 БС по обеим сторонам поперечной стены сделан уступ в ширину одного кирпича, очевидно, для настила досок пола первого этажа (рис. 13). Продольные стены такого уступа не имеют.

На продольных стенах прослежена система прямоугольных ниш шириной и глубиной в один кирпич (0,25 м). В большинстве случаев их перекрытие не сохранилось. Три таких ниши обнаружены на восточном участке стены 3 (две ниши с южной стороны и одна с северной). Пара ниш располагалась симметрично на северной и южной сторонах, на расстоянии 2,53 м от восточного фасада поперечной стены. Расстояние между соседними нишами на южной стороне достигало 1,78 м. Все три ниши были изначально устроены в кладке на уровне высотной отметки +2,90 БС. В ходе расчистки ниши на северной стороне были найдены крупные фрагменты дерева, по-видимому, оставшиеся от балок. Следы еще двух ниш зафиксированы и на северной стороне восточного и западного участков стены 4. Две ниши обнаружены на южной стороне западного участка стены 3. У одной из них сохранилось перекрытие (первоначальная высота ниши 0,25 м), кроме того были замечены следы растески боковой (на полторы ширины кирпича, на 0,17 м) и нижней (на толщину одного кирпича) сторон (рис. 14). Вторая ниша была выдолблена в стене позднее. Обе ниши устроены на высоте +2,85 БС.

Представляется очевидным, что прямоугольные ниши служили местами для установки деревянных балок перекрытия подвального этажа Гостиного двора. Подобные ниши и балки перекрытия между первым и вторым этажами и в подвале Гостиного двора можно видеть на фотографиях И. Ф. Чистякова 1912 г. Важно отметить, что места для балок были задуманы и исполнены изначально, при кладке стен, хотя впоследствии их расположение могло быть изменено.

Рис. 13. Старый Гостиный двор. 2009 г. Поперечная стена на участке между продольными стенами 3 и 4. Вид с северо-востока

Рис. 14. Старый Гостиный двор. 2009 г. Прямоугольная ниша (гнездо под деревянную балку перекрытия) в западном отрезке продольной стены 3. Вид с юга

По обеим сторонам поперечной стены также были прослежены штрабы без перекрытия глубиной в один кирпич. Одна выемка шириной 0,42 м расположена в центре западного фасада стены между продольными стенами 2 и 3 на высоте +2,50 БС (рис. 13). Другое

углубление шириной 0,59 м зафиксировано в центре восточного фасада между продольными стенами 3 и 4 на высоте +2,45 БС. Назначение и время сооружения этих ниш не вполне ясно, но можно предполагать их похожее использование, а именно, для установки деревянных балок перекрытия.

Стратиграфия культурных напластований

Борта траншеи для прокладки коммуникаций дают полное представление о стратиграфии культурных напластований. Несмотря на множество перекопов, связанных с разного рода деятельностью XX в., на некоторых участках над песчаным материком сохранился слой погребённой почвы (слой 9) мощностью 0,20–0,25 м, относящийся ко времени, предшествующему строительству Гостиного двора (отметки +1,75 – +2,00 БС). Ее пересекают траншеи под фундаменты Гостиного двора. Погребённую почву перекрывают слои выброса из фундаментных траншей – перемешанные гумусированные (переотложенная погребённая почва) и песчаные (переотложенный материк) слои без включений строительного мусора (слои 10, 15, наиболее мощный слой 8, толщиной 0,70–1,00 м), использованные и для последующей засыпки пазух фундаментных траншей (рис. 9; 15).

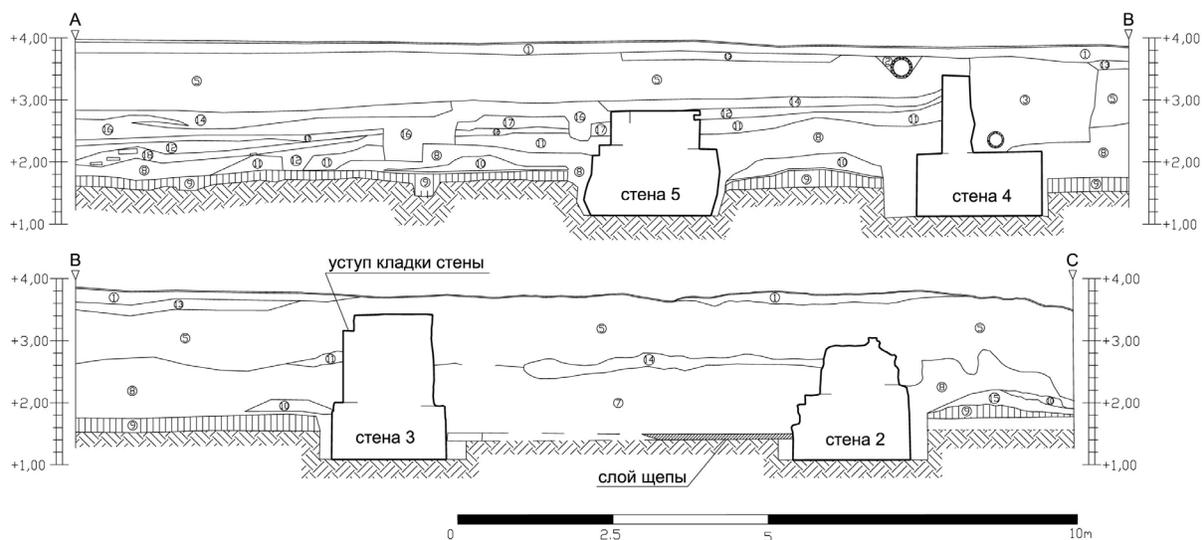

Рис. 15. Старый Гостиный двор. 2009 г. Стратиграфические разрезы западного и восточного бортов траншеи для прокладки коммуникаций:

1 – современный асфальтовый слой с подстилающим его жёлтым гравием; 2 – заполнение траншеи для трубы коммуникаций XX в.; 3 – заполнение траншеи для трубы канализации; 4 – серый слой строительного мусора с включениями фрагментов кирпичей, стекла, дерева и деформированного железа; 5 – красный слой битого кирпича с известковым раствором времени сноса Старого Гостиного двора в 1912–1913 гг.; 6 – серый слой строительного мусора с включениями фрагментов кирпичей, стекла, дерева и деформированного железа; 7 – слой битого кирпича с известковым раствором времени сноса Старого Гостиного двора в 1912–1913 гг.; 8 – «материковые» выбросы из траншей для фундаментов стен и подвала; 9 – слой погребённой почвы (до строительства Старого Гостиного двора); 10 – прослойки почвенного слоя; 11 – красный слой битого кирпича с известковым раствором периода капитального ремонта Старого Гостиного двора в 1868 г.; 12 – прослойки «материкового» сероватого грунта; 13 – булыжная мостовая проезда; 14 – песчаная подсыпка для трубы газопровода; 15 – выброс из траншеи под фундамент; 16 – тёмно-коричневый слой строительного мусора с включениями мелких фрагментов кирпичей и фрагментами дерева; 17 – прослойка «материкового» сероватого грунта; 18 – тёмный (почти чёрный) слой строительного мусора с крупными фрагментами досок времени капитального ремонта Гостиного двора в 1868 г.

На участке между продольными стенами 2 и 3 прослежено дно котлована, грунт из которого был выбран до отметки +1,40 БС. Непосредственно на материке здесь обнаружены беспорядочно разбросанные обломки досок, возможно, некогда использовавшихся для пола подвала (рис. 16). У западной стенки траншеи была найдена одна из лаг, на которые, вероятно, настилались доски пола. Лага представляла собой округлое бревно диаметром около 0,25 м, положенное на доску и зафиксированное обломком кирпича. Пространство к востоку было заполнено щепой, набросанной вперемежку с целыми кирпичами и их фрагментами (рис. 17). Заполнение подвала состояло из битого кирпича с известковым раствором (слой 7). Исходя из того, что его пол был устроен на уровне +1,45 – +1,50 БС, а доски пола первого этажа бы-

Рис. 16. Старый Гостиный двор. 2009 г. Завал деревянных перекрытий в подвале между продольными стенами 2 и 3. Вид с востока

Рис. 17. Старый Гостиный двор. 2009 г.
Дно подвала между продольными стенами 2 и 3.
Вид с востока

ли настелены на высоте +3,13 БС, общая высота подвала составляла около 1,60–1,65 м.

На уровне +2,60 БС выброс из фундаментной траншеи между стенами 4 и 5 перекрыт слоем битого кирпича с известковым раствором толщиной 0,25 м, который можно связывать с капитальным ремонтом Гостиного двора в 1868 г. Этот слой в свою очередь перекрыт мощным слоем строительного мусора с крупными фрагментами кирпичей (слой 5, высотные отметки в диапазоне +2,70 – +3,60 БС). Этот слой зафиксирован практически на всей площади траншеи, и, видимо, относится ко времени разборки Гостиного двора в 1912–1913 гг. Поверх него лежит булыжная мостовая проезда, сохранившаяся лишь местами (верхняя отметка +3,80 БС). Ее перекрывает современное асфальтовое покрытие (+3,80 – +4,00 БС).

При разборке заполнения траншеи найдено большое количество клейменных кирпичей и их фрагментов (рис. 18). Клейма относятся как ко второй половине XIX в. – «Д.Б.», «Л.Р.», «К.Х.», «П.С.», «Д.Л.» (Дмитрий Липин?), «Д.З.» (Дмитрий Захаров), «Г.С.Р.» (Григорий Растеряев), «З.Б.Л.» (завод братьев Лядовых), «К.Балашов» (Константин Балашов), клеймо «PATENT» (на силикатном кирпиче)), так и к началу XX в. – «Зав. Суш. С 1813 г. / К. и Ф. Захаровы», «Богданович» (Анна Богданович), «Вейс / бывш. Б-ч» (Левин Вейс), «Бр.Л.» (братья Лядовы), «Елисеев». Некоторые кирпичи с клеймами, вероятно, относились, ещё ко времени капитального ремонта 1868 г., однако велика доля и более поздних кирпичей, попавших в траншею при нивелировке территории в XX в.

Рис. 18. Старый Гостиный двор. 2009 г.
Клейма второй половины XIX – начала XX вв. на кирпичях из перемешанного слоя: «Богданович», «З.Б.Л.», «Бр. Л.», «Вейс, бывш. Б-ч», «К.Балашов», «К.Х.», «Г.С.Р.», «П.С.»

На участке траншеи длиной около 9 м было исследовано заполнение внутренней площади Гостиного двора (к северу от внешней, продольной стены 5). Мощность культурных напластований на этом участке превышала 2,0 м. Верхние слои толщиной местами более 1,0 метра относятся ко времени строительства БАН и устройства коммуникаций в XX в. В борту траншеи в слое сероватой супеси (слой 17) было обнаружено скопление фрагментов белоглиняных трубок (рис. 19). Поверхность трубок покрыта коричневым налётом. На фрагментах стеблей трубок орнаментации не зафиксировано. Форма чашки трубок овальная или яйцевидная. По краю чашки в некоторых случаях имеется простая окантовка. Клейм на пяточных торцах нет, но присутствуют рельефные боковые пяточные марки достаточно небрежного исполнения. Пяточные марки состоят из выступающего прямоугольника, на который нанесены четыре выступающие точ-

Рис. 19. Старый Гостиный двор. 2009 г. Фрагменты белоглиняных курительных трубок из культурного слоя внутреннего двора

ки, под ними такая же дуга, обращённая вниз. Клеймо представляет собой подделку частого для курительных трубок схематического изображения герба города Гауды и датируется в пределах XVIII в. Вероятно, формирование слоя 17 следует связывать со временем функционирования Гостиного двора во второй половине XVIII – начале XIX вв.

Археологический надзор за строительными работами на территории Старого Гостиного двора позволил выявить ряд новых данных, касающихся

истории его строительства и перестроек, особенностей конструкции и строительско-технических приёмов первой половины XVIII в.

1. Исследован и описан характер архитектурных конструкций Гостиного двора – фундаментов, стен, перекрытий подвального этажа.

2. Исследован и описан характер культурных напластований. Доказано наличие мощного слоя XVIII в. на территории внутреннего двора и между фундаментами постройки.

3. Выявлено наличие глубоких подвальных помещений под второй от площади линией помещений Гостиного двора.

4. Зафиксированы новые разновидности кирпичных клеев.

К сожалению, надзорный характер работ не позволил выяснить некоторые важные моменты архитектуры постройки (характер субструкций, технологические стыки конструкций), а также должным образом исследовать участки сохранившегося культурного слоя XVIII в.

Проведённые археологические исследования подтверждают необходимость надзора за любыми строительными работами в охранных зонах объектов историко-культурного наследия.

Источники и литература

Лисаевич И. И., 1997. Доменико Трезини // Зодчие Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб.

Памятники архитектуры, 2008. Памятники архитектуры и истории Санкт-Петербурга. Василеостровский район / Под ред. Б. М. Кирикова. СПб.

Храм Св. Николая Чудотворца и Св. благ. вел. кн. Александра Невского

И. А. Гарбуз, А. Ю. Городилов, К. М. Плоткин, Н. Ф. Соловьёва

В 2009 г. Группой охранной археологии Института Истории Материальной Культуры РАН (далее ГОА ИИМК РАН) было проведено археологическое обследование участка строительства трассы газопровода в Центральном районе Санкт-Петербурга на пересечении проспекта Бакунина, 2-ой Советской и Мытнинской улиц, на месте снесённой в XX в. церкви Св. Николая Чудотворца и Св. благ. вел. кн. Александра Невского – памятника архитектуры редкого для Санкт-Петербурга «неорусского стиля» начала XX в. (архитектор С. С. Кричинский, 1913–1915 гг.) (рис. 1).

Археологические работы проводились на основании договора, заключенного между ИИМК РАН и ООО «Мост-сервис», в соответствии с законом Санкт-Петербурга № 820-7 от 24.12.2008 и законом Российской Федерации № 73-ФЗ от 25.06.2002 г.

Основными задачами проведения охранных археологических исследований являлись изучение конструктивных особенностей участка разрушенного в результате строительных работ фундамента утраченной церкви Св. Николая Чудотворца и Св. благ. вел. кн. Александра Невского, определение наличия и характера археологического слоя в этой части исторического центра Санкт-Петербурга, выявление и фиксация археологического материала, уточнение границ охранной зоны памятника.

История церкви Св. Николая Чудотворца и Св. благ. вел. кн. Александра Невского восходит к осени 1870 г., когда купцы Старо-Александровского рынка, что располагался на Калашниковском проспекте (современный проспект Бакунина), приняли решение построить небольшую деревянную часовню в память спасения Александра II при покушении на него 25 мая 1867 г. в Париже (Антонов, Кобак, 2003. С. 248).

В 1872 г. проект шатровой часовни в русском стиле был утверждён, однако строительство затянулось, и освящение часовни, названной Александро-Николаевской, состоялось только в 1879 г. (Антонов, Кобак, 2003. С. 248; Поселянин, 1916. С. 7). Осенью 1885 г. маленькая Александро-Николаевская часовня сгорела дотла. После восстановления в камне часовня перешла в ведение

Императорского Православного Палестинского Общества (Антонов, Кобак, 2003. С. 248–249). В 1905 г. часовня была переустроена внутри «без всякого изменения снаружи» в церковь Св. Николая (Александро-Николаевский храм). В 1907–1908 гг. по проекту архитектора П. Д. Мегорского вокруг здания церкви возводят новые стены, надстраивают пять главков и небольшую звонницу (Поселянин, 1913. С. 12–13; Антонов, Кобак, 2003. С. 249). В 1911 г. Палестинским Обществом была заказана разработка проекта нового здания храма.

Ввиду полного отсутствия в Санкт-Петербурге образцов древнерусского зодчества было решено строить новую церковь наподобие небольших Новгородско-Псковских храмов со звонницами, и «перенести на берег Невы Великой... прекрасный и изящный памятник древнерусского храмового строительства и поставить его как бы в сравнение с громадными храмами нашей столицы – соборами Исаакиевским и Казанским» (Поселянин, 1916. С. 14). Соответствующий проект представил видный петербургский зодчий модерна С. С. Кричинский, зарекомендовавший себя мастером «неорусского» стиля в архитектуре начала XX в. (Поселянин, 1913. С. 12–14; Антонов, Кобак, 2003. С. 249; Лисовский, 2000. С. 322).

Новый храм был заложен 8 сентября 1913 г. на небольшом перекрёстке Калашниковского проспекта и 2-й Рождественской улицы (современная 2-ая Советская улица). В основание храма были помещены ковчежец с частицей мощей Св. Алексия, Митрополита Московского, мраморная закладная доска и юбилейные монеты. Освящение храма в честь Св. Николая Чудотворца и Св. благ. вел. кн. Александра Невского состоялось 15 декабря 1915 г. (Антонов, Кобак, 2003. С. 249; Поселянин, 1915. С. 16).

Своим оригинальным планом церковь напоминала ранние, «подлинные» крестово-купольные псковские храмы с пониженными угловыми компартиментами (Спасо-Мирожский собор в Пскове, около 1142 г.). С восточной стороны угловые камеры представляли собой полуциркульные апсиды. Рукава креста были столь выделены по высоте, что храм выглядел крестообразным (восточный рукав –

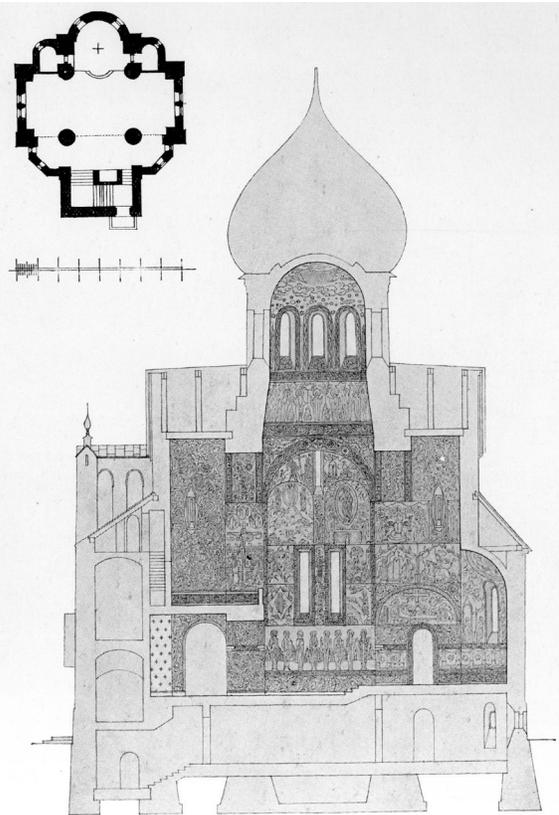

Рис. 1. Храм Св. Николая Чудотворца и Св. благ. вел. кн. Александра Невского.
Фотография (вид с юго-запада), план и разрез храма (в аршинах) (Зодчий, 1915. № 21. С. 212. Табл. 24)

средняя апсида). Трёхпролетная звонница над главным входом на притворе, увенчанная миниатюрной главкой, являлась яркой псковской особенностью. Храм имел характерную для новгородско-псковской традиции XIV–XV вв. восьмискатную кровлю и щипцовое завершение фасадов. В качестве декоративных мотивов были применены киоты, треугольные впадины, амбразуры, в которых размещались щелевидные полуциркульные оконные проёмы, восьмиконечные кресты по образу церкви Спаса на Ильине в Новгороде, полуциркульные ниши с бровками на барабане, псковские валиковые разводы на средней апсиде, покрытие кровли зелёной поливной черепицей, подобно псковским храмам. Наружные стены были оштукатурены, обложены белым старичьим камнем, из которого изготавливались накладные орнаменты (Поселянин, 1915. С. 18) (рис. 1).

Под храмом располагалась палата – полуподвальное помещение, которое «поднималось над уровнем земли и вдавалось в землю приблизительно на 1,5 аршина», куда вела узкая винтовая лестница. Палата была расписана по образу Московских кремлёвских дворцовых теремов XVII в., внутри

находились подлинные вещи той эпохи: печь из изразцов XVII в., ларец XVII в. для хранения книги почётных посетителей, сундук, окованный железом и люстра XVII в. В палате проходили заседания совета Императорского Палестинского Общества (Поселянин, 1916. С. 30).

В соответствии с внешним видом храма были украшены и внутренние стены. За образец росписи была взята иконопись XV в. Ферапонтова монастыря, принадлежавшая кисти Дионисия. Роспись храма была выполнена художниками В. А. Плотниковым и В. С. Щербаковым (Поселянин, 1916. С. 14–15) (рис. 1).

Самую драгоценную достопримечательность церкви представлял собой пятирусный иконостас. В составе иконостаса находились образы XV–XVII вв., в том числе редкая икона Св. Николая Мирликийского и Св. мученицы царицы Александры XV в., икона Успения Божией Матери XV в. (Поселянин, 1916. С. 19).

В 1922 г. имущество церкви было взято под охрану Главмузея, соответствующий документ

подписал А. В. Луначарский. 9 февраля 1932 г. областная комиссия по вопросам культов приняла решение о ликвидации церкви. Постановление Лен-облисполкома о закрытии и сносе храма 21 февраля 1932 г. в связи с «необходимостью выпрямления трамвайных путей» было утверждено Президиумом ВЦИК. 20 мая 1932 г. храм-музей был взорван; теперь на этом месте проезжая часть улицы (Антонов, Кобак, 2003. С. 249).

В 2009 г. были проведены охранные археологические исследования участка фундамента утраченной церкви, вскрытого и разрушенного строительной траншеей, заложенной под газопровод.

Строительная траншея проходила по проезжей части Мытнинской ул., в 12,5 м к югу от угла дома № 20 по 2-й Советской улице, на пересечении с проспектом Бакунина. Траншея имела форму неправильного прямоугольника, вытянутого по линии север-северо-восток – юг-юго-запад, со сторонами 20 м x 2,2 м (северная часть) x 4 м (южная часть), достигала глубины 4 м при общей площади ок. 60 кв. м (рис. 2).

Траншея прорезала западную часть фундамента церкви, план которой, известный по сохранившимся архивным данным, был наложен на современную карту Санкт-Петербурга. Согласно плану, снятому

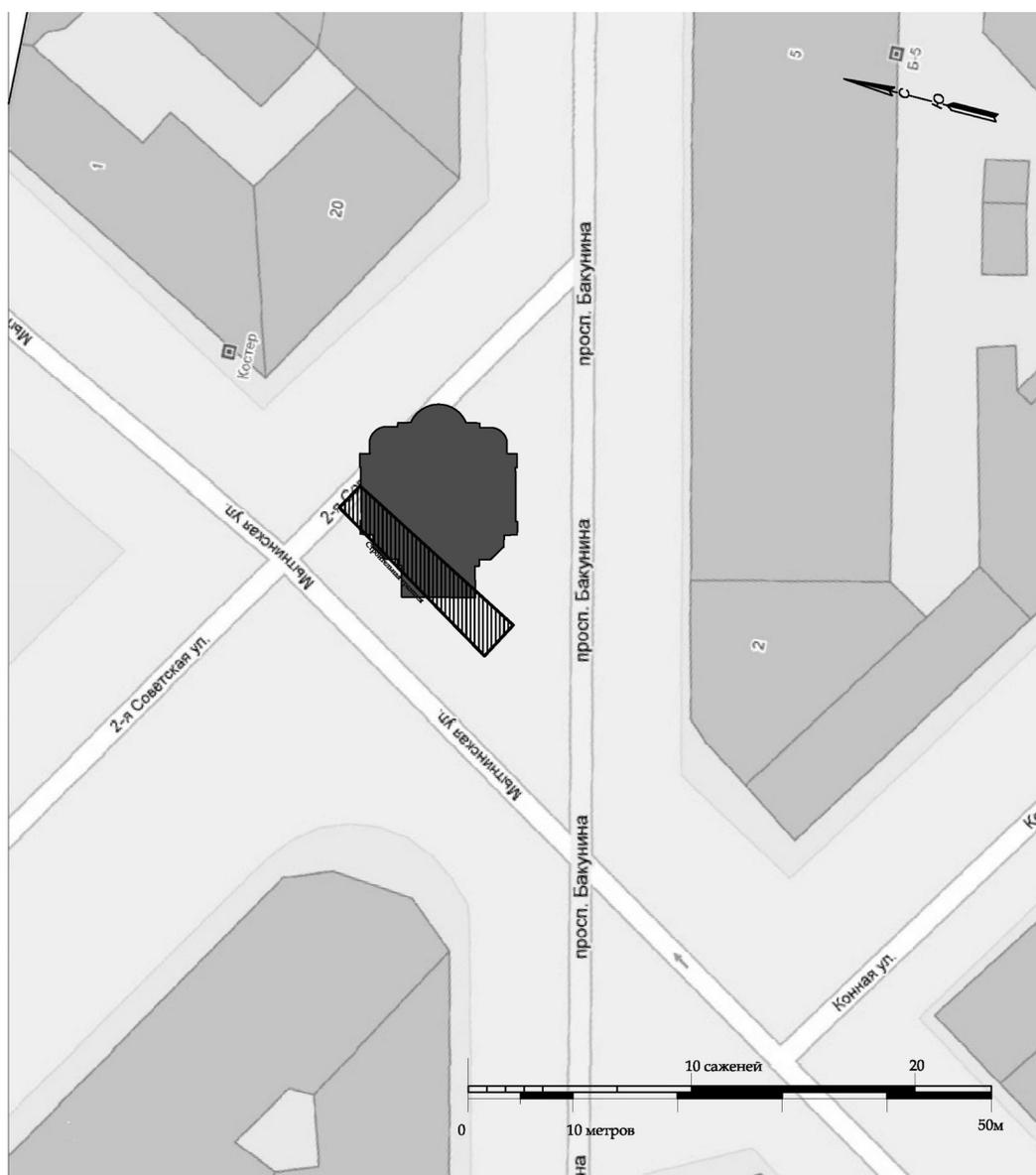

Рис. 2. Примерное расположение фундамента храма на современной карте Санкт-Петербурга с указанием строительной траншеи 2009 г. (Google Earth 2009)

землемерной службой Петроградской Городской Управы в 1914 г., общая площадь фундамента составляет 215 кв. м. В результате активной хозяйственной деятельности в этой части района на протяжении XX–XXI вв., связанной с прокладкой различных городских коммуникаций, трамвайных путей и строительством новой ветки газопровода, было разрушено порядка 45 кв. м или около 20 % площади фундамента памятника (рис. 3).

Информация об особенностях залегания археологических слоёв была получена при изучении профилей стенок строительной траншеи, самым информативным из которых является профиль восточной стенки. Мощность культурного слоя на

исследуемом участке памятника составила 4,0 м. Под асфальтом фиксировался фрагмент булыжной мостовой, ниже залегал мешаный слой засыпки мощностью до 1,0 м, связанный с прокладкой трамвайных путей и городских коммуникаций XX в., ниже – слой строительного мусора с включениями фрагментов кирпичей, бетонных труб, щебенки, мощностью от 0,5 м до 4,0 м, под которым находился плотный слой разрушения церкви в 1932 г., состоящий из фрагментов красных кирпичей, красной кирпичной и белой штукатурной крошки, мощностью от 0,25 до 3,70 м. Слой разрушения 1932 г. полностью перекрывал фундамент, заглубленный в материковый сероголубой плотный суглинок (рис. 4).

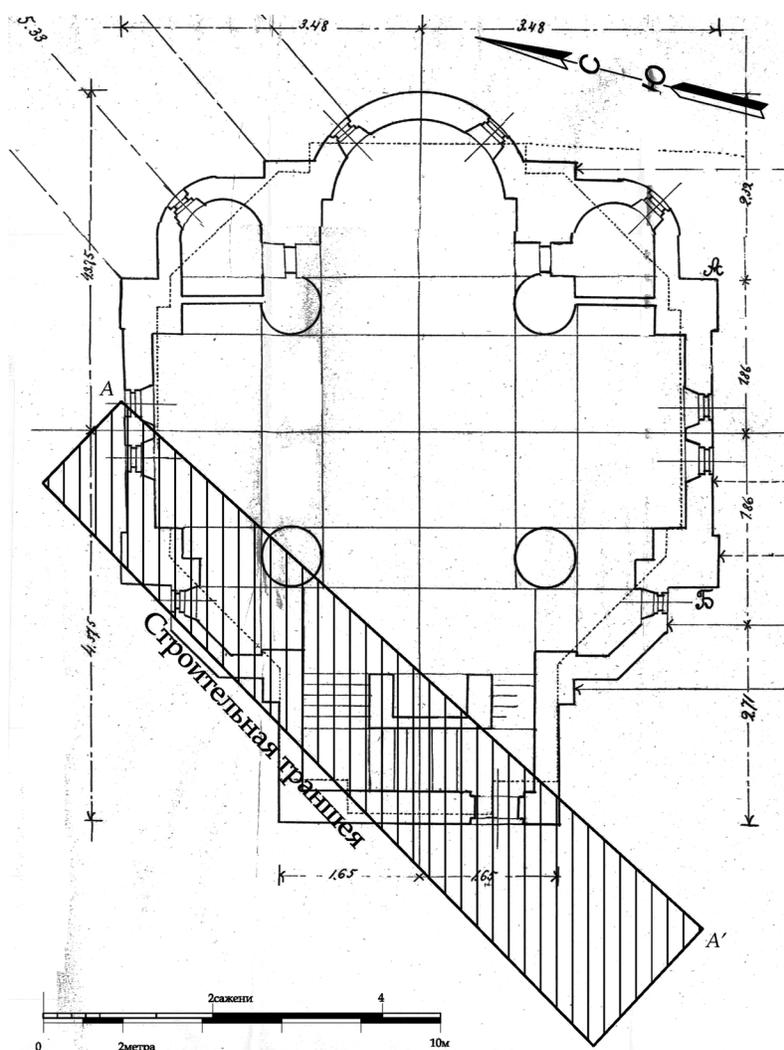

Рис. 3. План фундамента храма, выполненный по заказу Городской Управы в 1914 г. с указанием строительной траншеи 2009 г. (ИПГД. 1914. № 38)

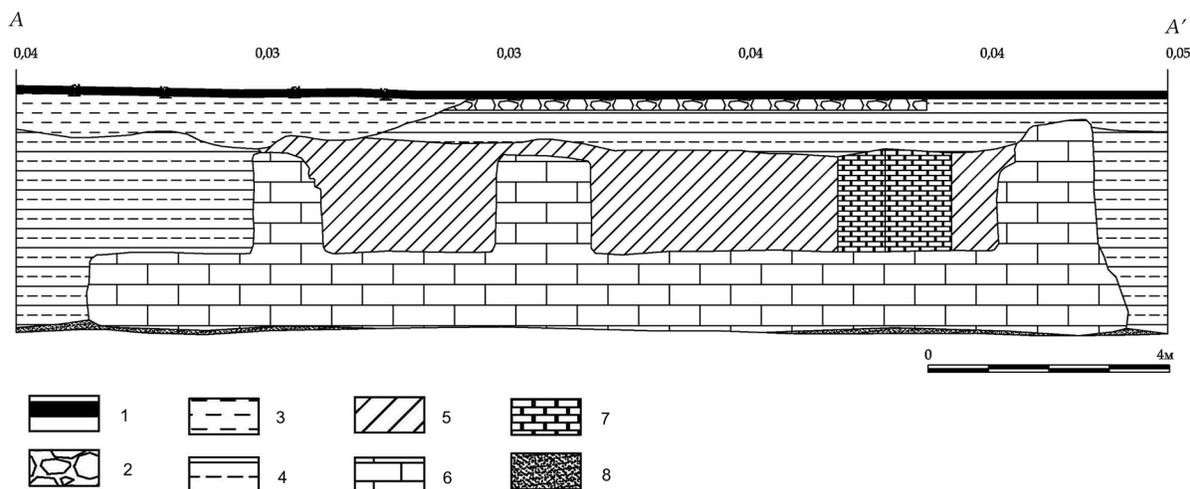

Рис. 4. Стратиграфический разрез восточного борта строительной траншеи 2009 г.: 1 – асфальт; 2 – брусчатка; 3 – современная песчаная засыпка, связанная с прокладкой коммуникаций; 4 – слой строительного мусора середины – второй половины XX в.; 5 – слой строительного мусора, связанный с разрушением собора; 6 – фундамент собора; 7 – остатки стен собора; 8 – серо-голубой материковый суглинок

Основание фундамента храма находилось на глубине 4,0 м. Исследованный участок фундамента представлял собой три несущие стены (1,5 x 2,9 м, 2,0 x 2,9 м, 2,0 x 3,7 м), сложенные из рустованных туфовых блоков больших и средних размеров, вмурованных в железобетонную плиту (1,2 x 15,8 м), армированную большим количеством поперечных чугунных профилированных свай. Параллельно одной из туфовых стенок был зафиксирован фрагмент угловой несущей стены храма, высотой до 1,8 м, шириной до 2,0 м, сложенной из красного кирпича (вероятно, часть полуподвального помещения) (рис. 4).

Из слоя разрушения происходят немногочисленные археологические находки. К массовому археологическому материалу, зафиксированному на памятнике, относится строительная керамика, из которой наиболее распространены находки кирпичей красной глины с клеймами «ЕЛИСЕЕВ», датирующиеся началом XX в. Кроме строительной керамики были найдены отдельные фрагменты внутренней штукатурки здания, на одном из которых сохранилась роспись синей краской. К необычной категории находок можно отнести стеклянную бутылку с вложенными в неё двумя почтовыми гербовыми открытками конца XIX в., найденную рабочими ООО «Мост-сервис» при прокладке газопровода. На одной открытке

содержится послание в хлебную лавку, расположенную на Александровском рынке на углу Калашниковского проспекта и Полтавской улицы, на второй открытке указана памятная дата – 19 августа 1894 г.

Храм Св. Николая Чудотворца и Св. благ. вел. кн. Александра Невского являлся редким для Санкт-Петербурга образцом архитектуры «неорусского» архитектурного стиля начала XX в., сочетавшего в себе традиции национального зодчества XIV–XV вв. и новую архитектурную эстетику модерна.

Источники и литература

- Антонов В. В., Кобак А. В., 2003. Святые Санкт-Петербурга. Христианская историко-церковная энциклопедия. СПб.
- Доклад городской управы по вопросу о занятии городской земли постройкою храма Св. Николая Мирликийского в Рождественской части // ПГД. Пг. 1914. № 38.
- Кричинский С. С., 1915. Храм во имя Св. Николая Мирликийского (Барградский храм) в Петрограде // Архитектурный мир. Ежегодник современного зодчества и декоративного искусства. М. Вып. 4.

Лисовский В. Г., 2000. «Национальный стиль» в архитектуре России. СПб.

Поселянин Е., 1915. Храм во имя Св. Николая Мирликийского, именуемый Барградским в Петрограде // Светильник. Религиозное искусство в прошлом и настоящем. М. № 3–4.

Поселянин Е., 1916. Краткое описание Барградского Николо-Александровского храма в Петрограде. Петроград.

Зодчий, 1915. Храм во имя св. Николая Мирликийского в Петрограде // Зодчий. Журнал архитектурный и художественно-технический. СПб. № 21.

Архитектурно-археологические исследования на территории дворцово-паркового ансамбля Михайловская дача в г. Петродворец

В. А. Лапшин, Л. А. Акмен, Э. А. Казашев, Н. Ф. Соловьева

Михайловская дача (Михайловка) – последнее по времени возникновения звено в цепи резиденций императорской фамилии по Петергофской дороге. Все дворцово-парковые комплексы на южном берегу Финского залива, от Стрельны до Ораниенбаума, проектировались по единой схеме. Дворец и основные постройки возводились на краю глинта – коренного берега Анцилового озера – пресноводного замкнутого бассейна, находившегося около 10000–7500 лет назад на месте нынешнего Балтийского моря. Береговой уступ делил территорию усадеб на верхние и нижние парки. Парк разбивался так, чтобы от дворца открывался широкий вид на море.

В древнерусское время побережье, по-видимому, не имело постоянного населения. Примерно в 10 км южнее начинается плодородное Ижорское плато, освоенное и густо заселённое земледельцами начиная с XII в. (Лапшин, 1990). Побережье оставалось заболоченным и непригодным для земледелия. Неблагоприятным фактором была постоянная угроза морского пиратства. Береговая зона, по-видимому, осваивается только в XVII в., когда территория Ингерманландии входила в состав Швеции. На побережье выделяются земли для помещичьих мыз, сюда переселяются из-под Выборга финские крестьяне (рис. 1).

После присоединения Ингерманландии к России и основания Санкт-Петербурга земли вдоль южного побережья Финского залива были пожалованы сподвижникам Петра I. Царь хотел, чтобы прибрежные имения образовали парадную набережную при подъезде к Петербургу по морю. Этот так и не реализованный проект отражён на некоторых картах начала XVIII в.

На территории нынешней Михайловки между Стрельной и Знаменкой в петровское время находилось пять приморских усадеб. История смены хозяев в течение XVIII – первой трети XIX вв. в общих чертах известна (Горбатенко, 2002. С. 219–222; Иванова, Иващенко, 2003. С. 21–25). История собственно Михайловской дачи начинается в 1834 г., когда император Николай I распорядился выкупить земли между Стрельной и Знаменкой и построить

здесь приморскую дачу для своего младшего сына – великого князя Михаила Николаевича. К этому времени данные земли были сосредоточены в руках трёх владельцев: В. О. Балабиной, С. П. Галаховой (урождённой Мятлевой) и у наследников доктора А. Р. Галлова. Поместье С. П. Галаховой составило впоследствии основу Михайловской дачи. На ее территории были выкопаны пруды и протоки, образовавшие Оранжерейный остров, на котором помещались оранжереи и парники, размещённые в три ряда с запада на восток, и дом садовника. В основе своей эта планировка была сохранена при дальнейшем строительстве.

В 1834 г. начинается планомерная подготовка к созданию дворцового парка. Работы по расчистке и благоустройству приобретённых участков возглавил профессор Академии художеств Х. Ф. Мейер. Из Петергофа в Михайловку был переведён садовый мастер Фрост. Вплоть до начала 50-х гг. на территории усадьбы сажались деревья и кустарники, прокладывались дорожки, строились каменные и деревянные мосты.

В марте 1850 г. архитектору А. И. Штакеншнейдеру было поручено «составить проект нового дома с принадлежностями» на Михайловской даче. Однако в марте 1851 г. готовый проект было приказано «оставить до востребования». Летом 1851 г. Департамент уделов направил А. И. Штакеншнейдеру предписание сделать только проект и смету на постройку новых каменных оранжерей вместо старых, пришедших в ветхость оранжерей Галаховой. Осенью 1854 г. были построены фруктовая (Южная) и цветочная (Центральная) оранжереи, а в 1855 г. – дом садовника. В 1856 г. на месте бывших деревянных парников Галаховой и будущей Северной оранжереи были построены каменные парники.

В 1856 г. был объявлен конкурс на составление проекта усадьбы, который выиграл И. И. Шарлемань. Положение и назначение отдельных построек в общем плане усадьбы, составленном И. И. Шарлеманем, соответствовало предусмотренному в более раннем проекте А. И. Штакеншнейдера. Коренной переделке

Библиотека РАН. Собр. рукоп. карт. Оп. доп. I. Ед. хр. 27.

Рис. 1. Участок побережья Финского залива – место будущей Михайловской дачи.
Фрагмент шведской карты, около 1670 г.

подверглось композиционное решение двorca. Строительство было начато, но в 1858 г. И. И. Шарлемань был отстранён от работы и заменён архитектором Г. А. Боссе. В целом работы были завершены к 1861 г.

По проекту (рис. 2) и под наблюдением архитектора Г. А. Боссе в 1860 г. на острове вместо трёх каменных парников построили третью (Северную) каменную оранжерею, состоящую из двух частей: для холодостойких и для теплолюбивых растений. Она примыкала с запада к ранее построенному дому садовника. До XX в. оранжерея дошла без перестроек. На одной из фотографий 1906 г. запечатлён, по-видимому, её интерьер (рис. 3).

В 1919–1941 гг. на Михайловской даче находился детский дом «Красные зори». В 1926 г. оранжереи были восстановлены и использовались по

назначению. Усадьба сильно пострадала во время войны. В 1941–1944 гг. в гофмейстерском доме находился немецкий военно-полевой госпиталь. В 1945 г. в Михайловке находилась птицефабрика, а в 1950–1967 гг. – детский дом. Часть построек была восстановлена за счёт другой части, которая при этом разбиралась на кирпич. В 1967–1990 гг. усадьба находилась в ведении Кировского завода в качестве оздоровительного комплекса.

В настоящее время усадьба Михайловская дача передана Санкт-Петербургскому университету и в ней ведутся реставрационные работы (рис. 4). Сведения о перестройках Северной оранжереи в XX в. отсутствуют, но очевидно, что внешний вид, который она приобрела в послевоенные годы, не соответствует проекту Г. А. Боссе 1860 г. Поэтому было решено провести архитектурно-археологическое обследование сохранившихся фрагментов сооружения.

Рис. 2. Г. Боссе. Генеральный план Михайловской дачи. 1859–1861 гг.
Выделено место раскопок фундамента Северной оранжереи

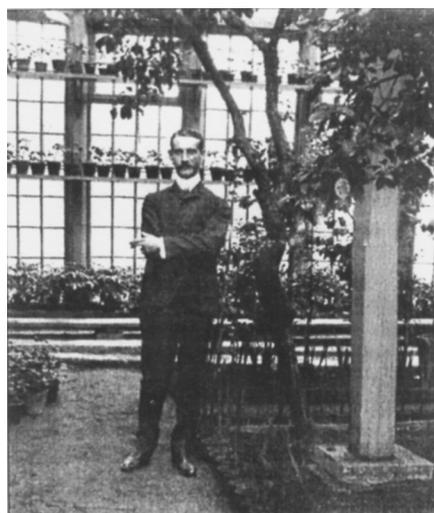

Рис. 3. Интерьер оранжереи. 1906 г.

Рис. 4. Дворец в Михайловке в наши дни

К моменту начала археологических работ наземная часть оранжереи была разобрана. Культурный слой состоял из суглинка, насыщенного кирпичным боем с вкраплениями раствора. Сохранившиеся части конструкции сооружения стали выявляться с глубины около 0,40 м. Первоначально были прослежены основания стен, сложенные из кирпича в один ряд, уложенного поперёк линии стены (толщина около 0,25 м). Общие размеры сооружения с севера на юг – около 10 м. С запада на восток сооружение сохранилось на длину от 33 м (южная стена) до 26 м (северная стена). На расстоянии около 2 м от северной стены выявлены остатки внутренней стены, параллельной внешним стенам и сложенной также из кирпича в один ряд. В кладке *in situ* и в заполнении сооружения встречен красный кирпич близких размеров, но с несколькими клеймами, указывающими на то, что при строительстве использовалась продукция нескольких заводов: «С.К.», «Т.и.С.», «БАУШЕВЪ», «К.З.А.», «З.К.З.», «З.З.» и «... АПА». Кроме этого, в заполнении сооружения (вне кладки) найден желтый огнеупорный кирпич с клеймами: «PATENT», «BSXX ...» и «... MON ...».

Основания стен сохранились на высоту одного–пяти рядов. При разборке заполнения сооружения было найдено большое количество

фрагментов цветочных горшков и фрагментов оранжерейного стекла толщиной 4–5 мм, а также металлические детали упряжи, по-видимому, попавшие в оранжерею из расположенной рядом конюшни вместе с навозом. После расчистки сохранившейся кирпичной кладки выяснилось, что она образует стены четырёх сооружений прямоугольной формы со скруглёнными углами. Внутренний размер этих «павильонов» составляет 6,50 м с запада на восток. Поскольку их северные части разрушены траншеей, установить точные размеры с юга на север не удалось, но можно предположить, что выявленные сооружения по форме близки к квадратам. Кирпичные стены сложены на известковом растворе. Их внутренняя часть забутована слоем глины толщиной до 0,60 м. Поверх слоя глины кирпичом был выложен пол, сохранились его фрагменты в юго-западном и юго-восточном углах оранжереи. Пол образовывал, по-видимому, дорожку шириной 1,0 м вдоль южной стены оранжереи. Основанием стен служила горизонтальная платформа из известкового раствора с кирпичным боем.

С южной стороны на стыке «павильонов» к ним примыкают сооружения из кирпича на глиняном растворе, которые можно интерпретировать как основания печей (рис. 5; 6). По-видимому,

Рис. 5. Северная оранжерея. Основание печи

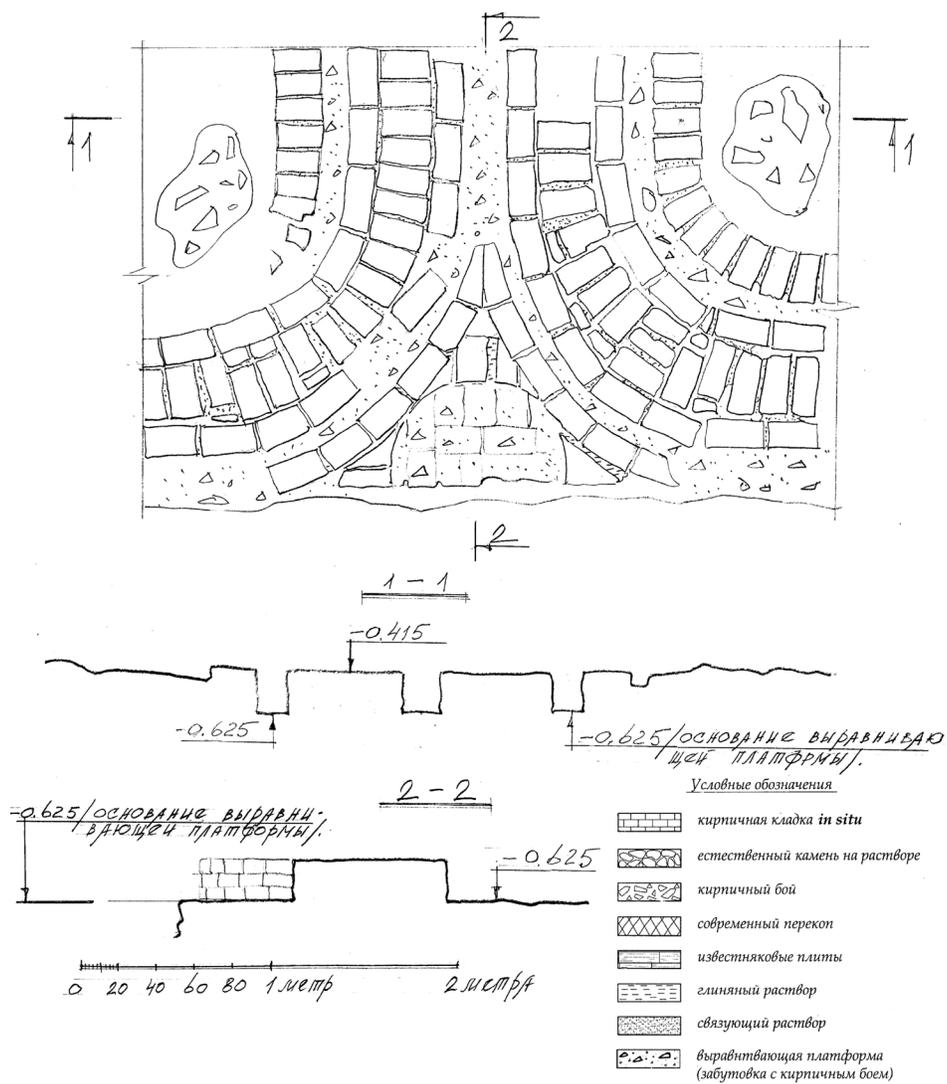

Рис. 6. Северная оранжерея. Фрагмент: основание печи

аналогичные сооружения находились на юго-западном и юго-восточном углах оранжереи, однако от них сохранились лишь незначительные фрагменты. Основание печи представляло собой полукруглое углубление диаметром 0,90 м, выложенное кирпичом на глиняном растворе. В заполнении оснований были найдены детали чугунных круглых печей – дверцы, заслонки, колосниковые решётки. К печам примыкали каналы – воздуховоды и дымоходы, выложенные кирпичом со следами сажи внутри (рис. 7). Они

вымостка. Северная часть оранжереи, вероятно, предназначалась для холодостойких, а южная – для теплолюбивых растений (о делении оранжереи на две части свидетельствуют письменные источники).

При разборке слоя ниже уровня основания кирпичных стен была выявлена конструкция фундамента. В фундаментный ров глубиной до 1,50 м были уложены гранитные валуны диаметром до 0,50 м. Основание фундамента было пролито известковым раствором с кирпичным боем. Ши-

Рис. 7. Остатки каналов для подачи тёплого воздуха от печи

окаймляли южную стену оранжереи и заполняли пространство между «павильонами». Соединения печей с каналами не сохранились.

Северная часть оранжереи, по-видимому, представляла собой галерею шириной около 1,50 м, образованную внешней (северной) и внутренней стеной. Заполнение – глина с битым кирпичом; пола, по-видимому, не было. В центральной части галерея имела сужение. В северной стене, по-видимому, находился вход в оранжерею: здесь сохранилась ступенька из тёсаного известняка и кирпичная

рина – до 1,0 м, высота – 0,40 м. Основание – материковая глина. На нем на известняковых плитах в виде подошвы были возведены арочные своды из кирпича (рис. 8; 9). Арки вдоль южной стены высотой около 0,30 м, шириной 1,10–1,40 м. Промежутки между ними (шириной 1,00–1,20 м) заполнены нерегулярной кладкой из известняковых плит, целого и фрагментированного кирпича на известковом растворе с кирпичным боем. Своды отсутствуют под печами. На промежуток между печами приходится два арочных свода, всего восемь по южной стене. В северной части оранжереи

Рис. 8. Фундаментная арка

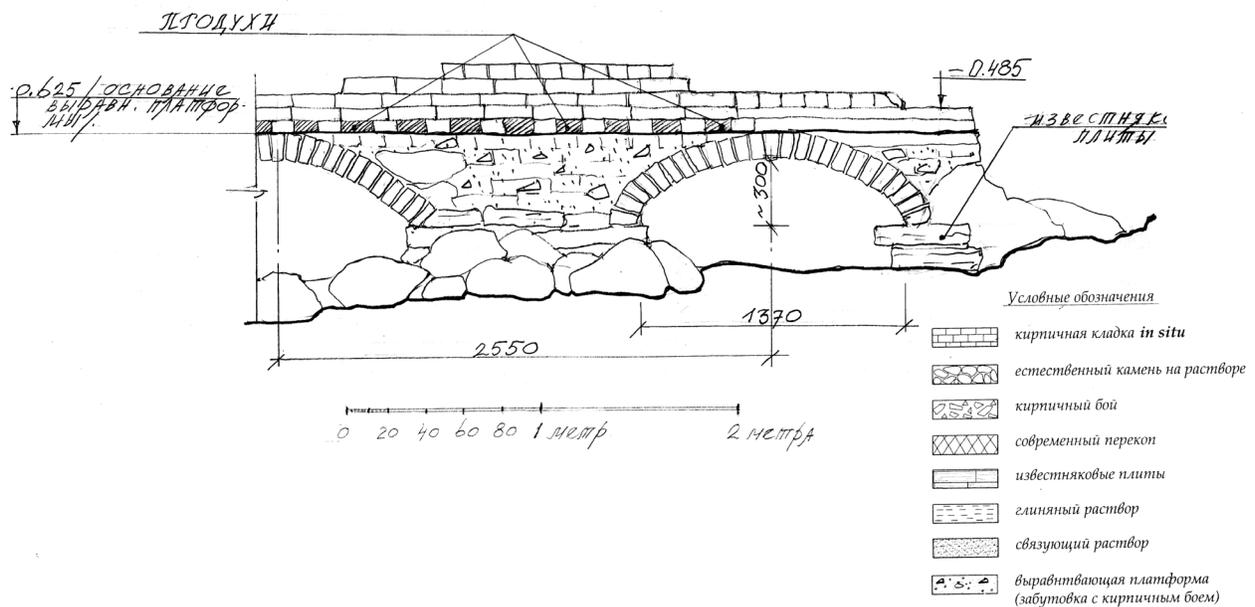

Рис. 9. Северная оранжерея. Фрагмент: фундаментная арка

арочные своды больше. Ширина их до 2,0 м, высота – до 0,90 м. Промежутки между ними шириной до 0,80 м сложены из известняковых плит на растворе. Завершает кладку ряд кирпичей. По северной стене сохранилось семь арочных сводов. С западной стороны прослежены два арочных свода. Платформа выступала на 0,80 м относительно кирпичных стен и имела высоту около 0,30 м относительно основания фундамента из валунов. Он выступал за границы платформы на ширину около 1,0 м.

Таким образом, в процессе архитектурно-археологических исследований был выявлен частично сохранившийся фундамент Северной оранжереи дворцово-паркового ансамбля Михайловской дачи: платформа из валунов на растворе с кирпичным боем, включающая разгрузочные кирпичные арки. На платформе сохранились основания стен высотой в 1–4 кирпича, сложенные на растворе. Выявлены также фрагментированные основания пяти печей и кирпичных каналов, по которым поступал тёплый воздух для отопления

оранжереи. Каналы сложены на глине. Судя по найденным фрагментам, печи были круглые чугунные и топились снаружи. В западной и восточной частях оранжереи сохранились небольшие фрагменты кирпичного пола. Кирпич соответствует времени постройки оранжереи. Следов более ранних сооружений или вторичного использования ранних строительных материалов не обнаружено. Выявленные конструкции фундамента – основание на отдельных фундаментных столбах, соединённых между собой арками – достаточно типичны для сооружений второй половины XIX в.

Источники и литература

- Горбатенко С. Б., 2002. Петергофская дорога. СПб.
- Иванова Т. К., Иващенко О. Г., 2003. История Михайловской дачи на Петергофской дороге. СПб.
- Лапшин В. А., 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Часть 1. Западные районы. Л.

Археологический надзор за реконструкцией сквера «Некрасовский сад»

А. Ю. Городилов, А. О. Поликарпова, Е. А. Грицик, Н. Ф. Соловьёва

В декабре 2009 г. Группой охранной археологии Института Истории Материальной Культуры РАН были проведены охранные археологические (надзорные) работы на площади реконструкции сквера «Некрасовский сад», расположенного между улицей Некрасова, Греческим проспектом и Прудковским переулком. Работы проводились по договору, заключенному между ИИМК РАН и ООО «ПетроЛандшафтСтрой».

Археологические исследования велись на основании Открытого листа (форма № 2) на право производства археологических разведок (археологический надзор на участках реконструируемых объектов), выданного Отделом полевых исследований Института археологии РАН на имя Соловьёвой Н. Ф., и лицензии Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия на осуществление деятельности по реставрации объектов культурного наследия (памятников истории и культуры), выданной ИИМК РАН.

Основной задачей проведения археологических работ на площади реконструкции сквера «Некрасовский сад» являлся надзор за производимыми земляными работами, определение наличия и характера культурного слоя и фиксация археологического материала.

Местность, на которой находится нынешний Некрасовский (в прошлом Греческий) сквер, начала осваиваться ещё в XII в., когда на песчаной гряде, образованной древним морем, был проложен тракт, которым пользовались новгородские купцы для провоза своих товаров к неврским берегам (Севастьянов, 1987. С. 5–6). По сторонам тракта, получившего название Новгородского, рос чахлый сильно заболоченный лес, и находились редкие финские и русские поселения. Этот тракт с начала XVIII в. стал основной магистралью, связывающей строящийся Петербург с внутренними областями России. Вскоре часть Новгородского тракта вошла в предместье новой российской столицы – Санкт-Петербурга.

К наиболее ранним постройкам города, тяготеющим к Новгородской дороге, относился Летний

дворец Петра I и прилегающий к нему Летний сад с множеством цветников, павильонов, фонтанов. Для создания последних появилась необходимость решить вопрос об их водоснабжении. Был проведён ряд исследований, расчётов, даны различные проекты, предложения. Остановились на устройстве водопроводящей системы из Дудергофского озера, находившегося более чем на 70 метров выше Финского залива. Вода из него по реке Дудергофке (Лиге) направлялась к каналу, получившему название Фонтанного, а позднее Лиговского (Кузнецова, Борзин, 1988. С. 39–40).

Канал был построен по проекту директора Морской академии Г. Г. Скорнякова-Писарева. Работы под его наблюдением и руководством начались в 1719 г. и закончились в 1725 г. Канал протяжённостью более 20 км заканчивался двумя прудами (большим и малым бассейнами-накопителями), давшими название Бассейной улице, у которой они находились. Прилегающая к бассейнам местность получила название «Прудки». Уровень воды в бассейнах был на восемь метров выше уровня Летнего сада, что давало возможность воде свободно поступать к водонапорным башням на берегу Фонтанки у Летнего сада, а оттуда, по акведуку, к фонтанам (рис. 1).

В начале XIX в. пространство к югу от бассейнов на плане Шуберта 1828 г. названо Конной площадью (рис. 2). На ней обозначена вымощенная площадка для конных бегах, рядом с которой показаны городские весы. Восточный берег большого бассейна тоже был вымощен. На западном его берегу показано несколько небольших зданий, названных на более поздних планах города казармами нижних чинов путей сообщения. Весь канал с бассейнами находился в ведомстве путей сообщения.

С 1830-х гг. наименование Конная площадь заменено уточняющим – Летняя Конная, в отличие от Зимней Конной площади, находившейся также в Рождественской части у Мытного двора, т.е. там, где в 1866 г. состоялось открытие сада им. Н. Г. Чернышевского (бывшего Овсянниковского) на Мытнинской улице. На обеих площадях в разное время года торговали лошадьми, а летом на одной

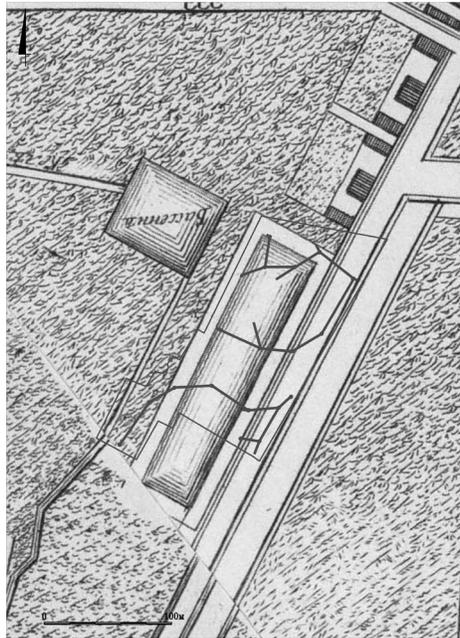

Рис. 1. План участка производства работ с указанием вырытых траншей на карте г. Санкт-Петербурга 1753 г.

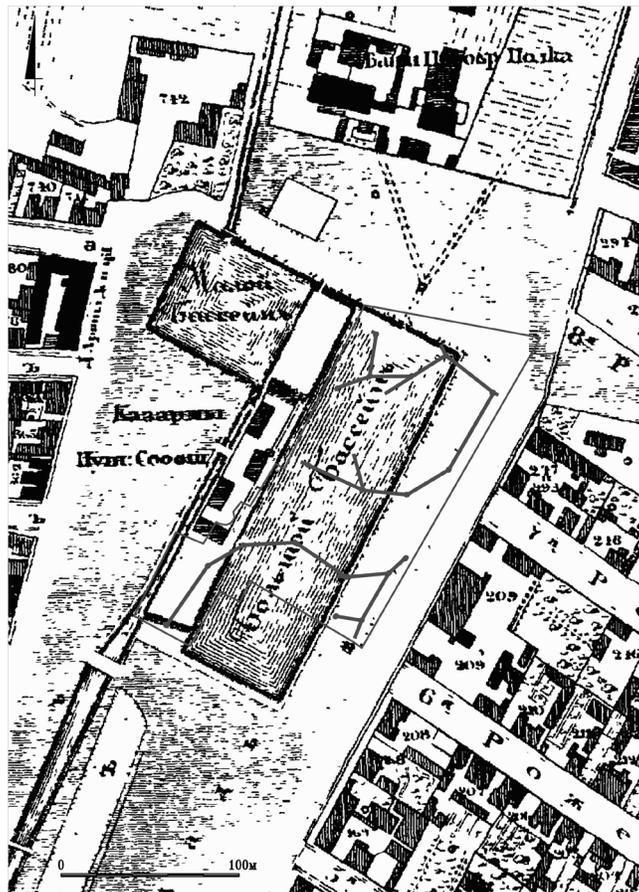

Рис. 2. План участка производства работ с указанием вырытых траншей на карте г. Санкт-Петербурга 1828 г.

из них ещё и сеном с возов. Поэтому Летнюю Конную площадь в быту часто называли Сенной. Под названием Летняя Конная, площадь обозначена и на плане города 1858 г. На нем также показаны разделённые Лиговским каналом большой и малый бассейны (прудки). Они в свою очередь были связаны друг с другом поперечными протоками и мостиком у северной стороны бассейнов (рис. 3). Таким образом, полоса земли со строениями казарм нижних чинов путей сообщения была ограничена по периметру водой и поэтому в некоторых документах она определяется как островок.

На плане Рождественской части Санкт-Петербурга, утверждённом императором Александром II 12 мая 1865 г., к югу от малого бассейна показан небольшой садик с пятилучевой планировкой, а на островке со строениями казарм нижних чинов путей сообщений – однорядные и двурядные древесные посадки по берегу большого бассейна и протоки (РГИА. Ф. 1424, оп. 1, д. 254, л. 1).

На плане города 1881 г., отразившем изменения, начиная с 1860 г., показана Греческая церковь, возведённая в 1862–1865 гг. при Греческом посольстве, и освящённая во имя Святого Дмитрия Солунского (рис. 4).

На «плане урегулирования местности набережной Лиговского канала», утверждённом Санкт-Петербургским губернатором 17 января 1870 г., участок к югу от малого бассейна, занятый садиком, обозначен как место, отведённое для Евангелической больницы (РГИА. Ф. 1293, оп. 167, д. 44, л. 1). Главный её корпус с «лютеранской домовою церковью и часовней во дворе» был возведён в первой половине 1870-х гг. по проектным чертежам архитектора Р. Б. Бернгарда (при участии О. Г. Гиппиус), утверждённым 24 августа 1870 г. Часть площади прежнего сада, оставшаяся незастроенной, была перепланирована по проекту архитектора Бернгарда.

В конце 1870-х гг. возник вопрос о засыпке Лиговского канала с бассейнами. 4 апреля 1878 г. Городская Управа постановила, согласно заключению Комиссии по урегулированию г. Санкт-Петербурга, «войти в сношение» с Правлением I Округа путей сообщения «о засыпке большого бассейна с урегулированием затем этого места». Такому предложению воспротивилась Придворная Конюшенная контора, мотивируя своё мнение тем, что с засыпкой бассейна будет прекращено поступление чистой воды в пруды Таврического сада, так как бассейны служили отстойниками. Дополнительным аргументом для отказа от засыпки

Лиговского канала с бассейнами, связанными с прудами Таврического сада, послужил и тот факт, что, когда в 1877 г. Строительная контора предложила засыпать не только канал с бассейнами, но и пруды Таврического сада, император не дал на то своего одобрения (Известия Санкт-Петербургской Городской Общей Думы, 1882, № 24. С. 1509–1510). Таким образом, вопрос о засыпке Лиговского канала и бассейнов в конце 1870-х гг. не получил разрешения.

В мае 1882 г. домовладельцы и жители «Песков» направили на имя полицеймейстера Козлова прошение о дозволении им устроить на собственные средства сквер на площади около прудков (бассейнов). Речь шла об участке между Греческим проспектом и восточным берегом большого бассейна. В прошении обращалось внимание на то, что «площадь, прилегающая к прудкам, не замощена и в дождливое время постоянно переполнена грязью и навозом; распространяющееся в это время зловоние вредно влияет на здоровье людей, а домовладельцы терпят убытки, так как в такой местности не охотно нанимают квартиры; кроме того, вблизи нет садов для гулянья детям и бедным жителям песков». Собранными для устройства сквера деньгами домовладельцы уполномочили распорядиться избранных ими из своей среды лиц Геккера, Корявова, Тряничева, Васильева и Туганова (Известия Санкт-Петербургской Городской Общей Думы, 1882, № 24. С. 1507–1508).

В своём докладе Санкт-Петербургской Городской Думе от 8 июля 1882 г. Управа, изложив прошение домовладельцев и жителей «Песков», сообщила, что санкт-петербургский полицеймейстер «препроводил» данное прошение Городскому Голове, выразив к нему своё отношение в том смысле, что он «не встречает препятствий к удовлетворению настоящего ходатайства» и находит, что «устройство сквера весьма желательно в видах улучшения этой местности как в санитарном отношении, так равно и вообще в отношении благоустройства».

Вследствие запроса Городской Управы местный пристав сообщил, что: «1) под сквер предположено занять 1746 кв. саж; 2) домовладельцы согласны устроить плитный тротуар в одну плиту, с булыжным подзором, и замостить булыжником часть тротуара, приходящуюся на вторую плиту; 3) устроить две подземные трубы с 4-мя колодцами; 4) сквер оградить железною решёткою; 5) кругом сквера будет посажен годовалый кратегус; по аллеям в шахматном порядке, в двухсаженном расстоянии друг от друга – ясень, берёза, клён и рябина, все пятилетние; в куртинах кратегус,

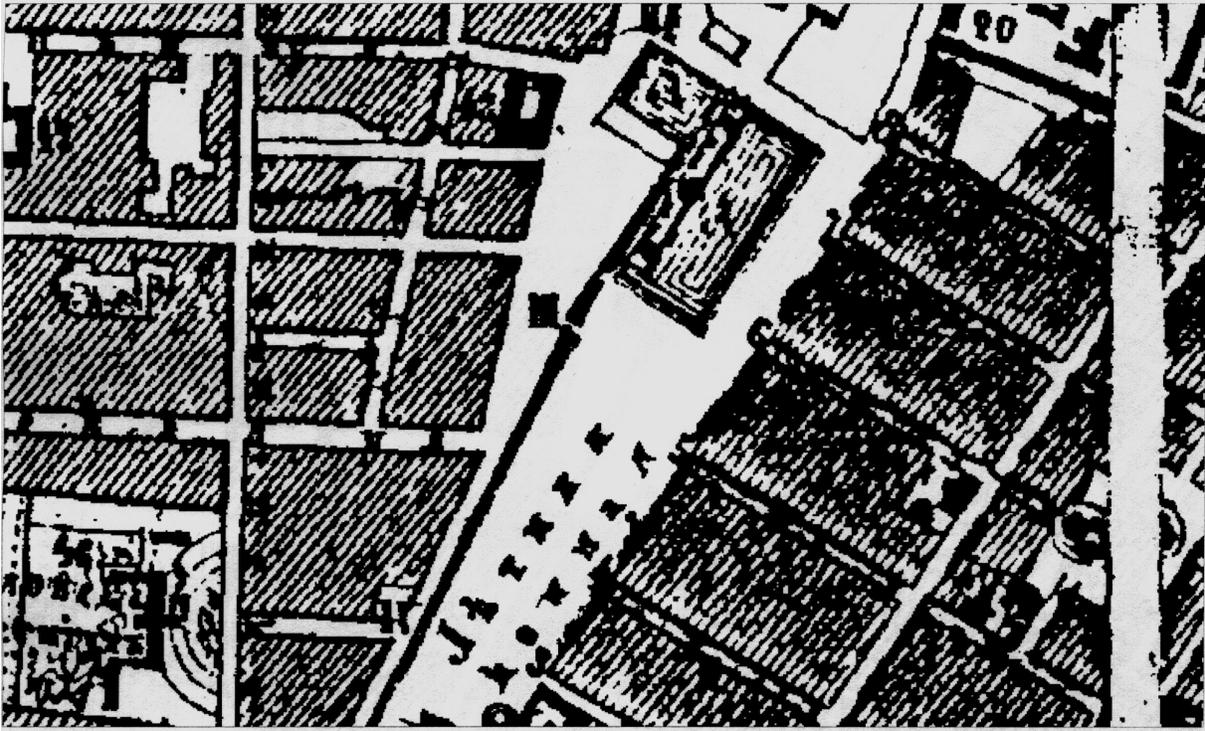

Рис. 3. Участок производства работ на карте г. Санкт-Петербурга 1858 г.

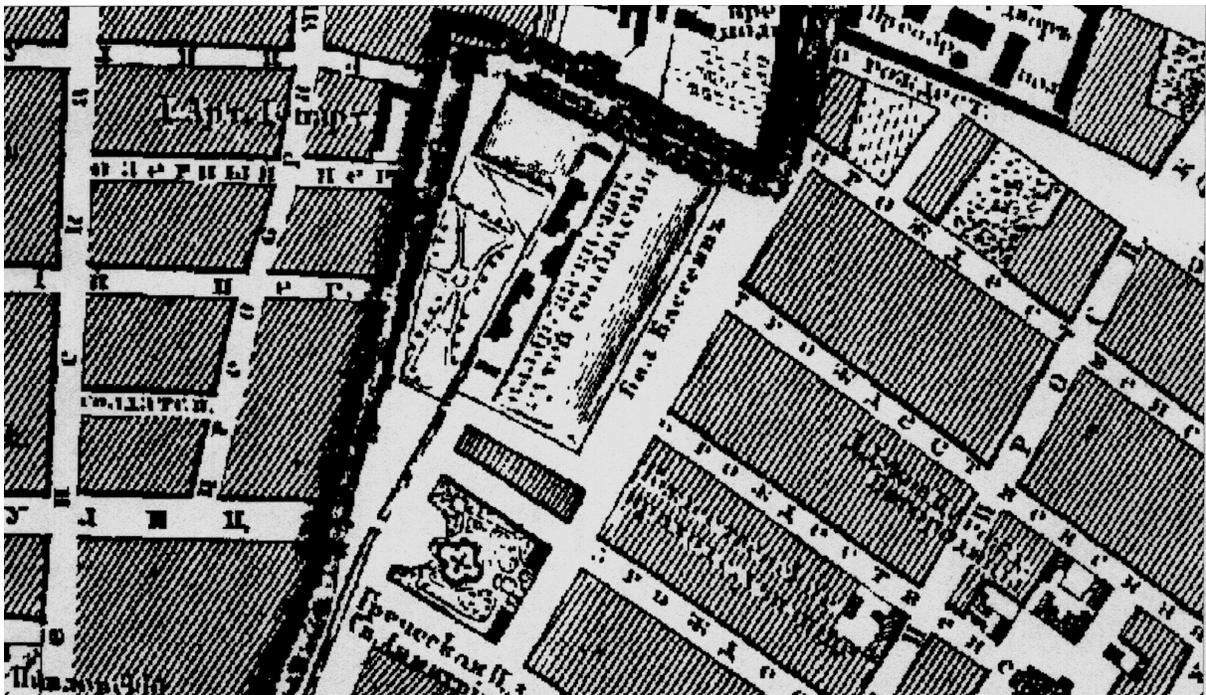

Рис. 4. Участок производства работ на карте г. Санкт-Петербурга 1860 г.

жимолость и разные сирени; 6) по окончании устройства сквер будет сдан городу». Замощение остающейся узкой полосы земли вокруг сквера, площадью 216,42 кв. саж, домовладельцы просили город принять на себя.

Из «Заключения», сделанного Управой по докладу, видно, что на полосе земли, где предполагалось устройство сквера, в описываемое время находилась Городская Важня, срок аренды которой кончался 16 октября 1882 г.

17 июля 1882 г. жители 2-го участка Рождественской части направили на имя обер-полицеймейстера ещё одно прошение, в котором изложено следующее: «В мае месяце сего года Вашему превосходительству угодно было принять от нас прошение об устройстве на наши средства сквера у прудков, на месте нынешней сенной площади, для украшения и оздоровления города, и ныне ходатайство ваше ... находится на рассмотрении Городской Управы. Насколько нам известно, Городская Управа, не находя с своей стороны препятствий к устройству сквера, разрешает этот вопрос в утвердительном смысле, и мы, движимые чувством скорби о столь ранней утрате незабвенного народного героя-богатыря Михаила Дмитриевича Скобелева, и желая сохранить память об этом доблестном гражданине Земли русской в нашей песковской окраине, почтительнейше просим Ваше превосходительство не отказать нам в своём ходатайстве как о разрешении ныне же приступить к работам по устройству сквера, так и о дозволении наименовать его «Скобелевским» (Известия Санкт-Петербургской Городской Общей Думы, 1882, № 24. С. 1510–1511). Прошение было подписано восемнадцатью домовладельцами. В тот же день обер-полицеймейстер направил «отношение» на имя Городского Головы, в котором выражал своё согласие с ходатайством домовладельцев.

Сообщив обо всем вышеизложенном, Городская Управа завершила свой доклад следующим заключением: «Принимая во внимание, что возбуждённое в Думе дело о засыпке бассейнов и урегулировании затем местности не получило утверждения, и что местность около бассейнов, заселённая преимущественно недостаточными обывателями, отдалена от садов, Городская Управа находит устройство сквера весьма полезным, как для обывателей, так и в смысле украшения города, а потому полагала бы допустить устройство сквера за счёт домовладельцев, согласно прилагаемому плану, заверенному городским архитектором и землемером, с тем, 1) чтобы на месте а, б, в, г была сделана аллея, обсаженная с обеих сторон

деревьями; 2) тротуар по линии а, в, д, е и ж (на плане прикрыт лёгкою фиолетовою краскою) должен быть сделан в две плиты, с отмосткою мелким булыжным камнем; 3) чтобы бассейн по линии б, г и з был ограждён надолбами с прогонами; 4) чтобы прутья железной решётки были не тоньше 3/4 дюйма, а расстояние между ними не более 3 вершков; нижняя поперечина должна быть толщиной не менее 1 дюйма и шириною не менее 3 дюймов, поперечина эта во избежание прогиба всей решётки должна быть поставлена на ребро и вся решётка на каменных основаниях; 5) чтобы земля для посадки деревьев и кустов была доброкачественная; 6) сквер, по окончании устройства должен быть содержим домовладельцами в течение года; не принявшие в это время деревья и кусты должны быть заменены новыми за счёт домовладельцев, и 7) работы должны быть производимы под наблюдением городских техника и садовника. Замощение пространства между тротуаром и пунктиром (на плане прикрыто сепией) в количестве 216,41 кв. саж, произвести за счёт домовладельцев; Важню перенести на мытный двор или на другое место, где окажется удобнее. О настоящем заключении представить на благоусмотрение Думы. В случае разрешения Думою устройства сквера, выкопировку из плана препроводить к г. губернатору, для поднесения на высочайшее усмотрение через министерство внутренних дел» (РГИА. Ф. 1287, оп. 40, д. 2028, л. 1).

К докладу Городской Управы, содержащему изложенное заключение, был приложен «План части г. С.-Петербурга с показанием вновь предполагаемого сквера во 2 участке Рождественской части по Греческому проспекту против бассейна», составленный техником Бобровым 15 июня 1882 г. и подписанный архитектором Геккером 22 июля того же года. Согласно плану, сквер предполагалось устроить на полосе земли между восточным берегом большого бассейна и Греческим проспектом. Пред-установленные границы участка определили прямоугольную, вытянутую по продольной оси конфигурацию сквера с симметричной планировкой. На пространстве, замкнутом по периметру дорожкой, были расположены двенадцать газонов – по шесть с каждой стороны от центральной прямой аллеи. Три поперечные дорожки с малыми круглыми площадками в центре и по краям сквера разделяли близкие по очертаниям к прямоугольнику газоны с закруглениями на углах. Ещё две, большие по диаметру площадки показаны против 6-ой и 7-ой Рождественских улиц. В центре этих площадок проектировались беседки, а по дуговым сторонам площадок – скамьи. Ширина сквера уменьшалась

по направлению к нынешнему Прудковскому переулку. С южной стороны большого бассейна проектировалось устройство аллеи. Сквер предусматривалось оградить решёткой, рисунок которой представлен на чертеже. Красным цветом определена линия урегулирования Греческого проспекта, назначенная по плану, высочайше утверждённому 7 марта 1880 г.

Пометка об этом сделана городским землемером Сипачевым 23 июня 1882 г. В примечаниях, помещённых на проектом чертеже, имеются сведения о площади, занятой сквером и тротуаром, составившей 1746 кв. саж, и о площади, оставленной без мощения на обеих улицах вдоль сквера, составившей 216,42 кв. саж.

Городская Дума 15 сентября 1882 г. на своем очередном заседании, изъявив согласие на устройство сквера, постановила ходатайствовать о разрешении наименовать его «Скобелевским». Однако ввиду того, что восточная сторона проектируемого сквера выходила далеко за линию, назначенную, согласно «Высочайшему утверждению» от 7 марта 1880 г., под урегулирование Греческого проспекта, было решено представить выкопировку из плана на усмотрение Императора.

Докладывая 18 ноября 1882 г. о проекте сквера министру внутренних дел и представляя выкопировку из плана Рождественской части, городской голова обратил внимание на то, что с устройством сквера ширина Греческого проспекта уменьшится с назначенных тринадцати саженей до восьми, в то время как, согласно Строительному уставу, лишь в отдельных случаях допускалась ширина улиц менее десяти саженей.

Из сообщения Техничко-Строительного Комитета в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел становится известным, что министр «не изволил изъявить согласие» ни на уменьшение ширины Греческого проспекта до восьми саженей, ни на присвоение предполагаемому скверу названия «Скобелевский». Однако, Городская Управа, «принимая во внимание, во 1-х, что если строить сквер до линии урегулирования, то он будет очень узок, так что и самое устройство его будет приносить мало пользы, во 2-х, что хотя проспект против сквера и предположен до 8 саженей, но дома здесь будут только с одной стороны и самый существующий уже Греческий проспект суживается далее менее 8 саж, (проезжая часть), в 3-х, что 8-саженная ширина проспекта не стесняет весьма слабого движения экипажей, тем более, что по сему проспекту грузового движения почти не

существует; в 4-х, что устройство сквера в сем месте для прогулки детей признано жителями настолько настоятельным, что они принимают расходы на свой счёт; в 5-х, что местность будет приведена в благоустроенный вид; сквер украсит город и принесёт пользу в гигиеническом отношении и, наконец, в 6-х, сквер защитит от заноса пылью бассейны, питающие пруды Императорского Таврического Сада», принимая во внимание все это, Городская Управа постановила 9 апреля 1883 г. вновь возбудить ходатайство «...об испрошении Высочайшего разрешения на устройство сквера в проектируемом виде». Мнение Управы поддержал и Санкт-Петербургский губернатор Лутковский. Но и новое ходатайство было отклонено Техничко-Строительным Комитетом ввиду несогласия министра внутренних дел ни на уменьшение ширины Греческого проспекта, ни на присвоение скверу названия «Скобелевский» (РГИА. Ф. 1287, оп. 40, д. 2028, л. 5–12).

Между тем, работы по устройству сквера были уже начаты, о чем сообщал градоначальник в письме, направленном в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел. В письме подтверждалась настоятельная необходимость устройства сквера и поддерживалось ходатайство о наименовании его «Скобелевским» (РГИА. Ф. 1287, оп. 40, д. 2028, л. 19–20).

Газета «Новое время» 13 января 1883 г. оповестила горожан, что сквер, устраиваемый на Прудках, сдан Городской Думой подрядчику Дрянишеву за 2000 рублей. Подрядчик с места сквера вывез одного только песка, дорого ценимого в то время, на сумму 2500 рублей, а за свалку мусора вместо вывезенного песка получил ещё 1000 рублей; «самый же сквер обойдётся, как и полагала Дума, не дороже 2000 рублей» (Новое время, 1883, № 2470. С. 3).

Дело об официальном разрешении на устройство сквера сдвинулось с места лишь тогда, когда проект был скорректирован таким образом, что ширина Греческого проспекта должна была составить не восемь, а десять саженей. И хотя она на три сажени отличалась от его утверждённой ширины в тринадцать саженей, Техничко-Строительный Комитет МВД сообщил, наконец, что «не встречает в техническом отношении препятствий к исполнению вышеизъяснённого предположения Градоначальника». Перечертив выкопировку из плана города и сделав на ней надлежащее засвидетельствование, Комитет постановил: 1) выкопировку представить на «Высочайшее благоусмотрение»; 2) в случае утверждения

направить её в Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел.

В октябре 1883 г. министр внутренних дел граф Д. А. Толстой представил на утверждение императору Александру III выкопировку на изменение Высочайше утверждённого 7 марта 1880 г. плана города Санкт-Петербурга в связи с устройством сквера и уменьшением ширины Греческого проспекта с тринадцати до десяти саженей, а также во «всеподданнейшем докладе» испрашивалось позволение наименовать сквер «Греческим». 6 октября 1883 г. в Гатчине Александр III утвердил предложения, изложенные в докладе (РГИА. Ф. 1287, оп. 40, д. 2028, л. 21).

Ввиду того, что основные работы по подготовке площади будущего сквера (выемка песка, насыпка сухого мусора) производились до «Высочайшего соизволения», т.е. весной–летом 1883 г., то планировка и посадки, по всей вероятности, были перенесены на будущий 1884 г. Открытие же сквера состоялось весной следующего 1885 г.

Газета «Биржевые ведомости» сообщила в майском номере о произошедшем 6 мая 1885 г. торжественном открытии сквера, которому предшествовало молебствие с водосвятием. После этого под звуки духового оркестра городские власти, устроители и публика были допущены в сад, где градоначальник и городской голова посадили по дереву. Не отказались, видимо, ещё и от идеи увековечить память М. Д. Скобелева. Хотя на наименование сквера его именем и не последовало «Высочайшего соизволения», но появилось намерение установить статую полководца в Греческом сквере. Для неё, согласно информации в газете, в мае–июне будет заложен фундамент (Биржевые ведомости, 1885, № 88. С. 2). Свидетельства о реализации такого намерения отсутствуют.

21 июня 1885 г. газета «Ведомости С.-Петербургского градоначальства и С.-Петербургской городской полиции» поместила статью об устройстве Греческого сквера. В ней содержался развёрнутый отчет об основных работах. В статье напоминалось, что предложение об устройстве сквера «в видах оздоровления местности было возбуждено домовладельцами окрестных участков». Они собрали первоначальную сумму 4136 рублей, но она оказалась недостаточной. Идя навстречу пожеланиям домовладельцев об устройстве сквера, градоначальник выделил 10062 р. 34 к. Кроме того, за продажу снятого с площади будущего сквера песка была получена сумма 3842 р. Таким образом,

на счёт Комитета, которому было поручено осуществить устройство сквера, оказалось 18040 р. 34 к. В состав Комитета входили: потомственный почётный гражданин А. Н. Трянчев (председатель), полковник И. П. Тучков и ещё трое домовладельцев. Работы велись экономно, и расход не вышел за пределы имевшейся суммы. Для сведения горожан был приведён полный список всех лиц, сделавших пожертвования на устройство Греческого сквера (Ведомости С.-Петербургского градоначальства и С.-Петербургской Городской полиции, 1885, № 142. С. 1; Известия Санкт-Петербургской Городской Общей Думы, 1895, № 27. С. 1737–1738).

28 декабря 1887 г. Городская Управа утвердила «Инвентарь городского места, именуемого «Греческий сквер». В нем записано, что сквер назван Греческим по «Высочайшему соизволению» 6 октября 1883 г. Сквер значится по городской таблице 1874 г. под № 517. Последняя дата позволяет предположить, что к этому времени в городе уже числился какой-то сквер под названием «Греческий». Возможно, им был сад при Греческой церкви, либо другой, находившийся к югу от малого бассейна и переданный затем Евангелической больнице.

В Инвентаре 1887 г. местонахождение созданного в 1883–1884 гг. Греческого сквера указано на 1-ом участке Рождественской части города, а на проектной чертеже 1882 г. – на 2-ом участке той же части. Площадь сквера, согласно Инвентарю, составила 1493 и 3/4 кв. саж, а в издании Думы 1907 г. о городских садах и скверах она достигала 1746 кв. саж, так же как и в проектной чертеже. Разницу в площади сквера в Инвентаре и проекте можно было бы объяснить принятым решением о десятиметровой ширине Греческого проспекта, против первоначально восьмиметровой, что потребовало уменьшения площади сквера и, возможно, изменения проекта. В издании Думы за 1907 г. могли быть использованы материалы первоначального проекта сквера с площадью 1746 кв. саж. Однако документальные подтверждения вышеизложенным предположениям ближе неизвестны.

Из Инвентаря Греческого сквера 1887 г. известны данные о характере и протяжённости его ограждений. Так, со стороны Греческого и нынешнего Прудковского переулков была установлена железная ограда с двумя воротами, общей протяжённостью 178 и 1/3 саженей, вдоль которой был проложен тротуар в две плиты с отмосткой булыжным камнем. Внутри сада вдоль решётки в виде живой изгороди был высажен кратегус (боярышник). Со стороны Бассейной улицы сквер

имел деревянную ограду в виде «надолбов с прогонами»; газоны и куртины вдоль дорожек ограждались деревянными «перилами»¹.

В Инвентаре Греческого сквера 1887 г. имеются сведения о количестве насаждений, к сожалению, без подробного указания их состава. Из общего количества 200 деревьев названы лишь тополя в числе 160 штук. Кустарников было высажено 130 штук разных видов.

Имеется запись и о том, что 25 октября 1886 г. сквер был принят по акту в ведение города «от лиц, которым местными домовладельцами было поручено его устройство». В течение более чем года с момента открытия сквер должен был находиться на содержании устроителей. Это делалось обычно для того, чтобы выявленные за этот период ошибки или недочёты (некачественная утрामбовка и насыпка дорожек и площадок, не принявшие в рост молодые деревца и т.д.) были устранены самими устроителями.

В своём первоначальном виде сквер, очевидно, просуществовал без изменений до середины 1890-х гг., когда начался второй этап истории сквера, связанный с засыпкой в 1891 г. части Лиговского канала и обоих бассейнов. В 1895 г. Городская Управа вновь обратилась к обсуждению вопроса об урегулировании местности у бывших бассейнов (прутков). В связи с этим было представлено несколько проектов. Два из них предусматривали разделение территории засыпанных бассейнов на участки с обустройством новой улицы, по одному из вариантов, между Греческим сквером и засыпанным бассейном, а по другому, на месте островка, на котором прежде находились казармы нижних чинов путей сообщения, с 1880 г. переданного Евангелической больнице. Согласно третьему предложению, вызванному ходатайством местных обывателей, поддержанным Санкт-Петербургским градоначальником, весь засыпанный большой бассейн предполагалось превратить в сад, соединив его с Греческим сквером (Известия Санкт-Петербургской Городской Общей Думы, 1895, № 27. С. 1737–1738). Одновременно с этими проектами было предложено спрямить Бассейную улицу на участке от Литовской улицы до Греческого проспекта в направлении 8-й Рождественской улицы за счёт определённой части засыпанного малого бассейна, островка Евангелической больницы и огородного места

лейб-гвардии Преображенского полка (рис. 5). В то же время на обсуждение Управы было вынесено предложение Градоначальника о замене на земельном участке Преображенского полка открытого Лиговского канала на подземную трубу. Параллельно в Управу поступило ходатайство Комитета Евангелической больницы об уступке ему засыпанной части Лиговского канала между островком и больничным участком для постройки хирургического «барака». Кроме того, Комитет Евангелической больницы обратился с просьбой о сохранении административного единства с оставлением больничной территории и островка в одной Рождественской части, т.к. уже существовал проект изменения границы между Литейной и Рождественской частями города по линии бывшего Лиговского канала.

Все эти просьбы, ходатайства и предложения вместе с вопросом об урегулировании местности у бывших прудков (бассейнов) рассматривались Управой 1 мая 1893 г. При этом Управа одобрила проект разведения сада на территории бывшего большого бассейна с соединением его с уже существовавшим Греческим сквером, а также проект выпрямления Бассейной улицы в связи с закрытием части Лиговского канала между ней и Виленским переулком. Образовавшаяся при этом новая улица позднее получила название Фонтанной. Управа выразила также готовность на уступку Комитету Евангелической больницы полосы земли, прежде занятой Лиговским каналом (Известия Санкт-Петербургской Городской Общей Думы, 1895, № 27. С. 1738). Все обсуждаемые предложения отражены на «Плане местности около бывших Лиговских бассейнов (прутков) с показанием предполагаемого урегулирования оной...», приложенном к докладу Городской Управы, прочтённом на заседаниях Санкт-Петербургской Думы 15 сентября и 7 декабря 1895 г.

В феврале 1895 г. городским садовником В. И. Визе была составлена смета на устройство нового сквера на месте засыпанного большого бассейна и соединение его с Греческим сквером (Известия Санкт-Петербургской Городской Общей Думы, 1895, № 27. С. 1750–1755). При этом предусматривалось переустройство последнего, а также постройка в сквере «ретирадника и павильона». Общая сметная сумма на эти работы составила 41092 руб. 61 коп.

На основании докладов Городской Управы, Санкт-Петербургская Дума приняла следующие решения относительно переустройства Греческого сквера: «Что же касается вопроса о стоимости

¹ Надолбами в то время называли деревянные вертикальные стойки, скрепленные продольными прогонами. Перилами называли газонные ограждения.

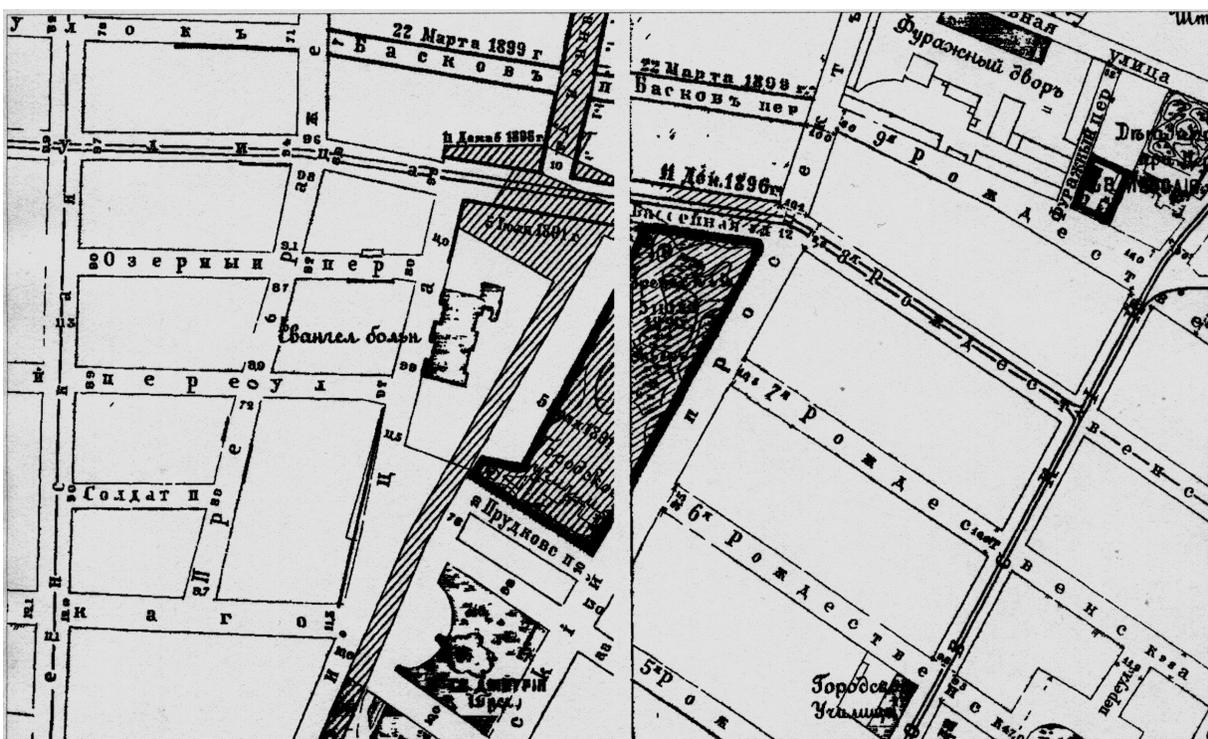

Рис. 5. Участок производства работ на карте г. Санкт-Петербурга 1905 г.

устройства на бывшем бассейне сада с переустройством греческого сквера, для соединения их в один большой сад, площадью 4588 кв. саж, то исчисленный по смете на полное устройство сада расход ... выражается в следующих цифрах: 1. устройство собственного сада с переустройством греческого сквера, по вновь составленному проекту и с постановкой металлической решётки со стороны Бассейной улицы – 33112 р. 63 к.; и 2. постройка в саду тёплого ретирадника с газовым освещением и водопроводными работами, а также постройка беседки – 7979 р. 98 к. Всего – 41092 р. 61 к.»

Рассматривая смету на устройство сада, Городская Управа обратила внимание на то, что значительная часть расходов исчислена на приобретение растительной земли под посадку деревьев и кустов, засев травы и образование газонов. Городской садовник В. И. Визе счёл необходимым насыпать землю для посадки деревьев глубиной 2 аршина, а для кустов и газонов – 1 аршин, для чего потребовалось 1050 куб. саж. земли для нового сада и 40 куб. саж. для Греческого сквера, а всего – 1090 куб. саж. на сумму 19620 руб. Кроме того, садовник заложил в смете расходы на приобретение сухого строительного мусора для поднятия всей площади сада на месте бывшего бассейна (914 куб. саж.) и для окончательного устройства и поднятия дорожек и площадок

на высоту 1 и 1/4 арш. (308 куб. саж.), что в итоге составило 1222 куб. саж. мусора, расходы на который (1222 x 3 руб. за 1 куб. саж.) были определены в 3666 руб. Таким образом, общая сумма на приобретение земли и мусора составила 23286 руб.

Ввиду значительности суммы садовнику В. И. Визе было предложено изыскать возможности уменьшения этого расхода, что он и сделал, предложив, во-первых, уменьшить глубину растительного слоя земли (для деревьев – с 2 арш. до 1,5 арш., для кустов – с 2 арш. до 1 арш., а для газонов – 0,5 арш.); во-вторых, увеличить период устройства сада до двух лет, что даст возможность снизить стоимость мусора, необходимого для поднятия уровня будущего сада за счёт открытия на этом месте бесплатной свалки сухого строительного мусора. Таким образом, весь расход на приобретение растительной земли и строительного мусора выразился в сумме 12720 руб., а вся стоимость устройства сквера составила 30526 руб. В целом расходы на урегулирование местности у бывших бассейнов должны были достигнуть 52442 руб. 98 коп. с добавлением 12000 руб., включённых уже в проект городской сметы на 1896 г. и предназначенных для прокладки труб на месте Лиговского канала между Виленинским переулком и Кировной улицей.

Все вопросы, связанные с урегулированием местности у бывших бассейнов и устройством одного общего Греческого сада, сведены воедино в «Постановлении» Городской Управы, которое является интереснейшим документом градостроительной политики. Постановление состоит из девяти пунктов: «1) на засыпанном большом Лиговском бассейне устроить сад, соединив его с существующим греческим сквером, и за устройством этого сада и постройкой в нем ретирадника и беседки ассигновать 30562 р.; 2) Бассейную улицу, между Лиговской улицей и Греческим проспектом, урегулировать по прямому направлению к 8-й Рождественской улице, как показано на проектном плане, 3) на месте закрытого Лиговского канала, между Бассейной улицей и Виленским переулком, проложить улицу, шириной в 10 саж., присвоив ей наименование «Фонтанная»; 4) на работы, сопряжённые с урегулированием Бассейной улицы и устройством новой улицы... ассигновать согласно сметным исчислениям 21916 р. 37 к; 5) взамен уступаемой городу л.-гв. Преображенским полком земли в количестве 504 2/3 кв. саж., отходящей под урегулирование Бассейной улицы и проложение новой улицы, придав к огородному месту полка, остающуюся от урегулирования Бассейной улицы против этого места, землю, в количестве 43 2/3 кв. саж., и произвести в 1896 г. прокладку керамиковых труб на месте открытого Лиговского канала, проходящего по двору казарм между Виленским переулком и Кирочной улицей, на какую работу ассигновать из общих городских доходов внесённую уже в проект сметы на 1896 год сумму 12000 руб.; 6) потребную на работы по урегулированию Бассейной улицы и проложение новой улицы, ... а также на устройство сада на месте засыпанного большого бассейна с переустройством греческого сквера, сумму 52441 руб. отнести на капитал городских земель, ассигновав ее в два сметных периода 1896 и 1897 г. по 26221 руб. на каждый год; 7) так как проектируемое урегулирование Бассейной улицы и проложение новой улицы, ... а также устройство сада на месте засыпанного большого бассейна составляет изменение части Высочайше утверждённого 7 марта 1880 года плана урегулирования г. С.-Петербурга, ... войти с ходатайством об испрошении Высочайшего ... соизволения на осуществление настоящего предположения; 8) просимый Комитетом Евангелической больницы, – сверх придаваемой к зданию больницы ... полосы земли, образовавшейся от засыпки Лиговского канала, – участок городской земли, составляющей часть засыпанного малого бассейна, остающуюся за урегулированием Бассейной улицы в количестве 600 кв. саж.,

предоставить названной больнице в безвозмездное, бессрочное пользование, для постройки ... новых больничных зданий, на ... условиях, изложенных под литерами: а, б, в, г, д «Постановления» Городской Управы». И последним девятым пунктом Управа записала: «о вышеизложенном представить на благоусмотрение городской Думы, предварительно передав настоящий доклад на Заключение финансовой Комиссии» (Известия Санкт-Петербургской Городской Общей Думы, 1895, № 27. С. 1755–1760).

В заседании Думы 14 и 19 февраля 1896 г. был зачитан доклад Управы и заключение финансовой комиссии от 16 января 1896 г., одобдивших предложения Управы. На этом же заседании собрание Думы утвердило доклад Городской Управы со следующими изменениями, касающимися сада: «...поручить Городской Управе по соглашению с Комиссией по народному образованию распланировать сад так, чтобы в нем было достаточное пространство для детских игр». Постановление Думы было представлено на «Высочайшее усмотрение», которое последовало 11 декабря 1896 г. (Известия Санкт-Петербургской Городской Общей Думы, 1896. № 1. С. 119; № 5. С. 13).

Проект нового сада на площади 2842 кв. саж и соединения его с прежним Греческим сквером разработал городской садовник В. И. Визе. Площадь объединённого сада составила, согласно «Инвентарю» 1901 г., 4691,12 кв. саж. В «Инвентаре» имеются также сведения о чугунной на каменных устоях решётке, протяжённостью 218,15 саженей и деревянном заборе «со стороны дворовых мест», протяжённостью 110,25 саженей. В саду было установлено пятнадцать чугунных и четырнадцать железных скамеек (ЦГИА СПб. Ф. 513, оп. 101, д. 569. С. 17).

Композиция объединённого Греческого сада была выдержана в формах, характерных для пейзажного стиля, где извиляющиеся дорожки образуют куртины фигурной конфигурации. В южной части сада была устроена обширная площадка для детских игр. Эта планировка отражена на плане Рождественской части Санкт-Петербурга 1905 г. (рис. 5), где пространство бывшего большого бассейна показано штриховкой, а границы объединённого сквера залиты тёмным цветом. На плане на территории сада также показано здание Городского начального училища Императора Александра II, заложенное 30 августа 1899 г. по проекту архитектора Б. А. Бржостовского, и освящённое 4 января 1901 г. (Строитель. 1899, № 7–8. С. 255–262).

По всей видимости, одновременно с постройкой здания или несколько позднее, была произведена перепланировка прилегающего сквера. Его новая композиция зафиксирована на плане сада, опубликованном в специальном издании, посвящённом городским садам, паркам, скверам, бульварам и аллеям, изданном Думой в 1907 г. (рис. 5). Планировка сада, по-видимому, изменённая тем же городским садовником В. И. Визе, была решена в сочетании пейзажных куртин и системы замкнутых круговых дорожек, связанных с тремя малыми круглыми площадками со стороны Бассейной улицы, с большой овальной площадкой вблизи Евангелической больницы, на которой разместилась беседка дуговых очертаний, и с полуциркульной малой площадкой перед входом в сад со стороны Греческой улицы. Обширная детская площадка полуовальных очертаний перед северным фасадом здания Городского начального училища Императора Александра II была отделена от него оградой.

К 1901–1906 гг. в Греческом саду были устроены приспособления для гимнастики, которыми пользовались дети «под наблюдением наёмных чинов флотских экипажей». Зимой в саду устанавливались горки для катания на санках. В саду были высажены деревья различных лиственных пород, различные сорта кустарников и каждую весну высаживались цветы на клумбах (Описание древесных насаждений г. С.-Петербурга, СПб., 1907. С. 45).

В таком виде сад просуществовал ещё несколько лет. Совершенно другая его планировка в виде системы шести лучей, расходящихся от центральной круглой площадки сада, отражена на плане города 1916 г. Если поверить, что эта планировка действительно имела место, то она, очевидно, не менялась до 1921–1922 гг., когда в Греческом саду установили бронзовый бюст Некрасова, работы скульптора В. Лишена. Очевидно, тогда сквер переименовали в Некрасовский. Ещё раньше, в 1918 г., Бассейная улица стала называться улицей Некрасова, основанием к чему послужило более чем двадцатилетнее проживание поэта в угловом доме по Бассейной улице и Литейному проспекту (Горбачевич, Хабло, 1885. С. 257).

В 1927 г. при Ленгубисполкоме был образован подотдел благоустройства города, а при нем – отделение планирования (планировки), возглавляемое архитектором Л. А. Ильиным, и отделение садов и парков, возглавляемое ландшафтными архитектором и учёным-садоводом Р. Ф. Катцером. Именно тогда началась массовая реконструкция садов и парков города, в том числе и Некрасовского (бывшего Греческого).

Проект перепланировки сада, названного на чертеже Некрасовским сквером, был разработан Р. Ф. Катцером и датирован 20 марта 1927 г. (ЦГА НТД. Ф. 192, оп. 3-1, д. 2583, л. 9). Проектный лист подписал также старший производитель работ инженер К. Муратчанов. В левом нижнем углу документа ряд подписей свидетельствует о согласовании проекта с Санбюро Володарского райсовета, с Управлением канализации и мостовых, с Отделом мостов и набережных к 6 июня 1927 г. И, наконец, на листе имеется утверждающая подпись заведующего подотделом благоустройства Л. А. Ильина, одновременно являвшегося заведующим отделением планирования (планировки).

Р. Ф. Катцер в своём проекте сформировал композицию сада вокруг бюста Некрасова, установленного в центре сквера. Фигурная по очертаниям площадка с бюстом образована тремя газонами сложного абриса, которые разделены тремя прямыми дорожками, направленными к бюсту. Ещё одна прямая дорожка спроектирована вдоль Греческого проспекта. Остальные дорожки и куртины имеют криволинейные очертания с прямоугольными и полукруглыми загибами. Рисунок куртин, площадок, газонов и дорожек выполнен в стиле, близком модерну, правда, несколько видоизменённом и более сдержанном. При всей живописности композиции в ней явно виден принцип симметрии. В проекте сохранена большая полукруглая площадка перед зданием бывшего начального училища. По сравнению с планом 1907 г. конфигурация сквера почти не изменилась. По всей видимости, для удобства движения был срезан прямой угол на пересечении Греческого проспекта и улицы Некрасова. Партерное оформление с декоративным цветником формировало самый крупный газон напротив входа в сквер с улицы Некрасова. Второй вход с Греческого проспекта также был сохранен (рис. 6).

В период Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда Некрасовскому скверу был нанесён значительный урон. Но уже в 1944 г. в сквере велась расчистка куртин, дорожек и газонов, корчевка пней, оставшихся от снесённых деревьев, засыпка ям (ЦГА СПб. Ф. 7384, оп. 18, д. 1538, 1944 г.). Очевидно тогда же сквер был благоустроен, однако проектных чертежей разыскать не удалось. Позже в 1950–1960-х гг. на территории сада появилось множество временных строений, перегородивших его поперёк. Оставшаяся часть сада была распланирована в виде прямой аллеи, ведущей от входа с улицы Некрасова и соединявшейся с дорожкой, идущей от калитки со стороны Греческого проспекта. По обеим сторонам

Рис. 6. Участок производства работ на карте г. Ленинграда 1935 г.

аллеи на засаженных участках были выделены две прямоугольные площадки разной величины, видимо, спортивного назначения. Две лучевые симметричные дорожки от площадки у входа со стороны улицы Некрасова, расходясь в стороны, продолжались вдоль западной и восточной границ сквера.

В 1952 г. производился капитальный ремонт сквера, а в 1956 г. – реставрация ограды. В 1971 г. вместо бюста Некрасова, перемещённого в садик на Литейном проспекте, в сквере установили бронзовый памятник поэту (скульптор Э. Ю. Эйдлин, архитектор Б. С. Васильковский). Тогда же была снята ограда и произведена перепланировка. В сквере установили стильные светильники и каменные с деревянными сиденьями скамьи, вписанные в заглубленные площадки полукруглых очертаний.

Эта планировка с некоторыми изменениями сохранилась до сих пор, что подтверждается планом Некрасовского сада 1991 г., снятом с натуры Проектно-инвентаризационным бюро. Сад делится на три разные по площади части. В средней партерной части доминирует памятник Некрасову. Перед ним, со стороны Греческого проспекта, устроен главный вход, приближенный теперь к улице Некрасова. По сторонам главного входа размещены прямоугольные газоны. По периметру партерной площадки с памятником расположены восемь полукруглых каменных скамей, вписанных в закругления газонов.

В части сада со стороны улицы Некрасова, где сохранен прежний вход, продольной осью

планировки служит дорожка с прямоугольной площадкой. От этой дорожки к востоку и западу расходятся две лучевые дорожки, связанные, в свою очередь, с двумя пейзажными, соединяющими углы сада с партерной частью. Южная, самая большая, часть сада имеет симметричную планировку, где от круглой площадки в центре расходятся четыре лучевых дорожки, пересекающиеся со встречными дорожками также в виде лучей, исходящих от площадки с памятником. Современное состояние Некрасовского сквера почти полностью соответствует плану 1991 г.

Общая площадь сада составляет 29608 кв. м, площадь газонов – 17918 кв. м, площадь цветников – 42 кв. м, площадь дорожек – 9703 кв. м. Общая протяжённость живой изгороди достигает 510 м, ограды – 210 м. Разного рода строениями занято 248 кв. м. В сквере имеется 18 диванов, одна спортивная и одна детская площадки. В сквере растут: 226 деревьев, кустов – 5796 шт., в живой изгороди – 4431 шт.

Некрасовский (бывший Греческий) сквер имеет более чем вековую историю. Пройдя несколько этапов своего существования: от узкого длинного сквера на берегу большого бассейна Лиговского канала до расширенного его варианта за счёт территории засыпанного бассейна, будучи расположен в исторической части города, начавшей формироваться ещё в петровское время, сквер был связан с именами архитектора Боброва, известного садового мастера Б. И. Визе и выдающегося ландшафтного архитектора и садовода Р. Ф. Катцера, трудившихся в XIX–XX вв. Решением Городского

Совета народных депутатов № 327 от 07.09.1993 г. и Малого Совета Санкт-Петербурга Некрасовский сквер взят на учёт под охрану государства.

В ходе реконструкции сквера на его территории были заложены две траншеи шириной 1,5 м и глубиной до 2,0 м, общей протяжённостью около 500 м и выкопано 17 котлованов под коллекторы, размерами 2,0 x 3,0 м в среднем (рис. 7–10).

Стратиграфия культурных напластований на всем участке работ представляется следующей: на глубину 0,40–0,50 м от современной дневной поверхности залегает серый мешанный гумусированный суглинок, сформировавшийся в последней четверти XX – начале XXI вв.; прослойка из битого кирпича жёлтого цвета и щебня, мощностью до 0,10 м, прослеженная в северной и восточной частях сквера, образовалась в последнюю четверть

Рис. 7. Карта г. Санкт-Петербурга с указанием площади реконструкции сквера «Некрасовский сад»

Рис. 8. Общий вид на центральную часть участка работ, вид с юго-запада

Рис. 9. Траншея 8, вид с востока

Рис. 10. Траншея 10, восточный борт

XX в.; ниже залегает слой сильно гумусированного суглинка, мощностью до 0,1 м, без находок, сформировавшийся во второй четверти XX в.; слой из битого красного кирпича, мощностью до 0,15 м, зафиксирован практически во всех траншеях и, очевидно, был связан с масштабными послевоенными реставрационными работами, в его основании обнаружено много находок, относящихся к советской довоенной истории сада; коричневый мешаный гумусированный суглинок с включениями битого кирпича, мощность которого местами достигала 1,50 м, был связан с засыпкой Лиговского канала и бассейнов в 1891 г.; мешаный слой с прослойками коричневого и светло-жёлтого песка, мощностью до 0,80 м, прослеженный в основном в восточной части садика, сформировался в 1883 г. в период работ по устройству «Греческого» сада; слой коричневого крупнозернистого песка, мощностью до 0,30 м, встречен в некоторых траншеях, на глубине ниже отметки 6 м по БС, не содержал находок.

Сбор материала на территории происходил во время производства земляных работ путём осмотра образовавшихся отвалов и стенок траншей. Примерно 80 % находок было обнаружено в отвалах, и соотношение их с тем или иным слоем весьма условное. Поэтому описание находок при-

ведено в целом, без привязки к определённому месту и слою.

Наиболее поздние археологические находки происходят из слоя, окончательное формирование которого может быть датировано довоенным временем (1920–1930 гг.), к которому относятся самые поздние предметы столовой посуды: фрагменты фарфоровых тарелок, блюдца и чашки с грубой полихромной росписью завода «Пролетарий» с. Бронницы (цв. илл. 11: 2; 12: 1, 5) и Волховского завода (цв. илл. 13: 2), кондитерская банка зелёного стекла (цв. илл. 14: 2).

Большинство находок относится к городской культуре XIX – начала XX вв. Они представлены бронзовыми деталями интерьера: дверной ручкой и неопределёнными предметами (цв. илл. 15: 2–4); медной вилок (цв. илл. 15: 5); фрагментами столового фарфора заводов Кузнецовых (цв. илл. 11: 1; 16: 3) и Корниловых (цв. илл. 16: 1), фарфоровых чашек (цв. илл. 12: 3, 4), фарфоровых тарелок (цв. илл. 12: 6, 7; 17: 1, 2), фарфорового чайника; обломками круглых и фигурных фаянсовых тарелок с синей и полихромной росписью (цв. илл. 16: 2, 4; 18: 1–4), фаянсовой миски (цв. илл. 18: 5), крупных фаянсовых сосудов (цв. илл. 16: 7–9), фаянсовых аптечных баночек (цв. илл. 19: 1–3) и

большой банки (цв. илл. 20: 2); фрагментами чернильницы прозрачного, зелёного и коричневого стекла (цв. илл. 14: 3–6), рюмок прозрачного стекла (цв. илл. 22: 2, 3); нижней частью массивного подсвечника (?) синего стекла (цв. илл. 14: 1); фрагментами поливной красноглиняной (цв. илл. 23: 7–13; 24: 3, 4, 6) и сероглиняной керамики (цв. илл. 24: 1, 3).

Среди находок присутствуют фрагменты бутылей из каменной массы (из-под сельтерской воды), в том числе одна целая бутылочка (цв. илл. 24: 7–11). Строительная керамика представлена фрагментами фигурных печных изразцов с белой поливой (цв. илл. 21; 25) и изразца с глянцево-светло-зелёной поливой (цв. илл. 22: 1).

Необычными находками являются фрагмент терракотовой скульптуры мужчины в тоге, вероятно, относящейся к убранству интерьера (цв. илл. 19: 1), а также фрагмент крупного фаянсового изделия (раковины?) с клеймом «CAULDON LIMITED» (цв. илл. 20: 3).

В небольшом количестве представлены находки, достоверно относящиеся к XVIII в.: фрагменты фаянсовых помадных банок с белой, синей и голубой поливой (цв. илл. 19: 4, 5; 23: 1–6), фрагменты изразцов с синей росписью пейзажного и орнаментального характера (цв. илл. 26), фрагменты бутылок зелёного стекла, фрагменты сероглиняных кувшина и миски (цв. илл. 24: 2, 5) и фрагмент изогнутой черепицы.

Согласно историческим данным, освоение данной территории относится к XII в., однако, археологические данные этого не подтверждают. Наиболее ранний культурный слой датируется 1883 г. и связан с благоустройством «Греческого» сада. По историческим документам известно, что при работах в 1883 г. верхний слой почвы и подстилающий его слой песка были вывезены и заменены строительным мусором. Таким образом, культурные слои XIX в. лежат на стерильном слое песка, не содержащем археологических остатков.

Формирование основной толщи культурных напластований относится к 1891 г., когда были засыпаны пруды, а на их месте был обустроен сад. Засыпка в обоих случаях производилась грунтом, взятым в исторической части Санкт-Петербурга. Реставрация сквера производилась, как минимум, дважды: в послевоенное время и в последней четверти XX в. Проведённые археологические исследования ещё раз подтверждают необходимость надзора за любыми строительными работами в охранных зонах объектов культурного наследия, поскольку практически всегда появляются новые интересные свидетельства, значительно обогащающие наши знания об истории города.

Источники и литература

- Биржевые ведомости. 1885, 8 мая, № 88.
- Ведомости Санкт-Петербургского градоначальства и Санкт-Петербургской Городской полиции. 1885, 21 июня, № 142.
- Горбачевич К. С., Хабло Е. П. 1985. Почему так названы. Л.
- Известия Санкт-Петербургской Городской Общей Думы. 1882, № 24.
- Известия Санкт-Петербургской Городской Общей Думы. 1895, № 27.
- Известия Санкт-Петербургской Городской Общей Думы. 1896, № 1.
- Кузнецова О. А., Борзин Б. Ф. 1988. Летний сад и Летний дворец Петра I. Л.
- Описание древесных насаждений г. Санкт-Петербурга. 1907. СПб.
- Севастьянов С. Ф. 1987. Площадь Восстания. Л.
- Строитель. 1899, № 7–8.

Археологическое обследование территории, отведённой под строительство яхт-клуба в границах земельного участка церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Рыбацком

К. М. Плоткин, А. Ю. Городилов, А. И. Мурашкин, Е. А. Грицик,
А. О. Поликарпова, Т. Р. Садыков, Н. Ф. Соловьёва

В связи с планируемым строительством яхт-клуба в границах земельного участка церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Рыбацком и в соответствии с договором № 13 с ООО «Плаза Нева», сотрудники Группы охранной археологии ИИМК РАН провели археологическое обследование территории по адресу: г. Санкт-Петербург, Рыбацкий проспект, д. 12.

Участок проектируемого строительства находился на склоне береговой террасы левого берега Невы. Для уяснения исторической топографии участка важно отметить, что он лежит в 1400 м ниже по течению Невы от устья р. Славянка (цв. илл. 27). Селения в устье этой реки впервые упоминаются в летописях конца XV в. Первые сведения о населении данной территории относятся ко времени около 1500 г. После присоединения Новгородской республики к Московскому государству в 1495–1505 гг. московскими писцами была произведена перепись населённых пунктов новой территории. Левый берег Невы относился к Ижорскому погосту Водской пятины Великого Новгорода. На карте составленной по материалам новгородских писцовых книг видно, что наиболее заселённым было устье Славянки. В районе проектируемого участка находилась деревенька «На Омуту» (рис. 1). Следует подчеркнуть, что точных топографических привязок писцовые книги не содержали и данная карта является реконструкцией на основе косвенных данных и сравнения с более поздними картами.

Более точные данные содержит ряд шведских карт XVII в. По Столбовскому мирному договору 1617 г. территория Ингерманландии (Ижорской земли), включающая бассейн р. Невы, отошла к Швеции. Течение Невы имело стратегическое значение, поэтому неоднократно становилось объектом изучения шведских географов (рис. 2–5). На картах соседствуют названия русских и финских деревень, так как взамен ушедшего с завоёванной территории русского населения шведы переселили в Ингерманландию финнов из-под Выборга. В будущем их стали называть ингер-

манландскими финнами. Между финскими и русскими деревнями местами находились мызы шведских землевладельцев.

Как и в предыдущий период наиболее плотно были заселены берега Невы около устья Славянки. На карте датируемой временем между 1670 и 1681 гг. на правом берегу Славянки изображена деревянная церковь (рис. 3). В районе современного Рыбацкого (станции метро и железнодорожной станции) находилась деревня Гудилова (*Gudilowa*, *Gudilofva*) и *Gudiloff hof* — по-видимому, шведская мыза. Ближе к берегу Невы, вдоль современного Рыбацкого пр. находились деревеньки *Hejkara* и *Hinrick*.

На первой русской карте, составленной в 1705 г., ещё в ходе Северной войны, зафиксирована система расселения, сложившаяся при шведах. На месте будущего Рыбацкого находится д. Гудилова (рис. 6).

В 1716 г. по указу Петра I была основана Рыбная (или Рыбацкая) слобода, жители которой (преимущественно переселенцы с р. Оки) занимались сельским хозяйством и рыбной ловлей, поставляя улов в город и к царскому столу. Село было житочным. Его жителей в Петербурге называли «Рыбацкими куркулями». Но горожане ценили труд обитателей села, что видно из поговорки: «Рыбацкий куркуль – вместо корюшки омуль». Рыбаки гуляли тоже на славу. Идиома «Рыбацкое – кабацкое» известна ещё с XVIII в.

Карта части провинции Ингерманландия 1732 г. показывает изменения в системе расселения, связанные, прежде всего, с возникновением и быстрым ростом Санкт-Петербурга (цв. илл. 28). На этой карте впервые появляется Большая Рыбная слобода, в северной части более позднего Рыбацкого, и идущая вдоль берега Невы дорога на Шлиссельбург, в спрямлённом виде сохранившаяся как часть современного Шлиссельбургского пр. (ср.: цв. илл. 31 и цв. илл. 32). К северу от дороги, на берегу Невы изображена деревянная церковь Покрова Богородицы.

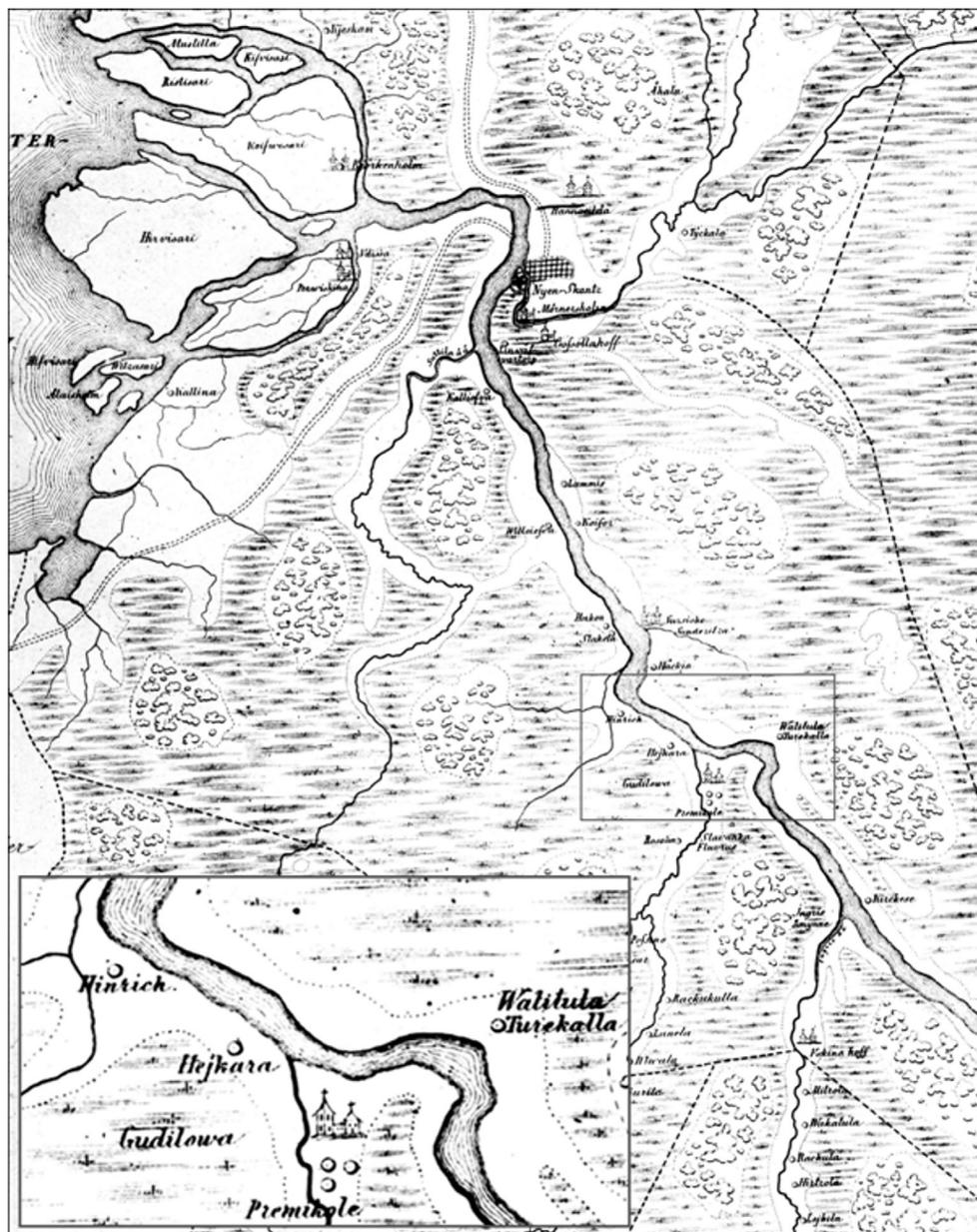

Рис. 2. Система расселения в нижнем течении Невы в XVII в. Фрагмент шведской карты (между 1670 и 1681 гг.)

к пригородному Шлиссельбургскому участку. К концу XIX в. Рыбацкое – одно из крупнейших пригородных сел на Шлиссельбургском тракте (в 1897 г. в нем было 600 домов и проживало свыше трёх тысяч жителей). На топографически более точной карте 1844 г. показана, по-видимому, уже каменная церковь Покрова Богородицы (рис. 7).

В начале 1900-х гг. в Рыбацком проложена пригородная железная дорога, связавшая село с центром Санкт-Петербурга. Большинство жителей Рыбацкого работали на заводах и фабриках Невс-

кой заставы. В 1906 г. через Рыбацкое прошла ветка железной дороги на Вологду, была сооружена крупная грузовая железнодорожная станция. Карта 1909 г. помогает связать исторические карты с современной топографией (рис. 8).

В 1941 г. в окрестностях Рыбацкого проходил один из рубежей внутренней обороны Ленинграда. С 1966 г. посёлок вошёл в городскую черту, тогда же вблизи железнодорожной станции были построены первые кварталы жилых кирпичных домов. В 1984 г. в Рыбацкое провели метро.

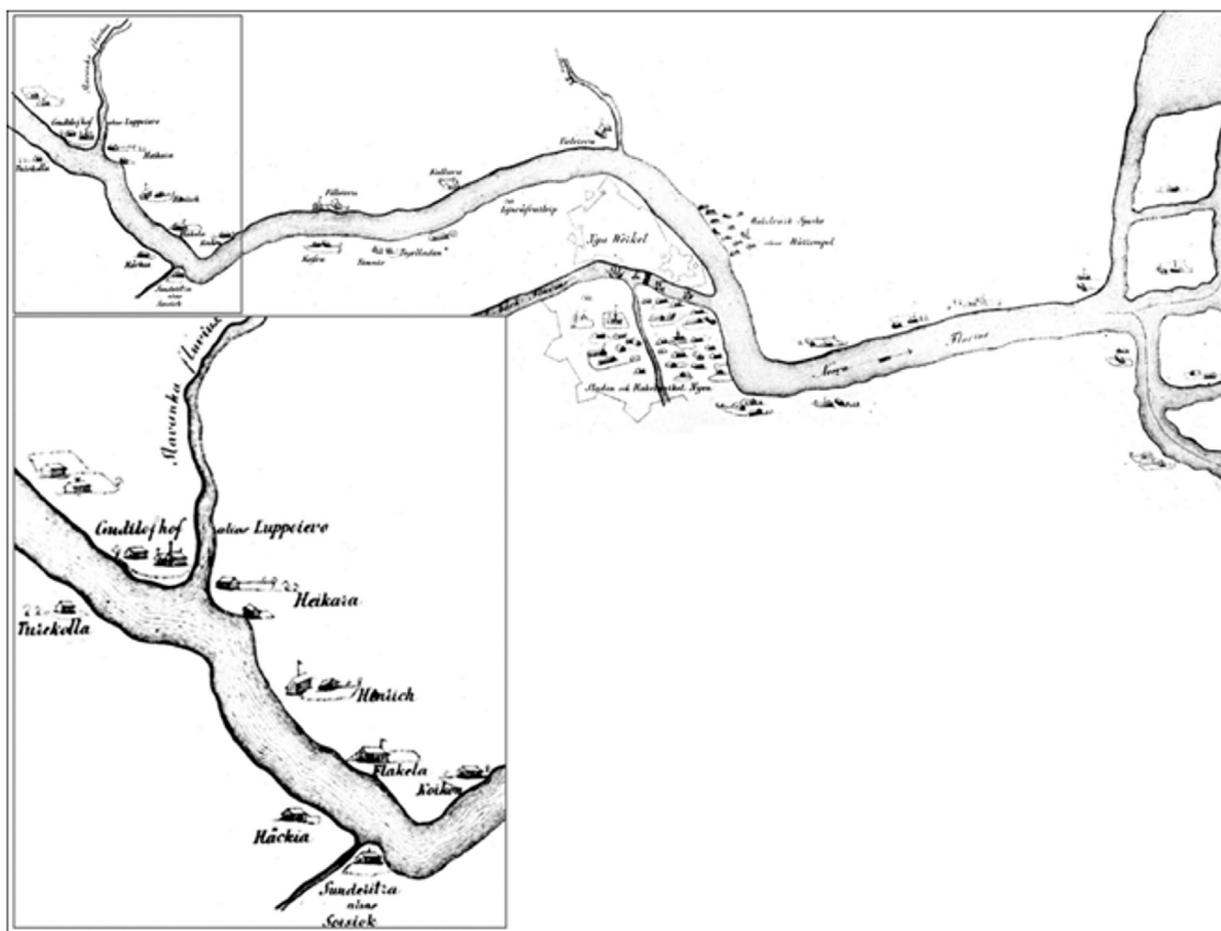

Рис. 3. Нижнее течение Невы в 1681 г. Фрагмент шведской карты (ориентирована севером вниз)

Память о прошлом района хранят несколько уцелевших среди современной застройки исторических сооружений: здание 2-классного училища (до 1980-х гг. школа № 333, Рыбацкий пр., д. 18), здание Дома культуры села Рыбацкое (Рыбацкий пр., д. 2), водонапорная башня, дом причта церкви Покрова Пресвятой Богородицы 1878–1881 гг. (Рыбацкий пр., д. 12); дом (постоялый двор) поэта Фёдора Слепушкина 1820–1830 гг., где бывали А. С. Пушкин, А. А. Дельвиг, А. Мицкевич. Объекты культурного наследия: фундамент церкви Покрова Богородицы и кладбище (между домами 12 и 18 по Рыбацкому пр.), дом причта церкви Покрова Богородицы (Рыбацкий пр., д. 12) и Училищный дом (Рыбацкий пр., д. 18, лит. А).

Церковь Покрова Богородицы в селе Рыбацком

Первая деревянная церковь в Рыбной слободе была построена после 1716 г. Она стояла «по правую сторону» впоследствии возведённого

храма. В 1742–1744 гг. на средства жертвователей была построена каменная церковь, освящённая протоиереем Феодором Дубянским 12 января 1744 г.

В 1784–1792 гг. на средства «царскосельской конторы» был надстроен верхний этаж для размещения летнего храма. В нем 21 июля 1792 г. освящён летний Петропавловский придел. Двухэтажный храм был увенчан небольшим куполом. Над входом возвышалась одноярусная колокольня. После освящения верхнего храма деревянная церковь была разобрана. На месте её престола поставлен кирпичный памятник.

После основания Александровской мануфактуры (до 1802 г.) село Рыбацкое с церковью перешло в ее ведение. В 1806 г. выполнен ремонт нижнего храма. В 1843–1846 гг. стараниями старосты Ф. Н. Слепушкина и протоиерея Феодота Флоровского был отремонтирован верхний храм,

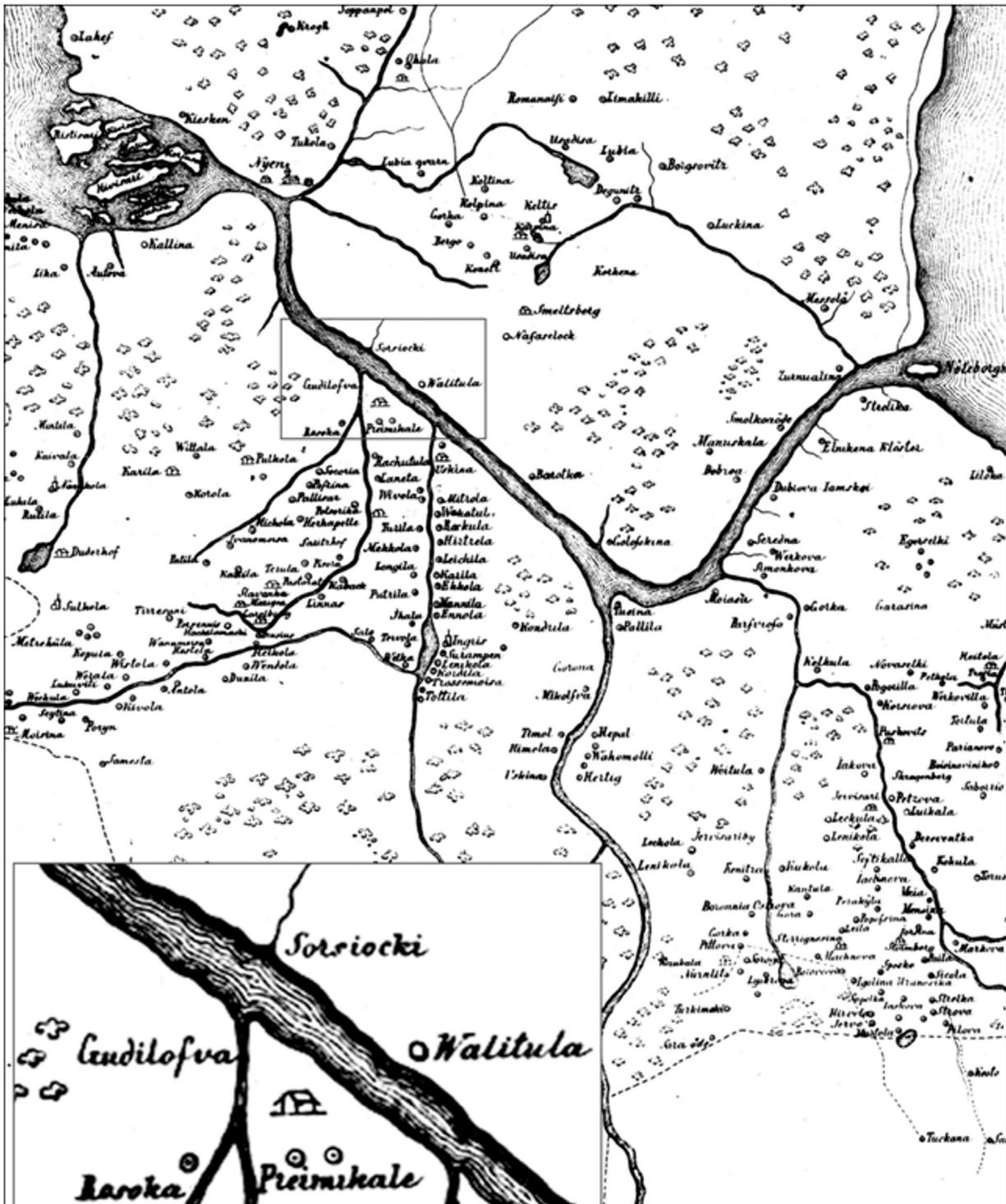

Рис. 4. Бассейн Невы. Фрагмент шведской карты 1699 г.

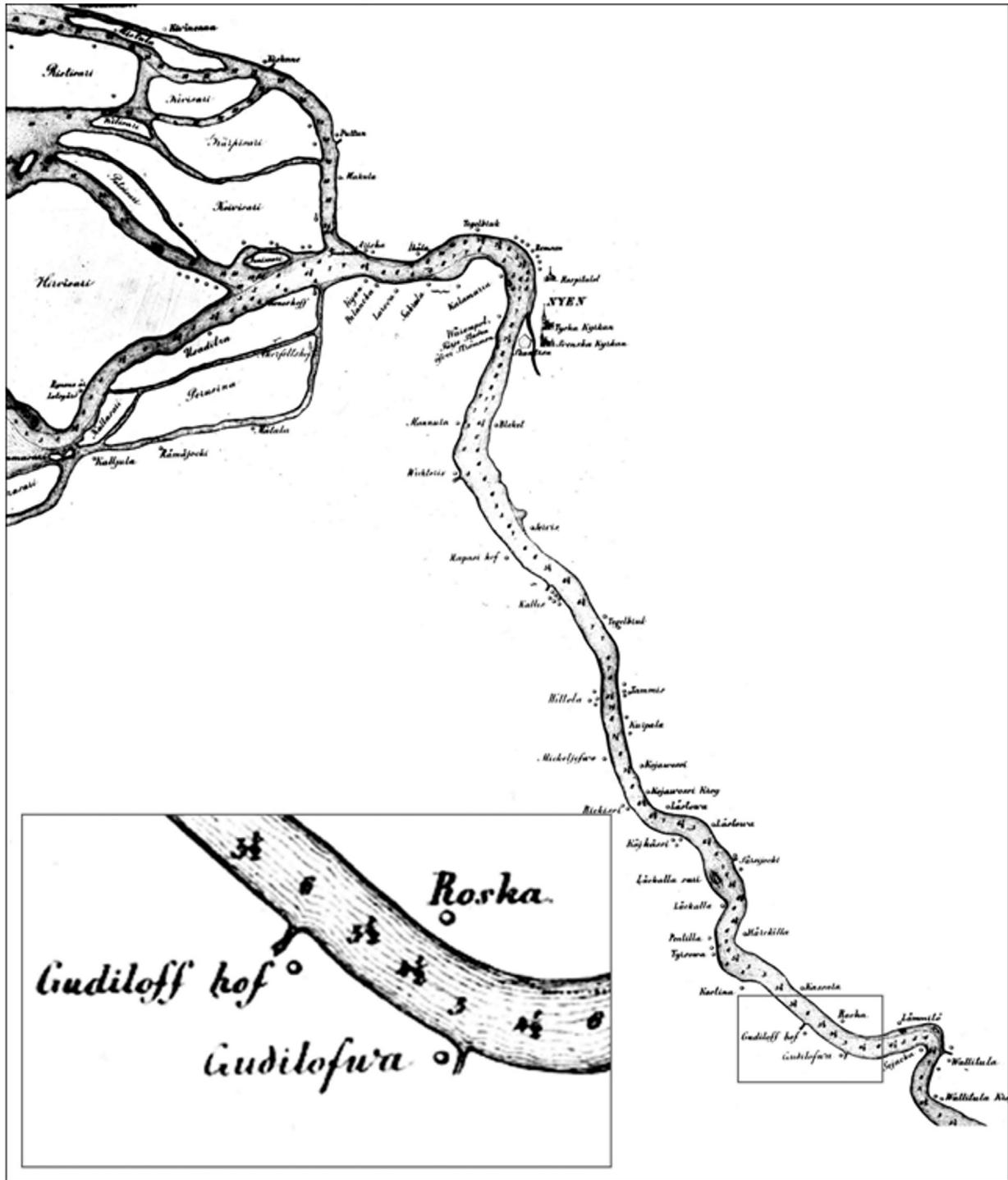

Рис. 5. Нижнее течение Невы. Фрагмент шведской карты 1701 г.

Рис. 6. Нижнее течение Невы. Фрагмент русской карты 1705 г.

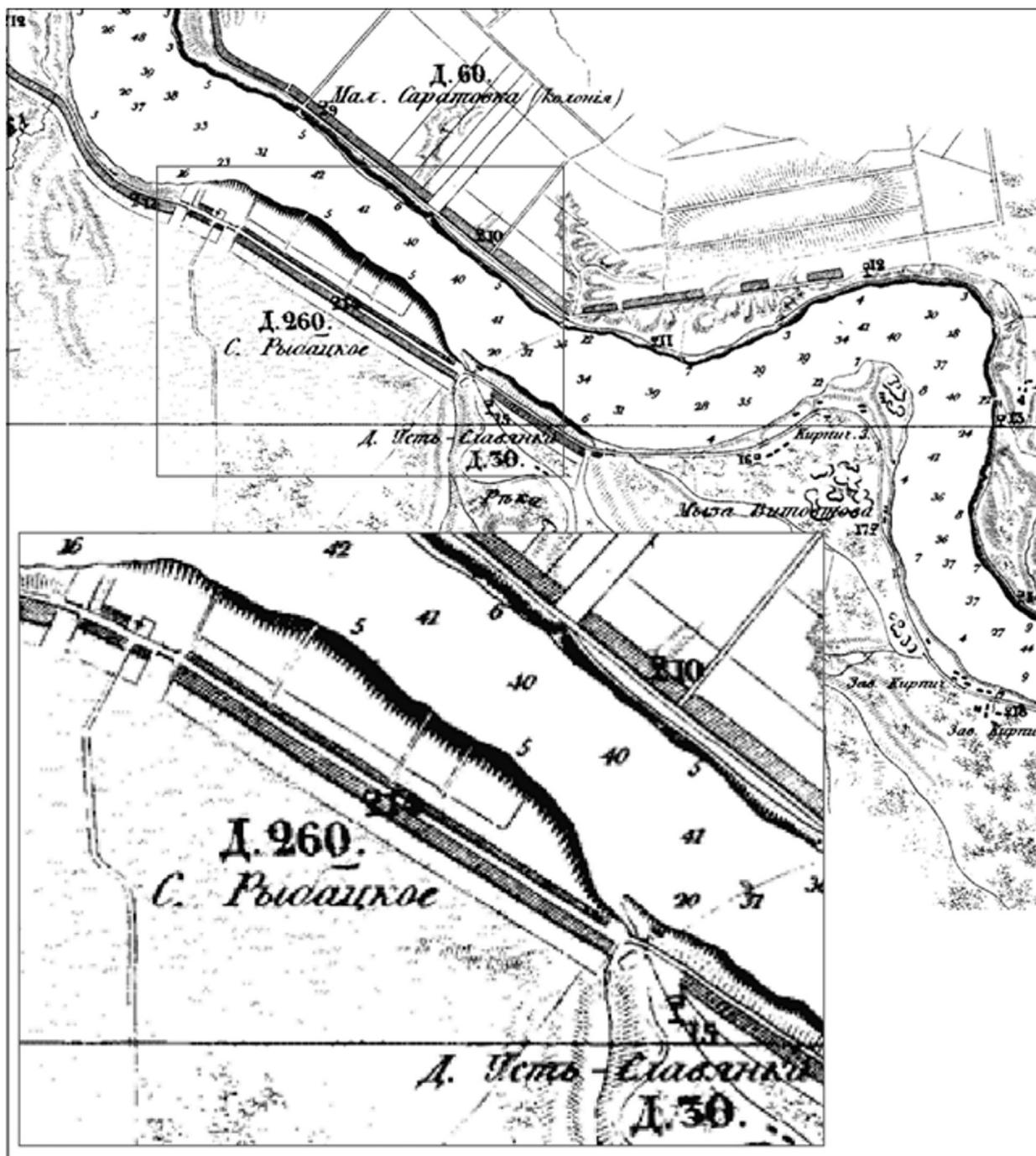

Рис. 7. Село Рыбачье с окрестностями. Фрагмент карты 1844 г.

Рис. 8. Село Рыбацкое с окрестностями. Фрагмент карты 1909 г.

украшенный новым иконостасом и стенными росписями, выполненными Н. Д. Кузнецовым. Одновременно была устроена новая ограда.

В 1862 г. по проекту епархиального архитектора Г. И. Карпова была начата постройка боковых приделов. Одновременно художник Паскин взялся за возобновление иконостасов. Строительство боковых приделов нижнего храма завершено к 1865 г. 29 января 1865 г. они были освящены благочинным протоиреем Иоанном Погоняловым во имя св. Николая (правый придел) и Толгской иконы Божией Матери (левый придел). Верхний придел был вновь освящён во имя святых апостолов Петра и Павла. В 1867 г. отделка нижней церкви была полностью закончена.

Согласно указу от 31 мая 1872 г., в 1872–1873 г. вокруг храма с кладбищем по проекту архитектора И. И. Буланова возведена каменная ограда. При входе в церковь в ней устроены каменные ворота с часовней и калиткой. Сзади церкви, со стороны р. Невы в ограде были сделаны другие каменные ворота. После завершения ремонтных и строительных работ главный алтарь нижнего храма имел длину от Горнего места до Царских врат 3 саж. 1 арш. 8 верш., ширину 3 саж., ширину солеи 2 арш. 8 верш. Длина нижнего храма от

солеи до выходных дверей составляла 6 саж. 2 арш. 4 верш., ширина – 4 саж. 4 верш., высота – 2 саж. 1 арш. 8 верш. Боковые алтари имели длину 2 саж. 2 арш. 4 верш., ширину 2 саж., ширину солеи 1 саж. 1 арш. Длина храма от солеи до задней стены составляла 6 саж. 1 арш.

Верхний храм имел длину алтаря 3 саж. 1 арш. 12 верш., солею шириной 1 саж., длина храма от солеи до выходных дверей составляла 6 саж. 2 арш. 2 верш., ширина – 4 саж. 1 арш., высота 2 саж. 1 верш. Деревянный купол имел высоту 3 саж. 1 арш. «По его откосам» помещались образы Евангелистов. В алтаре верхнего храма был изображён Бог Отец.

В 1900–1901 гг. была осуществлена капитальная перестройка храма по проекту архитектора Д. П. Рябова. В составе проектных чертежей имеются поэтажный плановый чертёж церкви и план её размещения на местности. Храм стал одноэтажным, двусветным. К четырём существовавшим престолом добавлен пятый (три придела внизу, два наверху). Были заново устроены хоры, возведена западная стена. Общие размеры составили 42 x 26 м. Снаружи храм получил пятиглавое завершение и шатровую колокольню. После реконструкции 1900–1901 гг. его вместимость возросла до 3000 человек.

В 1901 г. главный Покровский престол был освящён епископом Нарвским Никоном. В 1903 г. он же освятил левый Петропавловский придел во «вновь построенном храме».

В 1910 г., согласно страховой оценке, церковь во имя Покрова Божией Матери описана как каменная, на каменном фундаменте, двухэтажная, снаружи и внутри оштукатуренная. Снаружи она покрыта железом, окрашенным серой масляной краской, внутри окрашена масляной краской. Крыша (конек?) покрыта бронзой. Длина с колокольней – 18 саж., ширина наибольшая – 12 саж., высота до верха карниза – 4 саж. 2 арш. На церкви имеются одна большая и четыре малых главы, больших окон – 54, малых на главках – 16. Дверей наружных створчатых – 6, внутренних – 10. Иконостас длиной 3 саж., выс. 3 1/2 саж., два иконостаса в приделах св. Николая и св. Петра и Павла длиной 3 саж., выс. 1 саж. 2 арш. 2 верш. Колокольня высотой до верха карниза 10 саж. 2 арш.

Рядом с храмом располагалось старое кладбище. Оно занимало участок «с лицевой стороны по шоссе, от церковного каменного дома и потом по проулку на реку Неву, на протяжении 75 погонных

сажень». Кладбище было «обнесено железной оградой на цокольном фундаменте, с чугунными колоннами, а сзади – забором, часть которого покрыта железом».

В 1930-х гг. храм был закрыт и затем, при расширении и спрямлении Рыбацкого пр., разрушен. Остатки церкви и кладбища расположены на незастроенном пустыре у Рыбацкого пр., рядом с сохранившимся домом причта (Рыбацкий пр., д. 12).

Первые разведочные археологические исследования Покровской Рыбацкой церкви были проведены Санкт-Петербургской археологической экспедицией СЗИ Наследия под руководством П. Е. Сорокина в 2001 г. Проектные чертежи архитектора Д. П. Рябова 1900 г. (ситуационный план церковного участка) позволили с достаточной точностью определить местоположение храма на местности (рис. 9). К моменту начала раскопок

Рыбацкой церкви на местности. В шурфах были обнаружены остатки четырёх внешних стен храма: фундаменты из известняковой плиты и кирпича, заглубленные до 2,2 м, и остатки кирпичных стен. В алтарной части храма была обнаружена известняковая плита квадратной формы, уложенная на основание из кирпичной кладки, которая служила основанием алтаря или жертвенника. Среди строительного мусора найдены фрагменты стеной штукатурки со следами фресковой живописи. В алтарной части и у восточной стены церкви обнаружены человеческие погребения. Эти захоронения, вероятно, относились к кладбищу, окружавшему первую церковь начала XVIII в.

Дом причта церкви Покрова Богородицы в Рыбацком (Рыбацкий пр., д. 12) относится к категории вновь выявленных объектов культурного наследия (рис. 10).

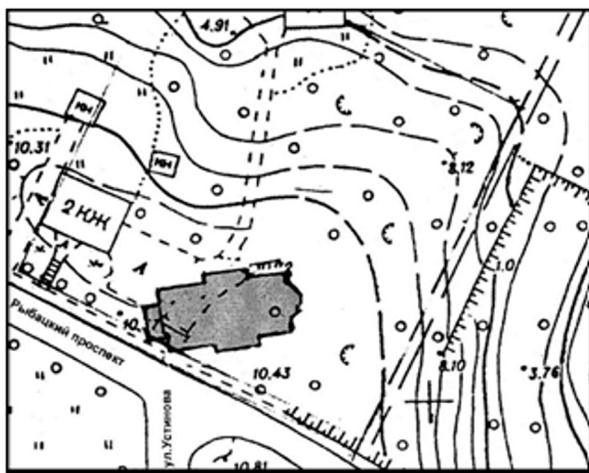

Рис. 9. Ситуационный план фундамента церкви Покрова Богородицы в с. Рыбацком

место расположения храма и старого кладбища представляло собой пустырь с редкой древесной порослью. Алтарная часть храма находилась примерно в 20 м от берегового склона реки Невы.

Для выявления руинированных остатков Покровской церкви в 2001 г. проводились археологические изыскательские работы. Было заложено четыре шурфа, располагавшихся перпендикулярно направлению стен церкви. Их общая площадь составила около 20 кв. м.

В результате разведочных исследований 2001 г. удалось определить местоположение Покровской

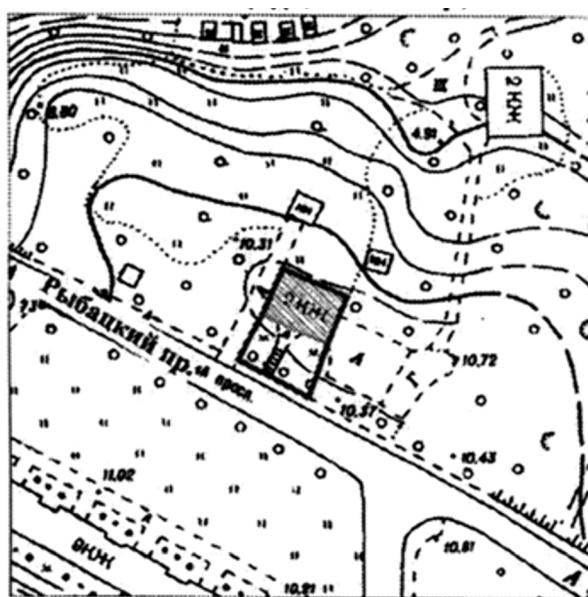

Рис. 10. Ситуационный план дома причта церкви Покрова Богородицы в Рыбацком

Училищный дом (Рыбацкий пр., д. 18, лит. А) относится к категории объектов культурного наследия регионального значения (рис. 11).

Результаты археологических исследований участка

Исследованная площадь расположена на левом берегу р. Невы и с севера ограничена берегом реки,

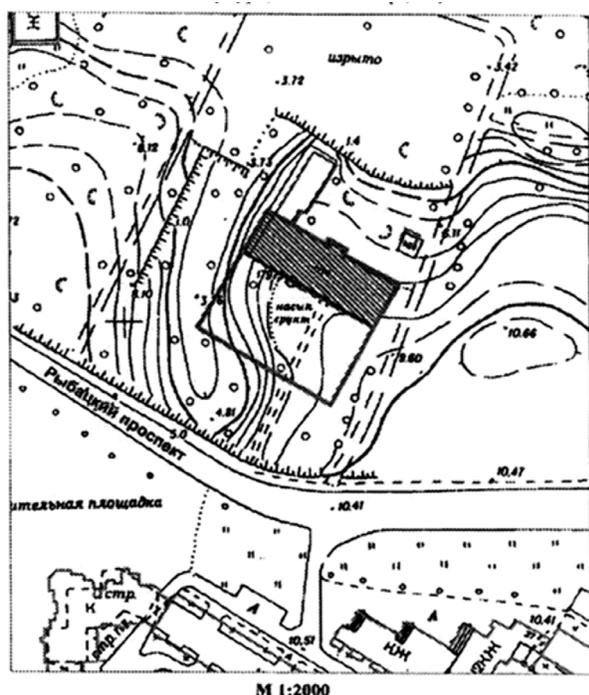

Рис. 11. Ситуационный план Училищного дома в Рыбацком

с востока – Тургеневским переулком, проходящим по небольшому оврагу, с юга – Рыбацким проспектом. С запада естественной границей участка служит небольшой безымянный ручей. Левый берег р. Нева в этом месте высокий, до 10–11 м, с крутым склоном. Участок зарос лиственным лесом. На участке имеется несколько строений: обелиск в честь жителей с. Рыбацкое участвовавших в Шведской войне 1788 г.; трёхэтажное кирпичное здание церковной общины; часовня на месте разрушенной церкви и существовавшего при ней кладбища XVIII – начала XX вв. Все указанные сооружения расположены в южной части участка, на ровной площадке мыса. Ближе к берегу реки, на искусственно выровненной площадке находится кирпичное здание насосной станции.

Десять разведочных шурфов размерами 2,0 x 2,0 м были вырыты в местах планируемого строительства сооружений, которые будут, согласно проекту, заглублены в грунт, а также по краям указанной территории (рис. 12).

Шурфы 1 и 10 (рис. 13; 14) расположены в центральной части мыса, заросшей лиственным лесом, на высоте около 11 м, на расстоянии 14 м к западу от каменного трёхэтажного здания и в 35 м к востоку-северо-востоку от обелиска. Общая площадь шурфов составила 7 кв. м, глубина –

0,90 м. Все прослеженные слои, кроме светло-серого суглинка, насыщены углями, кирпичной крошкой, битым кирпичом и содержат культурные остатки (рис. 15).

В шурфе в слое желтовато-серой супеси на глубине 1,40 м были обнаружены остатки нескольких брёвен диаметром 0,10–0,15 м, залегающих в разных направлениях. Сохранность дерева очень плохая. В северо-восточной части шурфа также были расчищены два деревянных столба диаметром 0,15 и 0,25 м. Судя по направлению и глубине залегания, остатки брёвен связаны с находившейся в этой части участка хозяйственной постройкой, отмеченной на планах начала XX в.

В этой же части шурфа зафиксированы две ямы неправильной округлой формы диаметром около 0,70 м и глубиной 0,66 и 0,80 м (рис. 16). Заполнение ям состояло из серого мешанного суглинка с гумусом, углями и кирпичным боем. В нем были найдены фрагменты фарфоровой столовой посуды XIX в. (крышка с полихромной росписью и стенка большого сосуда, возможно, супницы, с ручкой, украшенной рельефным растительным орнаментом) (рис. 17), кухонной посуды того же времени (фрагменты красноглиняного кувшина, покрытого зелёно-коричневой поливой изнутри) (рис. 18), а также фрагмент румпы печного изразца (рис. 19).

Шурф 2 (рис. 20) расположен на склоне в северо-западной части мыса, на высоте около 10 м, на расстоянии 71 м к северо-западу от каменного трёхэтажного здания и в 45 м к северу от обелиска. Склон в этом месте свободен от деревьев, зарос высокой травой. Глубина шурфа составила 1,60 м. Все прослеженные слои (рис. 21), кроме жёлто-серого суглинка, насыщены углями, кирпичной крошкой, битым кирпичом и содержат культурные остатки. Линза древесной щепы была зафиксирована в восточной и южной частях шурфа и залегала над остатками крупной ямы (землянки?).

В юго-восточной части шурфа была открыта большая яма, продолжавшаяся за пределами раскопа. Она имела неправильную форму и разную глубину от 0,65 до 1,0 м. Яма была заполнена мешанным жёлто-серым и серым суглинком с фрагментами дерева, углём, битым кирпичом. В нижней части ямы были обнаружены вертикально поставленные доски или лаги. Археологический материал, найденный в шурфе (фаянсовая посуда с кобальтовой росписью, печные изразцы, стеклянная посуда), в основном датировался XIX – началом XX вв.

Рис. 12. План расположения шурфов (красные квадраты, арабскими цифрами показана нумерация шурфов)

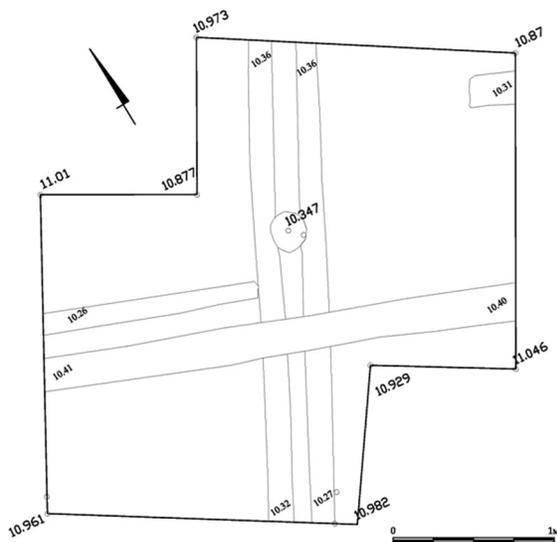

Рис. 13. Рыбацкое. Шурфы 1 и 10. План горизонта 1

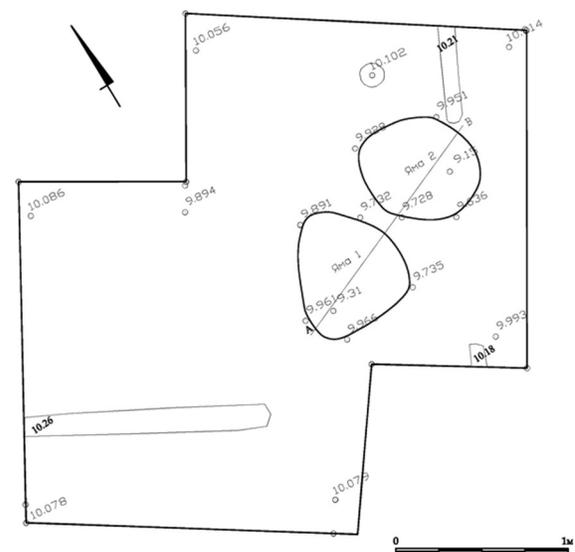

Рис. 14. Рыбацкое. Шурфы 1 и 10. План горизонта 2

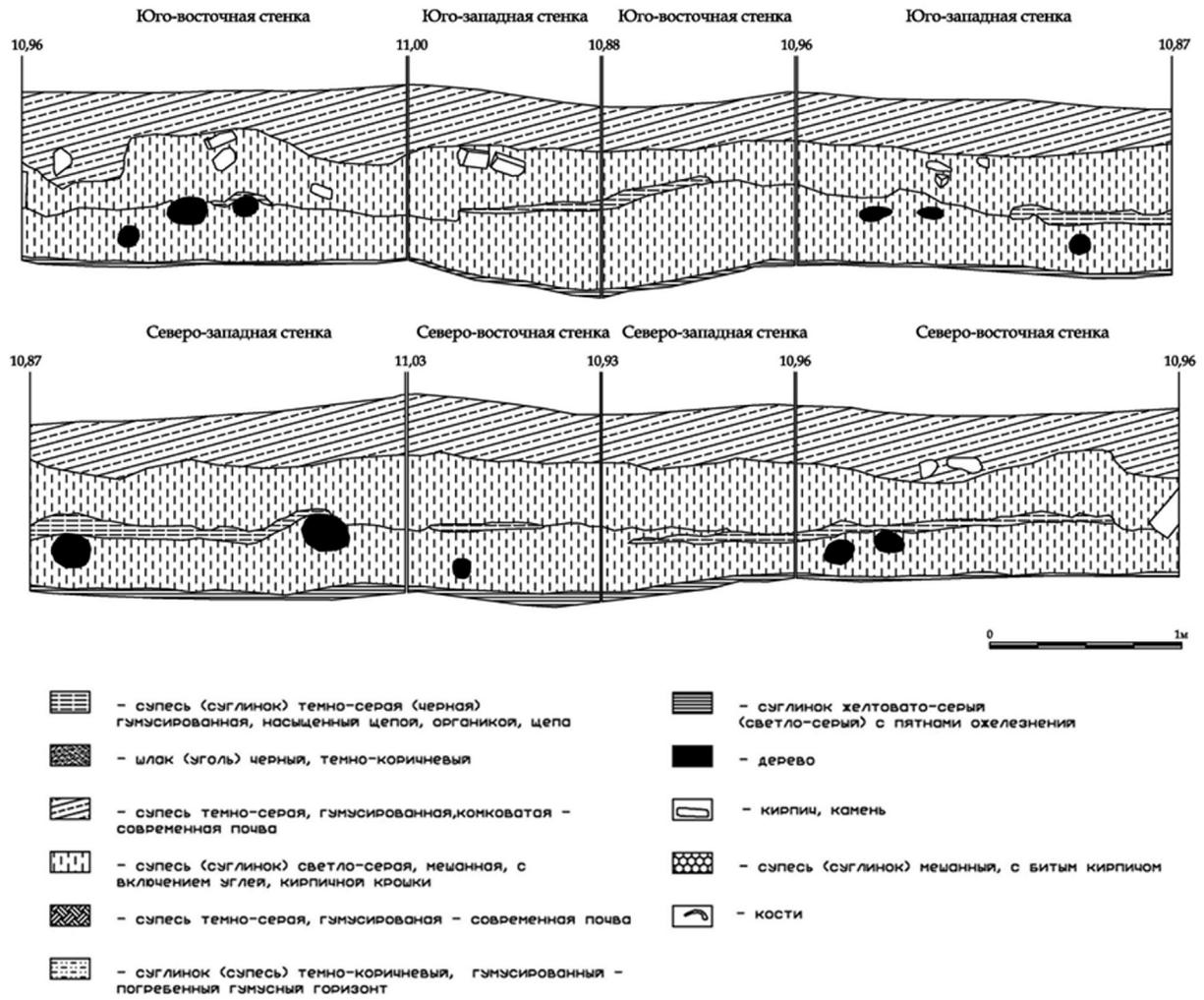

Рис. 15. Рыбацкое. Шурфы 1 и 10. Стратиграфия бортов

Рис. 16. Рыбацкое. Шурфы 1 и 10. Вид с северо-запада

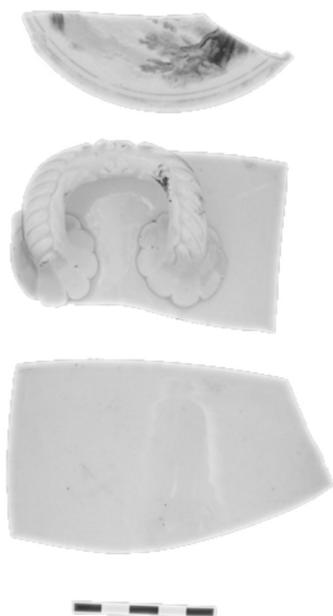

Рис. 17. Рыбацкое. Шурфы 1 и 10.
Фарфоровая посуда

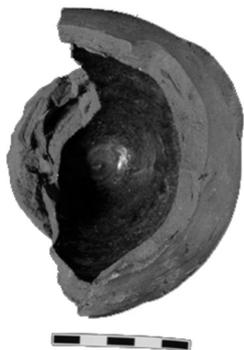

Рис. 18. Рыбацкое. Шурфы 1 и 10.
Глиняный сосуд

Рис. 19. Рыбацкое. Шурфы 1 и 10.
Глиняные изделия.

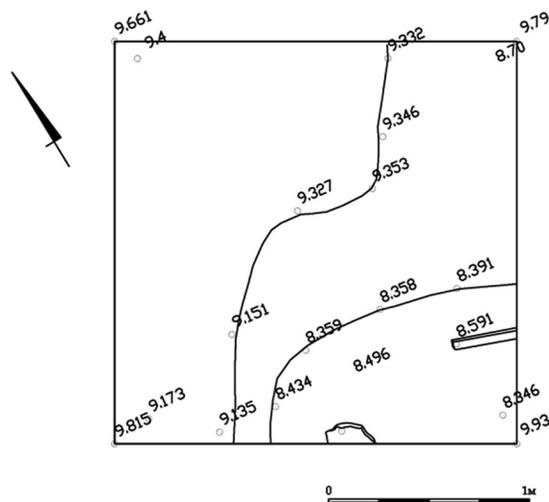

Рис. 20. Рыбацкое. Шурф 2. Общий план

Шурф 3 (рис. 22) расположен в северо-западной части мыса, на высоте около 10 м, на расстоянии 57 м к западу-северо-западу от каменного трёхэтажного здания и в 27 м к северу от обелиска, на восточной обочине грунтовой дороги, идущей от обелиска к берегу реки. На глубине 0,50–0,60 м от дневной поверхности раскопки были остановлены, поскольку в шурфе были выявлены лаги и бревна – остатки деревянной постройки, которые продолжались за пределами шурфа (рис. 23).

В северо-восточном углу шурфа, при разборке слоя тёмно-серой супеси были выявлены остатки сруба из брёвен толщиной до 0,20–0,22 м, отёсанных с внутренней стороны. После снятия слоя мешаной глины в верхней части слоя супеси, насыщенной щепой, были обнаружены три лаги (доски) шириной до 0,28 м и толщиной не менее 0,04 м, лежащие параллельно стенке сруба и уходившие за пределы шурфа. В южной части шурфа, примыкая к стенке сруба, поверх лаг лежали три доски длиной не менее 0,85 м и толщиной 0,03 м, также уходившие за пределы сруба. На доски в два–три слоя были уложены кирпичи (в том числе с клеймом «НЕВА»). Все эти строительные остатки (рис. 24), очевидно, относились к одной из хозяйственных построек, отмеченных на планах начала XX в. К этому же времени относилась и найденная в перемешанном слое медная монета достоинством в 3 коп. чеканки 1883 г. (рис. 25).

Шурф 4 (рис. 26) расположен в северной части мыса, на высоте около 9 м, на расстоянии 37 м

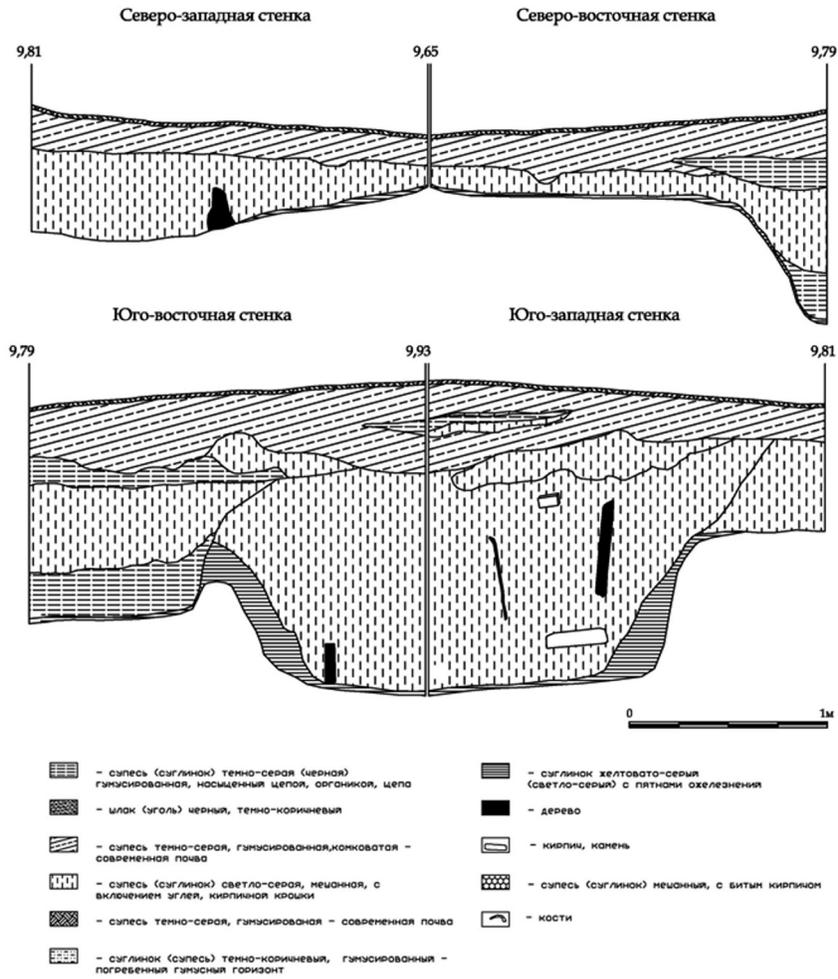

Рис. 21. Рыбацкое. Шурф 2. Стратиграфия бортов.

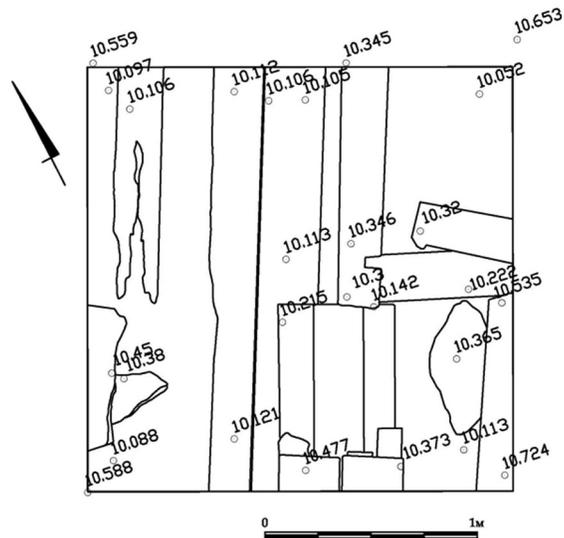

Рис. 22. Рыбацкое. Шурф 3. Общий план

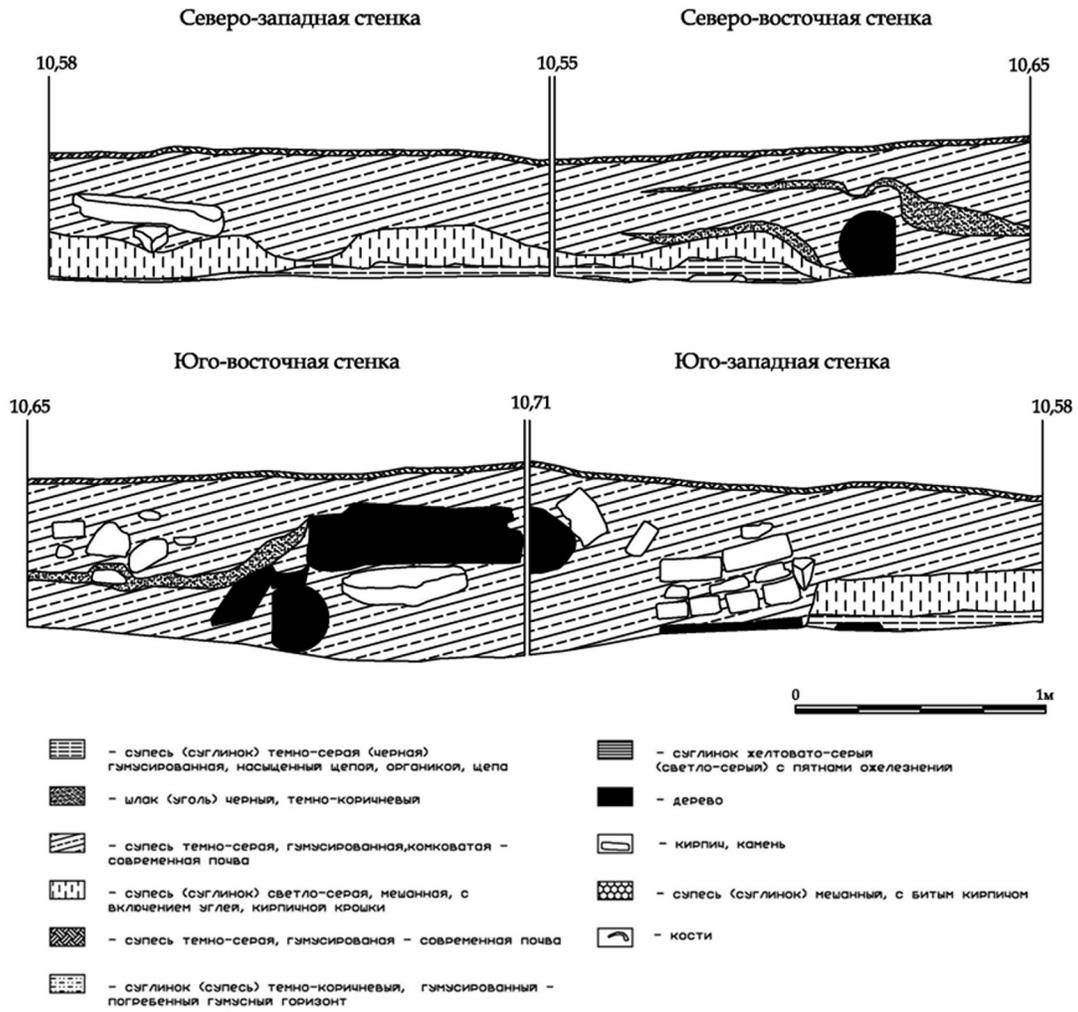

Рис. 23. Рыбацкое. Шурф 3. Стратиграфия бортов.

Рис. 24. Рыбацкое. Шурф 3. Вид с юго-востока

Рис. 25. Рыбацкое. Монеты (шурф 3 справа, шурф 5 слева).

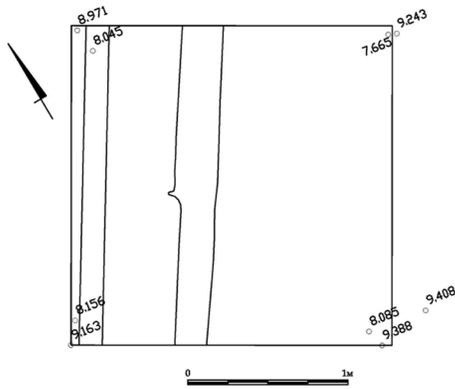
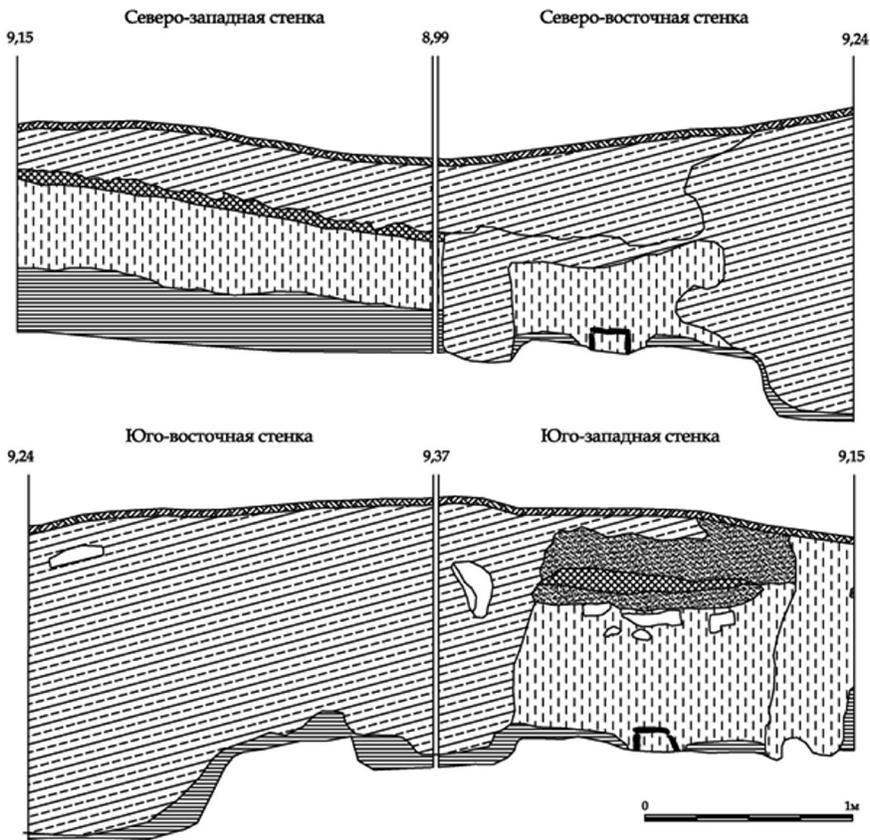

Рис. 26. Рыбацкое. Шурф 4. Общий план

Рис. 28. Рыбацкое. Шурф 4. Фарфоровая тарелка

- Условные обозначения**
	- смесь (суглинок) темно-серая (черная) гумусированная, носменная щепой, органикой, щепой		- суглинок желтовато-серый (светло-серый) с пятнами охлежения
	- шлак (уголь) черная, темно-коричневая		- дерево
	- смесь темно-серая, гумусированная, комковатая - современная почва		- кирпич, камень
	- смесь (суглинок) светло-серая, меланная, с включением зглей, кирпичной крошки		- смесь (суглинок) меланная, с битым кирпичом
	- смесь темно-серая, гумусированная - современная почва		- кости
	- суглинок (смесь) темно-коричневая, гумусированный - погорелый гумусный горизонт		

Рис. 27. Рыбацкое. Шурф 4. Стратиграфия бортов.

к северу от каменного трёхэтажного здания и в 76 м к северо-востоку от обелиска. Шурф был заложен в верхней части склона мыса, около двух надгробных камней датированных началом XX в. (1906 и 1908? гг.) с целью проверки этого участка на наличие погребений. Глубина шурфа достигала 1,60 м (рис. 27).

В западной части шурфа на дне была обнаружена чугунная канализационная труба в деревянном коробе, уходящая за пределы шурфа. В перемешанном слое были найдены фрагменты фарфоровой столовой посуды (стенка и донце фигурной чашки с полихромной росписью и клеймом на донце «Гриііі... /VEB.../53...») (рис. 28), фаянсовой столовой посуды (фрагмент тарелки с росписью зеленой краской по краю), красноглиняной столовой посуды (крышка, обильно украшенная рельефным орнаментом и декоративными штампами), сероглиняной и красноглиняной кухонной посуды с жёлто-зелёной поливой изнутри и без поливы (рис. 29).

Рис. 29. Рыбацкое. Шурф 4. Изделия из фаянса

Шурф 5 (рис. 30) расположен в северо-восточной части мыса, на высоте около 9 м, на расстоянии 34 м к северо-востоку от каменного трёхэтажного здания и в 37 м к юго-юго-западу от здания насосной станции. Глубина шурфа достигала 2,60 м (рис. 31).

В нижней части слоя жёлто-серого мешанного суглинка было выявлено скопление лаг и досок толщиной 0,02–0,04 м. Верхние из них залегали на глубине 1,55–1,70 м от дневной поверхности. В нижней части скопления количество досок возрастало, они залегали, как минимум, в четыре слоя, уложенные на две лаги толщиной 0,05–0,06 м (рис. 32). По всей видимости, все они имели отношение к хозяйственной постройке (сарая),

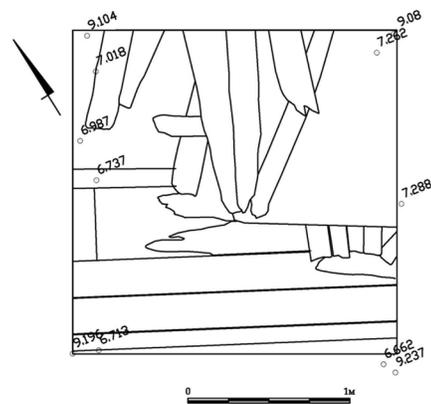

Рис. 30. Рыбацкое. Шурф 5. Общій план

использовавшегося для хранения лесоматериалов и, возможно, связанной с существовавшим здесь кладбищем.

В перемешанном слое была найдена монета достоинством 2 коп. (год чеканки не читался) (рис. 25), фрагмент красноглиняного сосуда с наружной поливой с кобальтовой росписью, фрагменты красноглиняной и сероглиняной кухонной керамики без поливы и с жёлто-зелёной поливой изнутри и линейным орнаментом снаружи, фрагмент квадратной бутылки из каменной массы из-под сельтерской воды, фаянсовый сосудик (аптечный?), кремневый отщеп. Из строительных материалов встречены фрагменты печных изразцов с белой поливой и мелкие фрагменты изразцов с кобальтовой росписью XVIII в. (рис. 33; 34).

Шурф 6 (рис. 35) расположен в восточной части мыса, на высоте около 9 м, на расстоянии 73 м к востоку от каменного трёхэтажного здания и в 80 м к юго-востоку от здания насосной станции. Глубина шурфа достигала 1,20 м (рис. 36). В восточной части шурфа на глубине 0,25–0,28 м от дневной поверхности под слоем битого кирпича был обнаружен развал (?) кирпичной стены на известняковом растворе и плиты известняка, по всей видимости, оставшиеся от разрушенной церкви.

В ходе разборки слоя мешанного жёлто-серого суглинка часто встречались разрозненные человеческие кости. На уровне около 1,10 м от дневной поверхности в северной части шурфа были обнаружены доски гроба и скелет ребёнка. К западу от него найдены кости ног взрослого человека. На этой стадии было решено прекратить раскопки, поскольку эксгумация погребений не входила в задачи археологического обследования данного участка. В перемешанном слое также были найде-

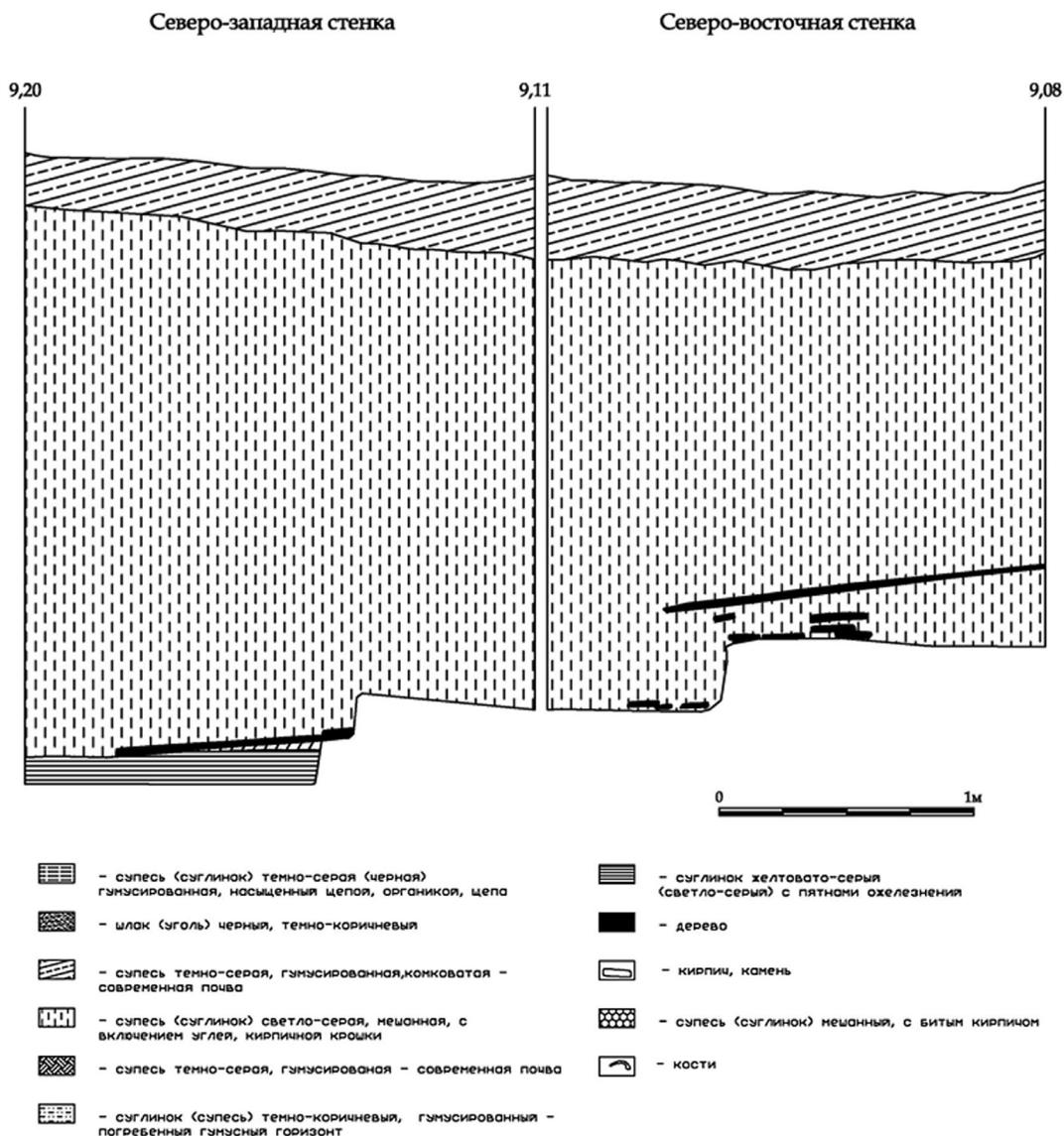

Рис. 31. Рыбацкое. Шурф 5. Стратиграфия бортов.

ны деревянные какрасы кистей разных размеров (рис. 37) от гробов с разрушенного кладбища XVIII–XIX вв.

Шурф 7, глубиной 0,75 м, расположен в центральной части мыса, заросшей лиственным лесом и кустарником, на расстоянии 30 м к северо-западу от каменного трёхэтажного здания и в 42 м к северо-востоку от обелиска, на высоте около 10 м.

В перемешанном слое были найдены две медные монеты (достоинством 2 коп. 1861 и 1864(?) г. чеканки (рис. 38), предметы из цветного металла: чайная ложка, подсвечник, набалдашник с отверстием (рис. 39), костяные кольцо и пуговица

(рис. 38), почти целый белоглиняный низкий горшок с жёлто-зелёной поливой изнутри (рис. 40), фарфоровая цилиндрическая аптечная банка (высотой 5 см), фрагмент фаянсовой тарелки с монохромной растительной росписью коричневого цвета, фрагмент фарфоровой тарелки с клеймом в виде серпа и молота «Ц/ Ф Ф/ Т, ДМИТРОВСКАЯ СТ...», датируемый 1920–1940 гг. (рис. 39).

Шурф 8 (рис. 41), глубина до 1,80 м, расположен в центральной части мыса, заросшей лиственным лесом и кустарником, на высоте около 10 м, на расстоянии 38 м к северо-западу от каменного трёхэтажного здания и в 28 м к северо-востоку от обелиска.

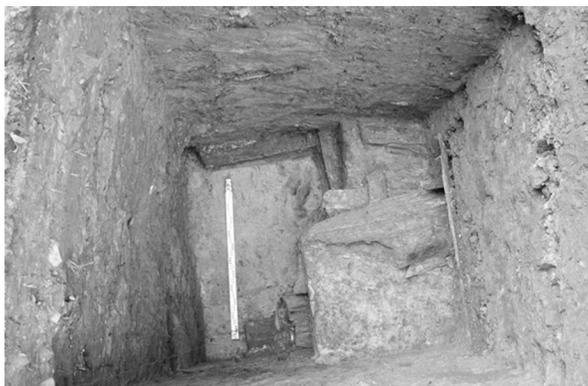

Рис. 32. Рыбацкое. Шурф 5. Общій вид

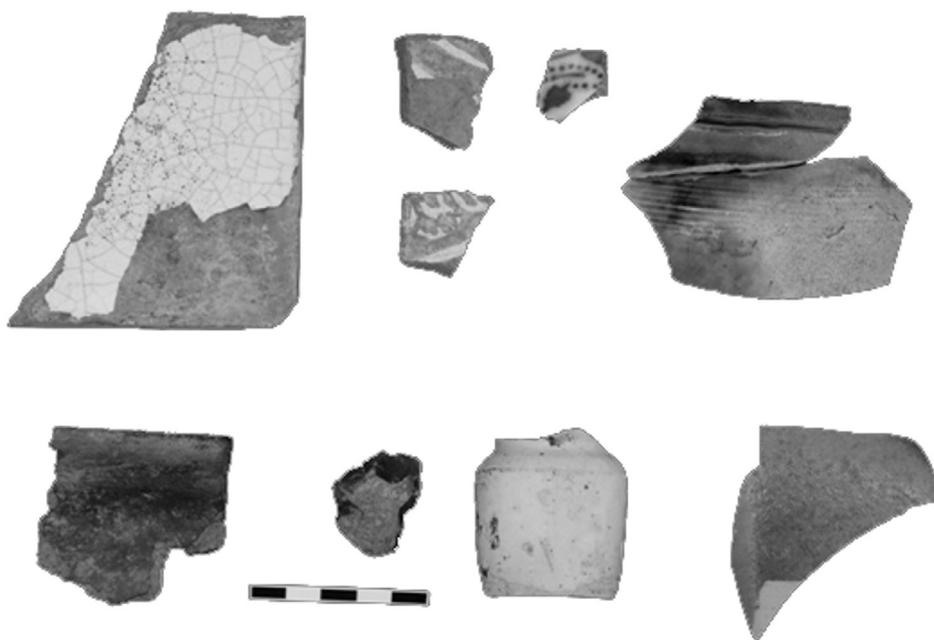

Рис. 33. Рыбацкое. Шурф 5. Изделия из глины, фаянса и фарфора

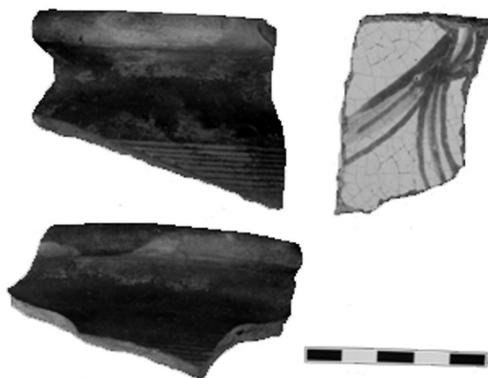

Рис. 34. Рыбацкое. Шурф 5. Находки

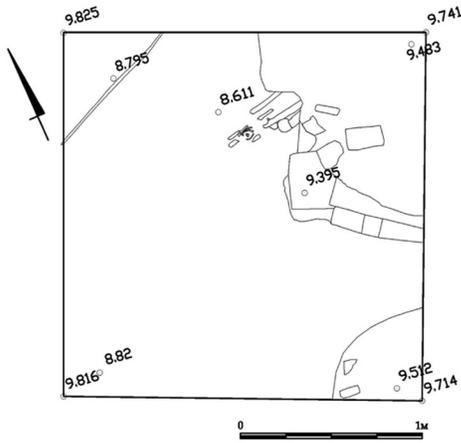

Рис. 35. Рыбацкое. Шурф 6. Общий план

В шурфе обнаружены остатки деревянной постройки и культурные отложения (рис. 44), насыщенные артефактами XIX–XX вв. Контуры угла постройки, которая была ориентирована по линии северо–северо-запад – юго–юго-восток, были выявлены уже на глубине 0,25–0,30 м от дневной поверхности. Она была срублена из брёвен толщиной 0,20–0,22 м, отёсанных с внутренней стороны. В южной стенке постройки было прослежено семь венцов, в восточной – шесть. Сохранившаяся глубина сооружения, вероятно подвала, – 1,50 м, на этом уровне был расчищен дощатый пол, сложенный из досок шириной 0,29 м (рис. 43).

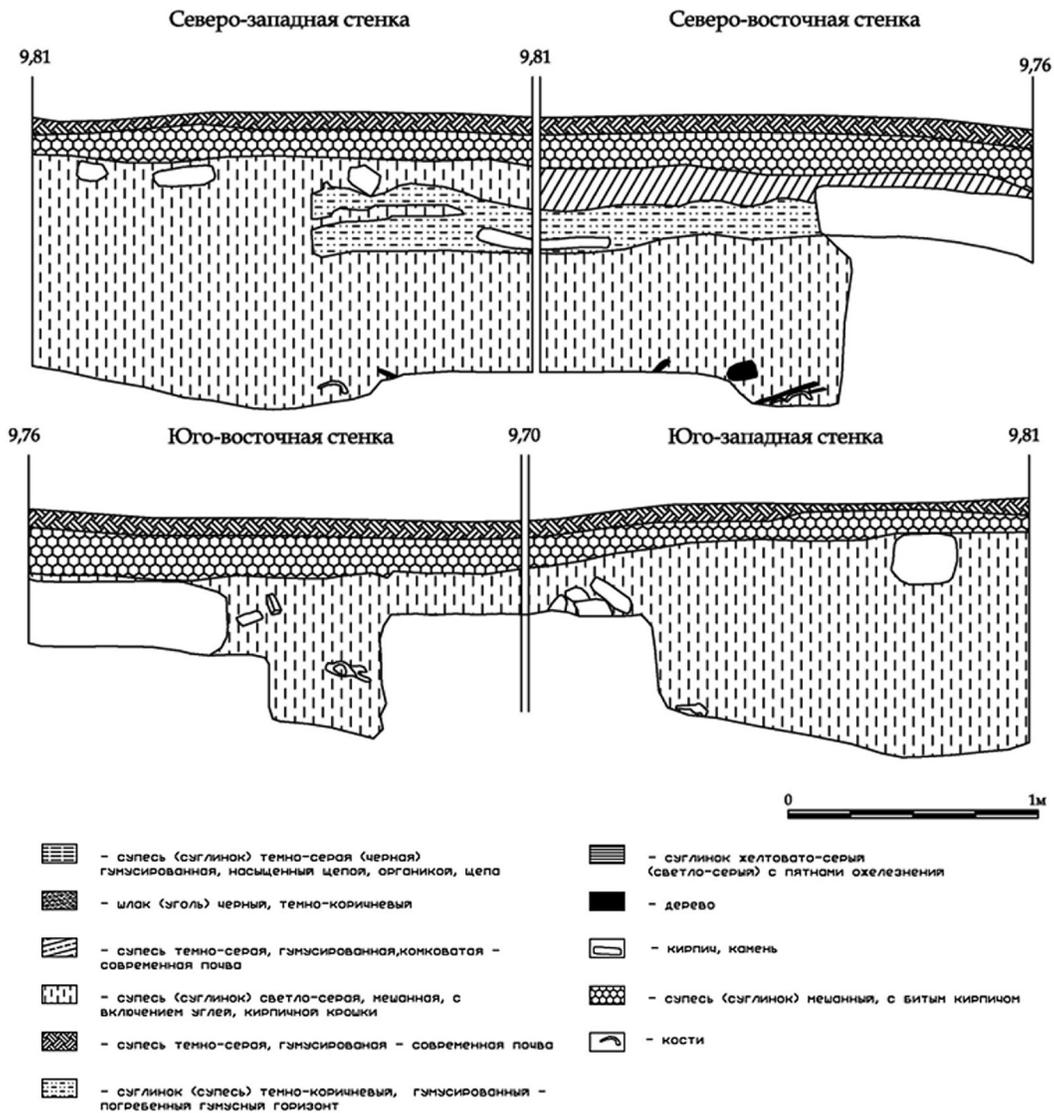

Рис. 36. Рыбацкое. Шурф 6. Стратиграфия бортов.

Рис. 37. Рыбацкое. Шурф 6. Деревянные какркасы кистей

Рис. 38. Рыбацкое. Шурф 7. Монеты, изделия из кости

Рис. 39. Рыбацкое. Шурф 7. Находки

Рис. 40. Рыбацкое. Шурф 7. Глиняный горшок

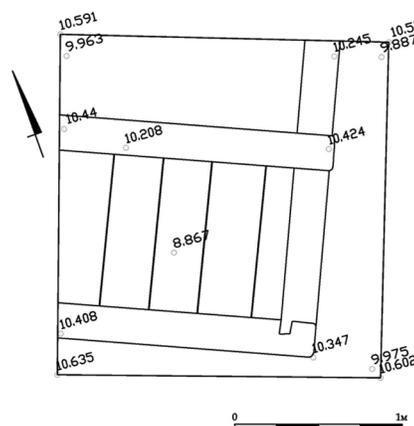

Рис. 41. Рыбацкое. Шурф 8. Общий план

В перемешанном слое было обнаружено большое количество фрагментов посуды: два фарфоровых блюда с полихромной росписью (цв. илл. 29), одно из них с клеймом в виде двуглавого орла и подписи «Т-ва/ М.С.КУЗНЕЦОВА/ Д. Ф.», фарфоровая чашка с розовой полоской и клеймом в виде двуглавого орла и подписи «Т-ва/ М.С.КУЗНЕЦОВА», маленький чайник с полихромной сюжетной росписью, фигурное блюдо с рельефным орнаментом и голубой окраской по краю, фарфоровая чашка с сюжетной полихромной росписью (ловля рыбы) и советским клеймом; дно фаянсовой тарелки с клеймом «А. И. ВИНОГРАД... /НОВЫЙ-ДВОРЬ/ Варшавской губ.», дно тарелки с клеймом в виде пятиконечной звезды, серпа и молота и надписи «Ц. / Ф. Ф./ Т./ Коминтерн, ст. Волхов окт. ж.д.» (1920–1940-е гг.), край тарелки с кобальтовой росписью растительного характера, сероглиняная и красноглиняная посуда без поливы и с желто-зелёной поливой изнутри, красноглиняные кувшины с желто-зелёной поливой

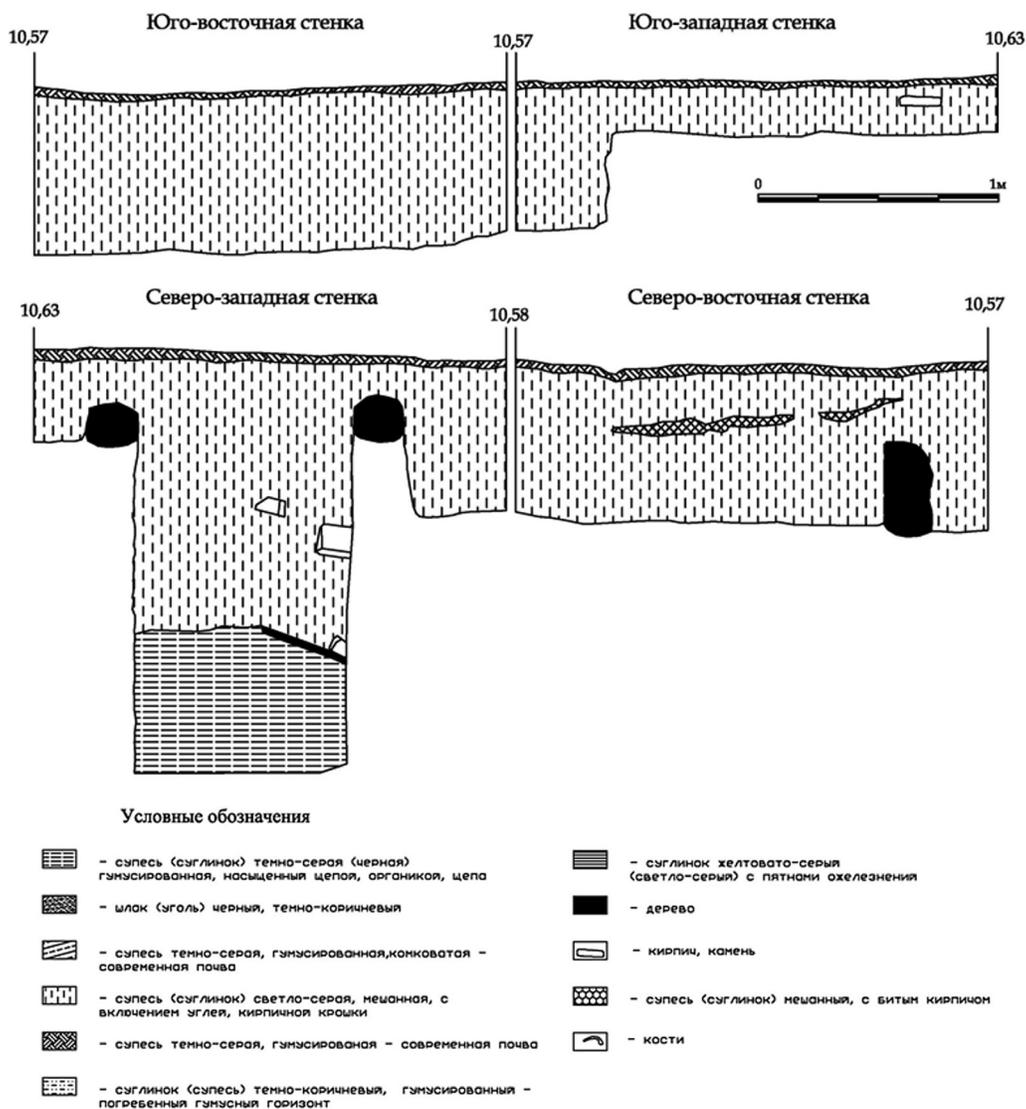

Рис. 42. Рыбацкое. Шурф 8. Стратиграфия бортов.

внутри, большое количество фрагментов стеклянной посуды (цв. илл. 30), банка с рельефным клеймом в виде серпа и молота и надписи «Кондитерская фабрика», трёхгранный бутылёк с рельефной поверхностью и надписью «Мъра на 2 бутылки», шестигранная и круглая аптечные бутылочки голубого и зеленого стекла соответственно, гранёный стакан прозрачного стекла с клеймом на дне в виде двуглавого орла и подписи «Нечаева-Мальцова», сосуд неясной формы прозрачного стекла с рельефным клеймом в виде пятиконечной звезды внутри подковы, бутылка зелёного стекла с рельефным клеймом «ДЕПАРТ. ТОРГ. И МАНУФ./ С.П.<ЕТЕРЬ>УРГЪ/ УЧР. 1863», керамическая ручка с внутренним продольным отверстием и костяной мундштук (цв. илл. 29).

Рис. 43. Рыбацкое. Шурф 8. Вид с северо-запада

Рис. 44. Рыбацкое. Шурф 9. Вид с северо-запада

Рис. 45. Рыбацкое. Шурф 9. Находки

Шурф 9 (рис. 44), глубиной до 1,05 м, расположен на склоне мыса, на высоте около 8 м, в северной части обследованного участка, на расстоянии 43 м к северо-северо-западу от каменного трёхэтажного здания и в 58 м к северо-северо-востоку от обелиска. В северной части шурфа на уровне материка были обнаружены две ямы. Яма 1 неправильной формы, размерами 1,60 х 0,70 м и глубиной 0,65 м, находилась в северо-западном углу шурфа. Она была заполнена светло-серой мешаной супесью с углями, гумусом и обломками кирпичей. В нижней части ямы найден скелет коровы(?). Яма 2, размерами 0,80 х 0,30 м и глубиной 0,40 м, расположена в северо-восточном углу шурфа. Заполнение ямы – тёмно-серая, гумусированная супесь с обломками кирпичей и углями.

В перемешанном слое найдены фрагменты кухонной керамики, фаянсовая помидная банка с синей наружной поливой и бежевой внутренней; интересной находкой является обожжённое керамическое грузило, сделанное из кирпичной массы (рис. 45). По характеру керамического теста грузило можно датировать XIX – началом XX вв.

Заключение

Исследования, проведённые в границах земельного участка церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Рыбацком, показали, что 1) во всех исследованных шурфах присутствует культурный слой XVIII, XIX и XX вв.; 2) культурные слои XVIII и XIX вв. перекрыты мощным мусорным слоем 30-х гг. и середины XX в., когда церковь была разрушена, а на Рыбацком проспекте проводились ремонтные работы; 3) в шурфе 5 прослежены плохо сохранившиеся остатки деревянной конструкции, возможно хозяйственной постройки конца XVIII – начала XIX вв.; 4) в шурфах 3 и 8 открыты фрагменты стен подвальной части деревянного сооружения, которому на плане архитектора Д. П. Рябова соответствует хозяйственное строение XIX века, не противоречит этой дате и обнаруженная в заполнении шурфа 8 медная монета 1814 (1819?) г.; 5) в шурфах не найдено ни одного захоронения, незатронутого более поздней деятельностью; 6) шурф 4, впущенный рядом с каменными обелисками в мощный мусорный слой середины XX в., не обнаружил могильных ям под ними; 7) почти в каждом из шурфов были найдены доказательства разрушения кладбища в первой половине XX века, к которым относились части человеческих костей, петли и фрагменты досок от гробов, обломки надмогильных памятников и крестов.

Источники и литература

- Антонов В. В., Кобак А. В. 1996–1997. Святыни Санкт-Петербурга. Историко-церковная энциклопедия в трёх томах. СПб.
- Богданов А. И. 1997. Описание Санкт-Петербурга. СПб. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. 1883. Т. VII. СПб.
- Лаппо-Данилевский А. С. 1913. Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником. СПб.
- Сергий. 1905. Карты Водской пятины и её погостов в 1500 г. (Сост. архимандрит Сергий). СПб.
- Сорокин П. Е., Андреева О. В., Берташ А. В., Бельский С., Михайлова Е. Р., Пирогова А. Н., Семенов С. А., Соболев В. Ю. Научный отчёт по уточнению границ археологической охраны старейших храмов Санкт-Петербурга в 2001 г. 2001. Часть 1. Текст. Часть 2. Альбом иллюстраций (КГИОП. Ф. 950, VI-22, Н-5241, Н-5084). СПб.
- Сорокин П. Е., Пирогова А. Н. 1998. Утраченные Храмы Петербурга – памятники археологии // Церковная археология. Вып. 2. СПб.

Колокольня Смольного монастыря

В. А. Лапшин, И. А. Гарбуз, А. Ю. Городилов, А. И. Мурашкин,
Т. Р. Садыков, Н. Ф. Соловьёва

Ансамбль Смольного монастыря в Санкт-Петербурге – один из шедевров русской архитектуры XVIII в. – имел сложную судьбу. Строительство заканчивалось после смерти автора проекта. Доминанта ансамбля – пятиярусная колокольня так и не была достроена. О замысле Ф.-Б. Растрелли мы можем судить только по хранящемуся в музее Академии художеств макету. Чертежи фундаментов колокольни не сохранились. После того, как недостроенная колокольня была разобрана в XIX в., информация об ее архитектурных характеристиках может быть получена только в результате археологических исследований.

Закладка монастыря состоялась 30 октября 1748 г.¹ Над первоначальным вариантом проекта Ф.-Б. Растрелли работал до 1749 г. Наличие колокольни над въездными воротами в монастырь было предусмотрено уже в первом варианте проекта. Первый вариант не получил одобрения императрицы, 12 июля 1749 г. она указала Растрелли создать собор «не по римскому мануиру», а пятиглавым по образцу Успенского собора в Кремле, но «только б была снаружи и внутри с приличным греческой церкви украшением и светлее». Предлагалось также построить колокольню в монастыре «такой, как здесь Ивановская большая колокольня». Для сравнения с указанным заказчицей образцом архитектору был выслан из Москвы чертёж колокольни Ивана Великого.

Новый проект с пятиглавым собором и 140-метровой пятиярусной колокольней был утверждён в 1750 г. Следующим этапом проектирования было создание деревянной модели монастыря. Указание строить модель было дано императрицей после утверждения проекта монастыря 1750 г. Изготовление модели, начатое в 1750 г., было закончено в 1756 г. В процессе изготовления модели продолжалась доработка проекта. Планово-объёмная схема основания колокольни осталась неизменной: первый этаж представлял собой плановый прямоугольник с мощным основанием колокольни в центре, представляющим собой

четыре опоры по сторонам от центрального проезда на территорию монастыря (цв. илл. 31).

Весной или летом 1751 г. началось рытьё ямы под фундамент колокольни и забивка свай. Котлован имел глубину 2 сажени (4 м). В 1751–1753 гг. под фундамент колокольни было забито 10 539 свай длиной от 2 до 6 сажень (4–12 м). К осени 1757 г. была закончена закладка фундамента. Со смертью императрицы Елизаветы Петровны (25 декабря 1761 г.) работы по строительству монастыря не были остановлены, но финансирование сократилось и темпы строительства замедлились. В 1765 г. возводился цокольный этаж колокольни.

В 1767 г. строительство колокольни было остановлено на уровне «первого этажа», как говорится в документах. На месте колокольни был возведён двухэтажный корпус, в центре которого устроен проезд на территорию монастыря. Первый ярус колокольни по проекту фланкировался двумя небольшими помещениями с высоким цокольным этажом. По высоте и расположению этажей фасады этих боковых крыльев колокольни совпадали с прилегающими каре монастырских келий. После 1768 г. слово «колокольня» исчезает из отчётных документов, по-видимому, недостроенное сооружение фигурирует в списках под названием «караульни» и «швейцарской».

После отъезда Ф.-Б. Растрелли за границу в 1764 г. завершение строительства было поручено Ю. М. Фельтену. В задачи архитектора входило приспособление помещений Воскресенского Новодевичьего монастыря для размещения в нем Института благородных девиц.

В 1802–1803 гг. Антонио Порто, занимавший тогда пост архитектора Общества благородных девиц, возвёл на месте колокольни трёхэтажный корпус дортуаров (спальных корпусов) института. Корпус располагался в центральной части западной стороны монастыря, и имел низкие ворота в центре для проезда на территорию института. Неясен характер использования фрагментов колокольни при строительстве здания А. Порто. Однако так как колокольня была достроена до верха первого

¹ История строительства изложена на основании исторической справки А. М. Зориной.

яруса, можно предположить, что её стены были включены в здание дортуаров.

Одновременно с работами архитектора В. П. Стасова по возобновлению и завершению собора (1832–1835 гг.), была проведена перестройка западного фасада монастыря. Работы проводились по указанию (и карандашному наброску) императора Николая I, который пожелал устроить «прямой подъезд» к храму. В ходе работ в 1833 г. были разобраны флигель, возведённый в 1802–1803 гг. на основании колокольни в середине западного крыла каре, и центральная часть западного фасада ограды. Фундамент колокольни, на котором был сооружён корпус дортуаров, был, по-видимому, сохранен: в перечне документов, относящихся к перестройке, имеется дело «Об оставлении фундамента колокольни без выемки».

Таким образом, судя по известным письменным источникам, в настоящее время остатки колокольни могут представлять собой фундаменты, скорее всего, из известняковой плиты. Известно, что для строительства колокольни были использованы «госненская плита» и «дикий морской камень» (гранит). Под фундамент был выкопан котлован, в дно которого вплотную друг к другу забиты деревянные сваи длиной от 2 до 6 сажений. Соотношение основания колокольни с основаниями построенных В. П. Стасовым флигелей пока неясно. Для того чтобы подтвердить факт наличия фрагментов фундамента колокольни и идентифицировать части строения, необходимо было провести археологические изыскания на месте, где располагалась колокольня (цвю илл. 32).

Весной 2009 г. между ИИМК РАН и ЗАО «Озерки» был заключен договор на производство археологических работ. Главная задача полевых археологических исследований (с помощью закладки двух разведочных шурфов, размерами 4 x 4 м) состояла в установлении наличия фрагментов фундамента колокольни. Работы были проведены в октябре 2009 г. Так как чертежи фундамента не сохранились, точная привязка шурфов была невозможна, поэтому шурф 1 был заложен над предположительно юго-восточной частью фундамента колокольни, шурф 2 – над северо-западной.

В результате проведённых исследований в двух шурфах были выявлены фрагменты фундамента, сложенного из известняковой плиты на известковом растворе (рис. 1; 2).

Собрана большая коллекция находок, среди которых отметим большемерный кирпич середины

XVIII в., фрагменты фигурного кирпича и другие архитектурные детали, характерные для построек стиля барокко, предположительно относящиеся к декору колокольни (рис. 3). В слое, перекрывающем фундамент, преобладали находки, относящиеся ко второй половине XVIII в., в том числе фрагменты фаянсовой посуды с датами в клеймах: 1772, 1773 и 1774 (рис. 4). Коллекция представляет значительный интерес для изучения архитектуры и материальной культуры Санкт-Петербурга второй половины XVIII в.

Рис. 1. Шурф 2. Основание фундамента колокольни Смольного монастыря. Вид с юга

Рис. 2. Шурф 2. Основание фундамента колокольни Смольного монастыря. Фрагмент кладки в южной части шурфа. Вид с востока

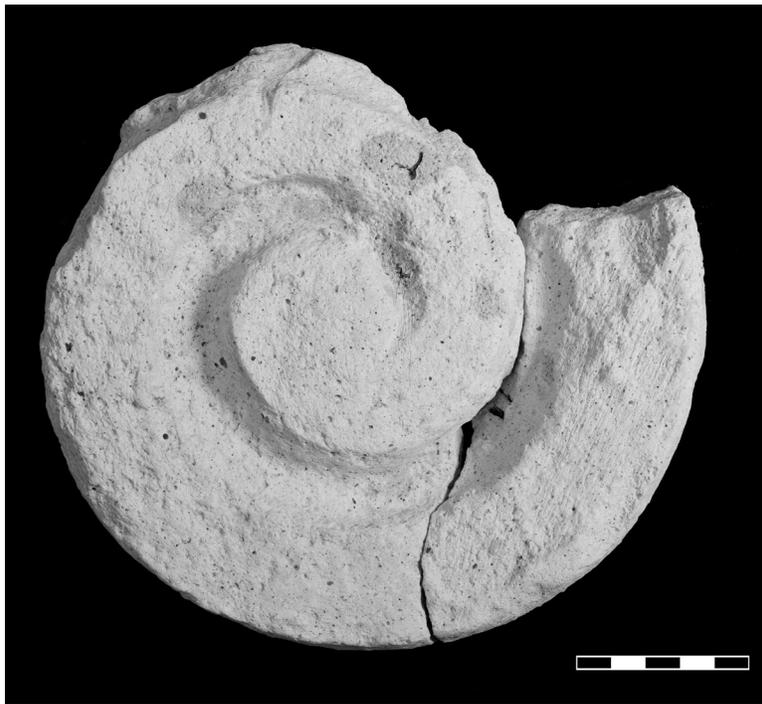

Рис. 3. Архитектурная деталь середины XVIII в.

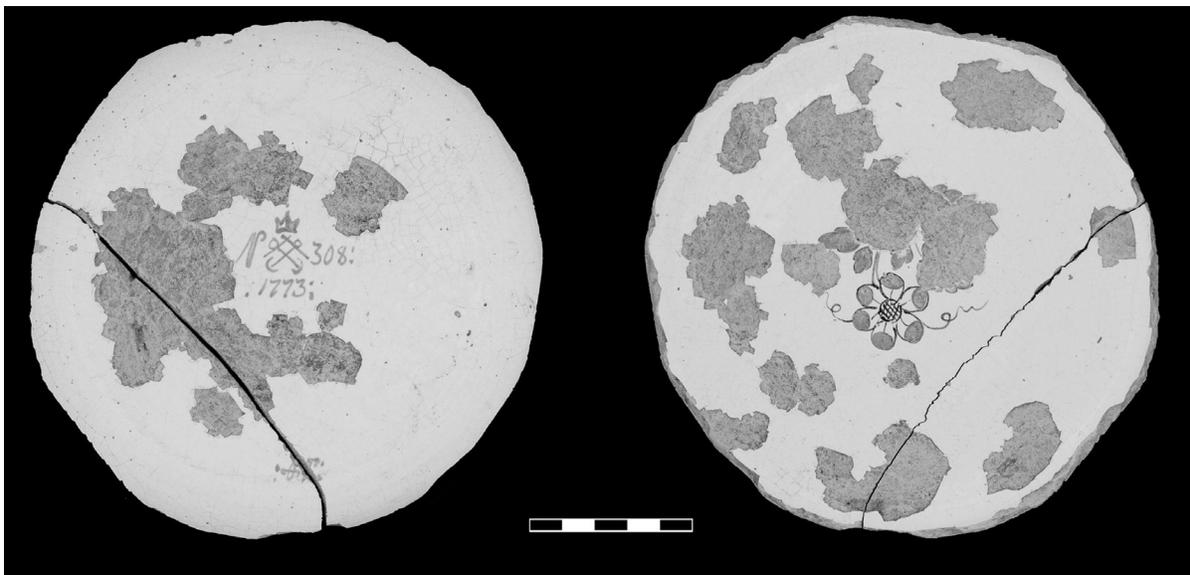

Рис. 4. Дно фаянсовой тарелки с клеймом и датой 1773 г.

В целом состав и характер находок предположительно позволяют связать вскрытые слои со строительной историей колокольни, а именно: строительство из большемерного кирпича середины XVIII в.; накопление культурного слоя с бытовыми находками второй половины XVIII в.; разборка стен сооружения в 30-е гг. XIX в., в результате которой образовался котлован, заполненный окружающим культурным слоем второй половины XVIII – начала XIX вв.

Вместе с тем, следует отметить, что характер и форма выявленного архитектурного объекта остается неясной. Чертежи фундамента колокольни до нас не дошли, поэтому полноценное изучение выявленного сооружения возможно только при условии проведения его полного археологического исследования, что планируется выполнить в течение сезона 2010 г.

Геологическое строение и палеогеографическая интерпретация разреза Охтинской стрелки

М. Ю. Никитин

В 2008–2010 гг. группой специалистов проводилось комплексное исследование разреза Охтинской стрелки для оценки палеогеографической ситуации на отрезке времени, приходившемся на формирование толщи осадочных пород, включающей находки, датированные от позднего неолита до эпохи раннего металла. Геологическими задачами в данном случае были: литологическая характеристика представленной толщи, её палинологическое опробование, палеоэкологический анализ содержащихся в осадках диатомей, анализ макроостатков ископаемой биоты, радиоуглеродное датирование фрагментов обнаруженной органики. Целью исследований являлась реконструкция естественных ландшафтов территории, где были обнаружены артефакты.

Начиная с осени 2008 г., разрез литологически исследовался М. Ю. Никитиным (РГПУ им. А. И. Герцена, СПб) и А. А. Никоновым (НИИ физики Земли РАН, Москва). (Никонов и др., 2009). В 2010 г. появилась возможность провести дополнительные исследования, в результате которых получены новые или существенно уточняющие палеогеографическую картину результаты.

Раскопками вскрыта толща осадочных образований мощностью около четырёх метров. Наблюдаемый разрез представляет собой последовательность слоистых геологических тел, представленных терригенными породами (от пелитовой до псефитовой фракции), преимущественно алеврито-псаммитовой размерности, разделённых более или менее чёткими поверхностями стратиграфических несогласий. Литологические фации, фиксирующие переход от субаквальной обстановки осадконакопления к субаэральной, фрагментарно уцелели на юго-востоке Охтинской стрелки в раскопах 102 и 104. Это литоральные, вероятно, пляжевые грубозернистые косослоистые пески и мелкие галечники, переходящие вверх по разрезу в тонкозернистые (лёссовидные) супеси или переслаиваемые ими. Возможно, что эти лёссовидные породы частично олового происхождения. Таким образом, граница, разделяющая слои безусловно субаквального генезиса и слои с некоторыми признаками перио-

дически проявлявшихся субаэральных обстановок представлена неотчётливо.

Рельеф поверхностей большинства нижних слоёв относительно выровнен, но с заметным (около 5 градусов) падением на северо-северо-запад. Весь набор пачек также демонстрирует аналогичное падение по азимутам 330–340 градусов. Кроме того, небольшое падение (около двух градусов) наблюдается в верхних пачках в сторону Невы (на запад) и в некоторых раскопах в сторону Охты (на восток). В большинстве экспонированных разрезов естественная стратификация нарушена антропогенным вмешательством, начиная с неолита и заканчивая XX в. Нарушения, большей частью пластичные, иногда с разрывами, обусловлены проникновением кольев и подобных предметов в донный грунт на момент формирования субаквальной толщи. Похожие нарушения вызваны установкой свай для строительства, когда эта территория уже была сушей. Значительная часть разреза подвергнута технотурбации: повсеместны множественные следы перекопа при строительстве от средневековья до наших дней. Верхняя часть разреза затронута слабым почвообразованием.

При самом интегральном подходе в расчленении изученной части разреза (до -0,50 м по Кронштадтскому футштоку) можно выделить четыре группы пачек осадочных пород, разграниченных отчетливыми поверхностями стратиграфических несогласий. Количество выделяемых пачек уменьшается по направлению с юга–юго-востока на север–северо-запад по всей площади раскопок, согласно нормальному распределению фаций в пределах литорали. Нижняя группа пачек представляет собой сероцветные алевропсаммиты (суглинки) с линзами кварцевых мелко- и среднезернистых олигомиктовых песков. Эти отложения (вскрытые более чем на один метр) наиболее монотонны по вертикали и латерали и характеризуются однообразием литологического состава. Характерной особенностью этих отложений является обилие мелких (обычно до нескольких миллиметров) рассеянных обломков неокисленной растительной органики. В верхней части этой толщи начинают встречаться деревянные

колья, 0,05–0,10 м в диаметре, либо клиновидные деформационные структуры, обозначающие место их первоначальной локализации. Интересен материал заполнения таких структур, в некоторых случаях он содержит артефакты (обломки керамики, например).

Выше по разрезу, в северной, западной и центральной части территории раскопок с резким несогласием залегают последовательно врезанные друг в друга линзы, заполненные гиттиеподобными ритмичными осадками (сапропелитами, переслаиваемыми разнотерригенными породами), мощностью в несколько десятков сантиметров. В плане они выглядят как промоины, ориентированные в северо-западном, северном и северо-восточном направлениях. По простиранию всех пачек с юга–юго-востока на север–северо-запад отмечается заметное уменьшение гранулометрии частиц осадка. Тем самым можно с некоторой долей уверенности говорить об увеличении глубин в указанном направлении.

Один из косвенных признаков такого вывода заключается в пространственной ориентации эрозионных ложбин, заполненных гиттиеподобными осадками, включающими большое количество фрагментов неокисленной растительной органики: стволов и веток деревьев, обрывков травянистой растительности, а также деревянных предметов со следами очевидной обработки. В большинстве своем деревянные колья уцелели именно здесь, в естественных депрессиях морского дна, с предполагаемыми глубинами не менее двух метров. Эта и другие подобные оценки глубин основываются на многих литологических признаках: гранулометрии, степени окатанности и сортировки терригенных частиц, их минеральном составе; наличии или отсутствии знаков ряби, свидетельствующих об относительной подвижности среды, присутствии и концентрации фитолитов (ожелезнённых трубок в основании корневых систем гигрофитов: тростника, осок, стрелолиста и т.д.) (Верзилин, 1979; Обстановки осадконакопления и фации, 1990).

Особо следует отметить, что во всех случаях колья были забиты в донный грунт до начала формирования гиттиеподобных прослоев. Возможно, что образование депрессий на поверхности дна во многом было обусловлено нахождением в этих местах систем установленных колея. Потоки транспорта вещества определяются гидродинамикой среды, поэтому распределение массы осадков происходит неравномерно. Специалистами-гидротехниками отмечено, что турбулентность ламинарных потоков воды усиливается в местах локализации столбов,

разного рода ограждений, пирсов и т.д. (Обстановки осадконакопления и фации, 1990). Неоднократные и независимые радиоуглеродные датировки древесины из колея дают возраст около пяти тысяч лет. Таким образом, материал заполнения промоин – заведомо моложе.

Гиттиеподобные осадки обнаруживают ритмичное строение, с чёткими границами органо-генных пропластков. Мощность отдельных пропластков варьирует от первых миллиметров до десятков сантиметров, при общей мощности до первых метров. Вещество гиттиеподобных осадков состоит из тонко- и мелкозернистых кварцевых песков, с небольшой примесью слюд, погруженных в разной степени углеродистый органо-генный матрикс. Бесприемные сапропелиты здесь не встречаются. Характерной особенностью гиттиеподобных осадков является обилие фитокластов (брёвен, веток, палок, мелких щепок, семян и т.п.). Остатки животных представлены хитиновыми покровами насекомых и конхиолиновыми периостракумами моллюсков (преимущественно унионид). Наряду с естественными фрагментами растительной органики встречаются предметы антропогенной природы: деревянные колья, оструганные палки, лучины и их целые группы, берестяные поплавки и грузила, фрагменты сетей, коробов и т.д. Среди всех найденных артефактов именно колья, забитые в донный грунт, являются достоверными находками, находящимися *in situ*. Все остальные предметы материальной культуры, по всей видимости, представляют собой аллохтонный материал.

Следует упомянуть одно важное обстоятельство закономерности распределения находок: сохранность древесины, коры, травянистой растительности велика только в пределах линз, заполненных гиттиеподобными осадками. Вообще сохранность биогенного материала в осадочных породах определяется степенью доступа кислорода к органике. Вероятно, мы вправе говорить о тафономических ловушках в пределах дна данного участка Литториного моря (написание гидронима соответствует номенклатурному названию вида *Littorina littorea* Linnaeus, 1758). В естественных депрессиях морского дна накапливался биогенный материал, что возможно лишь в среде, близкой к анаэробной. Дефицит кислорода обычно возникает при слабой перемешиваемости водной толщи, часто в результате её термической (иногда наряду с галинной) стратификации. Для эстуариев это характерное явление. Солёная вода более плотная и тяжёлая, поэтому она удерживается в придонном слое. Так как она почти не перемешивается с более лёгкой поверхностной пресной водой, концентрация

Илл. 15. Некрасовский сад. Археологические находки из слоя XIX – начала XX вв.

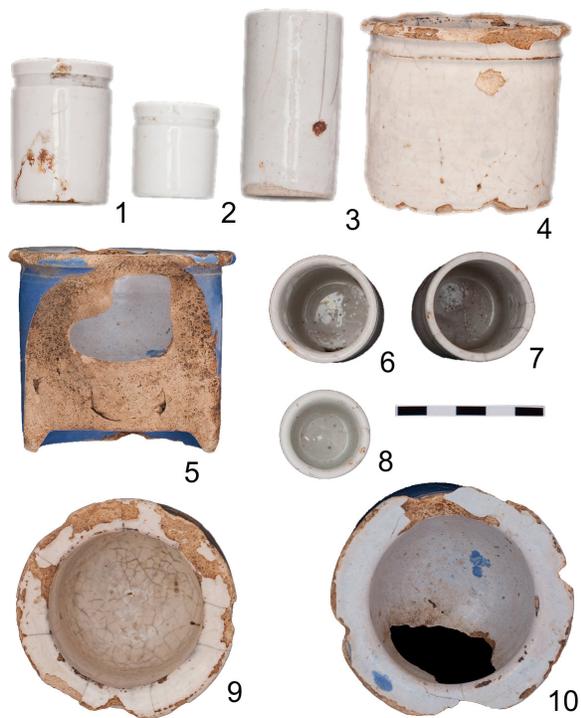
Илл. 17. Некрасовский сад. Археологические находки из слоя XIX – начала XX вв.

Илл. 16. Некрасовский сад. Археологические находки из слоя XIX – начала XX вв.

Илл. 18. Некрасовский сад. Археологические находки из слоя XIX – начала XX вв.

Илл. 19. Некрасовский сад. Археологические находки из слоя XVIII – начала XX вв.

Илл. 20. Некрасовский сад. Археологические находки из слоя XIX – начала XX вв.

Илл. 21. Некрасовский сад. Археологические находки из слоя XIX – начала XX вв.

Илл. 22. Некрасовский сад. Археологические находки из слоя XIX – начала XX вв.

Илл. 23. Некрасовский сад. Археологические находки из слоя XVIII – начала XX вв.

Илл. 25. Некрасовский сад. Археологические находки из слоя XIX – начала XX вв.

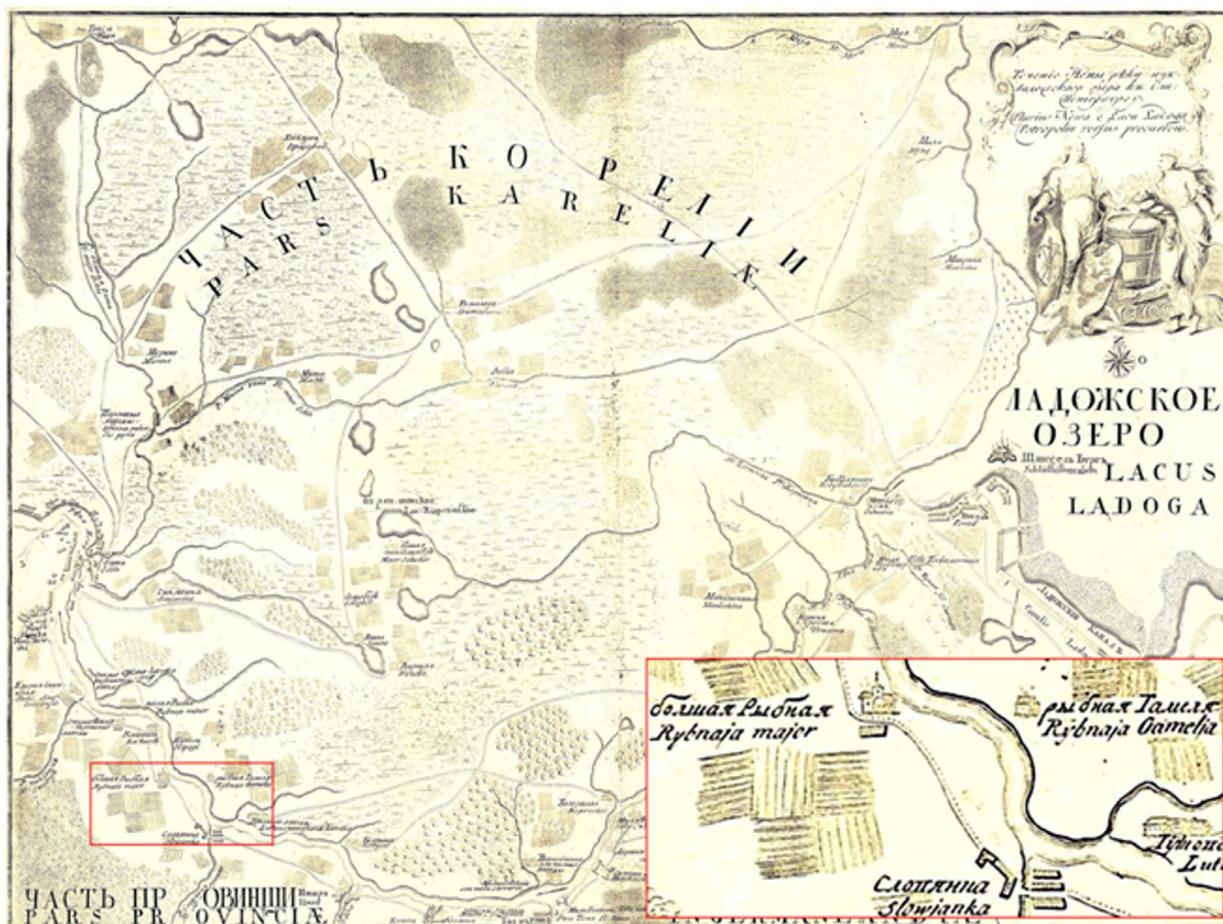
Илл. 24. Некрасовский сад. Археологические находки из слоя XVIII – начала XX вв.

Илл. 26. Некрасовский сад. Археологические находки из слоя XVIII в.

Илл. 27. Ситуационная схема исследуемого участка в Рыбачком

Илл. 28. Карта части провинции Ингерманландия. 1732 г.

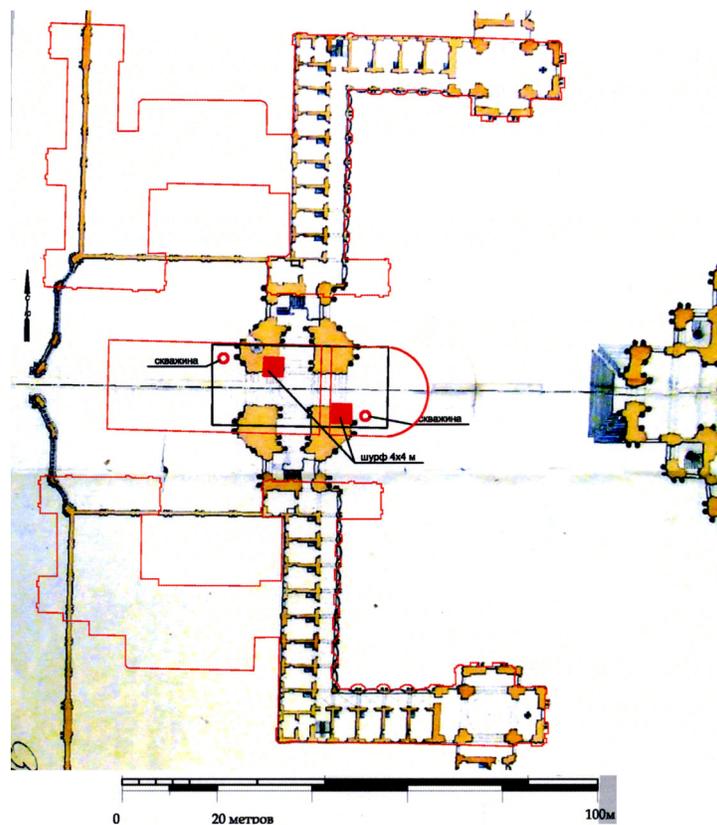
Илл. 29. Рыбацкое. Шурф 8. Фарфоровая, фаянсовая и глиняная посуда

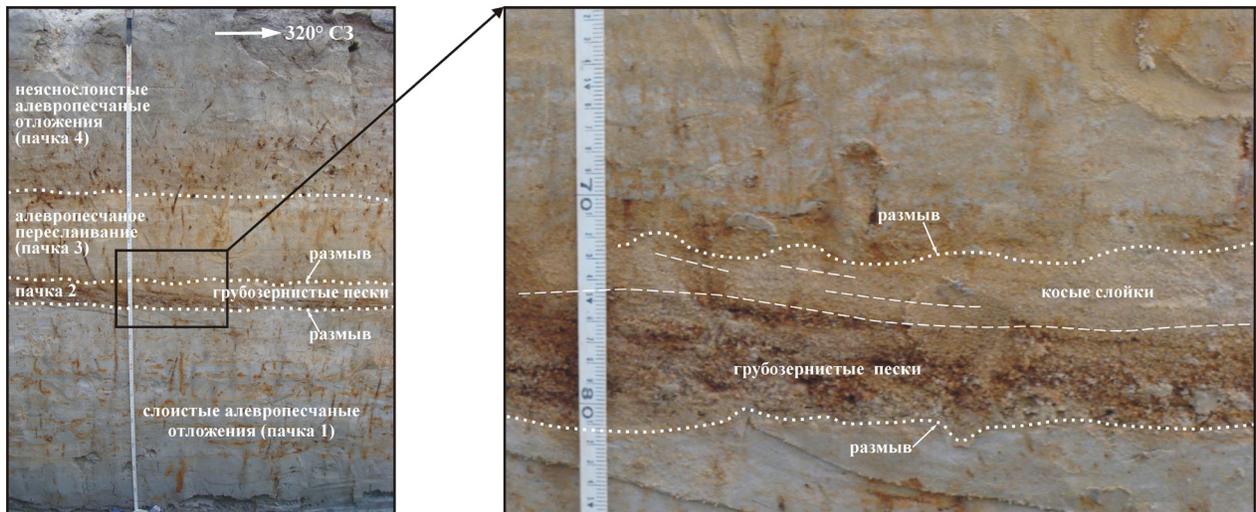
Илл. 30. Рыбацкое. Шурф 8. Стеклянная посуда

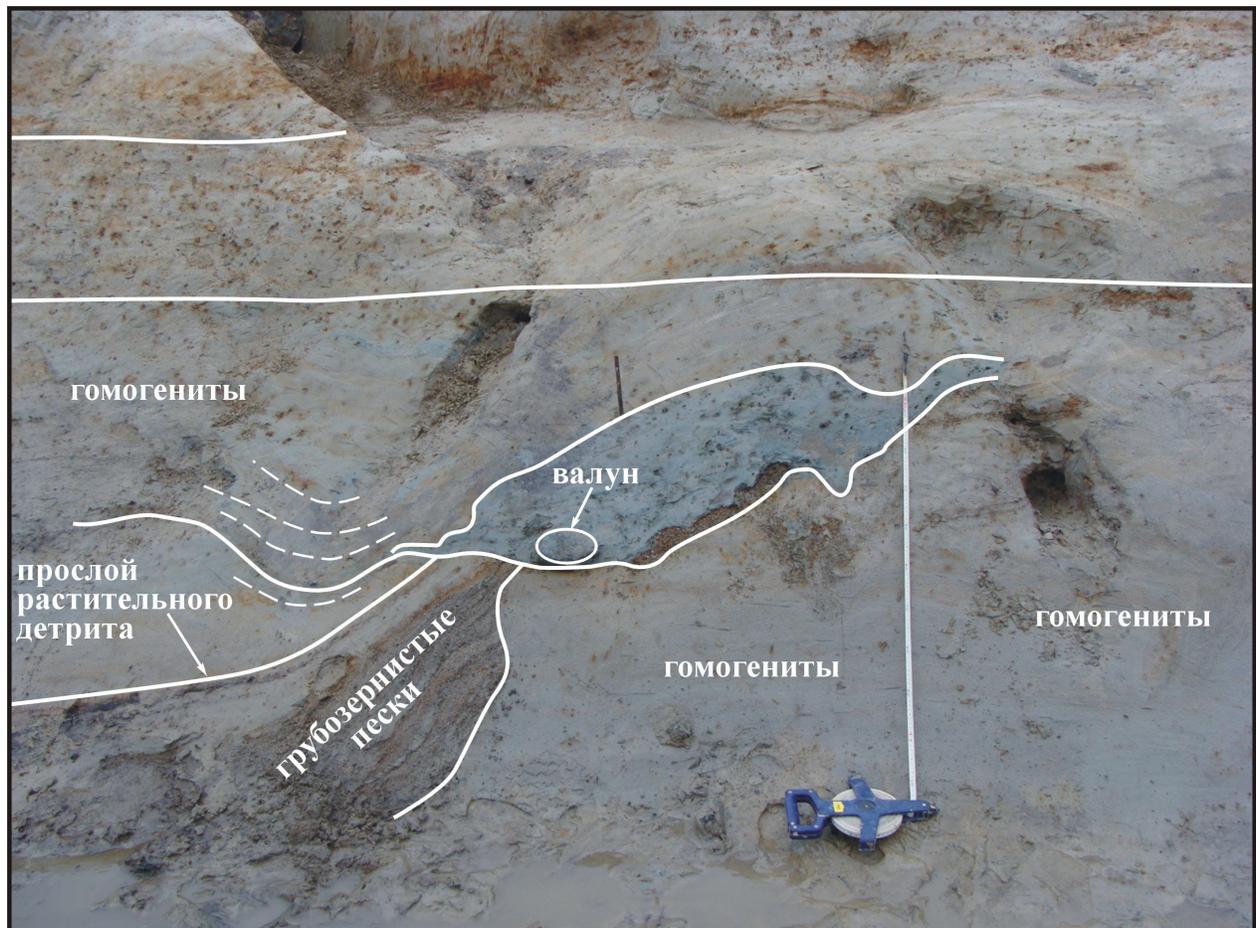
Илл. 31. Модель Смольного монастыря. Фрагмент. Фото 2009 г.

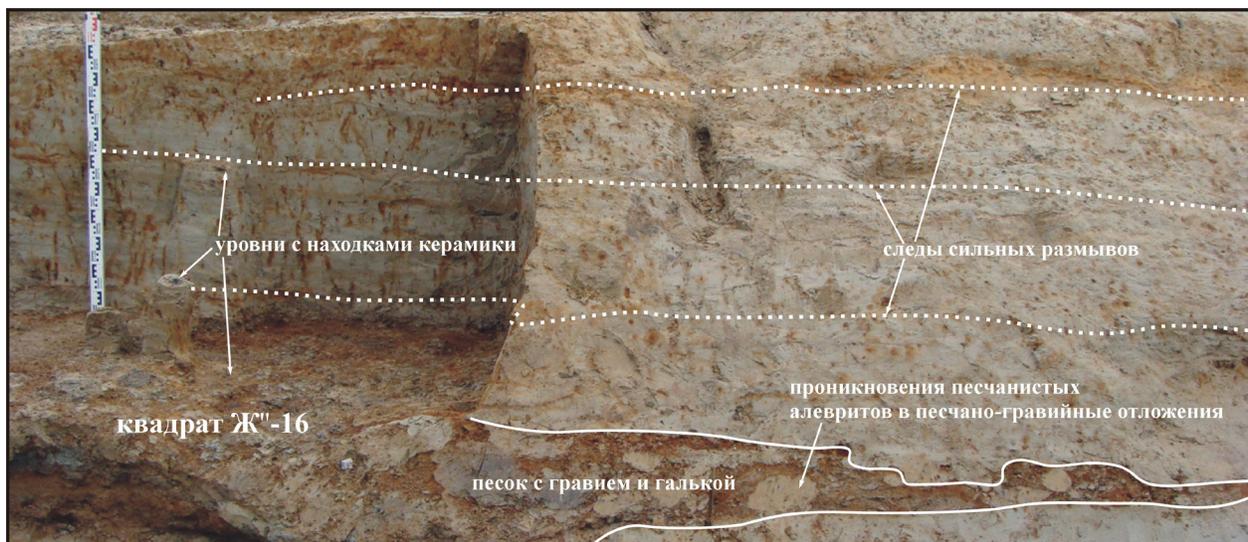
Илл. 32. Схема расположения шурфов 2009 г., совмещённая с генеральным планом Смольного монастыря 1753 г (копия проектного чертежа: «Чертил и уменьшал студент Василий Петров», БАН, р. о., собр. рукоп. карт., доп. Оп. № 221)

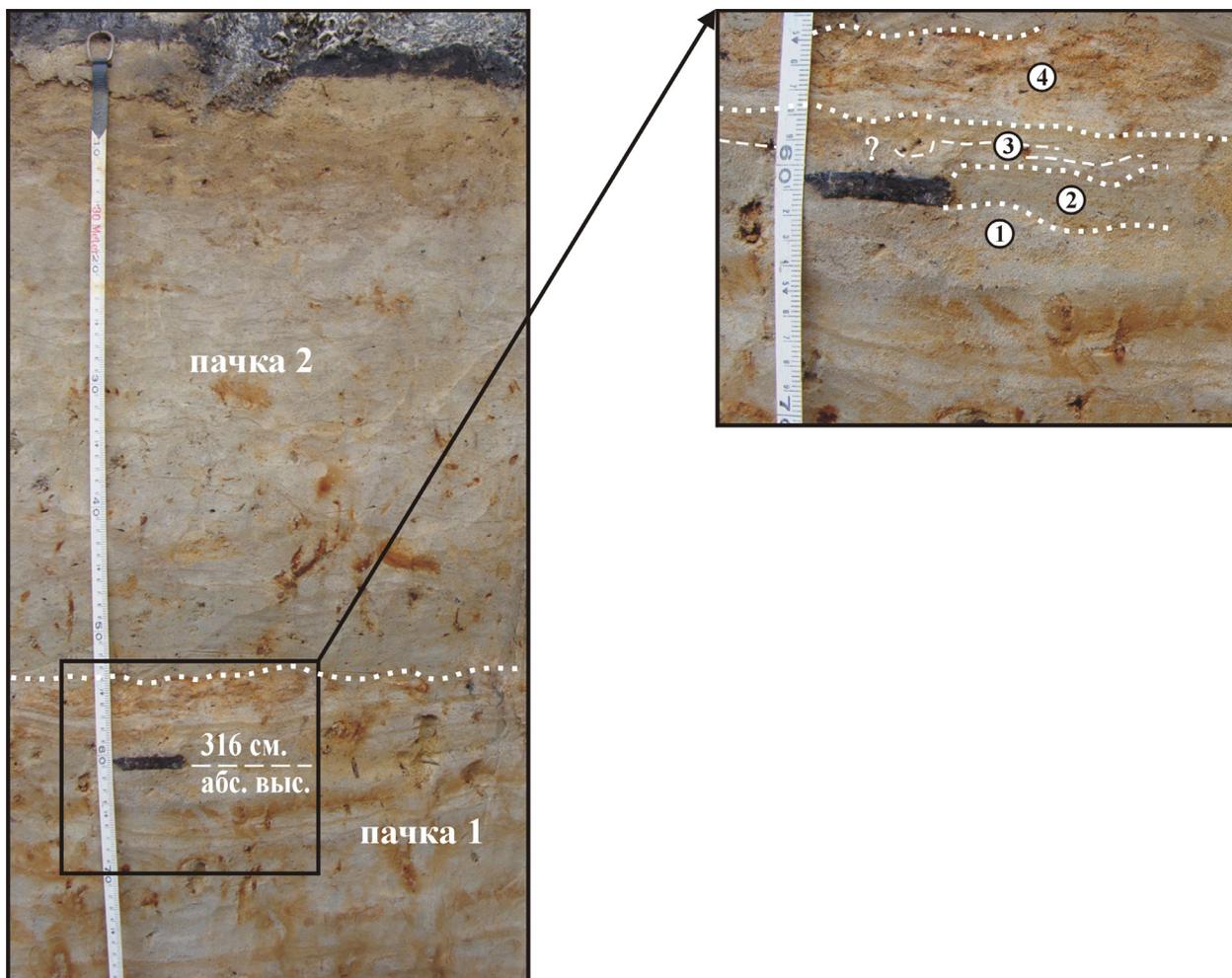
Илл. 33. Косая слоистость и циклическое строение пачки №2

Илл. 34. Подводно-оползневые структуры в разрезе вдоль северной стенки рва Ландскроны

Илл. 35. Следы размыва и находки фрагментов керамики в западном углу рва Ландскроны

Илл. 36. Взаимоотношения фрагмента керамики и вмещающих отложений

молекулярного кислорода здесь минимальна. Тем более что здесь кислород и так практически весь потрачен на окисление. Штормы и нагонные волны периодически нарушают такую стратификацию, но она быстро восстанавливается. Поэтому углеродистые осадки в эстуариях тоже ритмичны.

Выше серии гиттиеподобных отложений залегает пачка переслаивания гранулометрически разнообразных осадков, содержащих выдержанные горизонты косослоистых крупно- и грубозернистых песков, с крупными гальками, в том числе глинистыми и валунами в основании, чередующихся с тонкослоистыми супесчаными и суглинистыми прослоями, мощностью около одного метра. Эти слои содержат фрагменты пород вендо-ордовикской части разреза коренных пород Ленинградской области. Породы венда (гидрослюдистые плотные глины, тонкозернистые кварцевые песчаники) в коренном залегании находятся непосредственно под четвертичными осадочными образованиями на территории, дренируемой Невой, в области восточной части Финского залива и на территории южной части Карельского перешейка.

Породы нижнепалеозойской подгруппы (кембрий–ордовик) в коренном залегании обнажены в пределах Балтийско-Ладожского глинта, вытянутого в широтном направлении, на расстоянии 25–30 км к югу от Невы (Яковлев, 1926). Поэтому, наиболее вероятным представляется вывод о выносе фрагментов этих пород Палео-Тосной во время паводков. Судя по размерности частиц (первые сантиметры), есть основания предполагать редкие (эпизодические) события очень мощных паводков пока неясной природы. Эти же грубозернистые прослои (обычно здесь их выделяется два) содержат в своей подошве керамику, наконечники, скребки, отщепы и т.д. В большинстве своём, они гранулометрически соответствуют размерности галечного материала, поэтому сомневаться в аллохтонности артефактов также не приходится. Отдельные крупные обломки керамики перемещены в результате штормовых явлений вместе с вмещающим их осадком.

Необходимо отметить принципиальную возможность перемещения обломочного материала и биокластов в результате ледового дрейфинга. Атлантическая стадия голоцена, являясь самым тёплым временем за всю историю голоцена, не исключает ледостав на реках и в прибрежной части Литторинового моря. Скорее всего, он и тогда был обычным явлением. В восточной части территории раскопок хорошо заметны округлые в плане, до полуметра в диаметре, органогенные суглинистые

образования с сохранением первичной слоистости и фрагментами углефицированной травянистой растительности. Детальное изучение привело к выводу, что это фрагменты пойменной дерновины, также сорванные с места своей первоначальной локализации паводком, возможно даже, весенним льдом. Встречаются также фрагменты аллохтонного торфа.

В этой части разреза отчётливо читается сезонная ритмика с отдельными прослоями и линзами темпеститов (штормовые отложения), которые отличаются разнообразной гранулометрией и отсутствием сортировки частиц. Скорее всего, мы можем говорить о существовании в пределах конусов выноса Палео-Тосны и Палео-Охты системы мелей и ложбин. Реки выносили (особенно в период паводков) большое количество фрагментов растительной органики (как обработанной человеком, так и естественной). В ложбинах морского дна накапливался разнообразный фитокластический материал. Причём именно колья провоцировали накопление такого рода материала.

Пространственная ориентация длинномерных фитокластов (брёвен, веток, палок и т.п.) во многих случаях укладывается в два направления по азимутам: 10–30 и 320–350 градусов, что, вероятно, свидетельствует о закономерном характере изменения вдольбереговых (приливных?) течений. Периодические паводки усиливали донную эрозию, что приводило к естественному обогащению крупноразмерным терригенным материалом. Мелкозернистые частицы в период паводков вымывались, поэтому скопления галек и валунов – вполне закономерное явление. Рельеф всех поверхностей стратиграфических несогласий третьей пачки наиболее расчленён.

Венчают разрез тонко- и мелкозернистые супеси, характеризующиеся приливной ритмикой, с текстурами в виде знаков ряби и биоглифов – следов жизнедеятельности двустворчатых моллюсков и червеобразных организмов. Характерная особенность этих слоев – большое количество фитолитов – специфических ортштейнов, маркирующих место локализации корневых систем тростника. Их концентрация заметно увеличивается вверх по разрезу пачки, что объективно свидетельствует о постепенном обмелении бассейна.

На всей площади раскопок в разрезе (за исключением деформаций в местах локализации колеёв) не отмечается нарушений первичной стратификации осадка. Никаких других достовер-

ных признаков технотурбации в неолитической части разреза не наблюдается. В целом можно интерпретировать наблюдаемый разрез как регрессивный, то есть свидетельствующий о постепенном понижении уровня моря в районе Охтинской стрелки. Присутствуют также признаки некоторого тектонического опускания во время, синхронное образованию исследуемой толщи. Особенно это хорошо заметно по материалу заполнения эрозионных ложбин. Восстановительная среда в этих «анаэробных карманах» способствовала захоронению неокисленной органики и могла возникнуть при слабом перемешивании водной толщи на глубине ниже базиса воздействия волн. Принято считать, что Санкт-Петербург расположен на «нулевой» изобазе современных вертикальных движений. Однако существуют достоверные данные о неотектоническом погружении территории Лахтинской котловины. Нет ничего необычного в том, что вся Фенно-Скандия и её ближайшая периферия испытывала в течение голоцена дифференцированные движения. Многочисленные признаки сбросов и надвигов не обязательно свидетельствуют только лишь о подводных оползнях сугубо экзогенной природы.

Ниже ноля по Кронштадтскому футштоку, т.е. вниз по разрезу, в центральной и северной части площади раскопок также на неопределённую глубину распространяются пачки переслаивания алеврито-псаммитов, линз песка и гиттиеподобных прослоев. Количество артефактов вниз по разрезу заметно убывает. Из этого следует, что за период Литториновой трансгрессии на территории Охтинской стрелки была накоплена ритмично-слоистая толща мощностью не менее 5–6 м. Следуя общей логике эволюции палеоландшафтов в голоцене, можно ожидать нахождение под литториновыми отложениями осадков анцилового (бореального) и йольдиевого (пребореального) времени. По полученным буровым данным, ниже морских осадков Литторинового моря залегают более древние погребённые торфяники. В таком случае, безусловно стерильными в археологическом отношении оказываются отложения Балтийского ледникового озера, представленные ленточными глинами, кровля которых находится на глубинах от 6 до 14 м ниже уровня моря.

Существует общий набор правил в литологии, которыми всегда следует руководствоваться при разнообразных реконструкциях: транспорт вещества в естественной среде всегда подчиняется гравитации, суша (в целом) подвергается денудации (разрушению горных пород и сносу их обломков) в осадочные бассейны (в море);

осадконакопление под водой происходит многократно быстрее, чем на суше, её окаймляющей; чем больше высотный градиент области денудации и области аккумуляции, тем быстрее скорость процессов, нивелирующих этот градиент.

Реки являются естественными транспортными системами, они перемещают обломочный и биогенный материал в водоём-приёмник, объём твёрдого стока даже такой реки как Нева, измеряется четырьмя сотнями тысяч тонн в год. Каждая река при впадении в море образует на подводном склоне шлейф осадков, называемый конусом выноса, обычно он лопатовидный в плане и имеет ритмичное строение, связанное с сезонным изменением стока.

Побережья морей – очень динамичная геологическая среда, и здесь наиболее отчётливо проявляется принцип дискретности геологического времени, который гласит: «Время, овеществлённое в пластах горных пород, многократно меньше того времени, что заключено между ними». Это означает, что подавляющее большинство разрезов принципиально неполные и представляют собой случайно уцелевшие фрагменты слоев осадочных пород при многократном переотложении частиц осадка. В особенности это касается прибрежно-морских отложений с приливной ритмикой, тем более что они переслаиваются с отложениями конуса выноса реки.

При наблюдении разреза, ориентированного поперёк предполагаемой береговой линии, заметен эффект, называемый в геологии правилом Вальтера-Головкинского, которое гласит: «Фациальные и изохронные границы в прибрежных разрезах не совпадают». Это означает, что при изменении уровня моря, нормальный фациальный ряд (от галечников до глин) перемещается вверх или вниз, вслед за изменением этого уровня. Поэтому прослой галечников, песков и т.д. располагаются под некоторым углом к изохронным (одновозрастным) границам (Верзилин, 1979; Македонов, 1985; Обстановки осадконакопления и фации, 1990; Шванов, 1992).

Таким образом, большая часть заведомо субаквальных отложений оказалась выведена в результате регрессии морского бассейна в субаэральные условия. Процесс осушения растянулся на продолжительное время около двух–трёх тысяч лет назад. Затем прибрежные морские приливно-ритмичные отложения оказались вторично гумифицированы в результате слабого почвообразования и диффузного транспорта углерода, в том числе антропогенного происхождения. Время образования изученной толщи

осадков относится к финальной стадии Литториновой трансгрессии, т.е. ее возраст около четырёх–пяти тысяч лет (Субетто, 2009).

Предполагаемая береговая линия на момент формирования вскрытой толщи осадков находилась на востоке, в районе Большой Охты, на расстоянии нескольких сотен метров, а на юге, в районе Малой Охты, – на расстоянии около 1–2 км. Это подтверждается разрезами, вскрытыми траншеями для прокладки инженерных коммуникаций во дворах на Малоохтинском проспекте, улице Помяловского, Малоохтинском парке, Республиканской улице, Якорной улице. Так, например, синхронные верхам разреза территории Ниеншанца прибрежные торфяники найдены благодаря наблюдательности археолога А. Корнева в стенках траншей в Малоохтинском парке.

Осадочная секвенция разреза Охтинской стрелки демонстрирует постепенное обмеление акватории эстуария, куда впадали две основные реки – Палео-Тосна и Палео-Охта. Рельеф дна эстуария представлял собой пологий подводный склон с системой мелей и ложбин. Постепенное обмеление эстуария привело к его зарастанию гигрофитами, прежде всего тростником. Эстуарий был частично изолирован от остальной акватории моря подводным, впоследствии осушившимся баром, ныне называемым Лигово-Рождественской грядой, вытянутой в северо-восточном направлении от Лигово через Пески (район Рождественских улиц) до Смольного собора (Яковлев, 1926). В историческом центре Санкт-Петербурга это одно из относительно возвышенных мест.

Возможно, что неполной, но наиболее географически близкой актуалистичной седиментологической моделью условий района низовий Палео-Охты является современная западная подводная оконечность Турухтанских островов: глубины от полуметра до 3–4 метров. Протяжённые на сотни метров заросли тростников, илистый грунт, регулярные приливы и частые наводнения. Следует отметить, что гипсометрическая амплитуда приливов и отливов, возможно, была в Литториновое время более значительной, нежели в наши дни. Присутствия в видимой части разреза отчётливо субаэральных поверхностей не зафиксировано, но это не исключает существование эфемерной суши в южной части территории раскопок, например, периодически обнажающихся в отлив или даже сезонных отмелей. Подобные акватории принято называть «ваттами» – приливной равниной, а её прибрежные части – «маршами» – частично заболоченными территориями. Маршевая зона,

вероятно, находилась вне территории раскопок. Низменные берега эстуария и впадающих в него рек были покрыты смешанным лесом с некоторым преобладанием ели. Остатки древесины елей, так же как и их многочисленные шишки из гиттиеподобных прослоев отчасти об этом свидетельствуют.

С изложенной здесь точкой зрения о субаквальной природе вскрытой раскопками толщи с находками эпохи первобытности в целом согласились специалисты по геологии квартера, независимо участвовавшие в её изучении или познакомившиеся с разрезом на совместной экскурсии, проведённой по инициативе и при активном участии к.г.-м.н. М. В. Шитова (СПбГУ): д.с.-х.н. проф. Б. Ф. Апарин (Всероссийский музей почвоведения им. В. В. Докучаева, биолого-почвенный факультет СПбГУ), д.г.-м.н. проф. В. И. Астахов (геологический факультет СПбГУ), д.г.-м.н. проф. Г. С. Бискэ (геологический факультет СПбГУ), д.г.-м.н. проф. Н. Н. Верзилин (географический факультет СПбГУ), Д. В. Назаров (Геологический факультет СПбГУ).

Мнения разделились только относительно генетических нюансов верхнего полуметра разреза в раскопе 104, где некоторыми участниками экскурсии были отмечены признаки субаэральности отложений. Так, например, здесь, в верхней части разреза зафиксировано слоистое заполнение следов проникновения кольев в осадок. Во всех остальных случаях, на всей площади раскопок, заполнение следов от кольев представляет собой неструктурированные миктиты. Это может свидетельствовать о существовании периодически осушавшихся в отлив участков мелей или прибрежных баров. Как отметили участники экскурсии, рассматриваемая территория испытывала новейшие тектонические движения, отмеченные для разных временных отрезков голоцена на территории Санкт-Петербурга и его ближайшей периферии. Поэтому на фоне регрессии могли проявляться изменения рельефа дна относительно уровня моря.

По общему мнению геологов, присутствовавших на экскурсии, все находки эпохи первобытности залегают в водных осадках. Выявленные формы древнего мезо- и микрорельефа, текстурные особенности отложений являются естественными и никак не связаны с хозяйственной деятельностью древнего человека. Характер всех артефактов, за исключением кольев, в контексте вмещающих осадков представляет собой переотложенный материал. Высокая степень проницаемости отло-

жений Охтинской стрелки весьма ограничивает применение таких аналитических методов, как палинологический и диатомовый.

Также в течение полевого сезона с геологическим строением данной толщи ознакомились д.г.-м.н. проф. Д. Ю. Большианов и П. С. Вахрамеева (ААНИИ), к.г.-м.н. Е. А. Гусев (НИИ «Океан-геология»), Г. С. Искюль (ВСЕГЕИ).

Все вышеизложенное никак не отменяет и не умаляет ценности археологического памятника. Появившаяся возможность детализации палеогеографической ситуации только оптимизирует междисциплинарное взаимодействие специалистов разного профиля. Следуя всему сказанному, приходится признать, что в пределах Охтинской стрелки в неолитической части разреза находится археологический памятник особого типа, где в пределах прибрежной части Литторинового моря долгое время накапливались артефакты, свидетельствующие об активной хозяйственной деятельности человека в его акватории.

Источники и литература

- Астахов В. И., 2008. Начала четвертичной геологии: Учеб. пособие. СПб.
- Верзилин Н. Н., 1979. Методы палеогеографических исследований. Л.
- Квасов Д. Д., 1975. Позднечетвертичная история крупных озёр и внутренних морей Восточной Европы. Л.
- Македонов А. В., 1985. Методы литофациального анализа и типизация осадков гумидных зон. Л.
- Никонов А. А., Субетто Д. А., Никитин М. Ю., 2009. Устье Охты – природное хранилище литологической летописи // Геология, геоэкология, эволюционная география. Т. IX.: Сб. науч. тр. / Под ред. Е. М. Нестерова. СПб.
- Обстановки осадконакопления и фации: в 2-х т. / Под ред. Х. Рединга. М., 1990.
- Субетто Д. А., 2009. Реконструкция колебаний уровня Белого, Балтийского и Чёрного морей в голоцене на основе палеолимнологических исследований // Геология в школе и вузе: Геология и цивилизация: Материалы конференции. Том I / Под. ред. Е. М. Нестерова. СПб.
- Яковлев С. А., 1926. Наносы и рельеф гор. Ленинграда и его окрестностей. Ч. 1 и 2. Л.

Новые исследования рыболовных заграждений на памятнике Охта-1: предварительные результаты

В. И. Базарова, А. А. Бобкова, Ст. А. Васильев, Л. С. Воротинская, А. Ю. Городилов,
А. А. Екимова, О. М. Илюхина, А. А. Ластовский, А. И. Мурашкин, М. Ю. Никитин,
Н. Ф. Соловьёва, А. В. Суворов, К. С. Хребтикова, Т. А. Шаровская

Обнаружение отложений, содержащих артефакты первобытности, при раскопках памятника Ниеншанц (Охта-1) стало настоящей сенсацией в первобытной археологии Северо-Запада России. Особый интерес к памятнику объясняется наличием на мысу при впадении р. Б. Охты в Неву обводнённых отложений, хорошо сохраняющих органические материалы растительного происхождения. Санкт-Петербургской археологической экспедицией НП «СЗНИИ Наследия» под руководством П. Е. Сорокина (слои эпохи первобытности исследовались под руководством Т. М. Гусенцовой) в 2008–2009 гг. вскрыто около 6000 кв. м отложений, содержащих артефакты от новокаменного до раннего железного веков.

В 2010 г. раскопки на памятнике осуществлялись Охтинской археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством Н. Ф. Соловьёвой. На момент написания статьи (сентябрь 2010 г.) отложения с находками первобытности исследовались в раскопах № 101–109 на площади около 4000 кв. м. Полевые исследования памятника не завершены, еще не получены результаты анализа образцов, однако уже накоплена информация, позволяющая по-новому охарактеризовать некоторые интереснейшие объекты первобытной эпохи, в частности, связанные с рыболовством. В связи с тем, что новые представления о типе и структуре исследуемого памятника оказались в разительном контрасте с ранее опубликованными результатами работ, здесь необходимо привести и некоторые замечания вводного характера.

При исследованиях торфяниковых стоянок Северной и Восточной Европы неоднократно обнаруживались обработанные человеком колы и остатки крупных изделий, состоявших из расколотых на длинные лучины стволов, залегавших более или менее упорядоченно горизонтально, либо находившихся под тем или иным углом к горизонту. Эти конструкции в древних заболотившихся водоёмах справедливо связывают с запорным рыболовным промыслом. Краткий, но содержательный обзор литературы

по предмету представлен в статье Г. М. Бурова (1988. С. 145, 155–157). На основе результатов исследований памятников каменного века России, Латвии, Дании и Швеции с привлечением широких этнографических аналогий Г. М. Буров предложил реконструкцию устройства рыболовных заграждений каменного века и эпохи палеометалла Европейской части России. Они предстают как ряд редко вбитых в дно кольев, на которые опираются вертикально поставленные и несколько вдавленные в дно жёсткие прямоугольные маты. Маты состоят из длинных параллельных лучин, соединённых между собой плетением примерно так, как нити утка скрепляют нити основы ткани. Материал плетения, не обнаруженный при раскопках в Европейской России, мог, по мнению Г. М. Бурова, представлять собой растительное сырьё или полоски кожи. Пластичность материала плетения позволяла транспортировать и хранить такие маты в свёрнутом виде. Высота матов (и длина образующих их основу лучин) определялась глубиной перегораживаемого водоёма. Собственно ловля рыбы осуществлялась на оставшемся не перекрытым крыльями заграждения участке русла в выгороженной теми же матами камере-ловушке с узким входом (котце) либо, предположительно, с помощью верш (в России их остатки для каменного века и эпохи палеометалла пока не опубликованы).

Подобные находки сделаны и Санкт-Петербургской археологической экспедицией на территории памятника Охта-1 в предшествующие сезоны его изучения (Сорокин и др., 2009а, 2009б)¹. В ряде предварительных публикаций выявленные конструкции охарактеризованы как залгающие «слоями» «скопления лучины» (здесь и далее без специального указания цитируется работа: Сорокин и др., 2009б). В наиболее развёрнутом описании указано, что это «скопления прямоугольных очертаний из реек-лучин шириной 1,50–2,50 м.

¹ Сходная информация размещена также на сайтах ИИМК РАН <http://www.archeo.ru/rus/projects/nien.htm> и Санкт-Петербургской археологической экспедиции <http://www.rescuearcheo.ru/neolit.htm>.

Скопления... состоят из 1–7 тонких плотных слоев лучины. Длина последних достигает 1,60–3,0 м, ширина – 0,01–0,02 м, толщина – 0,002–0,005 м. Скорее всего, это остатки загоронок или вершей для ловли рыбы, составлявших вместе с ямой единый промысловый комплекс». О способе и даже о самом факте скрепления лучин в пределах «скопления» не упоминается. Возможно, это обусловлено плохой сохранностью выявленных конструкций (хотя на одном из опубликованных фото (Сорокин и др., 2009б. Рис. 6, цветная вкладка) можно видеть небольшой участок соединяющей лучины перевязи). В другом случае предполагалось, что выявлена обкладка рейками пола и стенок заглубленной постройки (Сорокин и др., 2009а. С. 321). Вероятно, перед нами одно из следствий предположения о формировании памятника в условиях суши. Дело в том, что в ходе работ Санкт-Петербургской археологической экспедиции 2008–2009 гг. считалось, что изучается культурный слой поселения неолитической эпохи, сформировавшийся на суше вблизи берега водоёма. В соответствии с этим подходом выявленные скопления древесины интерпретировались как рукотворные ямы с деревянными конструкциями, устройство которых сопоставлялось с постройками на стоянке Сарнате. «На исследуемой территории были развиты хвойные леса с некоторой примесью широколиственных пород», в «культурном слое» выявлены разновеликие «овальные или круглой формы» «ямы, связанные с промысловой и хозяйственной деятельностью человека», к которым, «как правило,... примыкают одна или две канавы». Указано, что «внутри ям и канав и рядом с ними вбиты десятки кольев». «В устройстве ям прослежена определённая система. Они расположены последовательно несколькими линиями, что, очевидно, вызвано изменениями гидродинамического режима мелководного залива», а «несколько ям и канав приурочены к руслу древней протоки, которая пересекает центр мыса».

Данные, полученные в ходе работ Охтинской археологической экспедиции ИИМК РАН в 2010 г., свидетельствуют о принципиально ином характере памятника Охта-1. На подавляющей части территории современного Охтинского мыса формирование отложений с артефактами неолита–палеометалла происходило не на суше, а в условиях более или менее мелководного морского залива (некоторым результатам геологических изысканий 2010 г. на памятнике посвящена статья М. Ю. Никитина в этом же выпуске бюллетеня). Мощные супесчаные отложения включают относительно немногочисленные принесённые сюда реками артефакты (керамику, изделия из камня и

янтаря), которые отложились вместе со сходным по размеру материалом – комками глины и почвы, галькой, крупнозернистым песком. Наиболее интересные артефакты из органики растительного происхождения сохранились здесь исключительно при условии быстрого их перекрытия принесённой водой минеральным материалом. Удержание свободно перемещавшегося намочшего плавника на дне происходило благодаря множеству вбитых в дно кольев. Наилучшие условия для сохранения органики создавались на дне заглубленных промоин. Обнаружение находок из древесины преимущественно в промоинах связано не с изначально высокой концентрацией материала именно в них (и, разумеется, не вследствие деятельности человека), а с тем, что органика за пределами таких заиленных промоин разрушалась быстрее в условиях свободного доступа обогащённой кислородом воды. Резкое ухудшение сохранности древесины с приближением к краям промоин и за их пределами фиксируется на памятнике повсеместно.

При охранных раскопках памятника в 2010 г. среди нетронутого рукой человека разнообразного плавника расчищены тысячи длинных лучин, залежавших преимущественно беспорядочно, порой группами – параллельно или веерообразно (рис. 1). Несколько десятков фрагментов конструкций из лучины можно интерпретировать как остатки матов рыболовных заграждений. Решающим фактом для такой интерпретации является обнаружение перевязей из лент луба, скреплявших лучины.

Своеобразным ключом к пониманию назначения конструкций из лучины стала находка свёрнутого в рулон мата, сделанная в раскопе 106 в северо-западной части памятника (рис. 2; 3). В кв. Ж'-62'-63', З'-62'-63', И'-63' на отметках 0,58–0,65 м по Балтийской системе высот (далее БС) обнаружен свёрнутый в рулон рыболовный мат, ориентированный по линии восток–запад. Длина лучин мата – 4,50 м. Ширина рулона составляет 0,27–0,29 м. В восточной половине рулона к югу от свёрнутой части мата выступает его развёрнутая часть шириной до 0,10 м. Значительная часть мата утрачена: на месте сохранились 44 лучины и кол. Ширина лучин – от 0,02 до 0,038 м, толщина – 0,007–0,015 м. Лучины имеют подпрямоугольное и (реже) ромбическое сечения. Лучины на восточном конце мата оструганы на заострение: большинство типичных лучин в плоскости мата, а четыре наиболее массивных, выступающих на несколько сантиметров за край мата, оструганы ещё и с боковых граней, наподобие кольев. Помимо таких массивных лучин

Рис. 1. Охта-1, раскоп 103, горизонт 10. Фрагменты матов рыболовных заграждений в заполненных плавником промоинах. Вид с северо-востока

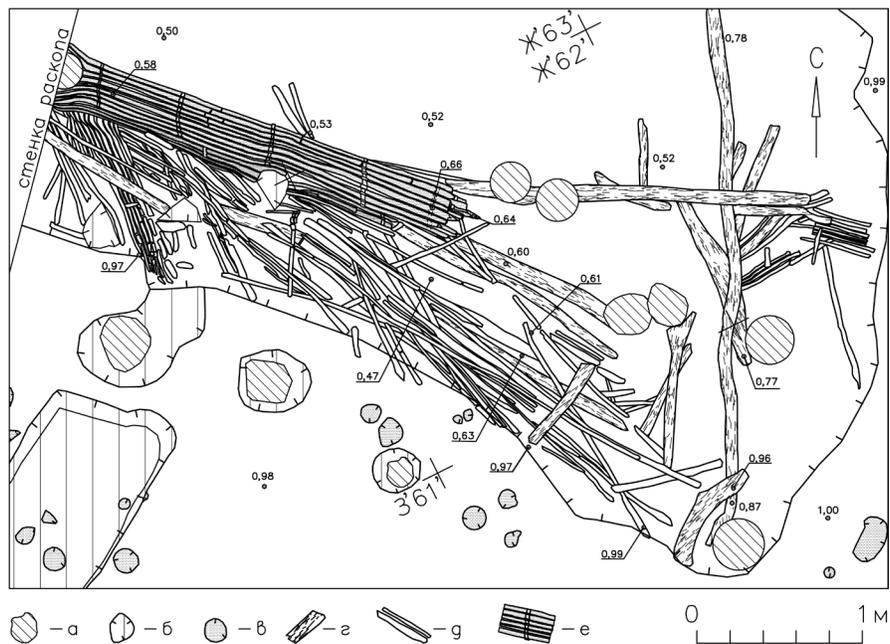

Рис. 2. Охта-1, раскоп 106, горизонт 5. Восточная часть свёрнутого в рулон мата рыболовного заграждения в заполненной плавником промоине. Общий план (указаны абсолютные отметки): а – деревянные сваи XIX в.; б – заполнение ям XIX в.; в – ямы от колов каменного века; г – фрагменты круглой древесины каменного века (жерди, колья, ветки); д – лучины (детали рыболовных заграждений); е – свёрнутый мат

Рис. 3. Охта-1, раскоп 106, горизонт 5. Расчистка заполнения промоины. Вид с востока: на переднем плане – восточная часть свёрнутого в рулон мата рыболовного заграждения, на заднем плане слева – котлован, лежни и сваи фундамента эллинга XIX в.

в составе мата находился кол диаметром около 0,04 м, выступающий до 0,006 м за край мата и заострённый на несколько граней на высоту 0,06–0,07 м. Выявлено поперечное переплетение мата в семи местах. Первое находилось в 0,08 м от нижнего (восточного) конца мата, а последующие – на расстоянии 0,50–0,57 м одно от другого. Последнее седьмое переплетение (находилось в 0,80 м от верхнего конца мата) оканчивалось спутанными лентами луба плохой сохранности длиной несколько десятков сантиметров. Первое, второе и седьмое переплетения сохранились фрагментарно, а остальные удалось расчистить практически полностью. Ширина использованной для плетения ленты луба – 0,014–0,019 м.

По-видимому, очень близкую конструкцию имел ещё один мат, часть которого расчищена в раскопе 109 в центральной части памятника (рис. 4). В кв. М-33–34 на отметках 0,80–1,0 м БС на склоне одной из промоин расчищен фрагмент нижней части мата, лучины которого сохранились на длину до 1,32 м. Ширина фрагмента мата – 1,35 м. Сохранилось 18 нижних (восточных) концов лучин,

ориентированных по линии восток–запад и два кола. Семь лучин расположены к северу от одного из колов, восемь лучин находятся между колами, ещё три лучины сохранились к югу от второго кола. Нижние концы большинства лучин заострены на 0,02–0,03 м с боковых граней наподобие вершин дощатого забора. Находящиеся в составе мата кольца представляют собой неокоренные стволы ели или сосны диаметром около 0,05 м, тщательно затёсанные снизу на 3–4 грани на высоту 0,10–0,12 м. Концы колец выступали за линию края мата на 0,14 и 0,16 м. Сохранились две перевязи, ориентированные поперёк мата. Первая находилась в 0,07–0,10 м от низа мата, вторая – в 0,46–0,47 м от первой. Ширина перевязей – 0,02–0,03 м, они состояли из двойных лент луба.

Наиболее крупный мат найден в центре памятника в раскопе 108 в кв. А'-Б'-36'-38' на склоне одной из промоин (рис. 5–6). Верх конструкции находился на отметке 0,77 м, а низ – на отметке 0,32 м БС. Длина лучин (высота мата) составляла 4,50 м (на полную длину сохранились 25 лучин). Максимальная ширина расчищенной конструк-

Рис. 4. Охта-1, раскоп 109, кв. М-33–34, горизонт 2. Фрагмент мата рыболовного заграждения.
Вид с востока

Рис. 5. Охта-1, раскоп 108, горизонт 3. Расчистка мата рыболовного заграждения в заполненной плавником промоине в кв. А'-Б'-36'-38': справа – два связанных лубяной лентой кола, расположенных поверх мата.
Вид с севера

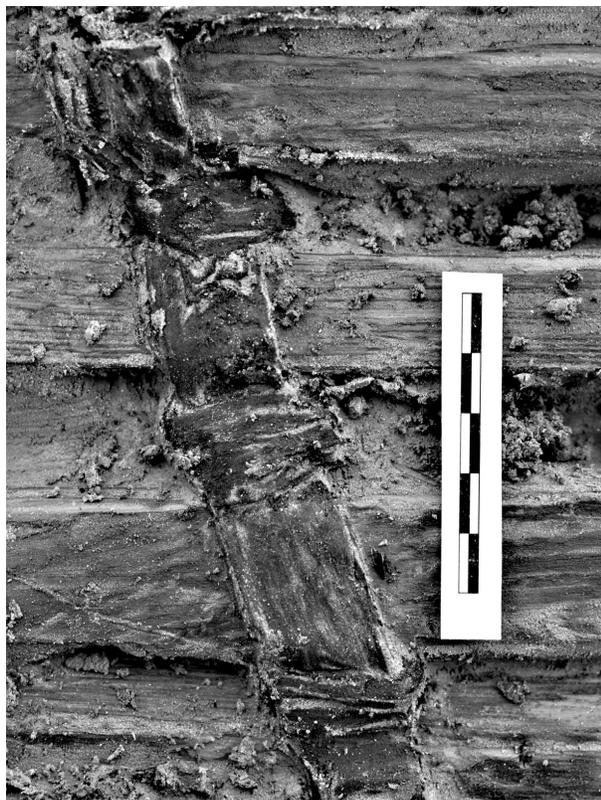

Рис. 6. Охта-1, раскоп 108. Участок лубяной перевязи мата рыболовного заграждения в кв. А'-Б'-37'. Вид с северо-востока, сверху

ции – 1,70 м. Однако, учитывая, что восточная часть мата подвёрнута и сложена вдвое, а западная часть смята, предполагаемая ширина мата составляла не менее 2,0 м. Находившиеся выше других южная и юго-западная части мата не сохранились, а расположенные на том же уровне на краю промоины его западная и северо-западная части сохранились заметно хуже остальных и фрагментарно: длина крайних лучин не превышала 1,10 м, луб перевязи здесь полностью истлел. В связи с этим нельзя с полной уверенностью утверждать, что выявлена полная ширина мата. Мат состоял из 51 параллельной лучины и двух колеёв диаметром 0,04–0,05 м, занимавших крайние положения. Концы лучин мата не заострены, но, судя по утолщению одного из колеёв к югу, именно этот край мата мог являться нижним. Ширина лучин – 0,017–0,055 м, толщина – 0,01–0,015 м. Расстояние между лучинами не превышало 0,01 м. Измерена ширина средней части полотна, надёжно соединённой лубом: 22 лучины и просветы между ними вместе составляли 0,93 м (ширина одной лучины и просвета в среднем составляет 0,042 м). Исходя из этой усреднённой цифры, предполагаемая

ширина мата из 51 лучины и двух колеёв могла составлять 2,25 м. Поперёк всего мата устроены семь переплетений из лент луба шириной 0,009–0,025 м, расположенных на расстоянии около 0,65 м (в двух случаях 0,70 м) одно от другого. Первое переплетение расположено в 0,30 м от нижних концов лучин, а седьмое – в 0,40 м от верхних концов. С восточной стороны край мата по всей длине отогнут кверху таким образом, что крайние кол и четыре–пять лучин мата (0,20–0,25 м ширины его полотна) залегали поверх остальных.

После расчистки оказалось, что загибание вызвано тем, что между крайним колом и первой лучиной поперёк мата были просунуты две лучины и тонкая жердь, концы которых располагались восточнее мата. Первая лучина просунута ниже первой перевязи (0,30 м от низа мата), вторая – ниже третьей перевязи (в 1,55 м от низа мата), а жердь – выше седьмой перевязи, примерно в 0,30 м от верха мата. Длина жерди составляла 4,68 м, ее диаметр – от 0,026 до 0,055 м. Концы обеих лучин повреждены. Первая лучина выступала за пределы мата на 0,87 м и перекрывала его, как минимум, на 0,24 м; вторая лучина выступала за пределы мата на 0,36 м и перекрывала его, как минимум, на 0,85 м. Очевидно, с помощью таких поперечно уложенных лучин и тонких жердей некогда скреплялись находившиеся в составе заграждения соседние маты, а всему сооружению придавалась дополнительная жёсткость. Можно полагать, что таких соединительных элементов могло быть больше.

Завершая перечень примеров, назовём некоторые общие для устройства матов детали. Лучины были, видимо, изготовлены из древесины ели или сосны, и имели преимущественно подпрямоугольное сечение и близкие размеры. У нижнего конца мата лучины на протяжении нескольких сантиметров оструганы на заострение. В большинстве случаев лучины затёсаны с обеих широких противоположных сторон (в плоскости мата), реже – с противоположных узких боковых граней. Помимо типичных лучин в составе мата (особенно часто у его краёв) находились либо нетолстые жерди, либо несколько более массивные лучины, часто выступавшие заострённым концом за нижний край мата. Соединение лучин повсюду имело одинаковый вид: с внешней стороны поперёк мата уложена лента луба, которую в каждом промежутке между лучинами пересекала вторая лента, с противоположной (внутренней) стороны мата охватывавшая каждую лучину в отдельности (рис. 7). В отдельных случаях для плетения использовали сдвоенные ленты луба.

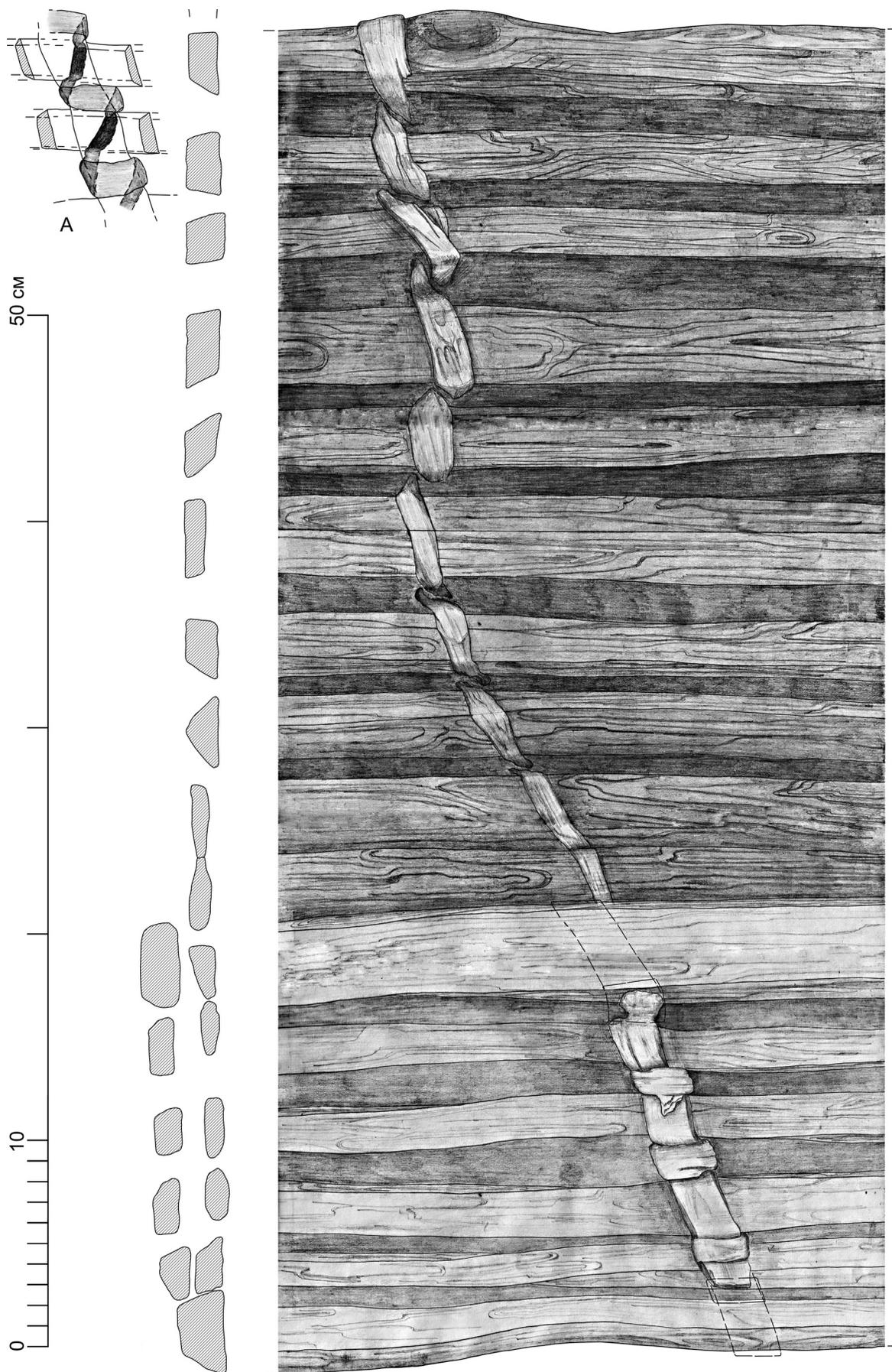

Рис. 7. Охта-1, раскоп 108. Участок лубяной перевязи мата рыболовного заграждения в кв. А'-Б'-37': рисунок, разрез, схема типичного переплетения лент луба (А)

Предположительно к заграждениям могут быть отнесены и обнаруженные в большом количестве залегающие среди плавника разрозненные заострённые колья длиной до 5,80 м (раскоп 108); соединённые лентами луба два кола (раскоп 108) и две крупные лучины (раскоп 101); фрагменты кручёных верёвок и спутанных лент луба длиной в десятки сантиметров (раскопы 101, 103, 106, 108, 109).

Описываемые ниже предметы демонстрируют приёмы скрепления деревянных деталей, характерные для уровня техники того времени. В северо-восточной части памятника, в раскопе 101 при расчистке скопления древесины в кв. Ц-36' на отметках 0,24–0,50 м БС обнаружена горизонтально залегавшая деревянная конструкция длиной более 4,77 м, состоявшая из двух лучин. Длина каждой лучины составляла около 2,60 м, ширина – около 0,03 м, толщина – около 0,015 м. Концы лучин соединены внахлёт с перекрытием около 0,20 м и обмотаны лентой луба шириной 0,012–0,014 м, закреплённой узлом (рис. 8).

В центральной части памятника в раскопе 108, в кв. Б'-37'–38' среди плавника, перекрывавшего описанный выше мат, залегали вплотную друг к другу два еловых (?) окоренных кола длиной 1,80

и 1,90 м, диаметром 0,07 и 0,06 м, соответственно (рис. 9). Колья грубо заострены снизу на 0,25–0,30 м путём отдиранья длинных щеп, их верхние концы оказались обломаны. В 0,80 м от нижнего конца колья стянуты сдвоенной лубяной лентой, уложенной тремя кольцами, каждое из которых скреплено узлом. Все три узла расположены с одной стороны, один над другим. У среднего узла оставлены концы лент длиной не менее 0,20 м.

К моменту написания статьи не удалось обнаружить деталей рыболовных заграждений, находившихся на месте их использования. Исключение составили сотни вбитых в дно колов диаметром 0,05–0,015 м, вершины которых истлели. Многочисленность и факт забивания колов в дно с разных уровней (т.е. в разное время), пока не позволяет выявить структуру какого-либо отдельного заграждения. В ещё большей мере это замечание касается тысяч выявленных ям от колов. Поскольку ямы пронизывают сохраняющие органику слои, несомненно, что колы были выдернуты в древности и либо вновь использованы, либо унесены течением или льдом. В отношении ям от колов удалось сделать ряд планиграфических наблюдений. Приведём здесь для примера описание двух комплексов ям, выявленных в раскопах 102 и 104.

Рис. 8. Охта-1, раскоп 101, горизонт б, кв. Ц-36'. Соединённые внахлёт лучины, скрепленные лентой луба

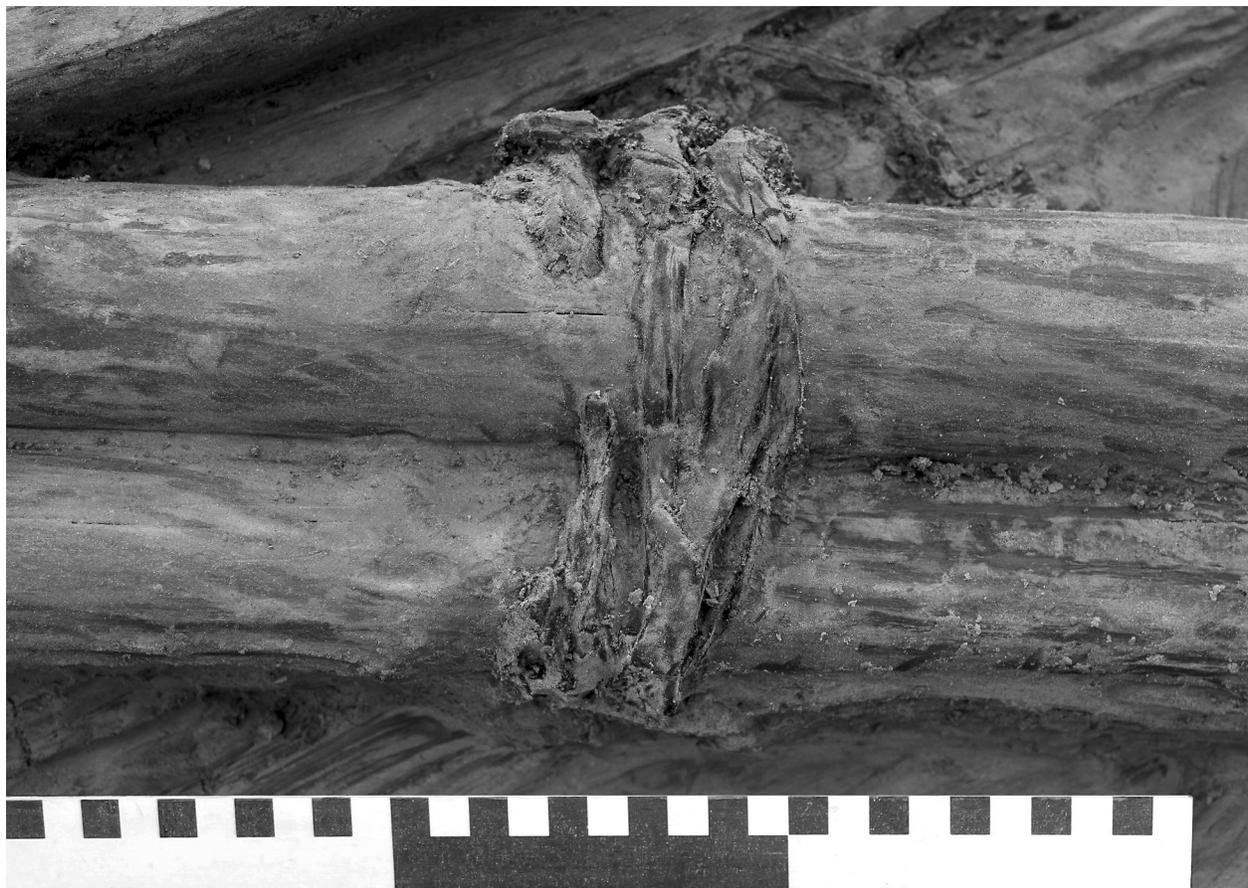

Рис. 9. Охта-1, раскоп 108, кв. Б'-38'. Соединение кольев лубяной лентой

В восточной части памятника в раскопе 102 в кв. Щ-Э-6-9 на уровне 1,50–1,60 м БС выявлено не менее 70 ям диаметром 0,05–0,15 м и глубиной 0,12–0,25 м (рис. 10). Ямы образовывали частично перекрывавшиеся два (местами три) ряда, ориентированные по линии север-юг. После получения разрезов оказалось, что часть ям имела наклон до 40° к горизонту на север, по направлению течения впадавших в залив рек и движения воды во время отлива. Очевидно, перед нами следы неоднократно возобновлявшегося на протяжении короткого времени рыболовного заграждения, опиравшегося на множество тонких кольев или, возможно, целиком состоявшего из них.

В юго-восточной части памятника в раскопе 104 в кв. Ж-3-51-52 на отметках около 2,30 м БС, помимо типичных ям от кольев, расчищены многие десятки миниатюрных овальных ямок. Ширина ямок достигала 0,02 м, длина – 0,05 м, глубина – лишь 0,02–0,04 м. Ямки образовывали прямые и изогнутые цепочки, в которых они расположены на минимальном расстоянии одна

от другой (рис. 11). Например, длина цепочки из 17 овальных ямок в кв. Ж-52 составляла 0,88 м, т.е. на одну ямку и промежуток между ними приходилось в среднем 0,052 м. Эта цифра близка среднему размеру одной лучины и промежутку между ними, измеренному для крупного мата в раскопе 108 (0,042 см). Очевидно, перед нами следы вдавливания в дно залива именно таких конструкций как жёсткие маты из лучины. В расположении этих цепочек на границе кв. 3-51 и 3-52 усматривается некая система, позволяющая реконструировать часть рыболовного сооружения из матов в виде горловины шириной около 0,40 м, ведущей, вероятно, в камеру-ловушку наподобие котца. Подобные мелкие ямки во множестве встречены и в других раскопах, но их фиксация почти повсюду затруднена вследствие их плохой сохранности.

Подводя итоги, подчеркнём, что практически весь памятник Охта-1 для эпох неолита и палеометалла следует рассматривать не как поселение, «долговременный промысловый (ры-

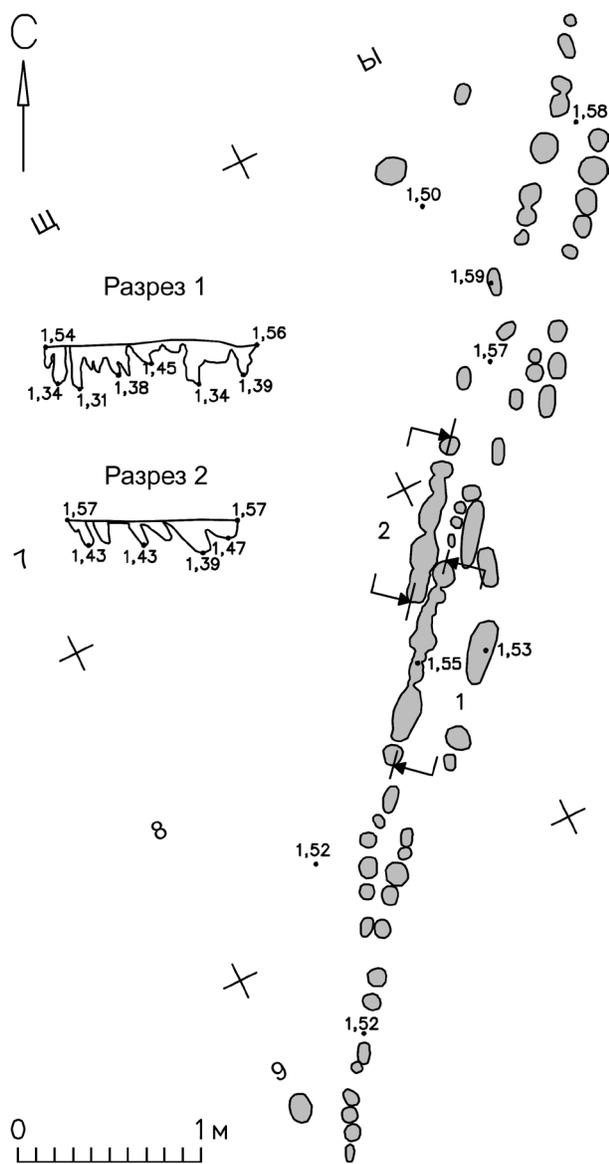

Рис. 10. Охта-1, раскоп 102, горизонт 7. Ямки от кольев в кв. Щ-Э-6-9: общий план, разрезы (указаны абсолютные отметки)

боловецко-охотничий) комплекс», а как участок дна относительно мелководного морского залива, интенсивно освоенный человеком в промысловом отношении. Объекты, представленные предыдущими исследователями памятника (Сорокин и др., 2009б) как серия искусственно созданных конструктивных элементов, по сути, являются разновременными неровностями морского дна, заполненными свободно перемещавшимся плавником. Особого внимания заслуживают выявленные остатки многочисленных деревянных рыболовных заграждений. Собраны разнообразные данные об устройстве заграждений, материалах и технологии

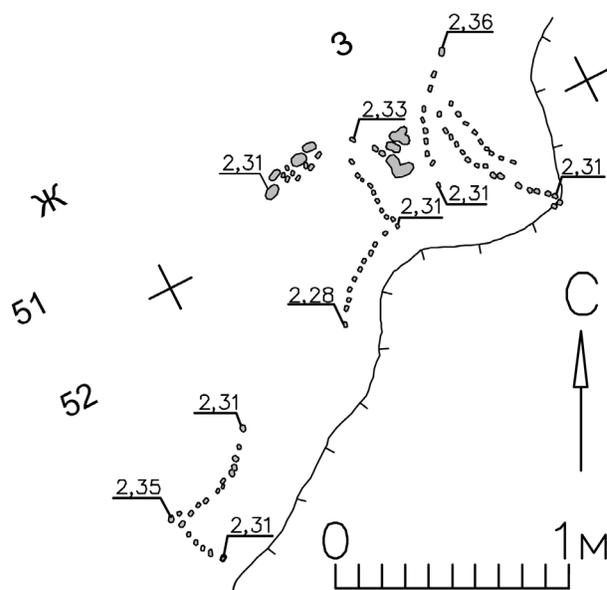

Рис. 11. Охта-1, раскоп 104, горизонт 5. Ямки от кольев и лучин вдавленного в дно жёсткого мата в кв. Ж-3-51-52: общий план (указаны абсолютные отметки)

изготовления составлявших их элементов. Эти наблюдения впервые в отечественной археологии носят массовый характер и позволяют достоверно реконструировать малоизученные стороны деятельности древнего населения Северо-Запада Европейской части России.

Источники и литература

Буров Г. М., 1988. Запорный лов рыбы в эпоху неолита в Восточной Европе // СА. № 3.

Предварительные результаты охранных археологических раскопок в устье реки Охта. <http://www.archeo.ru/rus/projects/nien.htm>; http://spbae.ru/nien_itogi_2009.htm. Дата посещения – 24.09.2010.

Сорокин П. Е., Гусенцова Т. М., Екимова А. А., Кулькова М. А., Нестеров Е. М., Шаркова А., 2009а. Некоторые результаты изучения поселений эпохи неолита – раннего металла в устье р. Охты в Санкт-Петербурге // Геология в школе и в вузе: Геология и цивилизация: Материалы VI Международной конференции. Том I. СПб.

Сорокин П. Е., Гусенцова Т. М., Глухов В. О., Екимова А. А., Кулькова М. Н., Мокрушин В. П., 2009б. Некоторые результаты изучения поселения Охта-1 в Санкт-Петербурге. Эпоха неолита – раннего металла // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 3.

Электронная фиксация полевых данных на охранных археологических раскопках

Ст. А. Васильев, А. Ю. Городилов, М. А. Бочкарёва

Интенсивное проникновение электроники в археологию за последние 15 лет привело к поэтапной замене привычных инструментов на их электронные аналоги. Компьютеры и принтеры заменили печатные машинки, цифровая фототехника быстро вытеснила плёночные фотоаппараты и бумажные фотографии. GIS и CAD системы стали неотъемлемой частью при подготовке отчётной документации. Редко встречаются даже теодолиты, уступая место современным тахеометрам, которые стали появляться уже во многих экспедициях. Пожалуй, только нивелир и миллиметровка сохраняют позиции в силу своей простоты и надёжности.

Широкие возможности тахеометров и цифровой фотографии спровоцировали привлечение в археологию методов фотограмметрии при фиксации и обработке фотоснимков сложных археологических комплексов для дальнейшей прорисовки и создания чертежей конструкций, стратиграфии, планов. Комплексное использование специализированных программных и аппаратных продуктов при проведении полевых работ проводилось за рубежом еще в конце 1990-х гг. (Schaich, 1998). В российской археологии такой подход известен и применяется давно, но до недавнего времени по разным причинам не получил широкого распространения. С 2006 г. электронная фиксация и ортофотосъёмка периодически или постоянно используется в экспедициях Института истории материальной культуры РАН на Северном Кавказе, Кольском полуострове, в Армении, в Туркмении, в Ленинградской и Новгородской областях. Практика и результаты её применения неоднократно обсуждалась на заседаниях Методического семинара ИИМК РАН.

Однако развитие охранной археологии в России, жёсткие временные рамки и условия договоров вынуждают археологов перестраивать десятилетиями отработанную методику полевой работы. В отличие от бюджетных экспедиций охранные раскопки располагают более широкими финансовыми возможностями для привлечения разнообразного оборудования и специалистов. Актуальным становится значительное повышение скорости проведения полевых работ без потери качества. Это выполнимо только с расширением

круга задач, решаемых с помощью компьютерной техники.

Необходимость широкомасштабного применения электронной техники возникла в 2010 г. в ходе охранных археологических раскопок, проводимых Охтинской археологической экспедицией ИИМК РАН на многослойном памятнике Охта-I в Санкт-Петербурге¹. При столь крупных объёмах работ (более 20000 кв. м) полевая фиксация была основана на использовании ежедневной тахеометрической съёмки и ортофотосъёмки, а специальная система реперов обеспечила необходимую точность стыковки результатов измерений по всем трем осям (рис. 1). Весь процесс фиксации был разделен на полевой и камеральный этапы, каждый из которых делился на две процедуры. Полевой этап включал тахеометрическую съёмку и ортофотосъёмку, второй этап – трансформацию и прорисовку фотографий, а также создание базы данных вещественных находок (рис. 2).

Полевой этап. Тахеометрическая съёмка

Рабочей геодезической основой послужила локальная геодезическая сеть IV класса точности на основе пунктов городской геодезической сети. Использование городской системы координат на всей территории обеспечило необходимую точность результатов измерений и позволило с минимальными временными затратами объединять чертежи разных раскопов в разнообразные сводные планы, совмещая с топосъёмкой ГУП ТРЕСТ ГРИИ (например, для выявления и идентификации фундаментов и инженерных коммуникаций, проходящих по территории раскопа). Для обеспечения совместимости буквенно-цифровых обозначений квадратов размерами 2 x 2 м использована созданная в 2007 г. экспедицией СЗНИИ «Наследие» сетка раскопов. За каждым раскопом был закреплён отдельный тахеометр с оператором. В обязанности тахеометриста входила вся инструментальная съёмка на раскопе: замеры

¹ В 2006–2009 гг. исследование памятника проводила Санкт-Петербургская археологическая экспедиция СЗНИИ «Наследие» (Сорокин, 2009; Сорокин и др., 2009).

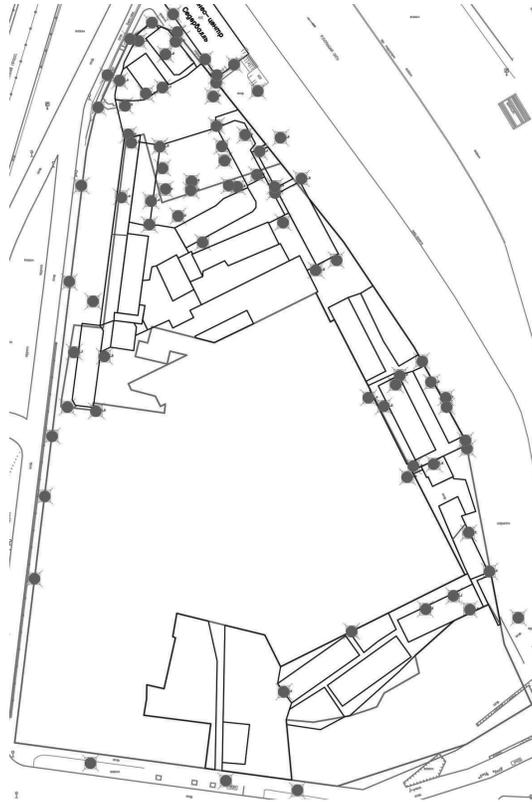

Рис. 1. Сеть опорных реперов на территории Охтинского мыса

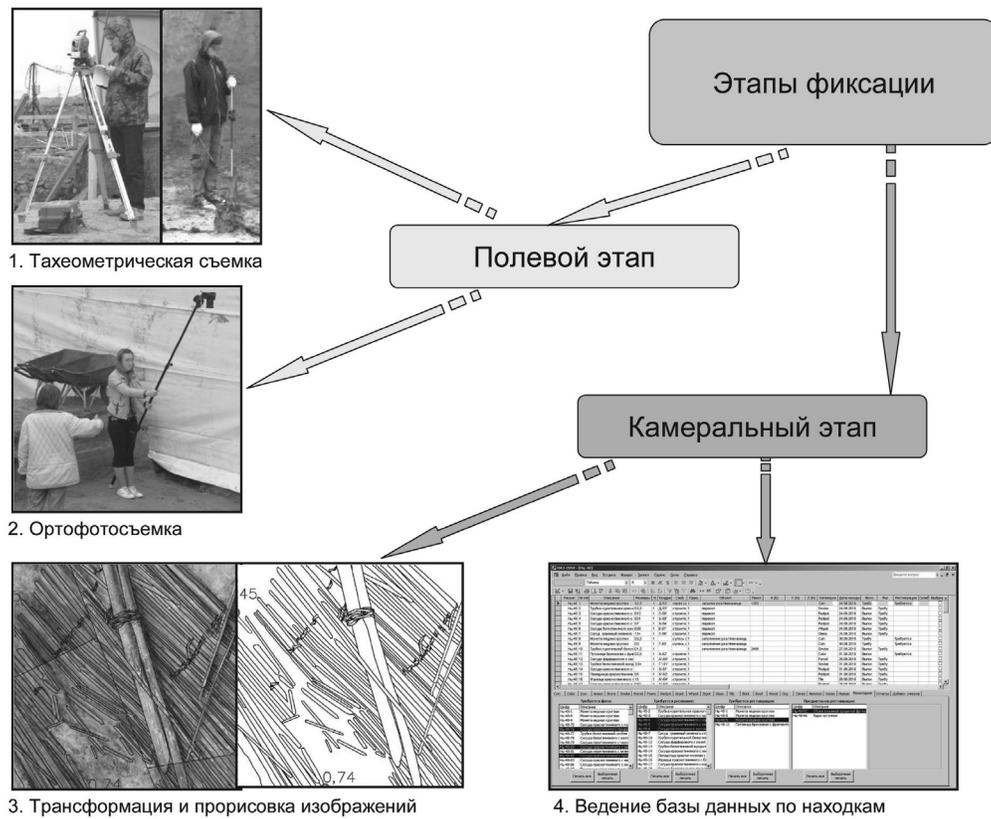

Рис. 2. Схема методических процедур

Рис. 3. Инструментальная съёмка поверхности рва Ниенианца

поверхностей, разметка участков под раскопы, разбивка квадратной сетки, вынос точек в натуру для установки ангаров, съёмка контуров объектов, не требующих детальной прорисовки, фиксация находок и измерения контрольных точек при проведении ортофотосъёмки чертёжником (рис. 3). Многочисленные производственные отчёты также опирались на данные полевых измерений. Для классификации пикетов был разработан специальный набор кодов, без которых разобраться в десятках тысяч точек было бы невозможно, поскольку на некоторых раскопах количество пикетов за одну съёмку достигало восьмисот.

Полевой этап. Ортофотосъёмка

Как и в случае с тахеометристом, за каждым раскопом закреплялся один чертёжник, в обязанности которого входила вся фотофиксация на раскопе, как общего характера, так и ортогональная (рис. 4). Контуры несложных объектов (границы раскопа, современные бетонные конструкции, кирпичные фундаменты стен и конструкций XIX в., ямы, перекопы и т.д.) снимались точками при помощи тахеометра и бумажной кроки (или распечатанного предыдущего плана). Так, для

Name	Ext	Size	Date	Attr
<DIR>			22.09.2010 17:52	----
r48_10_08_23_горизонт_1	xls	159 744	24.08.2010 11:05	-a-
r48_10_08_24_горизонт_1	xls	99 328	01.09.2010 12:04	-a-
r48_10_08_30_горизонт_1	xls	45 568	30.08.2010 17:12	-a-
r48_10_08_31_горизонт_1	xls	36 864	31.08.2010 17:29	-a-
r48_10_09_02_горизонт_1	xls	28 672	06.09.2010 14:56	-a-
r48_10_09_03_горизонт_2	xls	49 664	06.09.2010 15:01	-a-
r48_10_09_06_горизонт_2	xls	141 824	07.09.2010 12:20	-a-
r48_10_09_07_горизонт_2	xls	233 984	17.09.2010 12:22	-a-
r48_10_09_08_горизонт_2	xls	74 752	17.09.2010 15:09	-a-
r48_10_09_09_горизонт_2	xls	97 280	17.09.2010 16:44	-a-
r48_10_09_10_горизонт_2	xls	63 488	20.09.2010 13:40	-a-
r48_10_09_11_горизонт_2	xls	131 584	20.09.2010 18:14	-a-
r48_10_09_13_горизонт_2	xls	167 424	21.09.2010 18:07	-a-
r48_10_09_14_горизонт_2	xls	193 024	22.09.2010 11:51	-a-
r48_10_09_15_горизонт_2	xls	195 584	22.09.2010 12:42	-a-
r48_10_09_17_горизонт_2	xls	213 504	22.09.2010 16:17	-a-
r48_10_09_20_горизонт_2	xls	70 656	22.09.2010 16:59	-a-

	A	B	C	D	E	F	G	H
1	No	E	N	Z				Code
3	8213	118819,041	95324,1315	2,394172	118818,8266	95323,97711	2,40888	constr
4	8214	118818,8266	95323,97711	2,408877	118818,7484	95323,88362	2,40214	constr
5	8215	118818,7484	95323,88362	2,40214	118818,694	95323,71297	2,40111	constr
6	8216	118818,694	95323,71297	2,401109	118818,4275	95323,50989	2,45444	constr
7	8217	118818,4275	95323,50989	2,454442	118817,9581	95323,37458	2,41359	constr
8	8218	118817,9581	95323,37458	2,413594	118817,5916	95323,35586	2,41872	constr
9	8219	118817,5916	95323,35586	2,418717	118817,3774	95323,31987	2,40608	constr
10	8220	118817,3774	95323,31987	2,406076	118817,1293	95323,40488	2,40224	constr
11	8221	118817,1293	95323,40488	2,402242	118816,9228	95323,56466	2,45035	constr
12	8222	118816,9228	95323,56466	2,450351	118816,5795	95323,8988	2,50998	constr
13	8223	118816,5795	95323,8988	2,509982	118816,3812	95324,52709	2,47985	constr
14	8224	118816,3812	95324,52709	2,479849	118816,2569	95324,82584	2,49029	constr
15	8225	118816,2569	95324,82584	2,490287	118816,1397	95325,14337	2,4856	constr
16	8226	118816,1397	95325,14337	2,485596	118815,9616	95325,4897	2,44175	constr

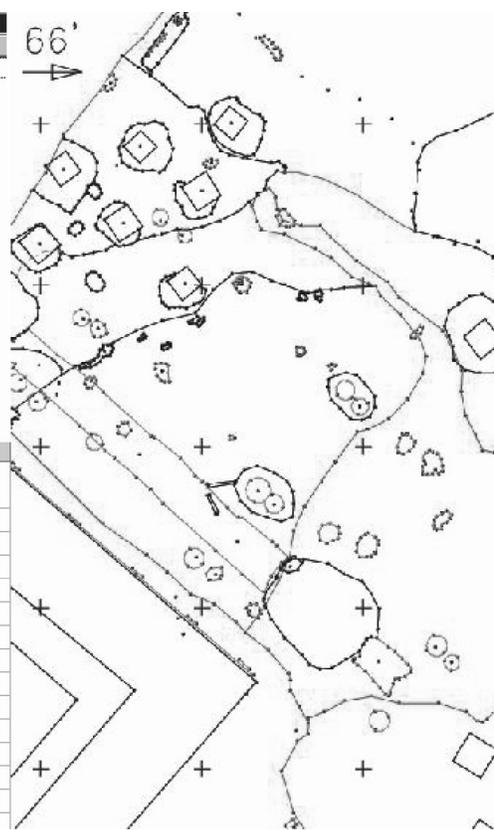

Рис. 4. Данные полевой съёмки и фрагмент построенного на их основе чертежа

объектов правильной геометрической формы было достаточно точек по углам и в центре пятна. При замерах труб и других современных коммуникаций снимались контурные точки на концах, в местах перегибов и высотные отметки на поверхности объекта. Детальная прорисовка сложных объектов (деревянные конструкции, развалы керамики, погребения и др.) производилась только по ортогональным фотографиям, а в некоторых случаях и по результатам лазерного 3D-сканирования (рис. 5). Для фотографирова-

Рис. 5. Процесс лазерного сканирования рва и стен Ниенишанца

Рис. 6. Ортофотосъёмка пятен столбовых ямок эпохи неолита

ния планиграфии применялись четырехметровые фоторейки и направленные вертикально вниз зеркальные камеры с объективами с минимальными геометрическими искажениями. Ортофотосъёмка вертикальных стенок проводилась с фотоштатива или с рук перпендикулярно к снимаемой поверхности. Зона перекрытия с соседним кадром составляла 15–50 % от общей площади кадра (рис. 6). В первый же месяц работы выяснилось, что при условии слаженного взаимодействия один тахеометрист и один чертёжник вполне успевают вести полевую фиксацию на одном или двух раскопах общей площадью 400–800 кв. м. Максимальная единовременная нагрузка пришлась на сентябрь 2010 г., когда на семнадцать раскопах общей площадью около 10000 кв. м работали десять тахеометристов и шестнадцать чертёжников.

Камеральный этап. Ретификация и прорисовка фотографий

Для прорисовки археологических ям, пятен, современных фундаментов без фотографии с помощью тахеометра измерялось количество точек, достаточное для детальной прорисовки

контура объекта. Перед созданием чертежа по фотографии каждый снимок подвергался предварительной трансформации (аффинной или полиномиальной) для исправления искажений, вызванных дисторсией объектива и отклонениями камеры от перпендикулярной оси съёмки. Для прорисовки использовалась только центральная часть кадра (около 60–70 % общей площади) с видимыми контрольными точками по периметру (рис. 7; 8). Последующая сшивка, прорисовка собранных изображений и подготовка чертежей проводилась в камеральных условиях с помощью специализированного программного обеспечения по установленным правилам (рис. 9).

Камеральный этап. Ведение базы данных вещественных находок

Коды категорий находок легли в основу камеральной базы данных, в которой описание предметов осуществлялось по единому алгоритму. База данных включала набор шаблонов отчётов и статистических окон, что значительно облегчило контроль обработки материала, передачу находок на фотографирование и реставрацию, формирова-

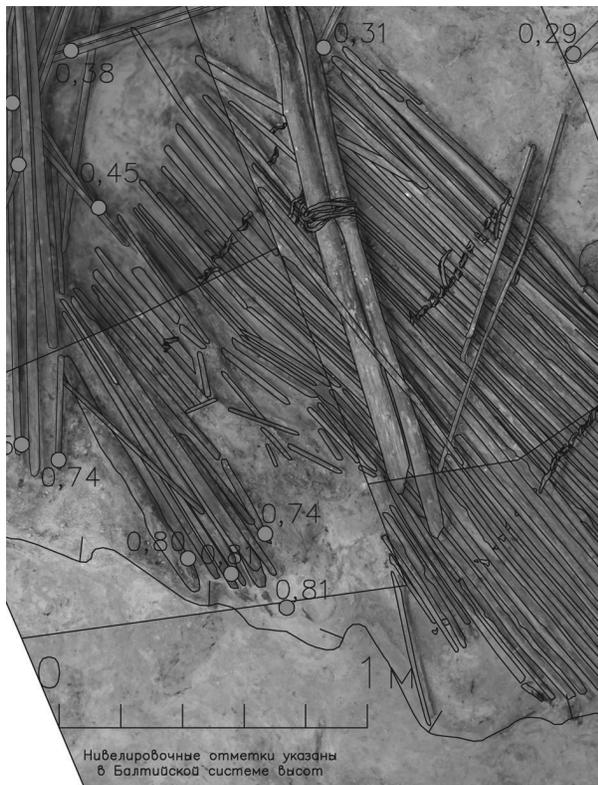

Рис. 7. Прорисовка трансформированных и сшитых фотографий неолитических деревянных конструкций

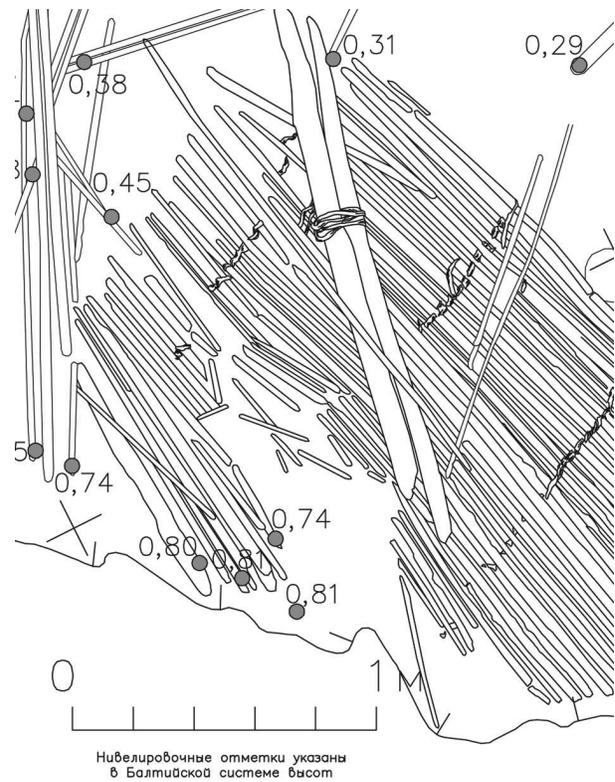

Рис. 8. Результат прорисовки неолитических деревянных конструкций по трансформированным и сшитым фотографиям

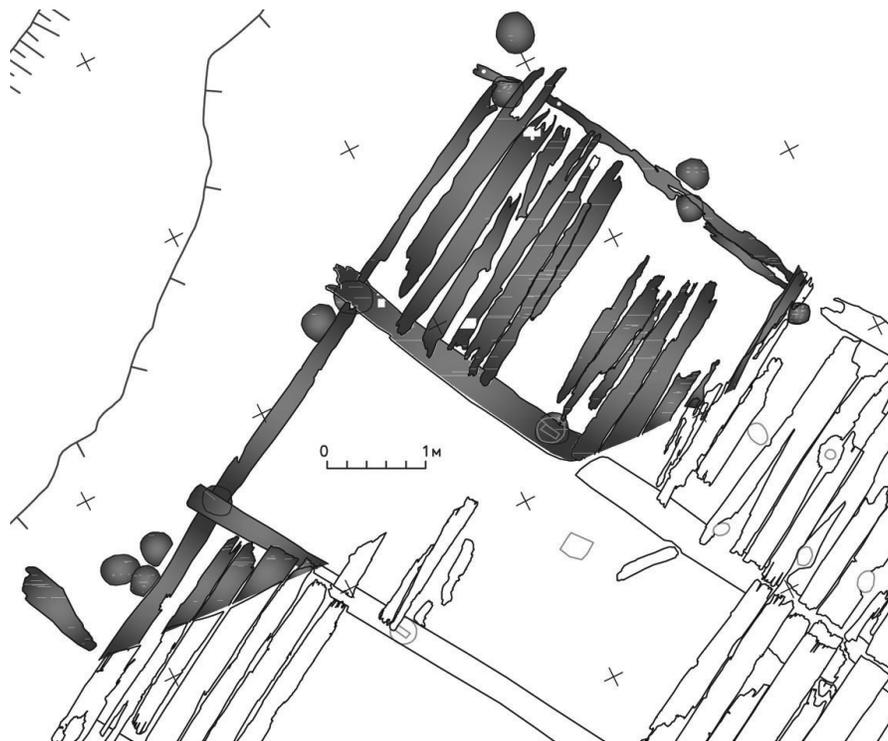

Рис. 9. Погрешность стыковки чертежей раскопок, исследованных с интервалом в три месяца

Раскоп	№ п/п	Описание	Размеры	N	Квадрат	Слой	Гориз.	Объект	Пикет	X (E)	Y (N)	Z (H)	Категория	Дата находки	Фото	Рис	Реставрация	Склея	Выборка
Нц-48	1	Монета медная круглая	D2,5	1	Д-53'	серая су	1	засыпка рева Ниеншанца	1353				Coin	24.08.2010		Требу	Требуется		☐
Нц-48	2	Трубка курительная красн	D2,5	1	Д-55'	строите.	1	перекоп					Smoke	24.08.2010	Выпол	Требу			☐
Нц-48	3	Сосуда красноглиняного с	D12	1	3-58'	строите.	1	перекоп					Redpot	24.08.2010	Выпол	Требу			☐
Нц-48	4	Сосуда красноглиняного с	D21	1	Б-59'	строите.	1	перекоп					Redpot	24.08.2010	Выпол	Требу			☐
Нц-48	5	Сосуда красноглиняного с	D7	1	Б-54'	строите.	1	перекоп					Redpot	24.08.2010	Выпол	Требу			☐
Нц-48	6	Сосуда белоглиняного вен	D28	1	Е-61'	строите.	1	перекоп					Whpot	24.08.2010	Выпол	Требу			☐
Нц-48	7	Сосуд. граненый зеленого	13+	1	3-56'	строите.	1	перекоп					Glass	24.08.2010	Выпол	Требу			☐
Нц-48	8	Монета медная круглая	D2,5	1		супись с	1	заполнение рева Ниеншанца					Coin	30.08.2010	Требу		Требуется		☐
Нц-48	9	Монета медная круглая	D2	1	Г-53'	супись с	1	заполнение рева Ниеншанца					Coin	30.08.2010	Требу		Требуется		☐
Нц-48	10	Трубки курительной белог	D1,5	1			1	заполнение рева Ниеншанца	2488				Smoke	27.08.2010	Выпол	Требу			☐
Нц-48	11	Пуговица бронзовая с фре	D2,5	1	Б-62'	строите.	1						Color	31.08.2010	Выпол		Требуется		☐
Нц-48	12	Сосуда фарфорового с син		1	А-64'	строите.	1						Porcel	28.08.2010	Выпол	Требу			☐
Нц-48	13	Трубки белоглиняной мунд	3,5+	1	Г-51'	строите.	1						Smoke	31.08.2010	Выпол	Требу			☐
Нц-48	14	Сосуда красноглиняного с		1	Б-61'	строите.	1						Redpot	31.08.2010	Выпол	Требу			☐
Нц-48	15	Помадица красноглиняна	D5	1	Б-62'	строите.	1						Redpot	31.08.2010	Выпол	Требу			☐
Нц-48	16	Израдца красноглиняного с	15	1	А-64'	строите.	1						Tile	28.08.2010	Выпол	Требу			☐
Нц-48	17	Сосуда красноглиняного с	D10	1	Б-64'	строите.	1						Redpot	28.08.2010	Выпол	Требу			☐

Рис. 10. База данных вещественных находок

ние финальной описи находок для полевого отчёта, подсчёт количества предметов по различным признакам и прочей статистики (рис. 10).

Опыт использования электронной фиксации на таком сложном археологическом памятнике как Охта-1 выявил как неоспоримые преимущества использованного метода, так и его недостатки по сравнению с традиционными миллиметровкой и рулеткой. К основному и главному преимуществу следует отнести значительное сокращение времени, затрачиваемого на съёмку объектов непосредственно в поле (в некоторых случаях в десятки раз), что уменьшает «простаивание» раскопа. Тахеометрическая съёмка не зависит от сетки квадратов, следовательно, погрешность обмеров сводится к минимуму. Чертежи готовятся в электронном виде в масштабе 1:1. К основным недостаткам электронной фиксации, безусловно, относятся высокая стоимость оборудования и необходимость серьёзной технической подготовки персонала. Если допустить, что в некоторых случаях суммарные погрешности электронной и традиционной фиксации сопоставимы (без учёта погрешности сетки квадратов), то на больших площадях выигрыш электронной фиксации в скорости является решающим фактором в пользу выбора этого метода.

Источники и литература

- Schaich M., 1998. Computergestützte Grabungsdokumentation // Ausgrabung heute. Methoden und Techniken der Feldgrabung / E. Gersbach (ed.). Darmstadt.
- Сорокин П. Е., 2009. Археологические исследования на территории Санкт-Петербурга // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып.3. СПб.
- Сорокин П. Е. и др., 2009. Археологические исследования крепостей Ландскрона и Ниеншанц в устье реки Охты в 2008 г. Предварительные результаты // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып.3. СПб.

Голоценовая толща Охтинского мыса: стратиграфия и условия формирования

М. В. Шитов, Х. А. Арсланов, Ю. С. Бискэ, Э. С. Плешивцева, И. В. Сумарева

Введение

Весной 2008 г. в ходе охранных раскопок П. Е. Сорокина в строительной зоне ОДЦ «Охта» на территории бывшего Петрозавода в устье р. Охта были обнаружены предметы материальной культуры эпохи первобытности. К осени 2008 г. стало ясно, что эти предметы – керамика, каменные орудия, янтарные украшения, деревянные кольца и рейки – встречаются на территории более 10000 кв. м, причём залегают они внутри и перекрыты выше по разрезу водными алевропесчаными отложениями мощностью от 0,50 до 2,50 м. Встречаются также погребённая почва и техногенные отложения средневековья – нового времени. Это местонахождение артефактов эпохи первобытности стало известно в литературе как археологический памятник Охта-1 (Сорокин и др., 2009).

Судя по площади распространения слоёв с находками, стоянка Охта-1 входит в число крупнейших на северо-западе России археологических памятников эпохи первобытности, наряду с Негежемской стоянкой на р. Свирь, Коломцы в Приильменье и Приладожскими стоянками А. А. Иностранцева. С последними стоянками Охта-1 имеет две характерные общие черты: отсутствие сколько-нибудь выраженной субаэральной поверхности, на которой мог обитать древний человек, и явно разновозрастной характер предметов материальной культуры.

Стратиграфические уровни с находками не имеют никаких признаков субаэральных условий, то есть не фиксируются ископаемыми почвами или автохтонным торфом. Эти уровни находятся на отметках от +3,20 до +0,70 м абсолютной высоты, иногда чуть ниже. При этом в вышележащих отложениях выработана четырёх–шестиметровая или Нижнеохтинская, по терминологии О. М. Знаменской и Е. М. Черемисиновой (1974), терраса Литоринового моря. Отсюда, при попытке интерпретации условий образования слоёв с находками, возникает несколько принципиальных вопросов. Во-первых, как эти слои соотносятся с историей трансгрессивно-регрессивных фаз Литоринового

моря в вершине Финского залива? Во-вторых, каков характер обнаруженных археологических комплексов: это поселение, временная стоянка/ промысловый участок древних рыбаков или охотников? И, в третьих, не являются ли находки переотложенными и где, в таком случае, находится их источник?

Материалы и методы исследования

Для ответа на эти вопросы и выяснения условий формирования слоёв с находками эпохи первобытности нами по договору с ИИМК РАН в период с 07.11.2008 г. по 14.04.2009 г. на территории Охтинского мыса проводились работы по описанию разрезов и отбору проб для спорово-пыльцевого анализа и радиоуглеродного датирования. Эти работы были дополнены полевыми обследованиями раскопок П. Е. Сорокина в мае, июле и сентябре 2009 г., а также раскопок Н. Ф. Соловьёвой в августе и октябре 2010 г. При этом фиксировались структурные и текстурные (в том числе директивные – косая слоистость, черепитчатое налегание уплощённых галек) особенности отложений, следы размывов и взаимоотношения предметов материальной культуры древнего человека с вмещающими их отложениями.

Голоценовая толща на Охтинском мысу весьма невыразительна. В ней отсутствуют характерные последовательности отложений, фиксирующие трансгрессивно-регрессивные перемещения древних береговых линий. Алевропесчаные отложения, преобладающие в разрезе, характеризуются очень высокой проницаемостью. Так, например, разлитый в прошлом на территории Петрозавода мазут проник в них на глубину до 3,0–3,5 м и достиг уровня грунтовых вод. Очевидно, эта толща могла быть давно промыта, а ископаемые споры и пыльца в ней вымыты или переотложены. Поэтому при опробовании пришлось учитывать литологический состав отложений, контролирующий возможность сохранения ископаемых спор и пыльцы *in situ*.

Спорово-пыльцевой метод использовался для решения трёх основных задач: расчленения и

установления стратиграфического объёма разрезов, индикации антропогенного воздействия на палеоландшафты и реконструкции условий природной среды в эпоху первобытности. Всего при помощи спорово-пыльцевого метода на территории раскопок были изучены четыре разреза слоёв с находками эпохи первобытности (56 образцов). Только в образцах из двух разрезов (№ 4 и № 6) (рис. 1; 2) были обнаружены ископаемые споры и пыльца. В лаборатории палеогеографии и геохронологии четвертичного периода факультета географии и геоэкологии СПбГУ (руководитель Х. А. Арсланов) по древесному детриту получены четыре ^{14}C -определения абсолютного возраста.

Основные черты строения голоценовой толщи. Текстуры и структуры осадков

В целом голоценовая толща на Охтинском мысу характеризуется следующим строением.

1. Основание разреза составляет переслаивание мелкозернистых алевритистых песков и песчаных алевритов с охристыми пятнами видимой мощностью до 1,0 м.

2. Выше с резким размывом залегают грубообломочные отложения – крупнозернистые пески, гравий, галька и валуны кристаллических пород размером до 0,25–0,30 м по длинной оси и окатыши зеленовато-серого алеврита. Иногда можно наблюдать эти алевриты ненарушенными или подвергшимися частичному размыву. В подошве, в кровле и внутри грубообломочных отложений, а также на коррелятивных с ними уровнях часто встречаются предметы материальной культуры эпохи первобытности. Обычно наблюдается два-три хорошо выраженных прослоя грубозернистого материала мощностью от 0,05 до 0,40 м.

Пески и гравий выполняют понижения в кровле нижележащих алевропесчаных отложений. Эти понижения, западины относительной глубиной до 0,30 м часто содержат скопления древесины – стволов, коры, обугленного детрита и аллохтонного торфа. Тальвеги западин имеют субмеридиональную, северо-западную или северо-восточную ориентировку; они понижаются с юга на север от 3,0 м абсолютной высоты южнее рва Ландскроны до 0,50–0,70 м абсолютной высоты в раскопах № 15 и № 16, то есть на 2,0–2,50 м на протяжении 150–200 м. По бортам западин с грубообломочным заполнением широко развиты разнообразные деформационные текстуры, в которые оказались вовлечёнными ниже- и вышележащие отложения.

В грубообломочных отложениях часто наблюдается косая слоистость с падением косых слоёв преимущественно к северу, к северо-западу, реже к югу. Отсюда реконструируются направления палеотечений – чаще северное, иногда западное или южное. Эти направления подтверждаются и по относительно редким случаям черепитчатого налегания уплощенных галек.

Иногда наблюдается циклитовое строение пачки № 2. Например, южнее рва Ландскроны в её основании залегает базальный горизонт – грубый песок с гравием (до 0,07 м), а выше – косослоистый среднезернистый песок с падением косых слоёв в северном направлении (цв. илл. 33). Нижняя и верхняя границы циклита отчётливо несогласные, с глубоким размывом.

3. Ритмичное переслаивание песчаных алевритов и алевритистых мелкозернистых песков общей мощностью от 0,40 до 1,20–1,50 м. Существенно песчаные слои имеют мощность от первых миллиметров до 0,02–0,04 м. Встречаются субвертикальные железистые внедрения, развитые, видимо, по корням растений. В кровле – следы неглубокого размыва.

4. Неяснослоистые алевропесчаные отложения мощностью 0,50–0,70 м; в юго-восточной части Охтинского мыса (раскоп № 104) – косослоистые отмытые пески. В их кровле залегает ископаемая почва с хорошо развитым профилем, погребённая под техногенными отложениями Ландскроны, Ниеншанца и нового времени.

Наиболее выразительно описанное строение голоценовой толщи Охтинского мыса представлено в расчистке северной стенки рва Ландскроны, вдоль которой она была вскрыта в субширотном направлении на протяжении более чем 25 м и на глубину до 3,0 м (рис. 1). Здесь в пределах квадрата Б''-18 (по археологической номенклатуре) находился разрез № 4, изученный при помощи спорово-пыльцевого метода. В нем с отметки 1,05 м абсолютной высоты выходят (снизу вверх): 1) песок мелкозернистый алевритистый с растительным детритом и примазками аллохтонного торфа видимой мощностью более 0,10 м; по древесному детриту получены датировки 4540±60 л.н. (ЛУ-6197) и 4770±70 л.н. (ЛУ-6158); 2) песок мелкозернистый алевритистый светло-серый, желтоватый мощностью 1,30 м. В 0,45 и 0,60 м от основания разреза встречаются слои аллохтонного торфа мощностью до 0,02 м, ограниченные поверхностями размыва; по нижнему из них получена датировка 5120±100 л.н. (ЛУ-6161); в интервале 0,77–0,79 м от основания

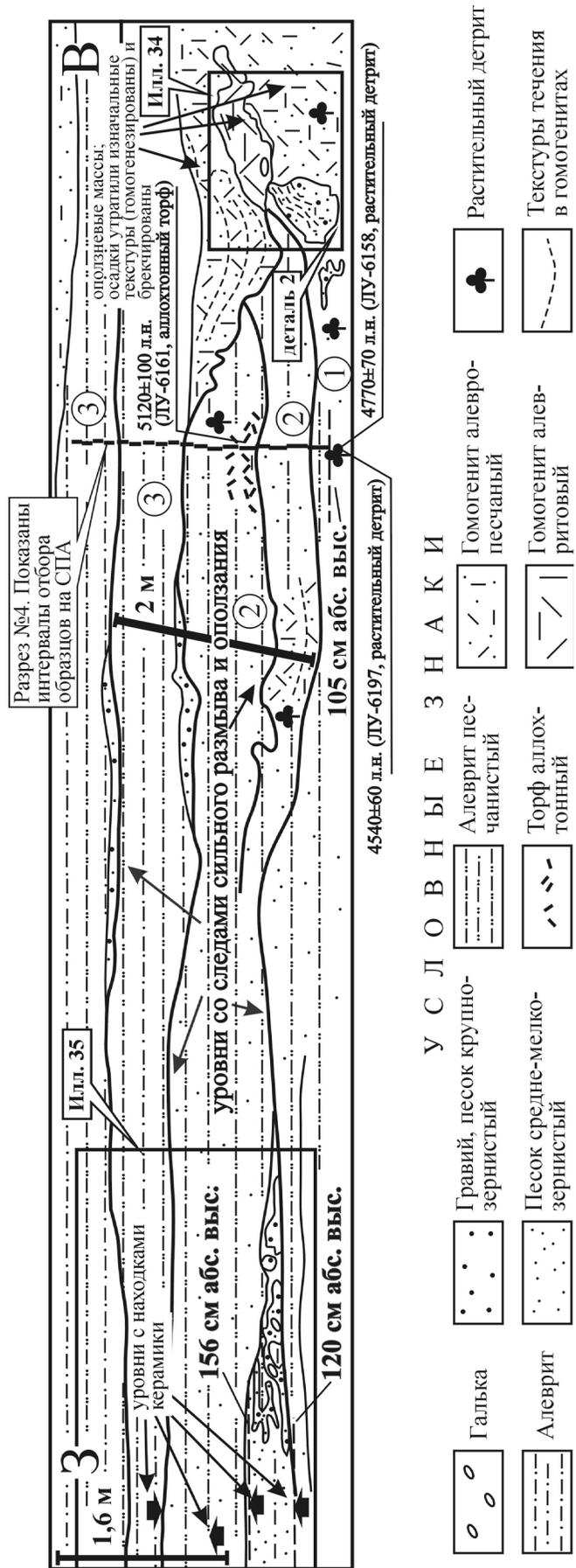

Рис. 1. Основные черты строения голоценовой толщи в разрезе вдоль северной стенки рва Ландскроны и местоположение разреза № 4. Прорисовка по панорамной фотографии. Из-за перспективы масштабы несколько искажены

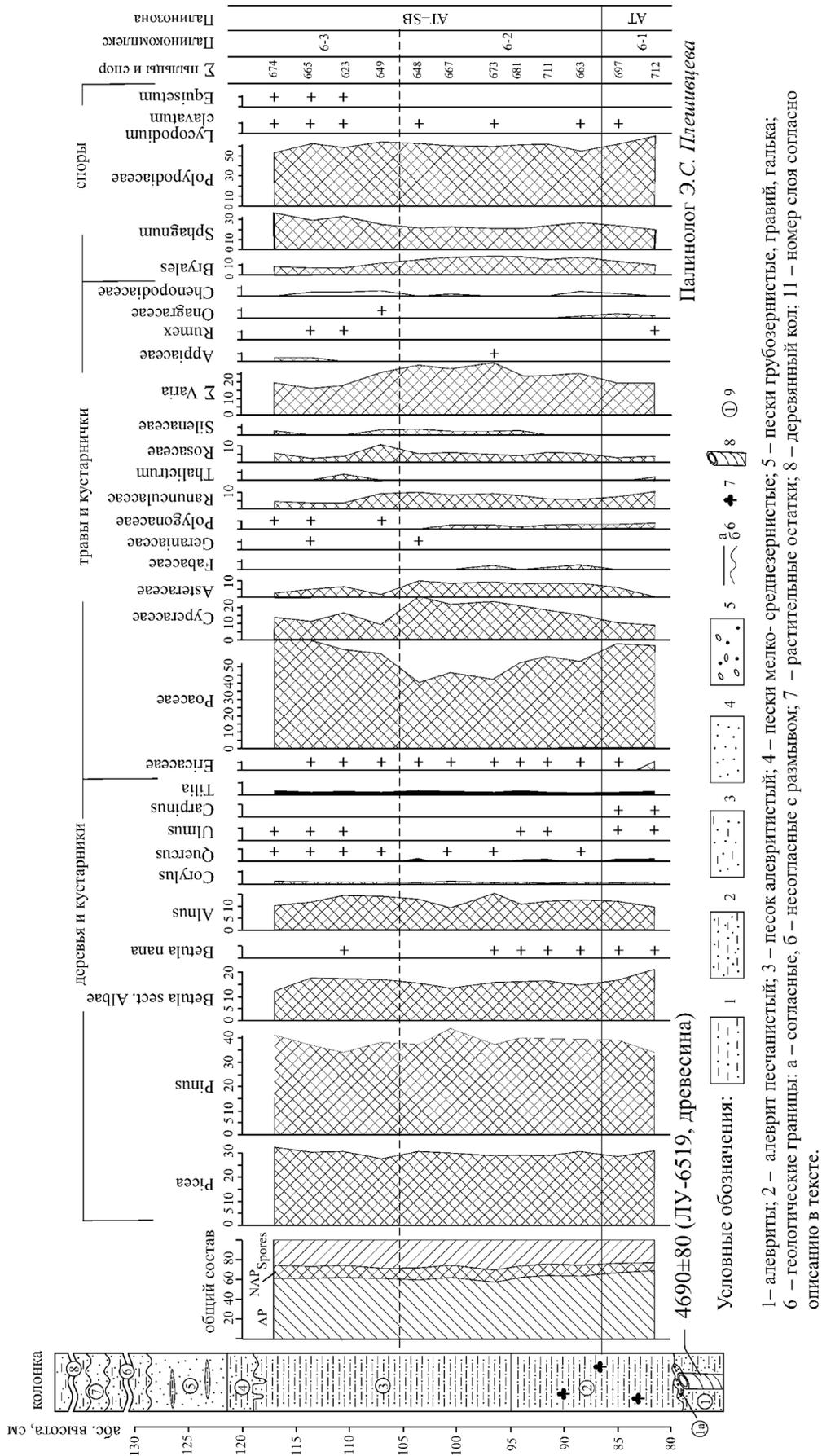

Рис. 2. Спорно-пыльцевая диаграмма разреза № 6

разреза залегает слой грубозернистого песка, фиксирующий уровень размыва; пачки № 1 и № 2 образуют синформное заполнение; верхняя граница пачки № 2 отчётливо несогласная; 3) переслаивание алевритистого песка и песчанистого алеврита мощностью 0,80–1,0 м.

К востоку от места забора проб в разрезе № 4 наблюдаются отчётливо выраженные подводно-оползневые структуры (рис. 1; цв. илл. 34). Как видно на рисунках, основание этих структур уходит ниже площадки раскопа, при этом пачка № 1 в разрезе № 4 залегает на оползневых массах. Эти массы имеют все характерные признаки подводных оползней: осадки в них брекчированы, часто почти полностью гомогенизированы (то есть утратили изначальные осадочные текстуры), в них встречаются явно перемещённые, запрокинутые, но почти не окатанные глыбы рыхлых осадков и прослои аллохтонной органики, а также многочисленные следы размывов.

К западу по простиранию пачка № 1 ясно соотносится с поверхностью глубокого размыва, на которой в западном углу рва Ландскроны залегает 0,30–0,40-метровая линза грубого песка и гравия с галькой (квадрат Ж`-16). В кровле и подошве этой линзы, а также на вышележащих поверхностях размыва встречаются фрагменты керамики эпохи первобытности (цв. илл. 35). Характер контактов этой линзы с выше- и нижележащими отложениями отчётливо несогласный, с резким размывом и сложными, в том числе конволютными, проникновениями песчанистых алевритов в песчано-гравийные отложения (цв. илл. 35). Это указывает не только на размыв, но и на некоторое латеральное смещение осадков по границам линзы, то есть на развитие подводно-оползневых явлений. Прослеживая верхний контакт грубообломочной линзы по простиранию к востоку, можно убедиться (см. рис. 1), что он соответствует слою с аллохтонным торфом. По этому торфу получена датировка 5120 ± 100 л.н. (ЛУ-6161) – значимо более древняя, чем по растительному детриту из нижележащих отложений – 4540 ± 60 л.н. (ЛУ-6197) и 4770 ± 70 л.н. (ЛУ-6158), то есть здесь имеет место инверсия датировок. Отсюда следует, что оползневая толща характеризуется нарушенной стратификацией, а грубообломочная линза синхронна оползням и образовалась очень быстро.

Переотложенный характер органического вещества в оползневой толще подтверждают и результаты спорово-пыльцевого анализа разреза № 4. Из шестнадцати изученных образцов в этом разрезе только шесть содержали обеднённый

таксономический состав пыльцы древесных растений и споры при полном отсутствии пыльцы травянистых растений. Такой состав спорово-пыльцевых спектров не соответствует времени формирования осадков и свидетельствует о том, что вся пыльца и споры находятся во вторичном залегании, а источником их явились микроскопические комочки аллохтонного торфа.

Описанные выше основные черты строения голоценовой толщи сохраняются в целом на всей территории Охтинского мыса. В самой северной (раскоп № 105) и восточной (раскопы № 101 и № 102) частях мыса следы размывов выражены не столь отчётливо, как в южной и центральной частях, а заполнение западин представлено более мелкозернистым материалом. Эти небольшие различия строения голоценовой толщи в центре и на периферии Охтинского мыса объясняются, видимо, тем, что заполнение западин представлено в разных фациях, более и менее удалённых от источника сноса грубого материала.

Следует отметить, что орудия и фрагменты керамики эпохи первобытности чаще всего встречаются в грубообломочных отложениях средней части разреза и чётко связаны со следами глубоких размывов (цв. илл. 35). Вместе с тем, артефакты присутствуют и в верхней части разреза, в ритмично-слоистых алевропесчаных отложениях пачки № 3. Там взаимоотношения предметов материальной культуры древнего человека и вмещающих их пород не столь очевидны.

Для примера рассмотрим эти взаимоотношения в квадрате И-46 в крайнем юго-восточном углу раскопа Т. М. Гусенцовой к югу от рва Ландскроны. Толща здесь характеризуется двучленным строением (цв. илл. 36). Нижняя пачка около 1,20–1,50 м мощностью представлена ритмично-слоистыми алевропесчаными отложениями. Песчаные слои имеют мощность от первых миллиметров до 0,02–0,04 м. Алевритовые прослои тоньше. Верхняя алевропесчаная пачка мощностью 0,55–0,60 м залегает с отчётливым размывом на пачке № 1; она утрачивает чёткое ритмично-слоистое строение и характеризуется очень неясной, прерывистой, волнистой, линзовидной слоистостью. На контакте пачек встречаются обломки керамики и хорошо окатанные гальки гранита и биотитроговообманкового сланца размером до 0,07–0,10 м по длинной оси.

Как видно на цв. илл. 36, обломок керамики на отметке около 3,16 м абсолютной высоты (едва ли не самой высокой среди всех известных авторам)

приурочен к существенно песчаному прослою на границе пачек № 1 и № 2. Этот прослой с ясным размывом перекрыт алевропесчаной пачкой № 2. Черепок лежит на мелкопесчаном слое (слоек 1); более тёмный по фототону слегка алевролитистый слой 2 заходит подошвой справа (с юга) под основание черепка, а в кровле образует «подворот». Вышележащий слой 3 сперва погружается в сторону черепка, а затем утрачивает слоистость и становится гомогенным. Слой 4 с размывом, видимо, залегает выше по разрезу и подошва его уже никак не фиксирует обломок.

В этом разрезе обломок керамики был захоронен между отложением слоя 1 и слоя 4 – осадков, безусловно, водных. Однако размыв в основании слоя 4 не может быть связан с субаэральным перерывом, во время которого территория Охтинского мыса осушилась. Этому противоречат взаимоотношения обломка со слоями 2 и 3 – с проникновением подошвы и «подворотом» кровли первого и погружением с гомогенизацией второго. Отсюда следует, что черепок отложился в водной среде одновременно со слоями 2 и 3. Очевидно, что гомогенизированное заполнение слоя 3 над обломком и «подворот» слоя 2 связаны с действием несильного волнения или течения. Никаких признаков иных взаимоотношений обломков керамики с вмещающими осадками нам наблюдать не приходилось.

Результаты спорово-пыльцевого анализа

Только один из четырёх изученных нами разрезов оказался пригоден для целей палиностратиграфии. Это разрез № 6, расположенный посередине северной стенки раскопа № 15, где удалось установить взаимоотношения деревянного кола эпохи первобытности с отложениями одной из трансгрессивных фаз Литоринового моря. Здесь с отметки 0,50–0,70 м абсолютной высоты наблюдались (снизу вверх, рис. 2):

1) серый мелкозернистый песок с незначительной примесью алевроитового материала видимой мощностью 0,10 м. В кровле песка наблюдаются деревянные конструкции эпохи неолита. Среди них встречаются вертикально забитые колья, один из которых, диаметром около 0,07 м, находился на участке забора проб. По нему получена радиоуглеродная датировка 4690 ± 80 л.н. (ЛУ-6519). Этот кол не проникает в слой № 2 – он им срезается. Понижение в кровле слоя № 1, оставшееся на месте кола, заполнено грубым песком, гравием и мелкой галькой (до 0,015 м) кристаллических пород (слой № 1-а). Эти грубозернистые отложения

встречаются только в виде заполнений диаметром до 0,15 м, приуроченных к ямкам, оставшимся от выступавших из слоя № 1 и сгнивших затем кольев. В грубозернистом песке отмечен черепок керамики с ямочным орнаментом. Контакт со слоем № 2 резкий, чёткий, волнистый, видимо, несогласный;

2) алевроит плотный, не размокший, коричневатосерый с чешуйками слюды и мелким обугленным растительным детритом. Не выдержан по простиранию: залегает в виде «горба» с неровными кровлей и подошвой. Мощность слоя изменяется от 0 до 0,25–0,30 м. Верхний контакт чёткий, но видимо согласный;

3) коричневый плотный, не размокший песчанистый алевроит с жёлтыми и коричневыми пятнами облекает «горб» слоя № 2. Его мощность изменяется от 0,15 до 0,60 м за счёт понижения кровли слоя № 2. Кровля слоя № 3 находится на одном гипсометрическом уровне с небольшими, до 0,02–0,03 м, углублениями;

4) алевроит песчанистый мощностью 0,02–0,03 м;

5) песок среднезернистый с грубыми песчинками и линзочками (0,01–0,015 м) светло-коричневого песчанистого алевроита. Хорошо выдержан по простиранию. Мощность изменяется от 0,04 до 0,20–0,30 м в восточном направлении. Верхний контакт с отчётливым размывом;

6) светло-серый мелкозернистый алевроитистый песок, мощность его меняется от 0,05 до 0,30–0,40 м за счёт выклинивания в восточном направлении слоя № 7. Верхний контакт очень неровный, видимо несогласный;

7) песок жёлтый мелко-среднезернистый мощностью от 0 до 0,05 м;

8) песок серый алевроитистый мелкозернистый мощностью 0,15–0,20 м.

Выше разрез продолжают погребённая почва и техногенные отложения – щебень, дресва, суглинок средневековья – нового времени.

Этот разрез – один из немногих, где вместо грубообломочных отложений и мелкозернистых алевроитистых песков предметы материальной культуры древнего человека перекрыты плотными неразмокшими алевроитами слоёв № 2 и № 3 общей мощностью около 0,50 м. Эти алевроиты слагают линзовидное тело субширотной ориентировки,

связанное, видимо, с понижением в палеорельефе, где в условиях «гидродинамической тени» происходило отложение тонких осадков.

Ископаемые споры и пыльца хорошей сохранности были обнаружены в большом количестве в слоях № 2 и № 3 (12 образцов) в интервале 0,80–1,19 м абсолютной высоты; выше- и нижележащие отложения были, видимо, промыты и ископаемые споры и пыльцу не содержали. Как видно на спорово-пыльцевой диаграмме (СПД; цв. илл. 36), в этом разрезе можно выделить три палинокомплекса (ПК; снизу вверх).

ПК 6-1 (интервал 0,80–0,87 м абсолютной высоты) установлен в нижней части коричневых алевритов слоя № 2. В общем составе доминирует пыльца деревьев и кустарничков (от 66,9 до 69,0 %) и споры (23,0–23,5 %), при незначительном участии пыльцы травянистых растений (NAP – от 8,0 до 9,6 %). В составе пыльцы основных лёсообразующих пород доминирует пыльца сосны (*Pinus sylvestris* – от 34,2 до 39,3 %) и ели (*Picea abies* – от 28,3 до 30,8 %) при участии пыльцы древовидных видов берез (*Betula sect. Albae* – от 16,7 до 21,2 %) и ольхи (*Alnus* – от 9,6 до 12 %). Единично встречается пыльца карликовой березки (*Betula nana*) и широколиственных пород – дуба (*Quercus*), вяза (*Ulmus*), липы (*Tilia cordata*), граба (*Carpinus*) и лещины (*Corylus*). В составе пыльцы травянистых растений доминирует пыльца злаков (*Poaceae* – 63,2–64,2 %) при участии пыльцы осок (*Cyperaceae* – от 8,8 до 10,4 %), вересковых (*Ericaceae* – от 1,5 до 5,3 %) и разнотравья – *Asteraceae* (6,0 %), *Rosaceae* (3,0–3,5 %), *Ranunculaceae* (7,5–10,5 %), и др. В незначительных количествах (первые проценты) отмечена пыльца *Chenopodiaceae*, *Polygonaceae*, *Rumex* и *Onagraceae*. В составе спор преобладают споры *Polypodiaceae* (61,6–69,5 %), *Sphagnum* (19,5–15,4 %) и *Bryales* (9,8–13,4 %) при небольшом содержании спор *Licopodium clavatum* (1,2 %). Судя по составу пыльцы основных лёсообразующих пород, ПК 6-1 соответствует самому концу атлантического времени у рубежа AT/SB. На такой возраст отложений указывает и полученная датировка по колу в подошве алевритов слоя № 2 – около 4700 ¹⁴C л.н. Эта датировка очень близка к возрасту атланτικο-суббореального рубежа, который на территории Ленинградской области составляет около 4800 ¹⁴C л.н. (Arslanov *et al.*, 1999).

Формирование ПК 6-1 происходило, вероятно, в условиях широкого распространения приморских лугов. Сколько-нибудь уловимое антропогенное воздействие на палеоландшафты не фиксируется.

Дополнительным подтверждением такому выводу является отсутствие пыльцы *Chamaenerium angustifolium* и *Epilobium* – обычных спутников неолитических поселений, а также пыльцы *Plantago*, *Urtica* и *Polygonum aviculare*.

ПК 6-2 (интервал 0,87–1,05 м абсолютной высоты) установлен в алевритах слоёв № 2 и № 3. В этом ПК слегка сокращается участие пыльцы древесных пород (57,4–64,0 %) и возрастает содержание пыльцы травянистых растений (10,7–12,2 %) и спор (до 30,0 %). Исчезает пыльца граба. Закономерно уменьшается количество пыльцы злаков снизу вверх по разрезу – от 53,5 % до 46,3 % при одновременном росте содержания пыльцы осок (от 15,0 % до 26,6 %). Максимум достигает участие пыльцы разнотравья (до 31,8 %). ПК 6-2 образовался, вероятно, на атланτικο-суббореальном рубеже на фоне повышения уровня Литоринового моря.

ПК 6-3 (1,05–1,19 м абсолютной высоты) установлен в верхней части алевритов слоя № 3. В нем существенно, в два–три раза, сокращается содержание пыльцы осок и разнотравья (до 16,3–26,2 %), а количество пыльцы злаков увеличивается (58,5–66,7 %). Максимум достигает участие пыльцы маревых (до 3,1 %). Появляются споры хвоща (*Equisetum* – до 1,2 %). Образование этого ПК фиксирует, вероятно, определённый этап в развитии прибрежных ландшафтов – например, образование и временную стабилизацию береговых валов или приморских лугов, на которых получили распространение злаковые сообщества с примесью разнотравья и хвощей. Возраст отложений – атланτικο-суббореальный. Признаков антропогенного воздействия на ландшафты не отмечено.

Таким образом, в изученном разрезе фиксируется начальная стадия развития трансгрессивной фазы Литоринового моря. Ей предшествовал период низкого стояния уровня воды, когда древними людьми около 4700 ¹⁴C л.н. до отметки около 0,50 м абсолютной высоты был забит один из деревянных кольев. Очевидно, поверхность дна тогда вряд ли могла превышать 1,0 м абсолютной высоты. Для того, чтобы забитые колья надёжно держались, нет никакой необходимости заглублять их более чем на 0,50 м. Даже с лодки на глубине воды более 1,50 м колья забивать уже почти невозможно. Поэтому, не учитывая пока возможность новейших движений земной поверхности, получаем приблизительную отметку уреза воды в это время около 2,50 м абсолютной высоты. Этот кол выступал над поверхностью

донных осадков и сгнил в воде. Затем, пока еще сохранялась ямка от кола, произошли активизация гидродинамических условий, заполнение ямки грубым материалом вместе с черепком керамики и отложение алевритовых осадков слоя № 2.

Закономерные колебания соотношения пыльцы злаков и осок отражают развитие ландшафтов на фоне изменения уровня воды. Присутствие пыльцы *Chenopodiaceae*, *Rumex* и *Polygonaceae* связано, скорее всего, с эффектом колебания уровня воды, когда при трансгрессивно-регрессивных перемещениях береговой линии возникают новые местообитания, а не с антропогенным воздействием древнего человека на палеоландшафты.

Подведём предварительный итог. Находки предметов материальной культуры эпохи первобытности чётко ассоциируются с грубообломочными отложениями, а те более редкие, которые находятся внутри алевропесчаного переслаивания, приурочены, тем не менее, к поверхностям размыва. Эти размывы свидетельствуют только об активизации гидродинамических условий осадконакопления (шторма, сгонно-нагонных явлений, наводнения?) на рубеже атлантического и суббореального времени около 4700 ¹⁴C л.н., но никак не об установлении субэаральных условий.

Важно, что за все время раскопок слоёв с находками эпохи первобытности, то есть с 2008 г. по 2010 г., не удалось зафиксировать никаких признаков субэаральных условий – погребённых почв или автохтонных торфяников. Вряд ли их отсутствие можно объяснить спецификой палеогеографических условий, например распространением здесь пляжей, где почвообразование не происходит из-за дефляции и периодической абразии.

Такому предположению противоречит ряд аргументов. Во-первых, на Охтинском мысу находился не песчаный пляж, а были распространены вязкие алевропесчаные грунты, плохо дренированные и заболоченные. Во-вторых, никаких существенных изменений в строении толщ, содержащих артефакты, не наблюдается на протяжении 250 м ни в субмеридиональном, ни в субширотном направлениях. То есть следует предполагать существование очень широкого пляжа – образования весьма эфемерного: на нем и за ним всегда образуются хотя бы невысокие береговые валы, на которых начинается почвообразование, поселяется древесная растительность и накапливается торф (низинные притеррасные торфяники). Известно, что профиль подзолистой почвы на песчаных

грунтах развивается менее чем за 100 лет¹. На гораздо более тяжёлых по гранулометрическому составу отложениях Охтинского мыса процессы почвообразования проявились бы за более короткое время – в геологическом смысле почти мгновенно, как это происходит при образовании гидроморфных аллювиальных почв слоистых пойм.

Грубообломочные отложения слагают линзовидные тела, вытянутые преимущественно в субмеридиональном, реже северо-западном и северо-восточном направлениях. Эти отложения залегают с чётким несогласием и выполняют понижения, западины со скоплениями древесины – стволов, коры, обугленного детрита, аллохтонного торфа и предметами материальной культуры древнего человека. Судя по направлениям падения косых слойков и черепчатого налегания уплощённых галек, движение воды при отложении грубообломочных осадков происходило в северном, реже в южном и западном направлениях. Тальвеги западин понижаются на протяжении 200 м с юга на север от 3,0 м до 0,50–0,70 м абсолютной высоты, т.е. фиксируют довольно крутой палеосклон с перепадом высоты не менее 2,0–2,50 м. Впоследствии этот палеосклон был погребён под ритмично-слоистыми алевропесчаными осадками и сменился горизонтальной площадкой четырёх-пятиметровой Нижнеохтинской, по терминологии О. М. Знаменской и Е. М. Черемисиновой (1974), террасы Литоринового моря. Западины с грубозернистым заполнением представляют собой миниатюрные палеоруслу, вероятно, субаквальных рукавов оттока наводнений, выработанных в приусловом вала или приустьевом баре палео-Охты, может быть в береговом валу лагуны Литоринового моря.

Стратиграфический объём слоёв с находками остался неизвестен: удалось зафиксировать только рубеж AT/SB. В изученной толще отмечены следы многочисленных размывов, врезов и развития подводно-оползневых явлений. За исключением забитых древними людьми кольев, в отношении остальных находок имеются серьёзные сомнения в их нахождении *in situ*. Как видно на примере разреза вдоль северной стенки рва Ландскроны (рис. 1; цв. илл. 33 и 34), линза грубообломочных отложений с находками и подводно-оползневые текстуры образовались синхронно и в течение очень короткого промежутка времени. Поэтому для расчленения голоценовой толщи в устье Охты археологические находки использовать нельзя.

¹ Другие типы почв требуют для формирования профиля более длительного времени.

Вероятно, они чаще всего представляют собой своеобразную россыпь, а их возраст характеризуется только нижний предел возраста осадков. Признаки антропогенного воздействия в конце атлантического – начале суббореального времени не фиксируются. Появление в разрезе № 6 пыльцы некоторых растений-индикаторов нарушенных местообитаний связано, скорее всего, с эффектом колебания уровня воды.

Следует отметить, что М. А. Кулькова с соавторами придерживаются иной трактовки стратиграфии голоценовой толщи на территории Охтинского мыса (Кулькова и др., 2010). Согласно их данным, в разрезах «...наблюдается горизонтальное залегание слоёв, без следов несогласного залегания и переложения» (Кулькова и др., 2010. С. 14). Этому утверждению противоречат не только явные, наблюдаемые в поле, повсеместно распространённые на территории Охтинского мыса следы размывов и врезов, но и результаты геохронологических исследований самих авторов (Кулькова и др., 2010. С. 19, 20, табл. 2–4,). Так, например, в раскопе № 7/2, где расположен опорный разрез указанных авторов, с отметки 2,03 м абсолютной высоты² по нагару на керамике (Кулькова и др., 2010. Табл. 2) ими получена датировка 4000±150 л.н. (СПб_57). Возраст обугленного растительного детрита с той же самой высотной отметки оказался равен 4900±120 л.н. (ЛЕ-8683), а в одном сантиметре выше по разрезу, с отметки 2,04 м – 4650±140 л.н. (ЛЕ-8676). В том же раскопе № 7/2 по обугленному растительному детриту с отметок 2,49 и 2,60 м получены датировки соответственно 3370±100 л.н. (СПб_44) и 3150±100 л.н. (СПб_47), а с отметки 2,53 м, то есть в интервале между ними – 4160±90 л.н. (ЛЕ-8681), что указывает на инверсию дат.

Кроме того, если М. А. Кулькова с соавторами (2010) приводят высотные отметки, с которых отбирались датированные образцы, а не глубины от какого-либо репера, то в раскопе № 7/2 фиксируется впечатляющая инверсия датировок. Так, с отметки 2,11 м ими получены датировки 4970±140 л.н. (ЛЕ-8677, растительный детрит) и 4740±110 л.н. (ЛЕ-8682, растительный детрит), а гипсометрически ниже, с отметки 1,92 м получена датировка 4390±100 л.н. (СПб_39, нагар на керамике), с отметки 2,03 м – 4000±150 л.н. (СПб_77, нагар), с

отметки 2,07 м – 4060±130 (СПб_22, растительный детрит) и с отметки 2,09 м – 4050±100 л.н. (СПб_41, нагар).

Таким образом, датировки по растительным остаткам и нагару на керамике в одном раскопе, с одного и того же гипсометрического уровня могут различаться на 1000 лет. Почти такой же разброс дают и инверсии датировок. Отсюда следует, что предметы материальной культуры и растительные остатки не характеризуют возраст осадков и являются переотложенными или приурочены к врезам и размывам с латеральными стратиграфическими контактами. Поэтому хроностратиграфическое обоснование непрерывности изученных авторами разрезов нельзя признать достаточным.

Не вполне убедительными представляются и палиностратиграфические доказательства полноты разреза в раскопе № 7/2 в объеме от атлантической до субатлантической зон. Так, согласно М. А. Кульковой с соавторами (2010) в составе пыльцы травянистых растений в атлантико-суббореальных отложениях представлены пыльца водных растений *Typha*, *Sparganium*, сорных растений-индикаторов антропогенного воздействия на палеоландшафты: пасквальных и рудеральных (*Plantago*, *Rumex*, *Urtica*, *Artemisia*), сегетальных (*Centaurea cyanus* – василек синий и *Ambrosia artemisiifolia* – амброзия полыннолистная), а также злаков посевных (*Cerealia*). Однако сочетание в одном палиноспектре эпохи первобытности пыльцы водных растений, пыльцы пасквальных, рудеральных и сегетальных сорняков, а также пыльцы злаков посевных нетипично. Их пыльца совместно может быть захоронена в озерных отложениях или торфе низинного торфяника на окраине средневекового или современного сельского поселения, где сочетаются пасквальные и рудеральные местообитания с подорожником, щавелем, крапивой и полынями, а также культивируемые поля ржи с типичным сегетальным сорняком – васильком синим. Вряд ли пыльца этих растений могла оказаться в донных осадках обширного эстуария Литоринового моря, окружённого болотистой приморской равниной, даже если древнейшее население и практиковало земледелие.

Растения-индикаторы в условиях северо-запада никогда не приобретают фитоценотического значения, то есть не образуют сплошных зарослей (исключение – иван-чай на гарях), характеризуются ничтожной пыльцевой продуктивностью и образуют очень локальные палиноспектры. Поэтому их

² Из описания авторов не вполне ясно, являются ли приводимые ими отметки высотными, или относятся к глубине от какого-либо репера. В контексте обсуждения это чаще всего неважно, так как сравниваются датировки с одной высотной отметки или совпадающие интервалы.

пыльца не могла быть принесена в район раскопок с удалённых местообитаний, хотя полыни и маревые, например, могли встречаться поблизости за счёт эффекта колебания уровня воды.

Кроме того, указанными авторами в палиноспектрах эпохи первобытности отмечена пыльца *Ambrosia artemisiifolia* (амброзии полыннолистной). Это растение – злостный сеgetальный сорняк северо-американского происхождения (Ульянова, 1998). Впервые на территории России амброзия полыннолистная была отмечена как сорняк кукурузы и подсолнечника в 1919 г. в окрестностях Ставрополя, появилась в 1922 г. на Украине и в 1934 г. достигала Казахстана (Ульянова, 1998).

Пыльца *Ambrosia artemisiifolia* является, безусловно, индикатором сеgetальных местообитаний, но только со второй половины XX в. и в южной полосе России. Её присутствие, так же как и совместное нахождение пыльцы злаков посевных, сеgetальных, рудеральных и пасквальных сорняков и водных растений в слоях с находками эпохи первобытности, скорее всего, свидетельствует о переотложенном или заносном происхождении, по крайней мере, некоторой части пыльцы в изученном указанными авторами разрезе (Кулькова и др., 2010). Это вызывает сомнения и в отношении непереотложенного характера пыльцы основных лёсообразующих пород, по которой производилось палиностратиграфическое расчленение разреза.

Палеогидрологический контекст

При реконструкции палеогеографических условий формирования слоёв с находками эпохи первобытности необходимо признать существование двух фаз литориновой трансгрессии, проявившихся на Охтинском мысу. Об этом свидетельствует весьма расчленённый палеорельеф, который фиксируют тальвеги палеорусел (каналов оттока) с грубозернистым заполнением. На него же ясно указывают широко распространенные подводно-оползневые структуры (см. описание разреза вдоль северной стенки рва Ландскроны), которые требуют для образования достаточно крутых палеосклонов. Этот палеорельеф погребен под алевропесчаными отложениями четырёх–шестиметровой террасы. Следовательно, в устье Охты представлены следы не менее двух трансгрессивных фаз Литоринового моря. В осадках первой из них был выработан палеорельеф с рукавами оттока. Отложения второй фазы слагают современную четырёх–шестиметровую террасу.

До сих пор на территории Санкт-Петербурга были известны свидетельства только одной фазы

литориновой трансгрессии. Ее начало фиксируется датировками кровли погребённого торфа в подошве литориновых отложений на отметках от -2,0–-3,0 м абсолютной высоты (Лахтинское болото) до + 0,50 м абсолютной высоты (ул. Новгородская): соответственно 7490±90 л.н. и 6060±170 л.н. (Знаменская, Черемисинова, 1974; Путеводитель, 1982).

Литориновые отложения слагают в Санкт-Петербурге две террасы: Василеостровскую и Нижнеохтинскую (Знаменская, Черемисинова, 1974). При снятом насыпном слое они имеют высоту, соответственно, 0–3,0 м и 4,0–6,0 м абсолютной высоты. Василеостровская терраса сложена литориновыми отложениями, перемытыми при наводнениях. Разрез Нижнеохтинской террасы представлен трансгрессивно-регрессивной последовательностью торф–алеврит/гиттия/песок–торф. Нижнеохтинская терраса имеет два уступа: верхний с тыловым швом на отметке 6,0–7,0 м абсолютной высоты, фиксирующий максимальный уровень литориновой трансгрессии, и нижний на абсолютной высоте 3,0–4,0 м, соответствующий стабилизации уровня Литоринового моря на регрессивной фазе. Тыловой шов уступа 6,0–7,0 м абсолютной высоты отчётливо выражен в парке Лесотехнической Академии и Удельном парке (Путеводитель..., 1982).

Завершение литориновой трансгрессии на территории Санкт-Петербурга фиксируется накоплением торфяников до 1,50 м мощностью с подошвой на абсолютных отметках от 2,50 м (11 линия В.О.) до 3,50 м (ул. Новгородская). В нижней части торфяники характеризуются суббореальными пыльцевыми спектрами (Знаменская, Черемисинова, 1974, Путеводитель..., 1982).

Для окрестностей Санкт-Петербурга число фаз литориновой трансгрессии остаются спорными. По данным О. М. Знаменской с соавторами из разреза на Черной речке (Знаменская и др., 1980), отмечается только одна фаза литориновой трансгрессии, которая началась «...около 7000 лет назад и продолжалась, с небольшим регрессивным перерывом, до 4000 лет» (Путеводитель..., 1982. С. 39). Максимум она достигла около 6000–5500 ¹⁴C л.н. «...во второй половине атлантического времени, т.е. сразу после периода климатического оптимума» (Знаменская и др., 1980. С. 147). Одну фазу литориновой трансгрессии в восточной части Финского залива зафиксировал и А. Миеттинен: судя по его данным, она достигла максимума около 6500–6000 ¹⁴C л.н. и завершилась приблизительно 4500 ¹⁴C л.н. (Miettinen, 2004).

Две фазы литориновой трансгрессии установили Г. И. Клейменова по данным из района г. Выборга (Клейменова и др., 1988) и Р. Н. Джиноридзе при изучении разреза у пос. Приветнинское (Джиноридзе и др., 1991). Согласно Г. И. Клейменовой, оказывается, что максимальных высотных отметок достигла вторая, позднеатлантическая трансгрессия, которая закончилась накоплением торфа с возрастом подошвы 4610 ± 150 л.н. (ЛУ-2922).

В то же время Р. Н. Джиноридзе с соавторами (1991) для начала второй фазы по кровле торфа (отметка 6,50 м абсолютной высоты) в подошве литориновых отложений получили датировку 4620 ± 60 л.н. (ЛУ-1961). Отсюда очень ярко проявляется диахронность второй фазы литориновой трансгрессии: в районе Выборга она заканчивается в то же время, когда начинается у пос. Приветнинское. Это очевидное следствие новейших движений.

В районе пос. Приветнинское известна, хотя и с очень большой погрешностью, регрессивная дата по подошве торфа в кровле литориновых отложений – 4380 ± 300 л.н. (ЛУ-3701, Субетто и др., 2002), то есть в пределе почти такая же, как и для начала трансгрессии.

В настоящей статье мы не будем касаться вопросов о влиянии голоценовых движений земной коры на полноту разрезов и выраженность трансгрессивно-регрессивных фаз. Традиционно считается, что Санкт-Петербург расположен на нулевой изобазе постлиторинового поднятия и что современные вертикальные движения на территории города близки к нулю или преобладают слабые опускания (см., например, Harf *et al.*, 2001; Miettinen, 2004). Последние данные по современным движениям заставляют усомниться в справедливости таких представлений и указывают на проявление весьма контрастных дифференцированных движений земной коры (поверхности) на территории Санкт-Петербурга (Ядута, 2003; Энман, 2005). Неясно, однако, насколько эти данные отражают долговременные тенденции в развитии колебательных движений, а насколько – влияние техногенных факторов (строительство, эксплуатация подземных вод, наполнение подземных хранилищ газа и др.). Помимо них давно известна область локальных движений на северо-западе Санкт-Петербурга в районе Лахтинского болота, испытывающего устойчивые опускания, по крайней мере, с позднеледниковья.

В предположении о двух фазах литориновой трансгрессии и незначительности последующих вертикальных движений на территории Санкт-

Петербурга, оценим возраст второй фазы. Ее начало может фиксировать датировка 4620 ± 60 л.н. (ЛУ-1961), полученная Р. Н. Джиноридзе с соавторами по кровле (6,5 м абсолютной высоты) погребённого торфяника в разрезе террасы у пос. Приветнинское на побережье Финского залива. Очень близкий результат получаем и по данным с Охтинского мыса. В разрезе № 6 возраст деревянного кола в основании трансгрессивной пачки оказался равен 4700 ^{14}C л.н. Такая хронология подтверждается и результатами спорово-пыльцевого анализа отложений второй фазы трансгрессии в разрезе № 6: они фиксируют атлантико-суббореальный рубеж и самое начало суббореального времени.

Площадка террасы литориновой трансгрессии у пос. Приветнинское имеет отметку 9,5 м абсолютной высоты против 6,0–7,0 м на территории Санкт-Петербурга. Отсюда следует, что постлиториновый перекоп составляет не менее 2,5–3,0 м. Тогда торфяник в Санкт-Петербурге, синхронный торфянику (около 4600 л.н.), изученному Р. Н. Джиноридзе у пос. Приветнинское (6,5 м абсолютной высоты), должен располагаться на отметке около 3,5–4,0 м абсолютной высоты.

Приблизительно такую отметку должен иметь предполагаемый неолитический культурный слой *in situ* на Охтинском мысу. Однако артефакты там встречаются на отметках ниже 1,0 м абсолютной высоты, то есть заведомо ниже уровня воды синхронных балтийских палеобассейнов. Объяснить это можно только сносом по палеосклону или новейшими тектоническими опусканиями. Поскольку находки ассоциируют с грубо-обломочными отложениями и никаких признаков субаэральных условий в разрезах не отмечено, первое объяснение представляется более вероятным.

Определим теперь время завершения второй фазы литориновой трансгрессии. Весьма вероятно, что четырёхметровой Нижнеохтинской террасе Литоринового моря на территории С.-Петербурга соответствует четырёхметровая терраса на правом берегу Невы в Невском Лесопарке (Яковлев, 1926). Разрез этой террасы подробно изучен работами Д. Б. Малаховского с соавторами (Малаховский и др., 1989; 1993; Malachovskij *et al.*, 1996) и Д. Б. Кошечкиным и И. Экманом (1993). В этом разрезе атлантико-суббореальная гиттия Литоринового моря на отметке около 2,0 м абсолютной высоты перекрыта суббореальным торфом (0,30 м). Уже в верхней части гиттии солоноватоводные диатомовые становятся единичны; полностью доминируют пресноводные формы (Малаховский и др., 1993. С. 79). По торфу

Д. Б. Малаховский с соавторами получили две представительные серии радиоуглеродных датировок в интервале 3000–2800 ¹⁴C л.н. (Малаховский и др., 1989; 1993), древнейшие из которых фиксируют, очевидно, завершение литориновой трансгрессии.

По мнению Б. И. Кошечкина и И. М. Экмана (1993), в атлантическое время у Невского Лесопарка существовала лагуна Литоринового моря, где происходило накопление гиттии. При регрессии Литоринового моря началось накопление торфа с возрастом около 2900 ¹⁴C л.н., который, однако, является не наземным, как считал Д. Б. Малаховский, а представляет собой «...аллохтонное наслоение, образовавшееся в зоне, где воды протекавшей здесь пра-Тосны смешивались со слабо солоноватоводными водами лагунного озера» (Кошечкин, Экман, 1993. С. 59).

В контексте обсуждения эти различия в интерпретации разреза в Невском Лесопарке не существенны. Каждая из интерпретаций позволяет предполагать, что в этом разрезе зафиксировано завершение второй фазы литориновой трансгрессии около 3000 ¹⁴C л.н. Учитывая, что урез воды в Неве в районе Невского Лесопарка составляет около 1,0 м абсолютной высоты, оказывается, что около 3000 ¹⁴C л.н. уровень воды в Невской губе опустился несколько ниже этой отметки.

Близкие оценки дают и геохронологические данные с Охтинского мыса. К настоящему времени опубликованы результаты 43 ¹⁴C-определений абсолютного возраста по растительным остаткам и нагару на керамике из слоёв с находками эпохи первобытности (Кулькова и др., 2010. Табл. 2–4). Если исключить из них четыре экстремально древние и две самые молодые, остальные 37 образуют почти непрерывный и статистически довольно представительный ряд от 5100±100 (СПб_75) до 3150±100 (СПб_47). В этом ряду намечается небольшой пробел в интервале от 4650±140 л.н. (ЛЕ-8676) до 4480±100 л.н. (СПб_118), отвечающий, видимо, максимуму второй фазы литориновой трансгрессии.

Завершают ряд три датировки по растительным остаткам в интервале от 3370±100 л.н. (СПб_44) до 3150±100 л.н. (СПб_47). Очевидно, вне зависимости от того, характеризуют ли эти датировки возраст осадков, или они были получены по переотложенному материалу, седиментация на площадке Нижнеохтинской четырёхметровой террасы прекратилась после 3400–3100 ¹⁴C л.н. Это очень близко ко времени снижения уровня воды в районе Невского Лесопарка ниже 2,0 м абсолютной

высоты и начала формирования там торфяника. Весьма вероятно, что оба события знаменуют завершение второй фазы литориновой трансгрессии и снижение уровня воды в Невской губе ниже 1,0 м абсолютной высоты около 3000 ¹⁴C л.н.

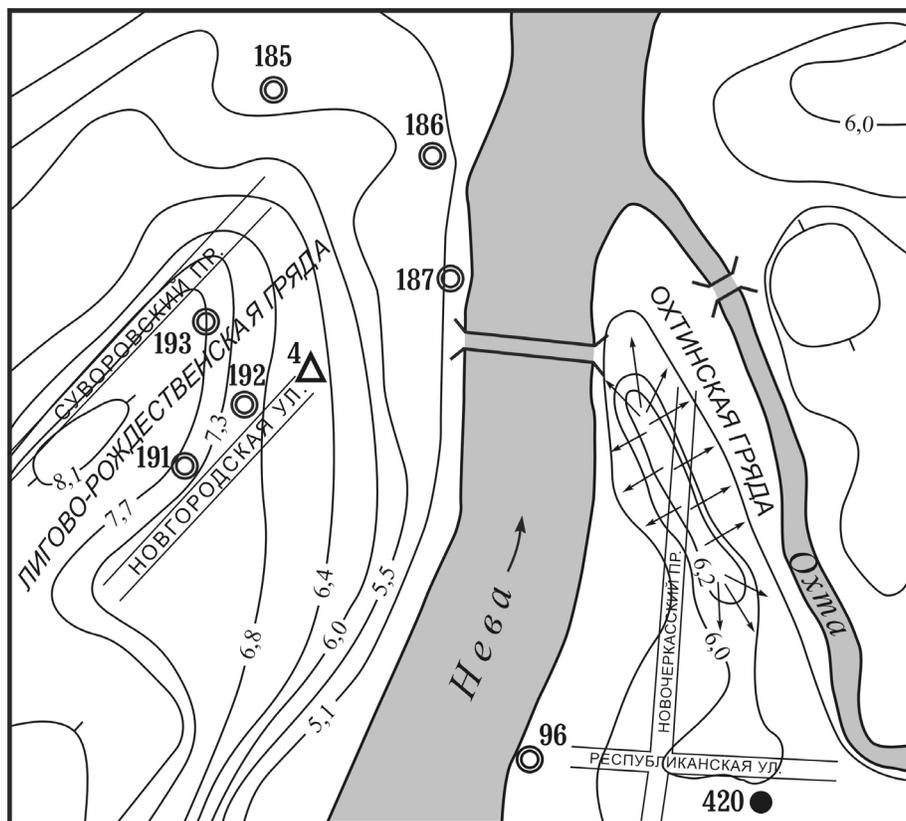
Сложно пока установить уровень воды в Невской губе во время регрессии, разделяющей первую и вторую фазы литориновой трансгрессии. С некоторой условностью он реконструируется по высотным отметкам кольев, забитых древними людьми на Охтинском мысу до начала второй фазы. Самые низкие из наблюдаемых нами кольев были забиты с отметок около 1,0 м абсолютной высоты или чуть выше (разрез № 6). Принимая, что на глубине более 1,50 м колья забивать трудно, получаем урез воды в Невской губе около 2,50 м абсолютной высоты. Близкую отметку имеет торфяник в разрезе в пределах Лигово-Рождественской гряды на углу Костромской ул. и Дегтярного переулка: он зафиксирован внутри литориновых отложений в интервале от +2,60 м до +2,80 м абсолютной высоты (Яковлев, 1926. Скв. № 191). Этот торфяник – единственное, правда, не очень достоверное, свидетельство субаэрального перерыва, разделяющего первую и вторую фазы литориновой трансгрессии на территории Санкт-Петербурга. Пока можно предполагать, что по завершении первой трансгрессивной фазы субаэральные условия установились выше отметок 2,50–3,0 м абсолютной высоты.

Палеогеографическая модель

Для корректной интерпретации палеогеографических условий формирования слоёв с находками на Охтинском мысу данных пока недостаточно. Неизвестно даже, какая из фаз литориновой трансгрессии была на территории Санкт-Петербурга максимальной. Возможно, судя по внутрилиторинному торфянику в разрезе скв. 191 (Яковлев, 1926), что это была вторая фаза. Тем не менее, предлагаемая модель может прояснить некоторые принципиальные вопросы.

Как видно на рис. 3, где приведен фрагмент топоосновы карты С. А. Яковлева (1926) масштаба в 1 дюйме – 250 саженей (в 1 см – 210 м) с горизонталями через 0,2 сажени (для удобства переведены в метры) в районе Большеохтинского моста сходятся две отчётливо выраженные в рельефе гряды.

Одна из них – на левом берегу Невы – получила название Лигово-Рождественская (Яковлев, 1926). Она протягивается почти от Смольного в юго-

0 210 420 630 км

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- 191 ○ скв. С.А. Яковлева (1926)
- 420 ● скв. ФГУП ПКГЭ
- 4 ▲ скв. О.М. Знаменской и Е.А. Черемисиновой (1974)
- Направления переноса осадочного материала по рукавам оттока наводнений

Рис. 3. Рельеф (согласно С. А. Яковлеву, 1926) и местоположение буровых скважин в северной части Лигово-Рождественской гряды и нижнего течения р. Охта

западном направлении вдоль Суворовского и Лиговского проспектов более чем на 5,3 км. Её абсолютная высота достигает 8,4–9,5 м при ширине от 1 до 2 км. Эта гряда сложена песками с «диагональной» слоистостью (Яковлев, 1926. С. 155). В её основании на отметках 0,0–0,50 м абсолютной высоты залегает погребенный торфяник, который был вскрыт многими скважинами, в том числе и скважиной О. М. Знаменской и Е. А. Черемисиновой (1974). Нет никаких сомнений в том, что Лигово-Рождественская гряда представляет собой береговой вал максимальной стадии литориновой трансгрессии (Яковлев, 1926; Марков, 1931).

Вторая гряда – на правом берегу Невы, назовём её Охтинской, протягивается параллельно руслу Охты от

ул. Республиканской до Красногвардейской площади, то есть почти до Охтинского мыса (рис. 3). Ширина этой гряды около 150–200 м, а её максимальная абсолютная высота составляет около 6,2 м.

В районе ул. Республиканской р. Охта делает очень крутой коленообразный поворот на 90 градусов и течёт почти параллельно Неве (рис. 3). Такие изгибы весьма характерны для низовий рек, впадающих в трансгрессировавшие бассейны: их русло отклоняется растущими береговыми валами, косами, баррами так, что они текут параллельно берегу бассейна, в который впадают.

К северу от ул. Республиканской, в треугольнике, ограниченном Невой и Охтой, долиториновые

погребённые торфяники не известны. Так, например, согласно С. А. Яковлеву (1926), в скв. 96 на углу Малоохтинского пр. и Тоневой улицы (на продолжении ул. Республиканской в сторону Невы) под насыпным слоем (1,0 м) в интервале 4,40–0,60 м абсолютной высоты была пройдена супесь с большим количеством растительных остатков (ср. с разрезами на Охтинском мысу). Ниже супесей залегает гиттия мощностью 0,40 м. Южнее ул. Республиканской к юго-западу от коленаобразного изгиба р. Охта в разрезе скв. 420 найден долиториновый погребенный торфяник (фондовые данные ФГУП ПКГЭ). Он имеет мощность около 0,50 м и залегает на отметке около 1,0 м абсолютной высоты. Следовательно, указанный треугольник вплоть до Охтинского мыса представляет собой молодую аккумулятивную форму, сместившую устье Охты к северу. Поскольку к началу второй фазы литориновой трансгрессии на Охтинском мысу был развит довольно расчленённый палеорельеф, эту аккумулятивную форму следует связывать, вероятно, с первой фазой литориновой трансгрессии. Принимая такое предположение, основные палеогеографические события на Охтинском мысу реконструируются следующим образом.

В конце атлантического времени Литориновое море регрессировало и урез воды в Невской губе не превышал 3,0 м абсолютной высоты. Охтинская гряда в это время возвышалась примерно на 3,0 м над уровнем воды; в ней рукавами оттока наводнения был выработан палеорельеф. Охтинский мыс тогда представлял собой отмель в приустьевой части палео-Охты. В дно этой отмели древними людьми были забиты колья. Субаэральная поверхность, на которой происходила хозяйственная активность древнего человека, могла быть локализована в пределах Охтинской гряды на отметках выше 3,0 м абсолютной высоты. С этой поверхности при завершении наводнений по рукавам оттока вместе с грубообломочным материалом сносились керамика и каменные орудия.

Привлекательность территории Охтинской гряды для древнего населения, возможно, объясняется палеорельефом: Лигово-Рождественская гряда возвышалась тогда почти на 6,0 м над уровнем воды и надёжно защищала устье Охты от ветра и штормов. При этом выход в открытое море находился совсем рядом – следовало только обогнуть Лигово-Рождественскую гряду в районе нынешнего Смольного.

На рубеже AT/SB около 4700 ¹⁴C л.н. началась вторая фаза литориновой трансгрессии. При

этом Охтинская гряда продолжала оставаться обитаемой, возможно с коротким перерывом в максимум трансгрессии около 4600–4500 ¹⁴C л.н. В это время по-прежнему продолжал функционировать механизм переноса, в том числе предметов материальной культуры, при наводнениях по рукавам оттока. Не исключено, что тогда происходили размыв и переотложение осадков и разновозрастные предметы оказались на одинаковых гипсометрических уровнях и даже в тех же самых слоях. Завершение второй фазы литориновой трансгрессии и прекращение седиментации на территории Охтинского мыса датируется временем, скорее всего, около 3000 ¹⁴C л.н.

Заключение

Дискуссионные и во многом трудно преодолимые проблемы интерпретации условий формирования слоёв с находками эпохи первобытности на Охтинском мысу со всей очевидностью показали совершенно недостаточную изученность голоценовых отложений территории Санкт-Петербурга и ряда аспектов, связанных с новейшей тектоникой нашего региона. Последний опорный разрез голоценовых отложений на территории города был изучен и опубликован О. М. Знаменской и Е. М. Черемисиновой более 35 лет назад и сейчас вызывает новые вопросы.

Задачи, подобные тем, что появляются при изучении голоцена Охтинского мыса, не могут быть решены на основе изучения одного типа разреза, хотя и во множестве сечений. История развития балтийских палеобассейнов, новейшие тектонические движения и палеоэкология древнего человека на территории Санкт-Петербурга могут быть реконструированы только путём изучения опорных разрезов. При этом необходимы знание формы геологических тел, образованных этими отложениями, и связи их с древним и современным рельефом. Эти задачи можно решить только геологическими методами.

Авторы благодарят П. Е. Сорокина за организацию наших работ в 2008–2009 гг., Н. Ф. Соловьеву и А. В. Суворова за содействие в проведении полевых экскурсий 2010 г., Е. С. Малясову за консультацию и помощь в определении ископаемых пыльцы и спор, а также М. Ю. Никитина, который в 2010 г. вновь привлёк наше внимание к проблемам голоцена Охтинского мыса.

Источники и литература

- Джиноридзе Р. Н., Гей Н. А., Ауслендер В. Г., Козырева М. Г., Малаховский Д. Б. 1991. Новые данные о палеогеографии Балтики // Вестник ЛГУ. Сер. 7. Вып. 2 (№ 14).
- Знаменская О. М., Вишневецкая Е. М., Клейменова Г. И., Малаховский Д. Б. 1980. Памятник неживой природы Ленинградской области – обнажение на Черной речке (по палинологическим и диатомовым исследованиям) // Проблемы охраны окружающей среды / Под ред. Н. В. Разумихина и К. Е. Иванова. Л.
- Знаменская О. М., Черемисинова Е. А. 1974. Развитие бассейнов восточной части Финского залива в поздне- и послеледниковое время // BALTICA. Т. 5. Вильнюс.
- Клейменова Г. И., Вишневецкая Е. М., Долуханов П. М., Латышева Н. М. 1988. К палеогеографии северо-восточного побережья Финского залива в среднем и позднем голоцене // Известия Всесоюзного географического общества. Т. 120. Вып. 4.
- Кошечкин Б. И., Экман И. М. 1993. Голоценовые трансгрессии Ладожского озера // Эволюция природных обстановок и современное состояние геосистемы Ладожского озера / Под ред. Н. Н. Давыдовой и Б. И. Кошечкина. СПб.
- Кулькова М. А., Сапелко Т. В., Лудикова А. В., Кузнецов Д. Д., Субетто Д. А., Нестеров Е. М., Гусенцова Т. М., Сорокин П. Е. 2010. Палеогеография и археология стоянок неолита – раннего металла в устье реки Охты (Санкт-Петербург) // Известия Русского Географического Общества. Т. 142. Вып. 6.
- Малаховский Д. Б., Арсланов Х. А., Гей Н. А., Джиноридзе Р. Н. 1993. Новые данные по возникновению Невы // Эволюция природных обстановок и современное состояние геосистемы Ладожского озера / Под ред. Н. Н. Давыдовой и Б. И. Кошечкина. СПб.
- Малаховский Д. Б., Гей Н. А., Джиноридзе Р. Н., Арсланов Х. А. 1989. К палеогеографии голоцена района Ленинграда (разрез у Невского лесопарка) // Вестник ЛГУ. 1989. Сер. 7. Вып. 1 (№ 7).
- Марков К. К. 1931. Развитие рельефа в северо-западной части Ленинградской области // Труды Главного Геологоразведочного управления. М.-Л. Вып. 117.
- Путеводитель экскурсий А-15, С-15. Ленинград и Ленинградская область.
- Сорокин П. Е., Гуснецова Т. М., Глухов В. О., Екимова А. А., Кулькова М. Н., Мокрушин В. П. 2009. Некоторые результаты изучения поселения Охта-1 в Санкт-Петербурге: эпоха неолита – раннего металла // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. СПб. Вып. 3. http://spbae.ru/neolith_2009.htm (18.05.2010).
- Субетто Д. А., Севастьянов Д. В., Савельева Л. А., Арсланов Х. А. 2002. Донные отложения озер ленинградской области как летопись Балтийских трансгрессий и регрессий // Вестник СПбГУ. Сер. 7. Вып. 4 (№ 31).
- Ульянова Т. Н. 1998. Сорные растения во флоре России и других стран СНГ. СПб.
- Энман С. В. 2005. Современные вертикальные движения земной поверхности на территории Санкт-Петербурга // Геоэкология. Инженерная геология. Гидрогеология. Геокриология. № 3.
- Ядута В. А. 2003. Новейшие и современные движения земной коры в С.-Петербурге и их роль в геологической опасности // Геологи – 300-летию Санкт-Петербурга. Сборник научных трудов. СПб.
- Яковлев С. А. 1926. Наносы и рельеф гор. Ленинграда и его окрестностей. Ч. I и II. Л.
- Arslanov Kh. A., Saveljeva L. A., Gey N. A., Klimanov V. A., Chernov S. B., Chernova G. M., Kuzmin G. F., Tertychnaya T. V., Subetto D. A., Denisenkov V. P. 1999. Chronology of vegetation and paleoclimatic stages of Northwestern Russia during the late glacial and Holocene // Radiocarbon. Vol. 41. N 1.
- Harf J., Frischbutter A., Lampe R., Meyer M. 2001. Sea-Level Change in the Baltic Sea: Interrelation of Climatic and Geological Processes // Geological perspectives of global climate change / Gerhard L. C. Harrison W. E., Hanson B. M. eds. ?.
- Malachovskij D. B., Delusin I. V. Gej N. A., Dginoridze R. N. 1996. Evidence from Neva valley, Russia, of the Holocene history of Lake Ladoga // Fennia. Vol. 174, N 1.
- Miettinen A. 2004. Holocene sea-level changes and glacio-isostasy in the Gulf of Finland, Baltic Sea // Quaternary international. Vol. 120.

Список сокращений

ГАИМК	Государственная Академия истории материальной культуры
ГОО ИИМК РАН	Группа охранной археологии ИИМК РАН
ИАК	Императорская археологическая комиссия
ИИМК РАН	Институт истории материальной культуры РАН, г. Санкт-Петербург
ИПГД	Известия Петроградской Городской Думы, Санкт-Петербург
КГИОП	Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Правительства Санкт-Петербурга
ЛОИА АН СССР	Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
РАН	Российская академия наук
СА	Советская археология